Русскіе путешественники-изслѣдователи

Мореплаватели

Арктическіе и Кругосвѣтные.

М. А. Лялиной

Изданіе А[illegible]вріена

С. П. Б.

РУССКІЕ

МОРЕПЛАВАТЕЛИ

АРКТИЧЕСКІЕ И КРУГОСВѢТНЫЕ.

РУССКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ-ИЗСЛѢДОВАТЕЛИ.

РУССКІЕ
МОРЕПЛАВАТЕЛИ
АРКТИЧЕСКІЕ И КРУГОСВѢТНЫЕ.

ПУТЕШЕСТВІЯ

В. Беринга, Г. Сарычева, Ф. П. ф.-Врангеля, гр. Ф. П. Литке, Пахтусова, А. Э. Норденшельда, И. Ф. Крузенштерна и Ф. Ф. Беллинсгаузена.

ОБРАБОТАНЫ
ПО ПОДЛИННЫМЪ ИХЪ СОЧИНЕНІЯМЪ
М. А. ЛЯЛИНОЙ.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.
Съ 110 рисунками и картою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. ДЕВРІЕНА.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв № 984

Оглавленіе.

стр.

Введеніе 1

Мореплаватели арктическіе.

Двѣ морскія экспедиціи капитанъ-командора Беринга къ восточнымъ берегамъ Сибири 5

Путешествіе флота капитана Сарычева по сѣверо-восточной части Сибири, Ледовитому и Восточному океанамъ въ продолженіи восьми лѣтъ подъ начальствомъ флота капитана Биллингса 1785—1793..... 28

Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и Ледовитому морю, совершенное Фердинандомъ Ф. Врангелемъ въ 1820—24 годахъ.. 98

Четырехкратное путешествіе графа Ѳедора Петровича Литке къ Новой Землѣ..... 207

Двукратное путешествіе поручика Пахтусова къ Новой Землѣ.... 249

Путешествіе барона Адольфа Эрика Норденшельда..... 267

Мореплаватели кругосвѣтные.

Первое плаваніе русскихъ вокругъ свѣта подъ начальствомъ И. Ѳ. Крузенштерна въ 1803—1806 годахъ..... 317

Двукратныя изысканія въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ и плаваніе вокругъ свѣта капитанъ-лейтенанта Беллинсгаузена..... 371

РУССКІЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ

АРКТИЧЕСКІЕ.

Введеніе.

Ледовитый океанъ съ давнихъ поръ привлекалъ отважныхъ мореплавателей. Начиная съ XVI вѣка, три великія мореходныя націи: Англія, Голландія и Данія, послѣдовательно одна за другой, посылали экспедиціи въ Сѣверный Ледовитый океанъ для отысканія кратчайшаго пути въ Индію и Китай. Но всѣ эти экспедиціи не имѣли успѣха; сплошные льды не допускали ихъ проникнуть на востокъ и онѣ, почти всѣ, достигнувъ Новой Земли, возвращались обратно. Русскимъ людямъ принадлежитъ честь открытія и описанія огромнаго пространства, лежащаго между Бѣлымъ моремъ и Беринговымъ проливомъ.

Еще въ XI вѣкѣ предпріимчивые новгородцы ходили на своихъ ладьяхъ изъ Бѣлаго моря съ устья Печоры къ Новой Землѣ, о которой они слыхали отъ обитавшаго по берегамъ Бѣлаго моря племени Чуди. Ходили они туда, главнымъ образомъ, для добыванія моржевой и мамонтовой кости. Иные привлекаемы были разсказами о несмѣтныхъ минеральныхъ богатствахъ этого края, объ изобиліи серебра, которое, будто бы, въ видѣ накипи выходило на поверхность земли. Многіе государственные люди увлекались этими баснями и снаряжали экспедиціи на свой счетъ.

Позднѣе, съ одобренія правительства, военно-служащіе отправлялись на кочахъ*) вдоль морскаго берега, къ устьямъ большихъ рѣкъ, покоряли инородцевъ и налагали на нихъ ясакъ (подать). Много было экспедицій смѣшаннаго характера. Богатые промышленники снаря-

Древне-русская ладья.

жали суда, а правительство давало имъ штурмановъ, которымъ поручались научныя изслѣдованія.

Не мало открытій въ географической области было сдѣлано случайно**). Казакъ Семенъ Дежневъ въ 1654 г., состоя товарищемъ купца Холмогорцева, первый обогнулъ

*) Плоскодонная барка.

**) Сбитый съ пути бурею норманскій разбойникъ доставилъ первое свѣдѣніе объ Исландіи. Колумбъ въ поискахъ ближайшаго морского пути въ В. Индію наткнулся на Америку. Нѣтъ сомнѣнія, что Новая Земля открыта русскими. Первые изъ посѣтившихъ ее иностранцевъ нашли тамъ кресты со славянскими надписями.

восточную оконечность Азіи и на простомъ кочѣ проплылъ проливъ, раздѣляющій Старый и Новый Свѣтъ. Этотъ проливъ былъ вторично открытъ Берингомъ 80 лѣтъ спустя и получилъ его имя.

Дежневъ, очень хорошо понимавшій важность сдѣланнаго имъ открытія, послалъ о немъ донесеніе въ адмиралтейство. Но адмиралтейство не обратило на него должнаго вниманія и уже впослѣдствіи, послѣ вторичнаго открытія пролива, донесеніе это было найдено академикомъ Миллеромъ. Не затеряй его адмиралтейство, задача Беринга значительно упростилась бы.

Со временъ Петра Великаго начинается рядъ полярныхъ экспедицій, снаряженныхъ съ чисто научными цѣлями. Къ сожалѣнію, всѣ эти экспедиціи были плохо организованы и скудно снабжены, почему онѣ и не достигали намѣченной цѣли. Мы не станемъ утруждать читателя перечисленіемъ именъ всѣхъ тружениковъ, послужившихъ наукѣ, а остановимся лишь на тѣхъ, труды и открытія которыхъ составили эпоху въ исторіи русскаго мореплаванія.

ПУТЕШЕСТВІЕ КАПИТАНЪ-КОМАНДОРА ВИТУСА БЕРИНГА.

Двѣ морскія экспедиціи Беринга къ восточнымъ берегамъ Сибири.

ПЕРВАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

Соединяется ли Азія съ Америкой?

Если весь свѣтъ воздаетъ хвалу Колумбу и Куку, то русскіе люди обязаны чтить память своего мореплавателя, Беринга, которому принадлежитъ честь открытія пролива, раздѣляющаго два свѣта: Старый и Новый. Кромѣ того, Берингъ былъ первымъ мореплавателемъ, посѣтившимъ моря Камчатское и Бобровое, названное потомъ его именемъ. Онъ же открылъ Алеутскіе острова, острова Шумагинскіе, Туманные, сѣверо-западную часть Америки и гору Св. Иліи. Всѣ эти подвиги знаменательны для Россіи потому, что они возбудили предпріимчивость сибирскихъ жителей, положили начало торговлѣ и мореплаванію и послужили основаніемъ къ образованію русскихъ колоній.

Витусъ Берингъ, родомъ датчанинъ, родился въ 1680 году. Поступивъ въ русскую службу въ 1704 г., онъ прослужилъ русскому флоту цѣлыхъ 37 лѣтъ. Въ молодости Берингъ ходилъ въ Англію, въ Индію и пріобрѣлъ репутацію хорошаго моряка, что и побудило Петра I пригласить его на русскую службу.

Когда императоръ былъ въ Голландіи, тамошніе ученые просили его снарядить экспедицію для рѣшенія занимавшаго весь цивилизованный міръ вопроса: соединяется ли Америка съ Азіей или нѣтъ? Съ такой же просьбой обратилась къ Его Величеству, какъ къ своему сочлену, французская академія.

Внѣшнія войны и внутреннія преобразованія долго отвлекали Петра отъ этой задачи; наконецъ онъ рѣшилъ заняться ею и повелѣлъ снарядить экспедицію подъ начальствомъ капитана Беринга, давъ ему въ сотрудники лейтенантовъ Чирикова, Шпанберга и мичмана Чаплина.

Января 24-го 1725 г. экспедиція покинула Петербургъ и, пріѣхавъ въ Вологду, узнала о смерти императора. 16-го Февраля всѣ члены экспедиціи выѣхали изъ Вологды и ровно черезъ мѣсяцъ благополучно прибыли въ Тобольскъ.

При отсутствіи рельсовыхъ путей и пароходовъ, путешествіе было крайне затруднительно; приходилось ѣхать сухимъ путемъ по ужаснымъ дорогамъ или тянуться по рѣкамъ бичевою. Только въ Іюнѣ слѣдующаго 1726 года экспедиція добралась до Якутска.

Тотчасъ по прибытіи, Берингъ послалъ водою въ Охотскъ лейтенанта Шпанберга и съ нимъ 204 человѣка команды; тяжести отправилъ на лошадяхъ, а самъ съ Чаплинымъ поѣхалъ верхомъ. Пробывъ въ дорогѣ 45 дней, онъ благополучно добрался до Охотска.

Не такъ удачно было путешествіе Шпанберга. Застигнутый зимою на полпути, онъ долженъ былъ бросить суда и со всею командою ѣхать сухимъ путемъ, съ тру-

домъ добывая лошадей. Продовольствія не хватило и путники чуть не умерли съ голоду.

Но самыя ужасныя испытанія выпали на долю тяжелаго транспорта; изъ 500 лошадей пало отъ истощенія 267; люди же принуждены были ѣсть ремни, кожи, кожаные штаны и подошвы.

Добравшись до Охотска, несчастные походили на выходцевъ съ того свѣта; изъ уцѣлѣвшихъ лошадей пало еще 121; изъ 11 быковъ — дошелъ одинъ.

Вообще, экспедиція была снаряжена плохо, отчего между людьми происходили частыя возмущенія. Когда Берингъ сдѣлалъ распоряженіе о выступленіи части отряда въ Камчатку, люди съ ожесточеніемъ говорили: „Капитанъ посылаетъ насъ и нагихъ, и босыхъ, и безъ жалованья на вѣрную смерть". Узнавъ объ этомъ, Берингъ сказалъ: „Жалованье имъ слѣдуетъ получать изъ Якутска, а не отъ меня. Мнѣ самому не сладко: въ дорогѣ пало 500 лошадей; я же буду отвѣчать за нихъ".

Въ началѣ Августа прилетѣло къ Охотску съ моря множество утокъ. Подъ вечеръ, обыватели на 20 ботахъ по 5—6 человѣкъ въ каждомъ, отправились верстъ за 6, за 7 на пустынный берегъ и ночевали тамъ. Рано утромъ охотники выплыли довольно далеко въ море и встрѣтивъ стаю утокъ, начали подгонять ихъ къ берегу. Бѣдныя птицы покорялись своей участи, такъ какъ большинство было съ выводками, не умѣвшими еще летать. Загнавъ утокъ въ бухточку, ихъ окружили ботами и заперли въ ожиданіи отлива. Къ этому времени прибыли изъ города толпы народа. На обмелѣвшей бухтѣ ничего не стоило колоть, давить несчастныхъ птицъ и даже брать ихъ живьемъ. Сколько досталось на долю обывателей — неизвѣстно; но посланная на охоту команда привезла ихъ до 3000; многимъ конечно удалось улетѣть.

Прошло уже два года со времени отправленія изъ столицы, а настоящей экспедиціи еще не начиналось. Въ

Нижне-Камчатскѣ строилось судно, но отъ Охотска до Камчатки не на чемъ было доѣхать. Наконецъ построили галіотъ „Фортуна“, починили какой то старый ботъ, и на этихъ судахъ Берингъ съ командою поплылъ въ Камчатку. Въ устьѣ рѣки Большой застала его зима и въ г. Большерѣцкѣ ему пришлось зимовать.

Въ Декабрѣ принесло къ устью рѣки мертваго кита. Люди, посланные за саломъ, привезли его до 200 пудовъ.

4-го Января 1728 г. Берингъ отправилъ на 78 саняхъ разные припасы и провіантъ на восточный берегъ Камчатки въ Нижне-Камчатскъ, отстоящій отъ Большерѣцка на 833 в., а 14-го числа выѣхалъ самъ съ командою.

Еслибъ Берингъ отправился изъ Охотска въ Нижне-Камчатскъ моремъ, онъ выигралъ бы два года, и бѣднымъ камчадаламъ не пришлось бы перевозить тяжести черезъ всю Камчатку. Но онъ не сдѣлалъ этого, имѣя, конечно, на то основательныя причины, которыя, однако-же, историками не разъяснены.

9-го Іюля спустили на воду строившійся въ Н.-Камчатскѣ ботъ и назвали его „Гавріиломъ“. 13-го Іюля Берингъ съ тремя офицерами и 40 человѣками команды вышелъ на новопостроенномъ ботѣ въ море.

Погода стояла хорошая и путешествіе было пріятно. Въ морѣ плавало много китовъ, моржей и сивучей.

20-го Іюля ботъ проходилъ ввиду острова Верхотурова, имѣвшаго свою исторію. Въ 1705 г. нѣкто Верхотуровъ, прикащикъ купца Протопопова, плавая въ этихъ водахъ, увидалъ на небольшомъ, крутомъ и каменистомъ островѣ коряцкій острогъ. Не долго думая, онъ напалъ на него, но неудачно. Коряки храбро защищались, убили Верхотурова и всѣхъ его товарищей, исключая двухъ или трехъ, которые успѣли спастись въ лодкахъ*).

На сѣверъ отъ острова Верхотурова, противъ Олю-

*) Статья Миллера въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“ 1758 года.

торской губы, лежитъ другой островъ, на которомъ, по преданію, водилось много чернобурыхъ лисицъ. Туземцы считали этихъ животныхъ священными и изъ опасенія навлечь на себя несчастіе не убивали ихъ.

Обогнувъ мысъ св. Ѳаддея, ботъ „Гавріилъ“ вступилъ въ Анадырскій заливъ. Историкъ полагаетъ, что Берингъ не зналъ, гдѣ находится; иначе онъ не упустилъ бы случая побывать въ Анадырскомъ острогѣ, чтобъ запастись провизіей, налиться водою и разузнать о положеніи береговъ. Анадырскій острогъ, уничтоженный въ 1760 г., тогда еще существовалъ и находился всего въ 58 верстахъ отъ моря, на берегу рѣки.

Пройдя Анадырскій заливъ, экспедиція достигла полуострова, названнаго Берингомъ Чукотскимъ.

Капитанъ Кукъ говоритъ: „Мысъ Чукотскій получилъ названіе отъ Беринга послѣ свиданія его съ чукчами. Слѣдуетъ воздать справедливую похвалу памяти почтеннаго капитана Беринга. Наблюденія его такъ точны и положеніе береговъ означено такъ правильно, что съ тѣми несовершенными инструментами, которыми онъ располагалъ, нельзя было сдѣлать ничего лучшаго. Широта и долгота опредѣлены такъ вѣрно, что надобно удивляться“.

Недалеко отъ Чукотскаго мыса, Берингъ увидалъ маленькую бухту и велѣлъ бросить якорь, чтобъ запастись водою. Это было 6-го Августа и потому бухта получила названіе Преображенской. Берингъ и не подозрѣвалъ, что находится у цѣли своихъ стремленій. Обогнувъ Чукотскій мысъ, онъ шелъ по проливу, раздѣляющему два свѣта, не вѣдая о томъ.

Когда судно стояло въ Преображенской бухтѣ, въ ожиданіи Чаплина, уѣхавшаго на берегъ за водою, въ морѣ показалась лодка и въ ней 8 человѣкъ. Два коряцкихъ толмача, бывшихъ на ботѣ, вступили съ этими людьми въ разговоръ и, узнавъ, что это чукчи, стали звать ихъ на ботъ. Послѣ нѣкоторой нерѣшительности

чукчи высадили одного человѣка, который на надутыхъ пузыряхъ подплылъ къ судну и взошелъ на него. Чукча разсказывалъ, что на берегу живетъ много его одноземцевъ и что про русскихъ они слыхали. Сообщалъ онъ также, что въ ясный день виденъ бываетъ съ берега островъ. Получивъ отъ Беринга нѣсколько подарковъ, чукча поплылъ обратно. Толмачи слышали, какъ онъ уговаривалъ товарищей подплыть къ судну, и они, потолковавъ между собою, рѣшились на это, но на судно не взошли.

10-го Августа, въ день св. Лаврентія, открытъ былъ новый островъ, который и названъ этимъ именемъ.

Островъ этотъ имѣетъ очень оригинальный видъ. Онъ состоитъ изъ отдѣльно стоящихъ горъ, раздѣленныхъ низменностями; издали можно принять его за цѣлый архипелагъ острововъ. Въ эту ошибку впалъ англичанинъ Спидъ, причемъ онъ перебралъ всѣ святцы для пріисканія именъ воображаемымъ островамъ. Русскій мореплаватель Сарычевъ, человѣкъ умный и дѣльный, поправилъ эту ошибку, основательно описавъ островъ.

Наконецъ 15-го Августа экспедиція достигла того мѣста на Чукотскомъ полуостровѣ, откуда земля начала уклоняться къ западу. Проплывъ еще 200 миль къ сѣверу, Берингъ рѣшилъ, что онъ достигъ самаго края Азіи и что „ежели берегъ сталъ отклоняться къ западу, то невозможно ему соединяться съ Америкою“ *). Объявивъ офицерамъ, что онъ исполнилъ данную ему инструкцію, онъ велѣлъ повернуть въ Камчатку. За позднимъ временемъ плыть дальше къ сѣверу онъ не рѣшился изъ опасенія быть затертымъ льдами.

Очень жаль, что въ журналѣ Чаплина, изъ котораго мы заимствуемъ настоящія свѣдѣнія, не упомянуто, видѣлъ ли Берингъ льды или нѣтъ. Изъ наблюденій позд-

*) Статья академика Миллера.

нѣйшихъ мореплавателей и изъ разсказовъ чукчей видно, что Беринговъ проливъ свободенъ отъ льдовъ до Октября мѣсяца. Когда очищается проливъ, то черезъ него плыветъ къ сѣверу множество китовъ, моржей, сивучей, тюленей и разныхъ рыбъ. Эти животныя остаются въ сѣверныхъ моряхъ до Октября мѣсяца и потомъ возвращаются обратно.

Приходится сожалѣть и о томъ, что Чаплинъ не сообщаетъ впечатлѣній, которыя испытывали путешественники, достигнувъ цѣли. Несомнѣнно, что 15-е Августа было для всѣхъ днемъ великимъ, оставившимъ по себѣ неизгладимыя воспоминанія. Повидимому, Берингъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, былъ человѣкъ холодный и несообщительный, что, разумѣется, отражалось на расположеніи духа его спутниковъ. За то скромность его замѣчательна. Ни одной мѣстности онъ не ознаменовалъ своимъ именемъ и тотъ проливъ, открытіе котораго разрѣшило важную географическую задачу, былъ названъ Беринговымъ другимъ мореплавателемъ, Кукомъ, посѣтившимъ его позднѣе. Великимъ душамъ чуждо чувство зависти и знаменитый Кукъ всегда отдавалъ справедливость своему предшественнику на поприщѣ открытій, безсмертному предводителю первой русской морской экспедиціи!

Продолжая обратный путь, Берингъ 16-го Августа открылъ новый островъ, который назвалъ островомъ св. Діомида.

20-го Августа къ судну опять подъѣзжали чукчи, оказавшіеся болѣе сообщительными, чѣмъ ихъ собраты изъ Преображенской губы. Они привезли оленьяго мяса, воды, мѣха, четыре моржевыхъ зуба и сообщили, что по берегу морскому и далеко внутрь страны все живутъ люди ихъ рода.

2-го Сентября утромъ ботъ „Гавріилъ“ благополучно вошелъ въ устье рѣки Камчатки и бросилъ якорь.

Во все время экспедиціи погода замѣчательно благопріятствовала плаванію. Судно не потерпѣло ни одной бури и если встрѣчались противные вѣтры, то по большей части умѣренные. Это обстоятельство особенно важно, если принять во вниманіе несовершенство оснастки судовъ того времени. Такъ какъ отъ Якутска до Охотска надобно было совершать большую часть пути верхомъ, да еще по ужаснѣйшимъ дорогамъ, то канаты и даже тонкіе снасти разсучивали, а якоря разбивали и потомъ сваривали вновь въ Охотскѣ. Подобными снастями и якорями снабжались всѣ охотскія суда до 1817 г., когда отправился изъ Кронштадта Головнинъ съ такелажемъ и разными припасами для охотскихъ и камчатскихъ портовъ.

Въ то время никто еще не зналъ навѣрно, какъ далеко отстоитъ Америка отъ азіатскаго материка. По нѣкоторымъ даннымъ, собраннымъ во время перезимовки въ Н.-Камчатскѣ, Берингъ вывелъ заключеніе, что Новый Свѣтъ находится близко и захотѣлъ удостовѣриться въ этомъ. Весною онъ велѣлъ готовить суда „Гавріилъ“ и „Фортуна“, посадилъ на нихъ свою команду и 6-го Іюня (1729 г.) вышелъ въ море, взявъ курсъ на юго-востокъ.

Еслибъ погода благопріятствовала мореплавателю, онъ вскорѣ увидѣлъ бы островъ, сдѣлавшійся его могилою, но крѣпкій вѣтеръ и мракъ отклоняли его отъ настоящаго курса. Не надѣясь, чтобы слабый ботъ и плохой такелажъ выдержали столь продолжительный крѣпкій вѣтеръ, онъ повернулъ въ Большерѣцкъ, куда и прибылъ 3-го Іюля.

Огибая Камчатку, онъ плылъ большимъ Курильскимъ проливомъ, которымъ обыкновенно проходили суда. Въ 1730 г. случилось сильное землетрясеніе, совершенно измѣнившее очертанія береговъ. По свидѣтельству очевидцевъ валы были такъ велики, что поднимались надъ

берегомъ саженъ на 30 и заливали его. Много людей погибло, а тѣ, которые остались въ живыхъ, въ конецъ раззорились. Землетрясеніе продолжалось съ перерывами слишкомъ 13 мѣсяцевъ. Въ Нижне-Камчатскѣ удары были такъ сильны, что большинство печей развалилось, а новая церковь, построенная изъ чрезвычайно толстаго лиственничнаго лѣса такъ расшаталась, что косяки дверные выпали вонъ. Особенно сильны были удары вблизи горящихъ сопокъ.

Большую честь дѣлаетъ Берингу и Чаплину точность, съ которою они вели корабельное счисленіе. Пробывъ въ пути отъ Нижне-Камчатска до Большерѣцка 26 сутокъ, при противныхъ вѣтрахъ, они не сдѣлали ни малѣйшей ошибки въ долготѣ.

24-го Іюля пришелъ ботъ „Гавріилъ“ въ Охотскъ, а 29-го Берингъ двинулся сухимъ путемъ въ Петербургъ, куда и прибылъ 1-го Марта 1730 г., ровно черезъ пять лѣтъ по отъѣздѣ своемъ оттуда.

ВТОРАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.

Плаваніе къ американскимъ берегамъ. Крушеніе судна. Смерть Беринга.

Прибывъ въ Петербургъ и представивъ правительству журналы свои и карты, Берингъ предложилъ вторично отправиться въ Камчатку, обозрѣть положеніе американскихъ береговъ и установить торговыя сношенія съ Америкой и Японіей. Предложеніе его было разсмотрѣно, одобрено и въ Апрѣлѣ 1733 г. послѣдовало именное повелѣніе императрицы Анны Іоанновны о снаряженіи новой экспедиціи подъ начальствомъ Беринга, получившаго чинъ командора.

Нѣкоторые изъ членовъ адмиралтействъ-коллегіи предлагали отправить экспедицію въ Камчатку моремъ.

Еслибъ подобный планъ осуществился, то Берингъ не потерялъ бы 7 лѣтъ, потраченныхъ на передвиженіе и постройку 4-хъ мореходныхъ судовъ и не обременилъ бы несчастныхъ сибирскихъ инородцевъ перевозкою тяжестей. Но предложеніе членовъ коллегіи было почему то отвергнуто и Берингъ съ командою въ 200 слишкомъ человѣкъ отправился сухимъ путемъ.

Въ началѣ 1733 года выѣхалъ онъ изъ Петербурга на новый и послѣдній подвигъ. Впослѣдствіи онъ сознавался, что, въ увлеченіи, не соразмѣрилъ своихъ силъ. Послѣ безчисленныхъ затрудненій и препятствій онъ прибылъ въ Охотскъ, гдѣ построилъ 4 судна, изъ которыхъ два: „Св. Петръ“ и „Св. Павелъ“ предназначались для команды, и два для провіанта.

Только въ 1740 году Сентября 4-го экспедиція могла выйти въ море.

Достигнувъ Авачинской губы на восточной сторонѣ Камчатки, суда встали на зимовку. Прекрасный Авачинскій портъ Берингъ назвалъ въ честь своихъ судовъ Петропавловскимъ.

4-го Іюня 1741 г. экспедиція вышла изъ Петропавловской гавани. 20-го числа буря разлучила Беринга и Чирикова, командовавшаго судномъ „Св. Павелъ“ и несмотря на обоюдныя старанія, они не могли отыскать другъ друга.

18-го Іюля Берингъ увидѣлъ берегъ Америки. За три дня передъ тѣмъ Чириковъ находился у того же берега. Онъ посылалъ, поочередно, на материкъ шлюпку и лодку съ семнадцатью человѣками, но ни шлюпка, ни лодка не возвратились. Надо полагать, что люди были убиты туземцами. Прождавъ ихъ очень долго, Чириковъ собралъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было возвратиться въ Камчатку.

Въ то же время и Берингъ пытался познакомиться съ землей, къ которой прибылъ. Онъ также отправилъ двѣ лодки, но онѣ тотчасъ же возвратились. Туземцы, завидя чужихъ людей, убѣжали, а путешественники не рѣшились слѣдовать за ними внутрь страны.

Съ 21-го Іюля до 2-го Сентября Берингъ крейсировалъ между островами вдоль американскаго берега. Неизвѣстность фарватера при близости острововъ угрожала

Авачинская губа на восточной сторонѣ Камчатки.
(По атласу Гр. Литке).

опасностью боту и мѣшала его ходу. Во время ночи приходилось испытывать странныя измѣненія морской поверхности. Судно плыло то по бурнымъ волнамъ, то по совершенно спокойной водѣ, хотя ни погода, ни вѣтеръ не перемѣнялись. Тишь продолжалась иногда по нѣсколько часовъ; потомъ вдругъ начиналось такое волненіе, что лоцманъ едва могъ править ботомъ.

3-го Сентября, на одномъ изъ острововъ, мореплава-

тели увидали туземцевъ, которые знаками приглашали ихъ выйти на берегъ. Русскіе, въ свою очередь, приманивали туземцевъ и, чтобъ расположить ихъ къ себѣ, бросили имъ нѣсколько подарковъ. Убѣдившись, что дикари трусятъ, лейтенантъ Ваксель, взявъ толмача коряка и 10 вооруженныхъ матросовъ, сѣлъ въ шлюпку и отправился на берегъ.

Дикари очень ласково встрѣтили гостей и угостили ихъ китовымъ мясомъ. Вѣроятно они прибыли сюда для рыбной ловли, такъ какъ на берегу не видно было ни жилья, ни женщинъ, а только опрокинутыя байдарки.

Верхнее платье туземцевъ сшито было изъ китовыхъ кишекъ; штаны — изъ кожъ морскихъ собакъ; на шапкѣ — изъ кожъ морскихъ львовъ — красовались соколиныя перья. Лица раскрашены были красной краской, а носы заткнуты травой; оружія не было. Во время прогулки, дикари вырывали изъ земли какіе то коренья и отряхнувъ землю, ѣли ихъ.

Одинъ старикъ, повидимому старшина, изъявилъ желаніе побывать на шлюпкѣ. Здѣсь ему поднесли чарку водки, но водка такъ не понравилась старику, что онъ выплюнулъ ее и закричалъ, какъ бы жалуясь товарищамъ, что его обижаютъ. Чтобы успокоить дикаря, ему предлагали бусы, желѣзный котелъ, трубки, но онъ отъ всего отказывался и спѣшилъ на островъ.

Между тѣмъ на берегу оставалось двое русскихъ и переводчикъ корякъ. Послѣ исторіи со старшиной, дикари такъ разъярились, что не хотѣли отпустить своихъ гостей. Русскіе кое-какъ перебрались на шлюпку, а корякъ остался въ рукахъ американцевъ. Нѣкоторые изъ нихъ схватились за канатъ, которымъ привязана была шлюпка, и принялись тащить, предполагая вѣроятно, что шлюпку также легко вытащить на берегъ, какъ байдарку. Ваксель, командовавшій шлюпкой, приказалъ перерубить канатъ. Увидавъ это, переводчикъ-корякъ закричалъ

Избавленіе коряка отъ американскихъ дикарей.

благимъ матомъ, умоляя не оставлять его въ рукахъ дикарей.

Какъ ни просили русскіе, выражаясь знаками, чтобъ отпустили коряка, дикари только мотали головами и еще крѣпче держали своего плѣнника. Чтобы сломить упорство туземцевъ, Ваксель приказалъ выстрѣлить изъ двухъ ружей. Эта мѣра увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Отъ шума выстрѣла, повтореннаго эхомъ, дикари упали на землю, а корякъ, воспользовавшись ихъ смятеніемъ, вырвался и побѣжалъ къ шлюпкѣ.

Скоро дикари оправились и знаками стали выражать желаніе помириться, но Ваксель не счелъ нужнымъ обратить на нихъ вниманіе. Наступила ночь, море начало бушевать и шлюпка направилась къ судну, стоявшему довольно далеко отъ берега.

На другой день семеро дикарей на одномѣстныхъ байдаркахъ подплыли къ боту и въ знакъ мира привезли подарки: двѣ шапки съ соколиными перьями и вырѣзанную изъ кости фигуру. Ихъ щедро отдарили и отпустили. Когда „Св. Петръ“ снялся съ якоря и пошелъ мимо острова, дикари громко кричали. Были ли то привѣтствія или угрозы — неизвѣстно.

Съ этого дня начались бѣдствія всякаго рода. Корабль пошелъ на югъ, но поднявшаяся буря отбросила его на ЮВ. Буря продолжалась 17 дней безъ малѣйшаго перерыва и была такъ сильна, что, по увѣренію лоцмана Гессельберга, онъ никогда такой не видывалъ, хотя въ теченіе 50 лѣтъ плавалъ по всѣмъ морямъ земного шара.

Къ одной бѣдѣ присоединилась другая. Матросы стали заболѣвать цынгою и болѣзнь дѣйствовала такъ сильно, что почти каждый день кто нибудь умиралъ. Можно было опасаться, что скоро не хватитъ людей для службы бота.

Въ такомъ печальномъ положеніи находилась экспедиція, когда Берингъ собралъ совѣтъ и предложилъ на

обсужденіе: идти ли зимовать къ американскимъ берегамъ, или возвратиться въ Камчатку. Рѣшили возвратиться и это была большая ошибка. Американскій берегъ былъ гораздо ближе, чѣмъ Петропавловская гавань и рѣшись Берингъ тамъ зимовать, онъ, можетъ быть, избѣжалъ бы катастрофы; но онъ долженъ былъ покориться рѣшенію совѣта.

Едва подулъ благопріятный вѣтеръ, судно пошло на сѣверъ, а послѣ 15 Октября повернуло на западъ. Два неизвѣстные острова, встрѣтившіеся на пути, моряки приняли за Курильскіе острова. Благодаря такой ошибкѣ, опять пошли на сѣверъ и уклонились отъ прямого пути. Еслибъ ботъ проплылъ еще два дня на западъ, онъ былъ бы въ Петропавловской гавани.

Эта ошибка повлекла за собой самыя гибельныя послѣдствія. Напрасно поворотили опять на западъ; береговъ Камчатки не было видно. Между тѣмъ, цынга такъ свирѣпствовала, что рулевого поддерживали у руля подъ руки, а когда онъ выбивался изъ силъ, его замѣнялъ такой же больной. Не смѣли поднимать парусовъ, потому что некому было бы спустить ихъ. Притомъ паруса были такъ ветхи, что первый порывъ вѣтра разорвалъ бы ихъ въ клочки, а замѣнить новыми, имѣвшимися въ запасѣ, не хватало рукъ.

За безпрерывнымъ дождемъ послѣдовали градъ и снѣгъ. Ночи становились длиннѣе и темнѣе; каждую минуту можно было сѣсть на мель. Запасъ воды истощался, приходилось удѣлять ее скудными порціями, что было невыносимо для больныхъ, мучимыхъ жаждою. Матросы, оставшіеся здоровыми, должны были работать за десятерыхъ. Они положительно выбивались изъ силъ и призывали смерть, какъ избавительницу отъ мученій. Бывали дни, когда ботъ, за недостаткомъ рукъ, стоялъ неподвижно, или двигался только по волѣ вѣтра и теченія. Экипажъ былъ близокъ къ отчаянію.

Въ это тяжелое время, много находчивости и присутствія духа выказалъ лейтенантъ Ваксель. Онъ увѣщевалъ матросовъ надѣяться на Божью помощь и убѣждалъ трудиться до послѣдней возможности, чтобы содѣйствовать общему избавленію. Слова, а еще болѣе примѣръ мужественнаго лейтенанта, ободряли матросовъ и они дѣлали все, что могли.

Судно продолжало идти на западъ ощупью. Ни широта мѣста, ни разстояніе отъ Камчатки не были извѣстны мореплавателямъ.

4-го Ноября увидѣли землю. При видѣ ея матросы оживились. Но такъ какъ приближалась ночь, а берегъ былъ незнакомъ, то сочли за лучшее остановиться въ открытомъ морѣ. На другой день утромъ всѣ снасти на лѣвой сторонѣ бота оказались порванными. Ваксель пошелъ доложить объ этомъ Берингу, который лежалъ въ каютѣ больной. Берингъ велѣлъ ему собрать офицеровъ и составить совѣтъ.

Совѣтъ обратилъ вниманіе на негодность снастей, безъ которыхъ ботъ не могъ продолжать путь. Даже во время засѣданія приходили докладывать, что и остальныя снасти рвутся. Запасъ воды уменьшался; стужа увеличивалась. Ничего болѣе не оставалось какъ пристать къ берегу.

Судно направили къ острову, безпрестанно измѣряя глубину. На нѣкоторомъ разстояніи отъ острова, противъ отдѣльно стоящаго утеса, ботъ бросилъ якорь, но канатъ порвался. Бурныя волны швырнули ботъ на утесъ одинъ разъ, потомъ другой. Ботъ дрожалъ и скрипѣлъ. Бросили второй якорь, но канатъ порвался прежде, чѣмъ якорь дошелъ до дна. Это то печальное обстоятельство и спасло мореплавателей отъ неминуемой гибели.

Только что собрались бросать третій, послѣдній якорь, огромный валъ поднялъ ботъ и перебросилъ его черезъ утесъ. Моряки очутились въ спокойныхъ водахъ и могли безопасно стать на якорѣ.

Только на слѣдующій день поняли они, куда попали. Провидѣніе привело ихъ въ такое мѣсто, гдѣ они могли имѣть хоть небольшую надежду на спасеніе. Во всѣхъ другихъ мѣстахъ утесы не допустили бы пристать къ берегу. Еслибъ ботъ выбросило саженъ на 20 вправо, или влѣво, то онъ былъ бы разбитъ и экипажъ потопленъ.

Отдохнувъ немного, Ваксель и естествоиспытатель Штеллеръ отправились на берегъ. Островъ представлялъ безлѣсную, безплодную страну, занесенную глубокимъ снѣгомъ. Не замерзъ только ручей, съ шумомъ стремившійся съ горъ, и въ немъ, по счастью, оказалась прекрасная вода. Это было пока единственнымъ утѣшеніемъ; все остальное наводило на грустныя размышленія. Куда помѣстить больныхъ? Какъ оградить себя отъ стужи? Если и былъ на островѣ выкидной лѣсъ, то его занесло глубокимъ снѣгомъ. Но нужда хорошій совѣтникъ. Между песчаными холмами около рѣки находились глубокіе рвы. Ихъ то и придумали очистить и покрыть парусиной на первый случай; а потомъ вырыть изъ подъ снѣга лѣсъ и построить хижины. Вечеромъ Ваксель и Штеллеръ вернулись на ботъ и представили рапортъ своему начальнику.

На другой же день отправили на берегъ людей, которые могли еще держаться на ногахъ, чтобы они приготовили рвы для больныхъ. Потомъ стали перевозить самыхъ слабыхъ. Многіе не вынесли свѣжаго воздуха и, появившись на палубѣ, тотчасъ же умерли.

На островѣ водилось множество песцовъ. Ненапуганные людьми, звѣри ихъ не боялись. Песцы бросились къ трупамъ съ такою жадностью, что едва можно было отогнать ихъ. У нѣкоторыхъ они обглодали руки и ноги, прежде чѣмъ успѣли ихъ похоронить.

Почти всѣ больные, лежавшіе въ каютахъ, умерли. Уцѣлѣли только тѣ, которые, хоть черезъ силу, но двигались на воздухѣ.

Съ большой осторожностью перенесли командора. Его укутали, положили на носилки и только понемногу давали ему дышать свѣжимъ воздухомъ, чтобъ постепенно пріучить къ нему.

Замѣчено, что энергія и бодрость духа служатъ лучшими противоцынготными средствами. Офицеры, которые безпрерывно должны были находиться на палубѣ, распоряжаться и трудиться наравнѣ съ матросами, менѣе всего пострадали. Съ ними находился постоянно и Штеллеръ. Этотъ человѣкъ былъ въ полномъ смыслѣ врачъ души и тѣла; онъ всюду вносилъ радость и умѣлъ сообщать ее окружающимъ.

Экипажъ Беринга продолжала преслѣдовать судьба. Ботъ сорвало съ якоря, прижало къ берегу и стало заносить пескомъ. Только и было утѣшенія въ мысли, что судно не унесло совсѣмъ и что весною изъ него можно будетъ выбрать матеріалъ для новаго и возвратиться въ Камчатку. При катастрофѣ пропала часть провизіи; остальное перевезли на берегъ.

Наконецъ и офицеры отдали дань болѣзни. Потому ли, что послѣ усиленной дѣятельности наступила реакція, или заразились они во внутреннемъ помѣщеніи бота, но они расхворались такъ сильно, что едва не поплатились жизнью. Болѣзнь, разразившаяся бурно, по счастію была непродолжительна, и офицеры скоро выздоровѣли.

Между тѣмъ несчастный Берингъ лежалъ при послѣднемъ издыханіи. Не на постели, не въ теплой комнатѣ лежалъ несчастный, а въ холодной ямѣ, въ которой безпрестанно засыпало его пескомъ. Подъ конецъ, онъ уже не велѣлъ огребать песокъ, говоря, что ему такъ теплѣе. Находившіеся около него офицеры, удивлялись покорности, съ которою онъ переносилъ свою участь. Онъ не только не роптalъ, но еще и окружающихъ его уговаривалъ переносить съ терпѣніемъ испытанія и не терять бодрости духа.

Смерть Беринга.

Онъ умеръ 8-го Декабря 1741 года. Чтобъ пристойнымъ образомъ предать тѣло землѣ, пришлось отрывать его изъ песка, котораго навалилось на него по поясъ. Умершаго положили между адъютантомъ его и комиссаромъ и надъ могилою поставили крестъ. Теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ памятникъ.

Послѣ смерти Беринга командованіе экспедиціей принялъ на себя Ваксель. Онъ началъ съ того, что послалъ развѣдчиковъ въ разныя стороны, чтобъ осмотрѣть страну и удостовѣриться, есть ли на ней жители. Спустя нѣсколько дней развѣдчики вернулись и объявили, что людей на островѣ нѣтъ и слѣдовъ, но что есть множество выдръ и песцовъ. Взобравшись на высокую гору, развѣдчики убѣдились, что находятся на островѣ. Они видѣли много рѣчекъ, по берегамъ которыхъ росъ кустарникъ и низкая рябина.

Послѣ развѣдки приступили къ разбору и раскладкѣ провизіи. Несмотря на то, что изъ экипажа выбыло 30 человѣкъ, провизіи не хватило бы, еслибъ экипажъ не рѣшился питаться морскими животными.

Начали съ выдръ. Мясо ихъ было жестко и невкусно, но за то шкурки цѣнны. Ихъ собирали въ надеждѣ, по возвращеніи на родину, выгодно продать. За все время ихъ убили 900 штукъ и мирно подѣлили между собою. Штеллеръ заработалъ больше другихъ, такъ какъ ему, какъ доктору, платили иногда шкурками за врачебную помощь.

Въ мартѣ мѣсяцѣ выдры исчезли и на смѣну имъ появились морскіе коты. Охота за животными была чрезвычайно легка, такъ какъ въ этомъ дикомъ мѣстѣ они не встрѣчали человѣка и совсѣмъ не боялись его.

Еще въ началѣ зимы, верстахъ въ пяти отъ стоянки, выбросило на берегъ мертваго кита. Имъ пользовались, когда не попадалось другихъ морскихъ животныхъ, почему и прозвали его провіантскимъ магазиномъ. Жиръ

его топили, а мясо ѣли, хотя оно было далеко не свѣже. Въ началѣ весны выбросило другого кита посвѣжѣе; на него и бросились, позабывъ о первомъ.

Въ маѣ исчезли коты, пришлось попробовать противнаго тюленьяго мяса. Къ счастью попадались иногда сивучи, мясо которыхъ было сносно.

Морская выдра.

Чрезвычайно радовались бѣдняги, когда имъ случалось раздобыть моржа, особенно молодого. Мясо моржа очень напоминаетъ говядину, а молодого — телятину.

Нѣкоторые моржи вѣсили до 200 пудовъ, такъ что мяса хватало надолго; но добывать животныхъ было не легко.

Колонія на Беринговомъ островѣ въ настоящее время.
(По Норденшельду).

Не имѣя снастей и не зная пріемовъ промышленниковъ, матросы подкарауливали звѣрей, когда они подплывали къ берегу ѣсть морскую траву; тутъ въ нихъ метали остроги, но очень часто не попадали; случалось, что моржъ срывалъ веревку и уходилъ вмѣстѣ съ острогою. Питательное моржевое мясо было очень полезно больнымъ; поѣвъ его, они чувствовали большое облегченіе.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ приступлено было къ сломкѣ стараго судна и постройкѣ новаго. Всѣ дружно принялись за работу. Офицеры первые подавали примѣръ командѣ, трудясь неутомимо. За неимѣніемъ смолы, придумали разрубать новые якорные канаты и выварнвать изъ нихъ смолу. Такимъ образомъ добыли ее настолько, что могли осмолить киль; надводную же часть вымазали жиромъ.

10-го Августа судно было спущено на воду, а 16-го оставило негостепріимный островъ. Въ первый же день въ суднѣ появилась течь и, чтобъ спасти его, пришлось выбросить за бортъ все, что было можно. Течь законопатили и 27-го прибыли въ Петропавловскъ. Излишне было бы описывать радость страдальцевъ, снова вступившихъ на родную землю. Они будто родились вторично, такъ они были счастливы, добравшись до теплаго жилища и питательной пищи!

Необходимо сказать нѣсколько словъ о Чириковѣ, отправившемся одновременно съ Берингомъ на суднѣ „Св. Павелъ“. Не мало страданій выпало и на его долю. Отъ недостатка воды и пищи на суднѣ развилась цынготная болѣзнь, жертвами которой сдѣлались 20 человѣкъ, въ томъ числѣ 3 офицера. Чириковъ заболѣлъ тоже, и штурманъ Елагинъ, единственный изъ всѣхъ, способный отправлять службу, ввелъ судно въ Петропавловскую гавань.

Лѣтомъ 1742 г. отправился Чириковъ искать капитанъ-командора Беринга и прибылъ очень скоро къ пер-

вому Алеутскому острову, который назвалъ именемъ Св. Ѳеодора.. Отсюда поплылъ онъ къ сѣверу, увидалъ островъ Беринга и, прокрейсировавъ у юго-западнаго мыса, направился въ Охотскъ. Если бы онъ обошелъ весь островъ, то нашелъ бы на немъ своихъ товарищей, занятыхъ въ это время постройкою новаго судна.

ПУТЕШЕСТВІЕ ФЛОТА-КАПИТАНА Г. А. САРЫЧЕВА.

Путешествіе Гавріила Андреевича Сарычева по сѣверо-восточной части Сибири, Ледовитому и Восточному океанамъ въ продолженіи восьми лѣтъ подъ начальствомъ флота капитана Биллингса. 1785—1793.

ГЛАВА I.

Въ 1785 г., по приказанію императрицы Екатерины II, снаряжена была экспедиція подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Биллингса для описи сѣверныхъ морей и ихъ береговъ. Кромѣ того, члены экспедиціи должны были знакомиться съ сибирскими инородцами, подвластными Россіи и облагать ихъ данью. Экспедиція состояла изъ 142 человѣкъ, въ томъ числѣ трехъ офицеровъ и командира.

Въ половинѣ Сентября одинъ изъ участниковъ экспедиціи, лейтенантъ Сарычевъ, отправился съ мастеровыми изъ Петербурга въ Охотскъ. Ему поручено было заняться постройкою судовъ и распорядиться заготовкою провіанта въ тѣхъ мѣстахъ, которыя экспедиція должна была посѣтить.

За отсутствіемъ хорошихъ путей сообщенія, Сарычевъ двигался очень медленно и прибылъ въ Якутскъ только 10-го Января. Этотъ городъ засталъ онъ еще въ первобытномъ состояніи. Между обывательскими домами раскинуты были якутскія юрты; стекла не вошли еще въ употребленіе; ихъ замѣняла слюда или льдины, которыя прикрѣплялись къ оконнымъ косякамъ съ помощью растопленнаго снѣга[1]).

Здѣсь предупредили путешественника, что въ зимнее время въ Охотскъ никто кромѣ почты не ѣздитъ, такъ какъ путь лежитъ по необитаемымъ мѣстностямъ, занесеннымъ глубокимъ снѣгомъ. Ему совѣтовали подождать весны. Но Сарычевъ ждать не могъ и, запасшись провіантомъ и теплою одеждою, двинулся 22-го Января въ дальнѣйшій путь. Санной дороги не было; пришлось ѣхать верхомъ и кладь навьючить на лошадей. Пока встрѣчались якутскія поселенія, путешественникъ находилъ въ нихъ радушное гостепріимство, но поселенія кончились и на протяженіи 400 верстъ не предвидѣлось ни одного жилого мѣста. Для непривычнаго человѣка такой путь былъ очень тяжелъ. Каждый день съ утра до вечера приходилось сидѣть на лошади; ночи же проводить, зарываясь въ снѣгъ, и во все время не снимать одежды и не перемѣнять бѣлья.

Отъ тяжелой дороги и дурного корма лошади такъ отощали, что едва дотащились до того пункта на вер-

1) Врангель, посѣтившій Якутскъ 50 лѣтъ спустя, не нашелъ уже ни юртъ, ни льдинъ вмѣсто стеколъ.

ховьяхъ Индигирки, съ котораго путь верхомъ, по причинѣ глубокихъ снѣговъ, былъ немыслимъ. Незадолго передъ тѣмъ, казаки, возшіе почту, увязли въ снѣгу, потеряли всѣхъ лошадей и едва сами спаслись на лыжахъ.

Адмиралъ Гавріилъ Андреевичъ Сарычевъ.
(Съ оригинальнаго рисунка).

Узнавъ объ этомъ, Сарычевъ послалъ нарочнаго къ оленнымъ тунгузамъ въ ихъ кочевья, съ порученіемъ привести оленей, на которыхъ предполагалось двигаться далѣе.

Тунгузы принадлежатъ къ маньчжурскому племени,

но судьба ихъ значительно разнится отъ судьбы ихъ сородичей, покорившихъ Китай. Въ 1640 г. казаки въ первый разъ встрѣтили въ Сибири тунгузовъ, а въ 1644 году на китайскій тронъ вступилъ маньчжурскій императоръ. На этомъ племени можно наглядно убѣдиться, до какой степени вліяетъ природа на развитіе человѣка. Сибирскіе тунгузы до сихъ поръ остаются дикарями и хотя многіе изъ нихъ приняли христіанскую вѣру, но въ душѣ, они такіе же язычники, какъ и были; по прежнему чтутъ своихъ шамановъ и исполняютъ всѣ языческіе обряды. Маньчжуры же представляютъ замѣчательное явленіе въ исторіи цивилизаціи. Менѣе нежели 350 лѣтъ тому назадъ, они были такими же кочевниками, какъ ихъ сѣверные собраты и не умѣли ни читать, ни писать; а въ настоящее время они имѣютъ богатую литературу и языкъ ихъ сдѣлался придворнымъ языкомъ въ Пекинѣ.

Несмотря на то, что тунгузы занимаютъ огромныя пространства отъ бассейновъ Верхней, Средней и Нижней Тунгузки до западнаго берега Охотскаго моря и отъ китайской границы и Байкала до Ледовитаго моря, ихъ насчитывается не болѣе 30,000 душъ. Они раздѣляются на оленныхъ, собачьихъ, лѣсныхъ и береговыхъ. Самыми зажиточными считаются оленные, владѣющіе большими стадами. Обѣднѣвшій тунгузъ дѣлается собачьимъ, береговымъ или рыболовнымъ. Онъ снабжаетъ рыбою своихъ соплеменниковъ скотоводовъ и вымѣниваетъ ее на оленьи шкуры. Береговые тунгузы нерѣдко нуждаются въ самомъ необходимомъ, а совершенно обнищавшіе дѣлаются даже людоѣдами*). Отъ прожорливости этихъ дикарей, ихъ болѣе счастливымъ собратьямъ приходится охранять оленей, собакъ и дѣтей. Очевидно, что съ такими тунгузами не церемонятся и истребляютъ ихъ безъ сожалѣнія. Впрочемъ и съ ними ведется мѣновая торговля, только

*) „Сѣверная Пчела“ 18 Января 1847.

ведется она издали. Обмѣнявшись знаками, обѣ стороны кладутъ товары на землю и подходятъ къ вымѣненнымъ вещамъ съ большой осторожностью, зорко слѣдя за своимъ противникомъ.

Со временъ Сперанскаго, русское правительство отечески заботится объ этихъ несчастныхъ. Ихъ предписано

Тунгузы.

селить по берегамъ большихъ рѣкъ и снабжать рыболовными снастями. Такая мѣра, конечно, уменьшаетъ нищету до извѣстной степени.

Тунгузы сильно привязаны къ кочевой жизни и удивляются якутамъ и русскимъ, живущимъ осѣдло. Своей беззаботностью и веселостью, подвижностью и остроуміемъ тунгузъ отличается отъ прочихъ сибирскихъ племенъ:

мрачнаго самоѣда, неуклюжаго остяка, сварливаго якута: и потому тунгуза можно назвать французомъ тундры и лѣса. Къ тому же, онъ большой щеголь. Вмѣсто тяжелой мѣшковатой одежды, онъ шьетъ себѣ изъ тѣхъ же шкуръ родъ фрака и отдѣлываетъ его полосками сукна, шитьемъ и бусами. На головѣ тунгузъ носитъ вышитую бусами татарскую шапочку, на плечи набрасываетъ ожерелье изъ бусъ, къ которому привѣшиваетъ мѣшечекъ съ огнивомъ, трутомъ и кремнемъ. Костюмъ женщинъ еще вычурнѣе. Онѣ съ большимъ мастерствомъ распиваютъ свои наряды узорами изъ конскаго волоса и оленьихъ сухожилій, которыя разсучиваютъ на нитки желаемой толщины.

Когда тунгузъ ѣдетъ верхомъ на оленѣ, онъ держится гордо и осанисто, словно онъ рожденъ кавалеристомъ. Какъ проводникъ, онъ неоцѣнимъ. Вѣрнымъ шагомъ ведетъ онъ путешественника по необозримымъ лѣсамъ, по занесеннымъ снѣгомъ тундрамъ, словно чутьемъ узнавая дорогу. При остановкахъ, онъ поражаетъ своей ловкостью и веселостью. Въ одинъ мигъ олени развьючены, сѣдла и вьюки уложены въ порядкѣ; узды и вожжи собраны и развѣшаны на деревьяхъ, животныя пущены въ лѣсъ, гдѣ они сами заботятся о своемъ кормѣ. Затѣмъ, изъ нарубленнаго или наноснаго лѣсу складывается костеръ, а изъ вѣтвей, если онѣ есть, устраивается постель, которая, при помощи покрывающихъ ее шкуръ, напоминаетъ пружинный матрацъ. Котелъ, наполненный снѣгомъ или водою подвѣшивается надъ костромъ и черезъ нѣсколько минутъ чай уже готовъ.

Если путешественнику вздумается развлечься, тунгузы съ большой охотой покажутъ ему свою ловкость. Они будутъ кружиться хороводомъ подъ звуки пѣсенъ, или устроятъ игру. Двое вертятъ веревочку, точь въ точь такъ, какъ дѣлаютъ наши дѣвочки, а третій скачетъ, въ то же время натягивая тетиву и стрѣляя изъ лука; при чемъ ни

разу не задѣнетъ веревки. Кромѣ того, тунгузы большіе мастера играть въ шахматы.

Теперь возвратимся къ нашему путешественнику.

Пока посланные ѣздили за оленями, Сарычевъ оставался въ юртѣ одного отставного казака, гдѣ онъ имѣлъ случай видѣть, какъ шаманъ призывалъ духовъ для излеченія больного якута.

Передъ началомъ заклинаній, шаманъ снялъ съ себя обыкновенное якутское платье и надѣлъ особое шаманское, сшитое изъ ровдугъ—выдѣланной оленьей кожи — и обвѣшанное узенькими ремешками и желѣзными бляхами всевозможныхъ форматовъ. Распустивъ волосы, заплетенные въ косы и обвитые вокругъ головы, онъ закурилъ трубку, взялъ бубенъ и, сѣвъ посреди юрты, сталъ бить въ бубенъ плоской палочкой, обтянутой оленьей кожей и вызывать подвластныхъ ему духовъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше оживлялся шаманъ, ударялъ въ бубенъ сильнѣе и чаще, самъ сталъ поворачиваться и подпрыгивать; наконецъ, вскочивъ на ноги, пустился выдѣлывать вокругъ больного самыя рискованныя па, продолжая ударять въ бубенъ и неистово вскрикивать. Голова его съ растрепанными волосами опрокидывалась то впередъ, то назадъ, то вертѣлась, какъ флюгарка, причемъ онъ ужасно вращалъ глазами, закатывая ихъ такъ, что видны были только одни бѣлки. Наконецъ, онъ пришелъ въ безпамятство и упалъ на руки двухъ якутовъ, сторожившихъ эту минуту. Безпамятство, однако, продолжалось недолго; шаманъ опять вскочилъ, опять запрыгалъ и, схвативъ ножъ, вонзилъ его себѣ въ животъ, приказавъ якуту вколачивать его полѣномъ по рукоятку. Потомъ подскочилъ къ очагу, схватилъ три раскаленныхъ угля и проглотилъ ихъ, не поморщившись. Пробѣсновавшись еще нѣсколько времени, онъ вытащилъ изъ брюха ножъ, съ усиліемъ выхаркнулъ проглоченные уголья и началъ возвѣщать больному выздоровленіе, но подъ условіемъ,

Якутскій шаманъ призываетъ духовъ для излеченія больнаго.

чтобы мучившему его злому духу онъ принесъ въ жертву лошадь извѣстной масти. Случается какъ то, что выборъ шамана всегда падаетъ на лошадь самую жирную.

Шаманы за труды свои ничего не просятъ и довольствуются тѣмъ, что имъ даютъ. Зато они всегда принимаютъ участіе въ жертвенной трапезѣ и съ жадностью пожираютъ жертвенное мясо. Духу же предоставляется только голова, хвостъ и кожа, которая вѣшается на высокомъ деревѣ, гдѣ и остается навсегда.

Довѣріе народа къ этимъ фокусникамъ безгранично. Предполагаемая власть надъ духами, и загадочные пріемы шамана окружаютъ его таинственностью, которая всегда обаятельно дѣйствуетъ на неразвитыхъ людей.

Не каждый способенъ сдѣлаться шаманомъ. Иной какъ бы ни старался, не можетъ сблизиться ни съ однимъ духомъ; къ другому — они являются сами. Вообще, по свойствамъ своимъ и по проявленію силы, шаманы имѣютъ много общаго съ современными медіумами. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ трудно бываетъ опредѣлить, гдѣ кончается экстазъ и гдѣ начинается фокусъ или обманъ.

Нарочный, посланный къ тунгузамъ, вернулся черезъ 12 дней и привелъ 25 оленей и двѣ тунгузскія семьи съ юртою, женщинами и дѣтьми. Олени, употребляемые въ Сѣверной Сибири для передвиженія, чрезвычайно пригодны для этой цѣли. Ни глубокіе снѣга зимою, ни топкія болота лѣтомъ не служатъ препятствіемъ для этихъ легкихъ быстроногихъ животныхъ. Къ тому же они весьма неприхотливы. Если якутская лошадь довольствуется выгребленной изъ подъ снѣга поблекшей травой и на этомъ кормѣ умудряется еще жирѣть, то олень можетъ питаться однимъ мхомъ, да и тотъ не всегда имѣетъ въ своемъ распоряженіи.

11-го Марта Сарычевъ отправился на приведенныхъ оленяхъ верхомъ. „Много стоило труда, пишетъ онъ, привыкнуть къ этой необыкновенной ѣздѣ; сѣдло такъ

мало, что едва можно на немъ держаться; къ тому же оно безъ стремянъ и безъ подпругъ, лежитъ на переднихъ лопаткахъ оленя и привязано однимъ тонкимъ ремнемъ, такъ что при малѣйшей неловкости легко упасть. Вмѣсто узды правятъ ремешкомъ, привязаннымъ къ шеѣ оленя".

Путь, по которому ѣхалъ Сарычевъ, шелъ черезъ горы, лѣса и тундры. Не было ни дороги, ни тропы, а тунгузы вели караванъ съ такою же увѣренностію, какъ любой ямщикъ по столбовой дорогѣ. Искусство этого народа распознавать путь — изумительно. Какъ лѣтомъ, такъ и зимою, они узнаютъ не только число оленей и лошадей, прошедшихъ въ извѣстномъ мѣстѣ, но и опредѣляютъ время, когда они прошли. Въ одномъ мѣстѣ, проводники объявили Сарычеву, что тутъ недавно проѣхали тунгузы. И дѣйствительно, удалось ихъ догнать и обмѣнять уставшихъ оленей на свѣжихъ.

На привалахъ, Сарычевъ знакомился черезъ переводчика съ характеромъ и обычаями новой для него народности. Онъ изумлялся, съ какой легкостью эти люди переносили передвиженіе. Въ одной семьѣ былъ грудной ребенокъ. Его сажали въ корзину, обложенную мхомъ, и подвѣшивали оленю вмѣстѣ съ другимъ домашнимъ скарбомъ. Для развлеченія давали младенцу сосать кусокъ жиру и онъ чувствовалъ себя, повидимому, прекрасно. Здѣсь, повсемѣстно, жиръ замѣняетъ прокислую соску нашихъ крестьянскихъ дѣтей и, по всей вѣроятности, младенцы отъ этой замѣны только выигрываютъ.

Между оленными тунгузами богачи, владѣющіе стадомъ въ 2000 головъ — не рѣдкость. Хозяева страшно дорожатъ своими животными и только въ крайности рѣшатся зарѣзать здороваго оленя. Но поврежденныхъ и даже павшихъ употребляютъ въ пищу, причемъ съѣдаютъ не только мясо, но и содержимое желудка, изъ котораго варятъ кашу, смѣшивая ее съ кровью и жиромъ. Мясо

Оленій тунгузъ.

ѣдятъ вареное и сушеное; мозгъ же, непремѣнно сырой. Мозгъ и языкъ считаются лакомымъ кушаньемъ, которое приберегаютъ для праздниковъ, или для угощенья дорогихъ гостей.

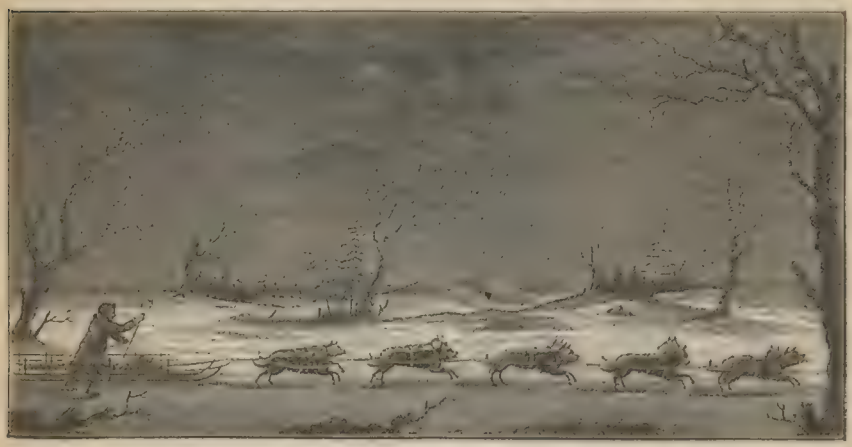
25-го Марта путешественники добрались до урочища Арки, владѣнія собачьихъ тунгузовъ. Здѣсь оставили оленей и пересѣли на нарты, запряженныя собаками. Къ нартамъ, которыя такъ легки, что ихъ можно поднять рукою, привязывается, вмѣсто дышла, длинный ремень, на который, въ длину, пристегивается паръ 5—6 собакъ съ ученою собакою впереди. Вся дрессировка собаки состоитъ въ томъ, чтобы пріучить ее повиноваться нѣсколькимъ словамъ: хна, хна, хна — на право; уга, уга, уга — на лѣво; ко, ко, ко — стой; аахъ, аахъ, аахъ — лети. Въ помощь словамъ употребляется еще „оштолъ“, палка съ остріемъ на одномъ концѣ, съ колокольчиками на другомъ. Когда нужно погонять собакъ, звонятъ въ колокольчики; для остановокъ втыкаютъ оштолъ въ снѣгъ. Имъ же, при ловкости нартовщика, удерживаются нарты въ равновѣсіи. Опрокидываются, впрочемъ, онѣ довольно часто, особенно, если собаки почуютъ звѣря. Тогда онѣ мчатся во весь духъ и невозможно остановить ихъ. По рѣкамъ, гоняясь за выдрою, онѣ завозятъ путника въ полыньи. Самое лучшее средство въ такихъ случаяхъ опрокинуть нарту, или самому выскочить, пустивъ собакъ на произволъ судьбы. Но такой поступокъ позволителенъ только заѣзжему человѣку. Туземецъ же, упустить нарты считаетъ стыдомъ и, вывалившись, скорѣй готовъ волочиться за нартой, чѣмъ придти домой пѣшкомъ.

Нерѣдко собаки путаютъ упряжку и сѣдоку голыми руками приходится распутывать ее. Чтобъ подшутить надъ ѣдущимъ позади, стоитъ только бросить на дорогу кусокъ юколы*). Собаки кинутся на нее, перепутаютъ упряжку и начнутъ грызться.

*) Сушеная рыба.

На привалахъ, собакъ кормятъ также, какъ и лошадей, когда онѣ остынутъ. Притомъ вожакъ долженъ слѣдить, чтобы собаки не отнимали другъ у друга положенной порціи и чтобы не воровали кормъ вороны, которыя здѣсь ужасно нахальны.

Замѣчательно, что здѣшнія собаки почти не лаютъ; но за то, онѣ воютъ, особенно по зарямъ, или передъ поѣздкою. Начинаетъ обыкновенно одна и за нею остальныя.



Нарта съ упряжкою собакъ.
(По Сарычеву).

Для непривычнаго уха такая музыка не особенно пріятна.

По насту, то есть по слегка оттаявшему и потомъ замерзшему снѣгу, собаки бѣгутъ очень быстро; но въ рыхломъ снѣгу онѣ вязнутъ и скоро утомляются. Въ такихъ случаяхъ, человѣкъ идетъ впередъ на лыжахъ*) и обминаетъ снѣгъ. Съ этимъ орудіемъ Сарычеву пришлось познакомиться, когда, пріѣхавъ въ Охотскъ, онъ долженъ былъ колесить по лѣсамъ, чтобъ отыскать бревна, годныя для постройки судовъ.

*) Длинныя, загнутыя спереди дощечки съ петлями для ногъ.

„Болѣе 70 верстъ пришлось обойти мнѣ на лыжахъ, разсказываетъ онъ, что съ непривычки было крайне утомительно. При каждомъ шагѣ лыжи путались и задѣвали то за кусты, то одна за другую, отчего я безпрестанно падалъ и тонулъ въ снѣгу, изъ котораго, безъ посторонней помощи, никакъ не могъ выкарабкаться".

Когда лѣсъ былъ найденъ и намѣченъ, не нашлось людей для его порубки. Всѣ почти бѣдняги переболѣли въ теченіе зимы цынгою и едва тащили ноги. Пришлось дожидаться весны. Въ исходѣ Апрѣля вскрылась рѣка Охота и пошла по ней рыба; сперва нельма, кунжа и камбала, потомъ кета, корюха и сельдь, затѣмъ бѣлуга и тюлени или нерпа.

Ходъ рыбы продолжается все лѣто; одна порода смѣняетъ другую. Въ Іюлѣ, Августѣ и Сентябрѣ идетъ нярка, изъ семейства лососей, только тѣломъ красивѣе. Ее идетъ такое множество, что вода въ Охотѣ пропитывается рыбнымъ запахомъ. Едва успѣваютъ закинуть сѣти, какъ уже надо вытаскивать ихъ. Можно сказать, что въ такое время рыбу не ловятъ, а черпаютъ. Занимаются рыбной ловлей и собаки. Онѣ до того избаловываются, что ѣдятъ только однѣ головы, пренебрегая остальнымъ.

Мѣстные жители стараются запастись рыбою на весь годъ, какъ для себя, такъ и для собакъ, которыхъ держатъ всѣ обыватели вмѣсто упряжныхъ лошадей.

Рыбу солятъ только русскіе. Туземцы ее сушатъ, или зарываютъ въ землю, если начались заморозки.

Перелетныхъ птицъ въ этихъ краяхъ множество, въ особенности гусей и утокъ. Изъ лѣсныхъ птицъ водятся бѣлохвостые орлы, тетерева и куропатки. Чаекъ считается пять породъ; самыя замѣчательныя изъ нихъ:

Разбойники, которые сами рыбы никогда не ловятъ, а отнимаютъ ее у другихъ чаекъ и

семисаженныя, самыя прожорливыя изъ всѣхъ. Онѣ такъ наѣдаются, что не могутъ летать.

Есть еще любопытная птица — водяной воробей, величиною съ дрозда. Этотъ воробей ныряетъ и остается нѣсколько времени подъ водой, хотя ножныхъ перепонокъ не имѣетъ и никогда не видали, чтобы онъ плавалъ.

Дворовыхъ воробьевъ здѣсь нѣтъ.

ГЛАВА II.

Спускъ судовъ „Ясашна“ и „Палласъ“. Вступленіе въ Ледовитый океанъ.

Въ первыхъ числахъ Іюля (1786) прибылъ въ Охотскъ начальникъ экспедиціи Биллингсъ съ командою и припасами. Онъ объявилъ, что всѣ члены экспедиціи повышены чиномъ и приказалъ капитанъ-лейтенанту Сарычеву отправиться съ командою въ Верхне-Колымскъ. Самъ же остался съ небольшою свитою въ Охотскѣ для окончанія дѣлъ.

Рѣка Охота сильно разлилась и затопила дорогу; пришлось дѣлать обходъ лѣсомъ и болотами, переходя въ бродъ нѣкоторые притоки.

На третій день вода спала и путешествіе сдѣлалось пріятнымъ. Приходилось ѣхать по благоухающимъ тополевымъ и лиственнымъ лѣсамъ, окаймленнымъ подлѣскомъ изъ цвѣтущаго шиповника и жимолости, по сочнымъ лугамъ, гдѣ попадалась голубица и княжевика, ягода — листомъ похожая на землянику, а плодомъ на малину; ароматная и очень вкусная. Цвѣтокъ ея имѣетъ форму звѣздочки, какъ и у земляники, только онъ съ розовой окраской. Сушеный листъ этой ягоды туземцы употребляютъ вмѣсто чая, а декоктъ изъ цвѣтовъ и листьевъ считаютъ хорошимъ лекарствомъ отъ грудныхъ болѣзней. На болотахъ растетъ множество морошки.

Здѣшнія болота или байдараны по большей части торфяныя; словно по пружинному матрацу ѣдетъ путникъ. Подъ нимъ качается почва и вмѣстѣ съ нею качаются деревья. Есть мѣста топкія, гдѣ лошади вязнутъ, но благодаря тому, что на извѣстной глубинѣ земля никогда не оттаиваетъ, онѣ совсѣмъ завязнуть не могутъ.

На шестой день экспедиція прибыла въ Арку, гдѣ догналъ ее капитанъ Биллингсъ съ свитой. Оставшійся при немъ боцманъ, переплывая черезъ небольшую протоку, былъ сброшенъ лошадью и утонулъ.

Въ Аркѣ путешественники смотрѣли на багреніе тунгузами кеты. Орудіе ловли—багоръ. Высмотрѣвъ въ водѣ большой и жирный экземпляръ, тунгузъ бросаетъ въ него багоръ и почти всегда вытаскиваетъ добычу.

Послѣ ужина тунгузы и тунгузки забавляли пріѣзжихъ пляскою. Взявшись за руки, они составили небольшіе круги и подскакивали въ тактъ пѣснѣ, которая состояла всего навсего изъ одного припѣва. „Охурь—сохурь“, что значитъ: „ахъ, какъ хорошо“!

Дальнѣйшій путь черезъ горы и тундры, заваленныя лѣсомъ, былъ очень труденъ. Несчастныя лошади окончательно измучились и нѣсколькихъ пришлось бросить. Проводники надѣялись взять ихъ на обратномъ пути, или, по крайней мѣрѣ, привезти хозяину голову и хвостъ, въ доказательство, что лошадь не была продана. Такая мѣра здѣсь практикуется, но мало приноситъ пользы, такъ какъ, продавъ лошадь на мясо, или угостившись ею самому, всегда можно сохранить хвостъ и голову.

На одномъ изъ приваловъ, докторскій помощникъ, англичанинъ Мейнъ, отправился верхомъ собирать коренья и заблудился. Лошадь отъ него ушла и онъ положительно не зналъ, что ему дѣлать. Ближайшія тунгузскія юрты были отъ этого мѣста на сто верстъ и положеніе Мейна могло бы сдѣлаться критическимъ, если бы на него не наткнулись случайно искавшіе его товарищи.

Августа 15-го Биллингсъ отдѣлился отъ своей партіи и отправился впередъ, а остальные пройдя 400 верстъ вверхъ по рѣкѣ Охотѣ, свернули вправо по рѣкѣ Кайдусунъ. Здѣсь случилось обстоятельство весьма непріятное: проводникъ тунгузъ бѣжалъ и экспедиціи пришлось идти наугадъ.

Проколесивъ верстъ 70 по горамъ, лѣсамъ и болотамъ, путешественники выбрались на дорогу и, встрѣтивъ одного якута, подговорили его провести ихъ къ юртамъ якутскаго князька, которыя, по сообщенію того же якута, находились верстахъ въ 70-ти.

Отдохнувъ у князька, экспедиція отправилась далѣе. Въ одномъ мѣстѣ, на пространствѣ всего въ 20 верстъ, пришлось перебираться черезъ два хребта, изъ которыхъ одинъ былъ покрытъ мелкимъ лиственнымъ лѣсомъ и ползучимъ кустарникомъ, а другой безплоденъ и каменистъ; подъемъ на него былъ труденъ, а спускъ еще труднѣе. Какъ ни привычны туземныя лошади къ такимъ дорогамъ, но и онѣ обрывались и падали.

Сентября 14-го экспедиція прибыла въ Верхне-Колымскій острогъ, гдѣ уже находился капитанъ Биллингсъ.

Острогомъ называется русское селеніе, обнесенное валомъ, или деревянною стѣною съ сторожевыми башнями по угламъ. Первые русскіе поселенцы въ здѣшнихъ краяхъ ограждали себя такимъ образомъ отъ набѣга инородцевъ, предполагая, что послѣдніе непремѣнно будутъ отстаивать свою территорію отъ чужеземнаго вторженія. Подобныя предположенія не оправдались. Туземцы всюду отступали и только воинственные чукчи выказывали намѣреніе бороться; но русскіе въ ихъ предѣлахъ не селились.

Въ Верхне-Колымскомъ острогѣ, построенномъ на берегу рѣки Ясашной, не нашлось квартиръ для офицеровъ и они должны были разбить юрты и размѣститься

въ нихъ. Затѣмъ приступили къ заготовкѣ лѣса для постройки судовъ. Сначала лѣсъ сплавляли водою, но 27-го Сентября Ясашна замерзла и бревна пришлось возить по льду.

Заложивъ судно, Биллингсъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ поѣхалъ въ ближайшее юкагирское селеніе, чтобъ познакомиться съ юкагирами.

Это племя было когда то очень сильно и владѣло обширными землями. Отъ эпидимической оспы много юкагировъ перемерло, племя ослабѣло и сосѣди тунгузы и коряки стали тѣснить его. Юкагиры обратились къ защитѣ русскихъ и начали селиться вблизи остроговъ.

Всѣ почти юкагиры крещены, что не мѣшаетъ имъ также, какъ и другимъ инородцамъ, почитать шамановъ. Они страшно боятся духа давно уже умершей шаманки Аграфены Жиганской и увѣрены, что отъ нея происходятъ всѣ болѣзни и несчастія. Она вселяется, будто бы, въ людей и мучитъ ихъ, а потому туземцы считаютъ необходимымъ умиротворить ее жертвами. Мѣстныя русскія власти, стараясь положить предѣлъ суевѣрію, послали въ Жиганскъ повелѣніе вырыть тѣло колдуньи и сжечь его; но и это не помогло; шаманы поддерживаютъ вѣру въ колдунью ради корыстныхъ цѣлей.

Въ Январѣ морозы увеличились до 43°. Отъ холода захватывало дыханіе, а выдыхаемый воздухъ мгновенно превращался въ мелкія льдинки, которыя отъ тренія другъ о друга производили легкій трескъ. Ртуть замерзла и ртутный термометръ не дѣйствовалъ; пришлось обратиться къ спиртовому.

Пока не было слишкомъ холодно, члены экспедиціи охотились на тетеревовъ, рябчиковъ и куропатокъ; но при жестокой стужѣ даже переходъ изъ одной избы въ другую сдѣлался затруднителенъ. Налимы, составлявшіе главную пищу, перестали ловиться и отсутствіе свѣжей пищи сказалось появленіемъ цынги. Горько раскаявались

завѣдующіе экспедиціей, что не запаслись рыбою, когда она ловилась въ изобиліи; пришлось вырывать изъ подъ снѣга брошенныя налимьи головы и употреблять ихъ въ пищу.

Въ Февралѣ, одинъ изъ офицеровъ уѣхалъ въ Якутскъ, для скорѣйшаго отправленія въ Охотскъ экспедиціонныхъ тяжестей и матеріаловъ, а въ Апрѣлѣ заложено было новое судно. Около этого же времени стали появляться перелетныя водяныя птицы.

Мая 15-го вскрылись рѣки и вода прибыла на столько, что подняла достроенныя суда. Одно названо было „Палласъ“, другое—„Ясашна“.

22-го числа рѣка вышла изъ береговъ и команда Биллингса поспѣшила перебраться на суда. Однимъ судномъ командовалъ Биллингсъ, другимъ—Сарычевъ. Изъ состоящаго при Сарычевѣ экипажа въ 17 человѣкъ, никто не бывалъ въ морѣ и не имѣлъ понятія о немъ. Съ такими то людьми приходилось предпринимать трудное и опасное плаваніе по Ледовитому океану, гдѣ требовалась опытность и величайшая осторожность. Въ виду этого, Сарычевъ самъ принялся обучать свою команду, насколько было возможно.

Провизіей запаслись на 7 мѣсяцевъ; не доставало только мяса и уксуса, которыхъ подрядчикъ не успѣлъ доставить. Мая 25-го снялись съ якорей, поплыли внизъ по Ясашной и вошли въ Колыму.

Въ Колыму впадаетъ множество рѣкъ большихъ и малыхъ; таковы: Большая и Малая Зырянка, Магазейка, Лобья, Березова, Омолонъ, Инжига, Пенжина, Большой и Сухой Анюй. Первый течетъ на разстояніи 800, второй—500 верстъ. По берегамъ Анюевъ живутъ юкагиры.

Колыма дѣлится на нѣсколько рукавовъ и образуетъ множество острововъ. Съ одного острова приплылъ якутскій князекъ, единственно съ цѣлью посмотрѣть на рѣдкихъ гостей.

Мая 28-го суда прибыли въ Средне-Колымскъ и, простоявъ здѣсь нѣсколько дней, отправились далѣе.

По берегамъ Колымы, начиная отъ устья Зырянки до Средне-Колымскаго острога, встрѣчались лѣтовья казаковъ, гдѣ они обыкновенно лѣтнею порою заготовляютъ для себя и для собакъ рыбу. Зимою казаки расходятся по домамъ.

По Анюямъ и Омолону бываетъ два раза въ году оленья плавь. Первая—весною, когда олени, спасаясь отъ комаровъ, табунами бѣгутъ изъ лѣсовъ въ тундры; вторая—осенью, когда они возвращаются обратно. Казаки и юкагиры караулятъ мѣсто переправы, выѣзжаютъ на своихъ вѣткахъ [1]) и колятъ звѣрей множество [2]).

Рѣка Омолонъ выходитъ изъ одного хребта съ рѣками Инжигой и Пенжиной и принимаетъ въ себя пять большихъ рѣкъ. Здѣсь, на лѣтовьѣ, ожидалъ экспедицію капитанъ Шмалевъ, сотникъ Кобелевъ и толмачъ Дауркинъ, вызванные Биллингсомъ изъ Инжиги. Эти люди, въ особенности Дауркинъ, знавшій чукотскій языкъ, нужны были командиру на случай встрѣчи съ чукчами при съемкѣ береговъ Ледовитаго океана.

Іюня 17-го, экспедиція благополучно прибыла въ Нижне-Колымскъ, гдѣ простояла 4 дня, дѣлая большой запасъ оленьяго мяса соленаго и сушенаго. Для соленья нужно было давать свою соль, такъ какъ соль здѣсь дорога и почти не употребляется.

Во время стоянки у Нижне-Колымска, комары до того донимали путешественниковъ, что имъ приходилось, несмотря на жаркое время, носить мѣховые чулки и перчатки, а головы покрывать чахлами и сѣтками. Съ началомъ лѣта этихъ мучителей появляется такъ много, что туземцы положительно не знаютъ, куда отъ нихъ дѣться и готовы сожалѣть о зимѣ.

1) Легкая лодка.

2) Подробное описаніе оленьей охоты въ „Путешествіи Врангеля“.

Іюня 24-го произошло знаменательное событіе: оба судна изъ устьевъ Колымы выплыли въ Ледовитый океанъ и направились къ востоку; 23-го встрѣтили плывучіе льды, гонимые вѣтромъ съ открытаго моря. Чувство, испытанное путешественниками при видѣ борьбы льдовъ съ бушующимъ моремъ, не поддается описанію. Повсюду, гдѣ море бьетъ своими громадными волнами о твердый предметъ, берегъ или скалу, оно представляетъ чудное, возвышенное зрѣлище. Но эффектъ необыкновенно усиливается, если бурное море борется съ громадными массами, въ свою очередь, находящимися въ движеніи. Волна хлещетъ черезъ ледяную скалу и вгоняетъ ее на нѣсколько саженей въ глубь. Но вслѣдъ за этимъ, скала снова выплываетъ на поверхность и съ нея катятся шумящіе водопады. Всѣ эти скалы и горы сталкиваются, трутся другъ о друга, пока не раздробятся. Такая гигантская битва не ограничивается какимъ нибудь однимъ пунктомъ, а повторяется въ безконечномъ разнообразіи на всемъ видимомъ пространствѣ. Если къ этой судорожной сценѣ прибавить блескъ льда, отражающійся на темныхъ тучахъ какимъ то словно стальнымъ отблескомъ, то читатель можетъ себѣ представить, какое странное и въ тоже время глубокое впечатлѣніе должна произвести эта картина на душу зрителя.

Отраженіе льда на небѣ есть одно изъ интереснѣйшихъ явленій полярнаго моря. Свѣтлая полоса, похожая на утреннюю зарю, появляется въ воздухѣ прямо надъ горизонтомъ и здѣсь рисуется подробнѣйшая карта льдовъ, находящихся на 20 или 30 миль за границею обыкновеннаго кругозора. Отраженіе это весьма полезно для мореплавателя, такъ какъ оно не только указываетъ на близость значительныхъ ледяныхъ массъ, но даже и на свойство этихъ послѣднихъ, то есть сплошной ли это ледъ, или отдѣльныя льдины и есть ли между ними проходъ.

Втеченіе цѣлаго дня морякамъ приходилось бороться со льдами, придерживаясь берега; но къ вечеру ледъ сперло и двигаться далѣе оказалось невозможнымъ. Пріютившись подъ защитою небольшаго каменнаго мыса, бросили якорь.

Берегъ, на сколько могъ видѣть глазъ, былъ покрытъ мхомъ и травою; кое-гдѣ пестрѣли цвѣточки; въ рѣдкихъ мѣстахъ виднѣлся стелющійся по землѣ кустарникъ. На вершинахъ горъ и внизу подъ утесами лежалъ оледенѣлый снѣгъ, толщиною саженн въ двѣ. Въ этомъ укромномъ мѣстечкѣ мореплаватели простояли три дня и видѣли четырехъ медвѣдей и стадо оленей.

На четвертый день, съ перемѣною вѣтра, ледъ стало напирать на суда такъ сильно, что пришлось сняться съ якоря и лавировать между льдинами и берегомъ. Наконецъ суда достигли разлога горъ, откуда вытекала рѣка и очутились въ безопасности. Здѣсь моряки ловили неводомъ сельдей, муксуновъ и видѣли тюленей.

Іюля 1-го снялись съ якоря и снова стали лавировать между льдами и берегомъ. Мѣстами море было совершенно чисто и „Ясашна“ двинулась, было, на сѣверъ, но встрѣтивъ массы пловучаго льда, должна была вернуться. Сильнымъ теченіемъ отнесло ее къ западу и она очутилась противъ устьевъ Колымы, гдѣ былъ и „Палласъ“, котораго „Ясашна“ потеряла за густымъ туманомъ.

На слѣдующій день снялись съ якоря и уже порядочно проплыли по направленію къ востоку, какъ вдругъ палъ туманъ, сквозь который въ двухъ саженяхъ ничего не было видно. Послышался страшный шумъ, и вскорѣ массы льда окружили суда. Гибель казалась неминуема; но къ счастью, вѣтеръ перемѣнился и отнесъ ледъ отъ берега.

Суда стали на якорь, но опасность не миновала. Отъ берега относило много льду, который отводили шестами. Работали ощупью, такъ какъ за туманомъ ничего не было видно.

Когда очистился туманъ, суда двинулись далѣе и достигли Баранова Камня, названнаго такъ потому, что около него водится много горныхъ барановъ. Желая посмотрѣть съ здѣшнихъ высотъ, насколько море къ востоку свободно ото льда, Сарычевъ отправился въ шлюпкѣ къ Баранову Камню. Верстъ шесть плыли вдоль берега, потомъ шли пѣшкомъ среди горъ, вдавшихся въ море. По пути встрѣчали „стоячихъ“ оленей, т. е. такихъ, которые живутъ близъ моря зиму и лѣто, не соединяясь съ приходящими изъ лѣсовъ стадами, которыя, въ свою очередь, не разбиваются, а ходятъ всегда вмѣстѣ. На озерахъ виднѣлось множество большихъ сѣрыхъ гусей, которые линяли и не могли летать.

Взобравшись на возвышенность, Сарычевъ увидалъ, что все видимое пространство было покрыто льдомъ, а съ востока выдавался песчаный мысъ. Вѣроятно, это былъ мысъ Шалаурова*), а за нимъ тотъ заливъ, гдѣ онъ искалъ р. Чауна и откуда въ первый годъ своего плаванія возвратился. Здѣсь же было когда то кочевье чукотскаго князька Копая, съ котораго казакъ Вилигинъ въ 1723 г. взялъ первый ясакъ.

Плыть дальше было безполезно, а потому Биллингсъ отдалъ приказаніе вернуться. Суда поворотили назадъ и поплыли къ западу. Проходя мимо Баранова Камня, путешественники любовались на причудливыя очертанія скалъ, напоминавшія портики, колоннады, фигуры людей и животныхъ. Такія фигуры называются здѣсь „кекуры“. На одной невысокой горѣ путешественники видѣли кекуръ, похожій видомъ на двухъ разговаривающихъ женщинъ, держащихъ въ серединѣ ребенка.

Здѣсь плавало множество бѣлугъ и тюленей; показался

*) Якутскій купецъ Шалауровъ въ 1760 г., увлекшись честолюбивыми мечтами, задумалъ пройти на востокъ путемъ, проложеннымъ Дежневымъ. Его попытка потерпѣла неудачу: онъ погибъ со всѣмъ экипажемъ.

даже китъ, вѣроятно, забѣжавшій сюда изъ Тихаго океана черезъ Беринговъ проливъ.

Въ небольшой бухточкѣ на сѣверной сторонѣ Баранова Камня, бросили якорь и Сарычевъ съѣхалъ на берегъ. Онъ неожиданно наткнулся на нѣсколько покинутыхъ земляныхъ жилищъ и, осмотрѣвъ ихъ, нашелъ два изогнутыхъ каменныхъ ножа трехгранной формы. Вокругъ землянокъ валялись оленьи и рыбьи кости. По словамъ казаковъ, здѣсь жило племя, называемое шелагами. Когда пришли русскіе, шелаги отодвинулись на востокъ и поселились близъ наиболѣе выдающагося къ сѣверу мыса, который и получилъ названіе Шелагскаго.

Во время стоянки на якорѣ, моряки наблюдали интересное явленіе: теченіе черезъ сутки, а иногда и черезъ двое сутокъ перемѣнялось съ той и съ другой стороны вдоль берега; вода то поднималась, то опускалась, но безъ всякаго порядка. Все это наводило на мысль, что къ сѣверу должна быть не въ далекомъ разстояніи земля. Это мнѣніе подтверждалось еще тѣмъ, что несмотря на сильный юго-западный вѣтеръ, ледъ не угнало къ сѣверу; стало быть его задерживала земля. Кромѣ того, капитанъ Шмалевъ разсказывалъ, что онъ слышалъ отъ чукчей о существованіи земли на сѣверъ отъ Шелагскаго мыса; что земля эта обитаема и что шелагскіе чукчи, зимнею порою, въ одни сутки переѣзжаютъ туда по льду на оленяхъ.

Іюля 26-го подулъ попутный вѣтеръ, суда снялись съ якоря, благополучно вошли въ устье Колымы и закончили на этотъ годъ экспедицію.

Во все время плаванія ночей не было. Солнце стояло надъ горизонтомъ и только въ половинѣ Іюля опустилось до него.

Признавая настоящую экспедицію неудачной, Биллингсъ составилъ изъ офицеровъ совѣтъ для обсужденія мѣръ къ достиженію мысовъ Шелагскаго и Чукотскаго.

Опытъ показалъ, что моремъ исполнить этого невозможно. Хотя были слухи, что временами море бываетъ свободно ото льдовъ, но всѣ мореплаватели, пытавшіеся проникнуть въ Восточный океанъ, потерпѣли неудачу. Одинъ только казакъ Дежневъ въ 1648 г. на кочѣ*) проникъ въ Восточный океанъ и такимъ образомъ первый рѣшилъ вопросъ о существованіи пролива между Азіей и Америкой. „Если открытіе Дежнева не сказка", говорилось на совѣтѣ, „то и тогда этимъ нельзя руководствоваться. Можетъ быть, природа отступила отъ обычнаго порядка и можетъ быть это случалось во сто лѣтъ одинъ разъ". По словамъ же казаковъ, въ Ледовитомъ океанѣ всегда есть ледъ; притомъ и рѣки, въ него впадающія приносятъ съ собой массу льда. Не будь проливовъ, черезъ которые эти льды уноситъ въ океаны, Ледовитое море было бы постоянно сковано ими.

Предложеніе объѣхать мысы на собакахъ было на совѣтѣ отвергнуто въ виду невозможности сдѣлать большіе запасы провіанта**). По долгомъ совѣщаніи рѣшено было отказаться отъ плаванія по Ледовитому океану и, отправившись въ океанъ Восточный, попытаться проникнуть на сѣверъ черезъ Беринговъ проливъ.

Въ этихъ видахъ посланы были довѣренные люди въ Инжигу и на Чукотскій носъ предупредить чукчей о возможности появленія русскихъ судовъ въ Беринговомъ проливѣ.

Разоруживъ суда и сдавъ ихъ на храненіе властямъ, экспедиція нагрузила свои запасы на барку и отправилась въ Средне-Колымскъ.

Во время этого плаванія, путешественникамъ пришлось видѣть довольно интересное зрѣлище: борьбу орла съ двумя соколами. Два сокола напали на орла въ то время, когда онъ летѣлъ черезъ рѣку. Борьба между ними

*) Фактъ, подтвержденный новѣйшими изслѣдованіями.

**) Все это оказалось возможнымъ для Врангеля сорокъ лѣтъ спустя.

началась надъ самою срединою рѣки. Соколы сначала плыли по воздуху надъ орломъ; потомъ одинъ спустился прямо на орла, но орелъ въ ту же минуту оборотился когтями вверхъ и приготовился встрѣтить противника. Соколъ, видя вооруженнаго непріятеля, увернулся и миновалъ его. Но какъ только орелъ принялъ обыкновенное положеніе, другой соколъ бросился на него и нанесъ ему въ спину жестокій ударъ. Между тѣмъ, первый соколъ, парившій въ высотѣ, спустился и нанесъ второй ударъ. Подшибленный орелъ сталъ опускаться, а соколы продолжали поочередно нападать и бить его.

Августа 29-го экспедиція прибыла въ Средне-Колымскъ; но такъ какъ дороги были очень грязны, то ей пришлось ожидать заморозковъ. Тѣмъ временемъ стали заготовлять лошадей для дальнѣйшаго слѣдованія.

ГЛАВА III.

Прибытіе въ Охотскъ. Постройка судовъ. Гибель судна «Доброе Намѣреніе». Плаваніе въ Камчатку.

Сентября 24-го (1787 г.) первая часть команды отправилась изъ Средне-Колымска, а 28-го выѣхалъ Сарычевъ со спутниками на верховыхъ лошадяхъ. Дорога шла на Алазейское селеніе, находившееся отъ С.-Колымска въ 90 верстахъ, черезъ лѣса и болота со множествомъ озеръ.

Въ самый Покровъ путешественники прибыли въ Алазейское селеніе, состоявшее всего изъ двухъ избъ и часовни. Здѣсь жили два русскихъ семейства, которыя, повидимому, были очень довольны своимъ положеніемъ. Они радушно приняли путешественниковъ и разсказали имъ, между прочимъ, что изъ песчанаго берега рѣки Алазеи

вымыло недавно остовъ большого животнаго, въ стоячемъ положеніи, величиною съ слона. Сохранилась будто бы и кожа, а мѣстами даже длинная шерсть. Провѣрить эти слухи было невозможно, такъ какъ указанное мѣсто лежало верстъ на сто въ сторону отъ намѣченнаго пути. Надо полагать, что найденное животное былъ мамонтъ, кости котораго попадаются въ изобиліи по островамъ и побережью Ледовитаго океана.

Чѣмъ дальше двигались путешественники, тѣмъ сильнѣе холодъ давалъ себя чувствовать. Одинъ байдарщикъ, старикъ, такъ сильно страдалъ отъ стужи, что отказался идти далѣе и объявилъ, что останется умирать въ лѣсу. Сарычеву удалось отговорить его отъ этого безумнаго намѣренія; онъ обѣщалъ, что оставитъ его въ первомъ селеніи, что и исполнилъ.

Путешествіе до Якутска продолжалось два мѣсяца и было крайне тягостно. Стужа доходила до того, что несмотря на тройное мѣховое платье, полчаса нельзя было просидѣть на лошади; приходилось соскакивать и бѣжать, чтобы согрѣться. Многіе изъ команды отморозили себѣ носы и щеки, а чтобы ихъ совсѣмъ не поморозить, сдѣлали изъ фланели родъ маски, которая, хотя и леденѣла снаружи, но внутри всетаки предохраняла лицо отъ дѣйствія холода.

Эта маска подала поводъ къ забавной сценѣ. При входѣ въ одну якутскую юрту, всѣ сняли маски, исключая доктора Мерка. Только что онъ появился на порогѣ, какъ одна якутка съ крикомъ бросилась на него, стала бить по лицу и рвать маску. Докторъ чрезвычайно испугался, не понимая, что съ нимъ дѣлается; тѣмъ болѣе, что сквозь заиндивѣвшія рѣсни цыне могъ различать предметовъ. Бѣшеную бабу оттащили, но она не переставала кричать, пока не впала въ безпамятство.

Въ Екатерининъ день путешественники прибыли наконецъ въ Якутскъ, гдѣ могли согрѣться и отдохнуть.

Декабря 19-го Биллингсъ отправился въ Иркутскъ, а Сарычева отрядилъ на устье рѣки Маи, гдѣ онъ долженъ былъ построить лодки для отправки весною провіанта и багажа по рѣкамъ Маѣ и Юдомѣ въ Охотскъ. По пути Сарычеву пришлось проѣзжать черезъ Амгинскую слободу, съ русскими поселенцами до того объякутившимися, что они забыли даже свой родной языкъ.

Проѣхавъ отъ Якутска 390 в., Сарычевъ прибылъ на Усть-Майскую пристань и тотчасъ же приступилъ къ заготовкѣ лѣса для лодокъ.

Когда вскрылась рѣка Мая, Сарычеву пришлось быть свидѣтелемъ чрезвычайно оригинальнаго явленія. Вмѣстѣ со льдомъ несло по рѣкѣ островъ, въ окружности до 70 саж. На немъ росло много березняку и лиственницъ, лежали нарубленныя дрова и птички съ щебетаньемъ перелетали съ дерева на дерево. Вѣроятно, островокъ этотъ держался на торфяной почвѣ какого-нибудь болота и разлившеюся рѣкою его сорвало съ мѣста. Гдѣ то онъ остановится? думалось невольно, при видѣ его.

Вода въ этотъ годъ прибывала такъ сильно, что Алданъ, въ который впадаетъ Мая, вышелъ изъ береговъ и затопилъ даже такія мѣста, которыя возвышались до 60 футовъ. Якуты, живущіе въ этой мѣстности, сильно пострадали; утонуло до 300 лошадей.

Въ началѣ Іюля, Сарычевъ, нагрузивъ лодки припасами, двинулся вверхъ по р. Маѣ и на девятый день выплылъ въ р. Юдому. Рѣка Юдома богата порогами; теченіе въ ней такъ быстро, что 30 человѣкъ едва въ состояніи тянуть лодку. Въ одномъ мѣстѣ бичевой стащило якута въ воду и онъ утонулъ. Были мѣста столь мелкія, что людямъ приходилось входить въ воду по колѣна и перетаскивать лодки почти на рукахъ. У многихъ разболѣлись ноги. Всего больше страдали якуты, главнымъ образомъ потому, что терпѣли нужду въ продовольствіи. Якуты страшно нерасчетливы и прожорливы.

Ихъ обжорство поражало Сарычева. На ночлегахъ, у нихъ цѣлую ночь пылали костры и варилась пища. Ради ѣды они все забывали; цѣлую ночь ѣли, а днемъ бродили, какъ зимнія мухи. У одного изъ бывшихъ въ экспедиціи якутовъ, при отправленіи въ путь, было 4 пуда масла и жиру. Сверхъ того, дали ему изъ запасовъ 2 пуда ржаной муки. Черезъ двѣ недѣли, все это было уже съѣдено. Якуты, смѣясь резсказывали, что этотъ человѣкъ въ одинъ день съѣдалъ заднюю ногу быка, или $^1/_2$ пуда жиру. Глядя на маленькую, тщедушную фигурку обжоры, трудно было повѣрить этимъ рѣчамъ и Сарычеву вздумалось сдѣлать опытъ. Онъ приказалъ сварить густую ржаную саламату и приправить ее жиромъ. Когда кушанье свѣсили, въ немъ оказалось 28 ф. Якутъ, несмотря на то, что уже позавтракалъ, съѣлъ все, не сходя съ мѣста.

Берега Юдомы очень разнообразны. Они то низменны, то утесисты. По мѣстамъ, рѣка течетъ между двумя отвѣсными стѣнами, какъ въ корридорѣ. Въ одномъ мѣстѣ есть водопадъ, съ паденіемъ до 6-ти футовъ. Къ счастью, здѣсь отдѣляется отъ рѣки рукавъ, образующій островъ. Рукавъ порожистъ и мелокъ, но лодки пройти по немъ могутъ, хотя приходится облегчать ихъ выгрузкою нѣкотораго количества клади.

Былъ конецъ Августа и по здѣшнимъ мѣстамъ начались уже заморозки. Людямъ постоянно приходилось работать въ водѣ и они начали, было, роптать. Только примѣръ начальника, который самъ работалъ наравнѣ съ ними, удерживалъ ихъ въ повиновеніи.

Прибывъ 29-го Августа къ селенію, называемому „Юдомскій Крестъ", Сарычевъ сложилъ въ построенный здѣсь магазинъ привезенный багажъ, а самъ съ командою отправился на лошадяхъ въ Охотскъ.

На третьи сутки отрядъ обогналъ, ѣхавшій налегкѣ, капитанъ Биллингсъ, который и взялъ Сарычева съ

собою. Достигнувъ рѣки Охоты, путешественники оставили лошадей и сѣли на паромъ, на-скоро устроенный изъ двухъ связанныхъ между собою вѣтокъ*). Теченіе было такъ быстро, что въ 6 часовъ они проплыли 70 верстъ и пристали у самаго Охотска.

Здѣсь находился уже одинъ изъ членовъ экспедиціи капитанъ-лейтенантъ Галлъ, посланный для постройки судовъ. Одно изъ нихъ было почти готово, другое — заложено. Капитанъ Биллингсъ, сдѣлавъ надлежащія распоряженія, уѣхалъ опять въ Якутскъ.

Охотскъ, лежащій на болотистой низменности, произвелъ на моряковъ крайне невыгодное впечатлѣніе. Кругомъ не было ни одного дерева и даже трава выглядѣла какою то чахлою. Отъ болота поднимались испаренія, вредныя для здоровья; такъ что зима въ этой мѣстности была чуть ли не лучшимъ временемъ года.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ отправлены были къ „Юдомскому Кресту“ нарты съ собаками для перевозки тяжестей, а въ Охотскѣ тѣмъ временемъ шла спѣшная работа.

Съ наступленіемъ весны, Сарычевъ долженъ былъ по повелѣнію начальника экспедиціи заняться описаніемъ морскаго берега отъ устья р. Охоты къ югу-западу до р. Улькана. Построивъ для этой цѣли байдару**), приспособленную къ плаванію около береговъ, Сарычевъ съ командою въ десять человѣкъ 31 Мая 1788 г. вышелъ въ море. Раньше, по причинѣ державшихся у береговъ припаевъ***) сдѣлать это было невозможно.

Описываемая часть берега замѣчательна множествомъ длинныхъ и узкихъ озеръ, идущихъ параллельно съ берегомъ. Надо думать, что эти озера образовались изъ рѣчекъ, воды которыхъ, избравъ другое русло, оставили въ болѣе глубокихъ мѣстахъ водоемы. Съ теченіемъ

*) Туземная лодка.
**) Лодка, обтянутая моржовой кожей.
***) Береговой ледъ.

времени промежутки между водоемами были занесены пескомъ и валунами, отчего и возвысились надъ уровнемъ моря. Такихъ, не сбѣжавшихъ еще рѣчекъ по прибрежью встрѣчалось много.

Въ первые дни плаванія, буруны не допускали Сарычева пристать къ берегу. Однажды, поднялся, было, попутный вѣтеръ, но встрѣтясь съ противуположнымъ теченіемъ развелъ такое волненіе, что валы чуть не захлестнули лодки. Только ловкость командира, ставившаго лодку, во время, на перерѣзъ волнамъ, спасла ее отъ потопленія.

Пробывъ въ экспедиціи болѣе мѣсяца и исполнивъ данное ему порученіе, Сарычевъ съ командою, 7-го Іюля, вернулся въ Охотскъ и поступилъ на только что оконченное судно „Слава Россіи“ подъ командою капитана Биллингса. Іюля 8-го спущено было другое судно „Доброе Намѣреніе“ подъ командою Галла. Оснастка судовъ, за неимѣніемъ хорошихъ мастеровъ, представляла много затрудненій. Матросы набраны были изъ казаковъ, которые никогда не видали моря и пріучить ихъ къ дѣлу было очень трудно.

Бо́льшую по размѣру „Славу Россіи“ нельзя было нагрузить на мѣстѣ въ виду того, что на рѣкѣ Охотѣ есть банки, тянущіяся съ версту и болѣе. При благопріятномъ вѣтрѣ можно было бы ихъ пройти въ полчаса; въ настоящее же время приходилось тянуться нѣсколько дней и каждые сутки, при убыли воды, стоять на мели по нѣсколько часовъ.

Августа 27-го „Слава Россіи“ наконецъ вышла на рейдъ и стала на якорь въ четырехъ верстахъ отъ берега. Здѣсь, съ помощью транспортныхъ галіотовъ стали нагружать судно, а тѣмъ временемъ на р. Охотѣ оканчивалась оснастка судна „Доброе Намѣреніе“.

Не въ добрый часъ вышло это судно въ море. Первый день его плаванія, 8-го Сентября, былъ также и послѣд-

нимъ. „Доброе Намѣреніе“ окончило свое существованіе, едва явившись на свѣтъ.

Очевидецъ событія разсказываетъ о немъ такъ:

„Поутру рано изготовили судно къ выходу на рейдъ; сняли всѣ швартовы *) и вывели въ устье рѣки. Въ 9 часовъ, когда поднялась вода, пошло оно подъ всѣми парусами, при самомъ тихомъ попутномъ вѣтрѣ, съ помощью буксирующихъ нѣсколькихъ гребныхъ судовъ. При выходѣ изъ устья рѣки, вѣтеръ совсѣмъ утихъ; слѣдовательно, не было отъ парусовъ никакой помощи; а чрезвычайная зыбь, бившая съ моря прямо въ носъ, отнимала дѣйствіе буксира и производила сильную килевую качку. Судно, вмѣсто того, чтобы подвигаться впередъ, склонялось къ банкѣ. Въ 11 часовъ зыбь усилилась и одинъ большой валъ привелъ буксирующія шлюпки въ безпорядокъ и тѣмъ ослабилъ буксиры.

Судно вдругъ поворотилось бокомъ и черезъ минуту было уже на банкѣ. Сильный бурунъ съ пѣнящейся засыпью, разбиваясь о судно, вздымался выше марсовъ и силою своею то ударялъ въ дно и подвигалъ судно къ берегу, то бросалъ его съ чрезвычайною силою съ боку на бокъ, отчего скоро сломило всѣ мачты. Помощи подать было невозможно. Всѣ городскіе жители, сбѣжавшись на берегъ, стояли противъ того мѣста, гдѣ разбивалось „Доброе Намѣреніе“. Но такъ какъ ни подъѣхать, ни подойти къ нему, ни снять экипажъ на берегъ за великимъ буруномъ не было возможности, то и оставалось только — однимъ смотрѣть, а другимъ ожидать смерти. Страшные валы, слѣдуя одинъ за другимъ, бросали судно изъ стороны въ сторону. Отъ сильнаго сотрясенія люди падали въ воду, а обломки мачтъ, реевъ и марсовъ летѣли во всѣ стороны и попадая въ утопающихъ, давили многихъ изъ нихъ. Такое ужасное положеніе длилось че-

*) Веревки, удерживающія судно.

Гибель судна „Доброе Намѣреніе".

тыре часа, пока при отливѣ не сбыла вода и судно не перестало бить буруномъ. Тогда люди принялись выгружать всѣ припасы и осмотрѣвъ судно, нашли, что его можно еще починить. Къ несчастью, въ слѣдующіе два прилива, волненіе было такъ сильно, что судно окончательно повредилось и сдѣлалось никуда негоднымъ. Биллингсъ, посовѣтовавшись съ офицерами, рѣшился его сжечь, чтобы достать изъ него, по крайней мѣрѣ, желѣзо. Вечеромъ, 10-го Сентября, жители Охотска могли любоваться нежданною иллюминаціею, а команда—оплакивать гибель судна, стоившаго столькихъ трудовъ и издержекъ".

Зыбь продолжалась трое сутокъ и „Славу Россіи" подрейфовало*) къ устью. Экипажъ имѣлъ полное основаніе опасаться, что судно втянетъ на банку, гдѣ оно подвергнется несчастной участи „Добраго Намѣренія". Такіе случаи бывали. Капитанъ Биллингсъ и вся команда бодрствовали день и ночь и находились въ страшномъ безпокойствѣ. 16-го Сентября, наконецъ, вѣтеръ утихъ и несмотря на то, что ночью выпалъ снѣгъ и покрылъ палубу на ½ ф., капитанъ Биллингсъ приказалъ сняться съ якоря. „Слава Россіи" подняла паруса и пошла въ Камчатку, чтобы, прозимовавъ въ Петропавловской гавани, раннею весною выйти въ море.

На слѣдующій день поднялась буря и непривычные къ морю матросы пришли въ ужасъ. Съ каждымъ налетавшимъ валомъ они ожидали смерти. Многіе были больны морскою болѣзнью; нѣкоторые, болѣе суевѣрные, говорили, что буря произошла отъ того, что капитанъ Биллингсъ взялъ съ собою живого орла и просили его выпустить. Капитанъ Биллингсъ, разумѣется, ихъ не послушалъ и спустя два дня буря сама собою утихла.

Направляясь къ Курильскимъ островамъ, мореплава-

*) Выраженіе: „дрейфуетъ судно" употребляется тогда, когда якорь не держитъ а тащится по дну моря.

тели, по пути, открыли островъ, бывшій до тѣхъ поръ неизвѣстнымъ и по обычаю того времени, назвали его именемъ Св. Іоны, память котораго праздновалась въ этотъ день. Глядя на этотъ утесистый островъ, издали похожій на стогъ сѣна, Сарычевъ припомнилъ, что онъ еще въ Охотскѣ наблюдалъ, какъ чайки вечеромъ улетали въ море на югъ, а къ утру возвращались. Вѣроятно, на этотъ островъ онѣ и летали.

Пока судно шло въ виду острова, къ нему прилетало много черныхъ птицъ, называемыхъ урилами. Онѣ, попеременно одна за другой облетали кругомъ судна довольно близко, каждая не меньше трехъ разъ, словно осматривая его.

Миновавъ Курильскіе острова, судно вступило въ широту на 10° южнѣе той, въ которой находится Охотскъ. Это тотчасъ же сказалось на погодѣ: солнце ярко свѣтило и грѣло, берега пріятно зеленѣли, море было гладко, какъ зеркало. Всѣ съ наслажденіемъ сидѣли на палубѣ и любовались природою.

Октября 5-го мореплаватели увидали Камчатку и ея Авачинскую губу, окруженную пятью отдѣльно стоящими горами, изъ которыхъ одна огнедышащая. Вечеромъ вошли въ Петропавловскую гавань, гдѣ и бросили якорь.

„Славу Россіи“ разгрузили и экипажъ съѣхалъ на берегъ.

Петропавловскій портъ въ настоящее время главный городъ Камчатки, но во времена Сарычева было бы слишкомъ смѣло назвать его городомъ. Нѣсколько жалкихъ хижинъ, между которыми бродили коровы, да нѣсколько казенныхъ магазиновъ, вотъ все, что представлялось взору европейцевъ. Даже помѣщенія нельзя было найти; пришлось строить бараки.

Проведя зиму въ Камчаткѣ, Сарычевъ имѣлъ возможность познакомиться со страною и его чрезвычайно пора-

жало обиліе благъ, дарованныхъ природою этому краю, и неумѣніе человѣка пользоваться этими благами.

Климатъ Камчатки далеко не такъ суровъ, какъ климатъ Сибири. Хотя на восточномъ берегу холодные вѣтры мѣшаютъ высокому росту деревьевъ, но подальше отъ берега горные склоны и долины покрыты большими лѣсами, въ которыхъ водится много пушныхъ звѣрей. Частые туманы и дожди невыгодны для созрѣванія ржи, но ячмень и овесъ родятся здѣсь прекрасно. До какой степени климатъ вліяетъ на измѣненіе формы злаковъ, видно изъ того, что европейскій ячмень, посѣянный здѣсь, даетъ колосъ очень крупный и безъ ости. Пастбища такъ роскошны, что имъ позавидовалъ бы голландскій скотъ. Благодаря сырости, трава достигаетъ такой вышины, что въ ней можетъ спрятаться всадникъ. Иные луга можно косить три раза въ лѣто. Не смотря на такую благодать, Сарычевъ видѣлъ только нѣсколько жалкихъ коровъ, да и тѣ были куплены Биллингсомъ для продовольствія команды.

Что же касается рыбы, то нѣтъ страны въ мірѣ, гдѣ бы водилось ее такъ много, какъ въ Камчаткѣ. Весною лососи въ такомъ громадномъ количествѣ поднимаются вверхъ по рѣкамъ, что послѣднія вздуваются и живыми волнами выходятъ вонъ изъ береговъ. Медвѣди, собаки и другія животныя зубами и лапами ловятъ въ эту пору болѣе рыбы, нежели въ другихъ мѣстностяхъ человѣкъ самыми усовершенствованными снастями. Медвѣдь дѣлаетъ еще такъ: онъ погружается въ воду, выставляя только спину. Мелкая рыба, принимая его шерсть за траву, прячется въ нее. Медвѣдь выходитъ на берегъ, встряхивается и принимается поѣдать своихъ гостей.

Впрочемъ, камчатскій медвѣдь очень миролюбивъ и на людей не нападаетъ. Даже дѣти, которыя ходятъ собирать особый мучнистый корень—сарану—его не боятся, хотя и знаютъ, что если встрѣтится медвѣдь, то одолѣетъ:

Видъ травъ внутри Камчатскаго полуострова.
(По Гр. Литке).

ударитъ ребенка лапой, повалитъ его, а корень съѣстъ. Если же отдать ему сарану добровольно, то онъ не сдѣлаетъ никакого вреда.

Вдоль всего полуострова идетъ высокій горный хребетъ, на которомъ есть нѣсколько дѣйствующихъ вулкановъ. Это заставляетъ предполагать, что нѣдра горъ богаты минералами, обработка которыхъ могла бы обогатить не одну сотню людей. Особенно характеристичная черта Камчатки,—это обиліе ключей, которые бьютъ такъ сильно, что лѣтомъ приходится дѣлать большіе обходы и объѣзды. Зимою же ключи не даютъ замерзать многимъ болотамъ и рѣчкамъ и тѣмъ крайне затрудняютъ сообщеніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что между этими ключами есть и минеральные.

До завоеванія Камчатки, населеніе было въ 20 разъ многочисленнѣе, нежели теперь. Но казаки и оспенная эпидемія быстро уменьшили число жителей и теперь въ Камчаткѣ ихъ едва ли больше чѣмъ квадратныхъ миль. Всѣ они скучены на нѣсколькихъ пунктахъ, такъ что большая часть полуострова предоставлена одной природѣ.

Климатъ Камчатки очень полезенъ для здоровья, доказательствомъ чему служитъ долговѣчность камчадаловъ. Это крѣпкій народъ, который до глубокой старости не теряетъ зубовъ и волосъ. Наружностью камчадалы некрасивы: они малорослы, широкоплечи, имѣютъ выдающіяся скулы и челюсти, очень толстыя губы и черные волосы. У мужчинъ цвѣтъ лица буровато-смуглый, иногда желтоватый, у женщинъ—бѣлый и румяный. Женщины сохраняютъ свой цвѣтъ лица тѣмъ, что въ молодости закалываютъ себѣ лицо медвѣжьими кишками. Румянятся онѣ особымъ видомъ морской водоросли.

Одежда камчадаловъ похожа на одежду сибирскихъ инородцевъ, хотя въ большихъ центрахъ многіе одѣваются по-русски и строятъ русскія избы; но большинство

Зимнее и лѣтнее жилища на Камчаткѣ.
(По Куку).

довольствуется юртами, врытыми въ землю. Входъ въ эти жилища сверху, по бревну съ зарубками. Отъ такой неудобной лѣстницы много между камчадалами кривобокихъ и горбатыхъ.

Главную пищу туземцевъ составляетъ рыба. Кромѣ того, они ѣдятъ оленину, когда она есть, нѣкоторыя водоросли, сарану и стебли кипрея, которые прессуютъ и, сбивая вмѣстѣ въ видѣ полосъ, намазываютъ масломъ, или тюленьимъ жиромъ и ѣдятъ сырыми.

Камчадалъ съ собакой.

На пирушкахъ употребляютъ какъ опьяняющее средство — мухоморъ. Въ сыромъ видѣ онъ вязокъ и противенъ; а потому его сушатъ и пускаютъ въ ходъ въ видѣ порошка. Дѣйствіе его подобно дѣйствію гашиша,

Камчадалы народъ очень способный и легко поддаются культурѣ; но по нравственнымъ качествамъ они не симпатичны: при хорошемъ съ ними обращеніи заносчивы, при крутомъ — низкопоклонны. Большинство изъ нихъ крещены, что не мѣшаетъ имъ вѣровать въ шамановъ. Во время пребыванія Сарычева въ Большерѣцкѣ, произошелъ забавный случай: одинъ казакъ, выдавая себя за шамана, морочилъ туземцевъ. Ловкой выдумкой ему удалось изобличить вора, укравшаго у товарища табакъ.

Опросивъ камчадаловъ и не найдя виновнаго, казакъ наломалъ равной величины лучинокъ и роздалъ камча-

даламъ, увѣривъ ихъ, что у виновнаго за ночь лучинка удлиннится. Вору плохо спалось и онъ безпрестанно осматривалъ лучинку. Воображеніе ли тутъ играло роль, или воспаленные отъ безсонницы глаза увеличивали предметъ, но ему все казалось, что лучинка удлиняется и онъ отламывалъ по кусочку. Когда утромъ самозванный шаманъ провѣрилъ лучинки, оказалось, что у вора она короче и уличенный преступникъ сознался, извиняясь тѣмъ, что издержавъ свой табакъ, безъ котораго онъ жить не можетъ, принужденъ былъ украсть.

Въ то время табакъ въ Камчаткѣ былъ страшно дорогъ и кто не запасался имъ на мѣстной ярмаркѣ, долженъ былъ платить по сту рублей за фунтъ, если имѣлъ средства. Многіе отдавали за табакъ послѣднее достояніе. Инородцы сильно пристрастны къ табаку, который они, либо курятъ, смѣшивая его съ древесными стружками, либо нюхаютъ, либо жуютъ. Особенно цѣнится табакъ самый крѣпкій, черкасскій.

ГЛАВА IV.

Русское селеніе на островѣ Кадьякѣ. Американскій берегъ. Сношенія съ туземцами.

Прозимовавъ въ Камчаткѣ, „Слава Россіи“ вышла изъ Авачинской губы 9-го Мая и направилась къ востоку. По предписанію слѣдовало идти къ американскимъ берегамъ вдоль Алеутскихъ острововъ, описывая ихъ и снимая на карту. Но такъ какъ на морѣ господствовали сильные туманы, мѣшавшіе съемкѣ, то Биллингсъ рѣшилъ, не теряя дорогого времени, идти прямо къ Америкѣ, огибая южные острова и описывая ихъ, если будетъ возможно.

16-го числа мореплаватели видѣли много плавающей морской капусты и въ одномъ мѣстѣ встрѣтили дерево съ сучьями. Прилетало много птицъ и одинъ куликъ даже опустился на судно. Все это были признаки близости земли.

Цѣпь Алеутскихъ острововъ отдѣляетъ такъ называемое Берингово море отъ Тихаго океана. Въ Беринговомъ морѣ не дѣйствуетъ гольфстремъ и потому климатъ его суровѣе той части океана, которая лежитъ между Гренландіей, Исландіей, Норвегіей и Шпицбергеномъ. Кромѣ того, въ него заносится много льда. Лишь только мореплаватель вступаетъ въ Берингово море, онъ уже чувствуетъ пониженіе температуры. Ни одно море не имѣетъ такъ много тумановъ, какъ Берингово. Это происходитъ отъ того, что съ береговъ приносится болѣе нагрѣтый воздухъ, который, охлаждаясь на Беринговомъ морѣ, падаетъ туманомъ. Отъ этого климатъ Алеутскихъ острововъ очень суровъ. Деревьевъ нѣтъ вовсе, или они очень малорослы. За то постоянная влажность способствуетъ произрастанію травъ, а на возвышенностяхъ можно встрѣтить совершенно альпійскую флору.

Іюня 3-го „Слава Россіи“ подошла къ Уналашкѣ, одному изъ самыхъ большихъ Алеутскихъ острововъ. Увидавъ судно, семь алеутовъ, въ одномѣстныхъ байдаркахъ подъѣхали къ нему, чтобъ проводить въ безопасное мѣсто. Къ вечеру, съ помощью буксирующихъ гребныхъ судовъ, судно бросило якорь у Спиркина острова, отдѣленнаго небольшимъ проливомъ отъ острова Уналашки.

Во все время стоянки на якорѣ „Славы Россіи“ туземцы очень дружелюбно относились къ русскимъ и привозили имъ свѣжей рыбы. Уходя въ море, Биллингсъ взялъ въ проводники двухъ алеутовъ и одну алеутку, знавшихъ по русски. Они бывали на всѣхъ островахъ къ востоку отъ Уналашки и знали ихъ названія.

На нѣкоторыхъ изъ попутныхъ острововъ дымились сопки; на одномъ — сопка была въ полномъ изверженіи. Эта горящая гора посреди моря съ отраженіемъ ея въ волнахъ представляла оригинальное и величественное зрѣлище.

Іюня 21-го „Слава Россіи“ прошла острова Шумагинскіе, названные по имени матроса Шумагина, умершаго и погребеннаго тутъ. Всѣхъ ихъ считается 13. Встрѣчалось много птицъ, а кругомъ судна плавали киты, оставляя послѣ себя на поверхности слой жира, которымъ

Жители Уналашки въ своихъ байдаркахъ.
(По Гр. Литке).

съ удовольствіемъ лакомились чайки и глупыши. Ударяя хвостомъ по водѣ, киты производили шумъ, подобный пушечному выстрѣлу.

Іюня 25-го судно подошло къ Евдокіевскимъ островамъ, откуда пріѣхали американцы и одинъ русскій, приказчикъ промышленника, посланный на островъ Кадьякъ для ловли сивучей и птицъ. Для этого промысла нанято было имъ до 300 островитянъ.

Между пріѣхавшими былъ одинъ субъектъ, одѣтый въ женское платье. Лицо у него было вышито, а въ носу продѣты бисерныя серьги.

На островѣ Кадьякѣ, моряки осматривали русское селеніе, заложенное купцомъ Шелеховымъ. Для огражденія себя отъ непріязненныхъ дѣйствій туземцевъ, русскіе держали, въ видѣ заложниковъ, туземныхъ дѣтей, которымъ отцы должны были доставлять продовольствіе. Съ дѣтьми обращались ласково и отпускали ихъ даже домой для свиданія съ родственниками.

Коренные жители Кадьяка, живущіе въ близкомъ сосѣдствѣ съ алеутами, не имѣютъ съ ними никакого сходства. Они ростомъ выше, лица у нихъ площе и говорятъ они совсѣмъ другимъ языкомъ. Подрѣзанные въ кружокъ волосы они намазываютъ жиромъ и посыпаютъ краснымъ пескомъ, или птичьимъ пухомъ. Во время игръ, они раскрашиваютъ лицо на подобіе маски.

Пока „Слава Россіи“ стояла на якорѣ, на судно не разъ пріѣзжали туземцы. Они съ любопытствомъ все осматривали, но на продажу ничего не привозили. Послѣднее обстоятельство говорило въ пользу ихъ честности, такъ какъ промышленники у нихъ все закупаютъ впередъ и продавать что нибудь на сторону было бы обманомъ.

Іюля 6-го „Слава Россіи“ снялась съ якоря и пошла на сѣверъ; 12-го числа мореплаватели увидали американскій берегъ. Скоро приплыли къ нимъ на одномѣстныхъ байдаркахъ два американца, которые махали руками и кричали: „ляли, ляли“! Ихъ знаками приглашали на судно, но они долго не рѣшались. Взойдя на судно, дикари скоро освоились и стали приглашать пріѣзжихъ къ себѣ. Отъ этихъ людей моряки узнали, что они находятся противъ губы „Нука“.

Вечеромъ 19-го Іюля судно бросило якорь у острова Цукли, названнаго Кукомъ „Монтегю“. Послѣ однообразныхъ Алеутскихъ острововъ пріятно было смотрѣть на крутые лѣсистые берега, на разлоги горъ, откуда стремились ручьи, на зеленую мураву, усыпанную цвѣтами.

Видъ селенія купца Шелехова на островѣ Кадьякѣ.
(По Сарычеву).

На другой день и въ слѣдующіе дни пріѣзжали туземцы и привозили разную домашнюю утварь, которую мѣняли на бисеръ. Лицемъ эти американцы очень походили на алеутовъ и такую же носили одежду. Только въ честности они много уступали своимъ сосѣдямъ. Одного изъ нихъ Сарычевъ пригласилъ въ свою каюту и угостилъ чаемъ. Выпивъ чай съ видимымъ удовольствіемъ, гость спряталъ и чашку. Онъ очень удивился, когда хозяинъ потребовалъ ее обратно.

Рѣдкій день проходилъ, чтобы туземцы чего нибудь не украли у команды. Иной разъ прямо вырывали вещи изъ рукъ и убѣгали. Одинъ дикарь, дружески разговаривая съ егеремъ, вдругъ схватилъ съ головы его каску и бросился бѣжать, но былъ пойманъ. Другой вырвалъ изъ рукъ портного ножницы и убѣжалъ съ ними.

Имѣя въ виду воровскія наклонности туземцевъ, Сарычевъ, съѣзжая на берегъ для съемокъ, принималъ всякія предосторожности, чтобъ не попасться имъ въ руки. Ночи, напримѣръ, онъ всегда проводилъ на баркасѣ, причемъ выставлялъ караулъ. Послѣдствія показали, что онъ былъ вправѣ такъ поступать.

„Когда я выставлялъ караулъ,—разсказываетъ Сарычевъ,—команда на меня роптала, а между тѣмъ оказалось, что моя осторожность далеко была не лишняя и что она, можетъ быть, спасла намъ жизнь. Толмачъ, по неосторожности, сказалъ дикарямъ, что у меня много бисеру и корольковъ, чѣмъ возбудилъ въ нихъ непреодолимое желаніе воспользоваться этими сокровищами. Нецивилизованные люди, подобно дѣтямъ, не умѣютъ обуздывать своихъ побужденій и если ими овладѣетъ сильное желаніе, то вчерашніе друзья могутъ сегодня сдѣлаться врагами. Такъ на этотъ разъ и случилось. Не имѣя возможности пріобрѣсти желаемое иначе, какъ силою, дикари рѣшились всѣхъ насъ перебить. Для этой цѣли они хотѣли заманить насъ въ узкую рѣчку подъ предлогомъ

ловли рыбы и, сдѣлавъ нападеніе, перерѣзать. Но я не принялъ ихъ приглашенія и тѣмъ избѣжалъ опасности. Уже впослѣдствіи толмачъ разсказалъ намъ всю эту штуку, признавшись въ своей ошибкѣ. Въ другой разъ, дикіе подкарауливали нашъ выходъ на берегъ и собирались увезти барказъ. Но такъ какъ на барказѣ оставались сторожевые, то туземцамъ не удалось привести свой планъ въ исполненіе. Чтобы отучить ихъ отъ подобныхъ покушеній, я приказалъ одному изъ бывшихъ со мной егерей выстрѣлить въ чайку. Когда птица упала, дикари осмотрѣли ее и спросили, гдѣ же стрѣла? Тогда я, для большаго ихъ вразумленія, велѣлъ стрѣлять въ колоду, которую и пробило насквозь. Дикари смотрѣли на это чудо съ разинутыми ртами, а мы тѣмъ временемъ сѣли на барказъ и уѣхали".

Благодаря такому воздѣйствію, отношенія съ туземцами были довольно сносны. Нерѣдко, замѣтивъ на берегу отрядъ русскихъ, занятыхъ съемкою, дикари вытаскивали свои байдары, подходили и смотрѣли съ видимымъ любопытствомъ. На одномъ изъ приваловъ, американецъ поднесъ Сарычеву бобровую самку съ двумя дѣтенышами и земляники, за что получилъ бисеру и корольковъ. Между тѣмъ поспѣлъ обѣдъ и Сарычевъ пригласилъ дикаря и товарищей его закусить. Они съ удовольствіемъ согласились и принялись такъ проворно ѣсть, что и хозяину ничего не осталось. Зато они попотчевали его бывшимъ съ ними вареным бобровымъ мясомъ и Сарычевъ нашелъ его настолько съѣдобнымъ, что тотчасъ же велѣлъ зажарить подаренаго ему бобра.

Одинъ изъ дикарей былъ тоенъ, т. е. старшина и въ знакъ своего достоинства имѣлъ лицо, вымазанное черной краской.

Прощаясь, онъ прикладывалъ свою щеку къ щекѣ Сарычева, что послѣднему было не особенно пріятно. Вечеромъ, тоенъ съ товарищами явился опять, притащивъ

съ собою полудюймовыя доски, которыя просилъ принять въ подарокъ въ знакъ дружбы. За эту дрянь Сарычевъ одарилъ дикарей зеркалами, ножницами и бисеромъ, чѣмъ они остались чрезвычайно довольны. Сарычевъ пожаловался тоену, что наканунѣ у одного изъ его людей украдена была парка*) и вскорѣ пропавшая вещь была отыскана и возвращена владѣльцу самимъ воромъ, причемъ послѣдній, насмѣшливо улыбаясь, совѣтовалъ впередъ получше беречь вещи.

Услыхавъ отъ матросовъ, что въ лѣсу, за озеромъ видѣнъ дымъ, Сарычевъ предположилъ, что тамъ находятся жилища туземцевъ и попросилъ дикарей проводить его туда. Они охотно согласились и повезли его съ двумя спутниками въ байдаркахъ черезъ озеро. На противоположномъ берегу, близъ устья небольшой рѣчки, построенъ былъ шалашъ, а возлѣ него лежали опрокинутыя байдары. По маленькой рѣчкѣ шло такое обиліе рыбы, что рыбьи спины видѣлись поверхъ воды. Собаки очень ловко схватывали рыбу зубами и вытаскивали ее на берегъ.

Въ шалашѣ сидѣло въ это время нѣсколько женщинъ одѣтыхъ въ старыя бобровыя парки; волосы у нихъ были завязаны на темени хохломъ вверхъ, лица не татуированы. Тутъ же валялись ребятишки. Одаривъ всѣхъ женщинъ бисеромъ, корольками и иголками, Сарычевъ поѣхалъ обратно.

Въ полдень онъ простился съ тоенами, поблагодарилъ за ласку и, увѣривъ ихъ въ дружбѣ русскихъ, вернулся на судно.

Приближалась осень; запасы провіанта истощились; между тѣмъ отсюда до Петропавловской гавани было, по крайней мѣрѣ, два мѣсяца плаванія. Въ виду этого, капитанъ Биллингсъ рѣшился вернуться въ Камчатку и идти кратчайшимъ путемъ, не заходя на Алеутскіе острова.

*) Мѣховая рубашка.

Американское селеніе на берегу озера.

(По Сарычеву).

Это рѣшеніе такъ огорчило алеутовъ, взятыхъ съ Уналашки, что одинъ изъ нихъ полоснулъ себя ножемъ по горлу. Хотя рана была неглубока и докторъ ее зашилъ, но по прибытіи въ Петропавловскъ, бѣдняга умеръ.

Несказанно рады были мореплаватели, ступивъ, наконецъ, на твердую землю. За послѣднее время припасы всѣ вышли, воду пили испорченную и въ самомъ маломъ количествѣ. Задержись судно вѣтрами дня на три и положеніе экспедиціи было бы самое критическое. За то когда путешественники добрались до свѣжей воды, то она показалась имъ божественнымъ напиткомъ.

Зима прошла въ бездѣйствіи и скукѣ; съ нетерпѣніемъ ожидали моряки наступленія весны, чтобы еще разъ сдѣлать экскурсію къ американскимъ берегамъ. Наконецъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, повѣяло теплomъ и явилась возможность заняться починкою судна.

Когда начали его осматривать, то оказалось, что по всему килю выросла морская капуста въ 5 футовъ длины, а въ промежуткахъ пристало множество ракушекъ.

Новое судно „Черный Орелъ“, которое строилось на рѣкѣ Камчаткѣ, не было еще готово, но капитанъ Биллингсъ не сталъ его ждать и отдавъ приказаніе, чтобы оно присоединилось къ „Славѣ Россіи“ на Уналашкѣ, 15-го Мая вышелъ въ море. Іюля 25-го, судно прибыло въ Уналашку и сдало взятую отсюда въ предыдущемъ году женщину. Алеутка, получившая въ подарокъ много нарядовъ, бисеру и табаку, принята была въ своемъ селеніи съ восторгомъ. Земляки завидовали ей и увѣряли, что она самая богатая женщина на островѣ.

Не дождавшись „Чернаго Орла“, „Слава Россіи“ ушла съ Уналашки и направилась на сѣверъ къ Прибиловскимъ островамъ. Прибиловскіе острова, Св. Павла и Св. Георгія, открыты въ 1786 г. штурманомъ Прибиловымъ, который нашелъ здѣсь несмѣтное количество морскихъ животныхъ и остался промышлять ими. Въ корот-

Прибыловскіе острова.

(По Норденшельду).

кое время онъ добылъ 2,320 бобровъ, 30,000 котиковъ, 480 кошлаковъ и медвѣдокъ и 8,000 голубыхъ песцовъ. Сверхъ того найдено было 700 пуд. моржевыхъ клыковъ; всего, по стоявшимъ тогда въ Охотскѣ цѣнамъ, на 250,000 р.

Миновавъ острова Прибиловскіе, судно направилось къ острову Св. Матвѣя, потомъ Св. Лаврентія; 28-го Іюля оно снова бросило якорь у американскаго берега между мысомъ Родней и островомъ Следжь.

Опять появились на своихъ байдаркахъ американцы и только послѣ усиленнаго приглашенія и мимическаго выраженія дружбы, рѣшились взойти на судно.

Они привезли звѣриныя шкурки, деревянную посуду, разныя фигурки изъ моржовой кости и мѣняли все это на бисеръ и колокольки. Когда они собрались уходить, русскіе матросы запѣли пѣсню. Надо было видѣть восторгъ дикарей. Они стояли, какъ очарованные. Потомъ запѣли сами и принялись плясать, точь въ точь какъ игрушечные паяцы, которыхъ дергаютъ за ниточку. Голова у нихъ вертѣлась такъ быстро изъ стороны въ сторону, что глазу казалось, будто она вращается на винтѣ. Вообще, дикари эти имѣли видъ открытый и веселый и казались гораздо симпатичнѣе своихъ соплеменниковъ въ губѣ-Нука. На другой день эти люди пріѣхали опять и привезли съ собой товарищей, очевидно радуясь неожиданному развлеченію. Опять пошли въ ходъ колокольки, которые были даже не настоящіе, а стеклянные, что не мѣшало дикарямъ восхищаться ими. На одну нитку Биллингсъ вымѣнялъ байдару и владѣлецъ ея видимо считалъ себя въ барышахъ, такъ какъ поспѣшилъ спрятать колокольки изъ опасенія, чтобы продавецъ не догадался, что его обсчитали и не потребовалъ колокольковъ назадъ.

Августа 3-го увидали мореплаватели Гвоздевы острова, лежащіе въ Беринговомъ проливѣ и скоро очутились между Азіей и Америкой.

Плывя по Берингову проливу въ ясные дни, можно разомъ видѣть и Старый и Новый Свѣтъ. Берега обоихъ материковъ скалисты, но на азіатской сторонѣ скалы отвѣсно спускаются къ морю, тогда такъ на американской онѣ окаймлены низменностью.

Безлѣсны и пустынны берега Берингова моря; за то

Чукча, въ дождевой блузѣ, изъ тюленьихъ кишекъ.

богаты его нѣдра. Вокругъ скалистыхъ береговъ гигантскія водоросли образуютъ покрытые водой лѣса, какихъ нѣтъ въ жаркомъ поясѣ; по этимъ лѣсамъ гуляютъ всевозможные сорта рыбъ и морскихъ животныхъ. На скалахъ гнѣздятся милліоны птицъ, дающихъ драгоцѣнное гуано, котораго было бы достаточно для удобренія всей Сахары!

Августа 4-го „Слава Россіи“ бросила якорь въ губѣ Св. Лаврентія на азіатскомъ берегу. Офицеры съѣхали на берегъ и были очень ласково встрѣчены чукчами. Чукчи тотчасъ же пригласили пріѣзжихъ въ свои юрты, только просили оставить въ шлюпкѣ оружіе. „Мы какъ друзей своихъ, говорили они, встрѣчаемъ васъ безъ всякаго оружія, такъ и вы съ своей стороны должны тоже сдѣлать“.

Проводивъ гостей въ юрты, чукчи вручили капитану Биллингсу рапортъ сотника Кобелева, посланнаго сюда, какъ уже говорено было раньше для предупрежденія чукчей о прибытіи русскихъ. Сотникъ уѣхалъ обратно, а толмачъ Дауркинъ остался и жилъ въ ближайшемъ стойбищѣ. За нимъ тотчасъ же послали.

Къ вечеру пріѣхали на 12-ти большихъ байдарахъ толмачъ Дауркинъ съ оленными чукчами и тоенъ Имлератъ Кореневъ, у котораго Дауркинъ жилъ. Моряки обласкали пріѣзжихъ, одарили ихъ, и они, вытащивъ и опрокинувъ байдары, расположились въ нихъ жить противъ стоянки судна. Не проходило дня, чтобы они не посѣщали судна и не разсматривали съ любопытствомъ всего, что было на немъ. Особенно поражали ихъ пушки и выстрѣлы изъ этихъ орудій.

Чукчи произвели на моряковъ очень пріятное впечатлѣніе. Рослые, статные, они выглядѣли здоровяками и имѣли открытое выраженіе лица. Они откровенно отвѣчали на предлагаемые вопросы и не выказывали ни лукавства, ни недовѣрія*).

Изъ разспросовъ выяснилось, что плаваніе по Ледовитому морю, по причинѣ льдовъ, для большого судна немыслимо. Принявъ въ соображеніе неудачныя попытки Кука и Клерка, Биллингсъ рѣшилъ описывать берегъ до

*) Подробности о чукчахъ въ путешествіи Врангеля.

Шелагскаго мыса сухимъ путемъ на оленяхъ и подговорилъ тоена Коренева дать ему таковыхъ.

Августа 13-го капитанъ Биллингсъ съ чукчами и восемью человѣками команды отправился на байдарахъ въ губу Мичигменъ, стойбище Коренева, чтобы оттуда отправиться въ дальнѣйшее странствованіе, а Сарычеву приказалъ описать Анадырскую губу и идти зимовать въ Капитанскую гавань на Уналашкѣ.

Исполнивъ данное ему порученіе, Сарычевъ пришелъ 29-го Августа на Уналашку. Сюда же, подъ командою капитана Галла прибыло судно „Черный Орелъ“, которое все лѣто ходило по слѣдамъ „Славы Россіи“ и нигдѣ не могло его поймать.

ГЛАВА V.

Островъ Уналашка. Алеуты. Бобровая охота. Окончаніе экспедиціи.

Устроивъ суда на зимовку, Сарычевъ составилъ изъ членовъ экспедиціи комиссію для разработки средствъ къ исполненію пункта XVII данной капитану Биллингсу инструкціи. Предписано было собрать свѣдѣнія о числѣ алеутовъ мужескаго пола и наложить на нихъ ясакъ. Рекомендовалось притомъ самое ласковое обращеніе съ островитянами и въ случаѣ ихъ усердія награжденіе тоеновъ медалями.

Исполненіе этой инструкціи и болѣе нежели девятимѣсячное пребываніе Сарычева на Алеутскихъ островахъ, дало послѣднему возможность основательно познакомиться съ характеромъ туземцевъ и условіями ихъ быта.

Всѣ алеуты, какъ нравственными, такъ и тѣлесными

свойствами, какъ будто отлиты въ одну форму, что особенно поражаетъ въ виду того, что число ихъ весьма незначительно.

На первый взглядъ, это самый безчувственный народъ въ мірѣ. Алеуты почти никогда между собой не дерутся, а объ убійствахъ и не слыхано. Терпѣніе ихъ почти невѣроятно. Самая сильная боль не вызываетъ у алеута ни одного стона. Если, напримѣръ, алеутъ попадется въ капканъ, поставленный для лисицъ, то совершенно хладнокровно даетъ вынуть изъ ноги зубья капкана; при этомъ нужно замѣтить, что зубьевъ нельзя вынуть тѣмъ же путемъ, какимъ они вонзились въ ногу, а нужно расколоть дерево, въ которое они вбиты и протащить ихъ сквозь ногу. Если же нѣтъ никого, кто бы могъ помочь алеуту въ этомъ дѣлѣ, онъ самъ производитъ операцію *).

Алеутъ никогда не выражаетъ сильной радости; даже ребенокъ, получивъ лакомство, кажется совершенно равнодушнымъ.

Потребности алеута очень ограничены. Если у него есть табакъ, водка, ружье и топоръ, онъ считаетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. Онъ не льстивъ и не щедръ на обѣщанія, но на слово его и на честность можно положиться.

Алеутъ очень гостепріименъ; съ неимущимъ, въ особенности со странникомъ, онъ готовъ подѣлиться послѣднимъ. Стоитъ только человѣку, нуждающемуся въ пищѣ, одѣвшись по дорожному, придти и сѣсть посреди юрты. Безъ всякихъ просьбъ съ его стороны его накормятъ.

Къ умершимъ алеуты относятся съ большимъ уваженіемъ. Прежде, говорятъ, при погребеніи тоена, клали съ нимъ его любимыхъ слугъ. Съ введеніемъ христіанства,

*) Записки епископа Іоанна Веніаминова.

этотъ варварскій обычай исчезъ самъ собою. Жена умершаго, въ знакъ печали, обрѣзываетъ волосы. Иныя неутѣшныя вдовы долго держатъ дорогихъ покойниковъ въ юртѣ и только нестерпимое зловоніе заставляетъ похоронить ихъ. Умершихъ младенцевъ еще дольше не хоронятъ, а сдѣлавъ ящикъ на подобіе шкафа, ставятъ его въ углу юрты, или привѣшиваютъ надъ постелью. Только съ рожденіемъ другого ребенка прежнюю мумію предаютъ землѣ.

Но не всегда покойниковъ зарываютъ въ землю; иногда ихъ помѣщаютъ въ пещеру подъ утесомъ, или изъ наноснаго лѣса дѣлаютъ срубъ. Хоронятъ въ сидячемъ положеніи, пригибая колѣни къ груди. Послѣ погребенія на могилѣ втыкаютъ куски разломанной байдары покойнаго и его стрѣлы.

При раздѣлѣ наслѣдства женѣ и дѣтямъ даютъ только часть. Остальное берутъ родственники.

Многіе алеуты крещены и всѣ, вообще, имѣютъ понятіе о Богѣ, хотя не признаютъ никакого культа, не молятся, говоря, что Богъ лучше знаетъ ихъ нужды и безъ просьбъ дастъ то, что имъ полезно.

Несчастія и болѣзни приписываютъ кознямъ злыхъ духовъ и для умилостивленія ихъ приглашаютъ шамановъ.

Сарычеву удалось присутствовать при лѣченіи шаманомъ больной женщины и онъ наглядно могъ судить, насколько различіе темперамента вліяетъ на исполненіе одной и той же обязанности. Всѣ пріемы шамана были здѣсь тише и спокойнѣе. Сѣвъ возлѣ больной съ нѣсколькими алеутами, шаманъ запѣлъ съ ними пѣсню, ударяя въ бубенъ. Потомъ вдругъ всѣ они замолкли. Это означало, что къ шаману явился подвластный ему духъ, который и не замедлилъ сообщить, что больная страдаетъ за грѣхи отца, вынимавшаго изъ мертвецовъ мозгъ для смазыванія имъ стрѣлъ. Немного погодя, алеуты снова

запѣли и снова умолкли. Шаманъ объявилъ, что духъ долго не хотѣлъ помочь больной, но послѣ его убѣдительной просьбы, наконецъ, согласился, и прогулявшись по ея внутренностямъ, объявилъ, что больная черезъ три дня выздоровѣетъ.

Алеуты не чужды общительности. Иногда они устраиваютъ игрища, которымъ покровительствуютъ шаманы, увѣряя, что эти игрища очень пріятны духамъ. Объясняется это тѣмъ, что на игрищахъ бываетъ угощенье, а шаманы большіе лакомки. Если море выброситъ на берегъ мертваго кита, то игрища устраиваются въ томъ селеніи, близъ котораго случилось это событіе. Велика бываетъ по этому поводу общая радость. Первый, нашедшій кита, носитъ на головѣ повязку, вышитую узорами и сверхъ того имѣетъ право взять себѣ половину перепонки съ языка, половину кишекъ и жилъ. Остальное, тоенъ раздѣляетъ между всѣми обывателями поровну.

Въ той юртѣ, гдѣ я остановился, разсказываетъ Сарычевъ, алеуты устроили игрище. Къ потолку привѣсили на ремняхъ три жерди на значительномъ разстояніи одна надъ другою. Каждый новоприбывшій долженъ былъ спускаться изъ верхняго отверстія юрты, перескакивая съ жерди на жердь. Кто падалъ, тотъ подвергался насмѣшкамъ. Операція эта продѣлывалась при звукѣ бубенъ и вскрикиваньяхъ присутствующихъ. Когда гости сѣли по мѣстамъ, началась пляска. Мальчикъ и взрослый мужчина, опоясанные поясами, съ повязками на рукахъ и на ногахъ, съ шитыми шапочками на головахъ скакали, ударяя въ бубенъ. Потомъ вышли двѣ женщины въ вышитыхъ козьей шерстью повязкахъ. Передъ ними положили надутую тюленью кожу и пузырь; эти вещи онѣ поочередно брали въ руки и съ ними прыгали въ тактъ бубна. Затѣмъ плясали женщины съ стрѣлами въ рукахъ. Послѣ нихъ нѣсколько мужчинъ въ маскахъ изображали

нѣчто въ родѣ пантомимы подъ акомпаниментъ монотонной пѣсни. На смѣну имъ явились новые актеры и актрисы въ маскахъ. Когда эти лицедѣи усѣлись вдоль стѣнъ, прибѣжали двѣ растрепанныя женщины съ сивучьими усами въ рукахъ и принялись тыкать ими то въ того, то въ другого изъ сидѣвшихъ, приплясывая и при-

Маски, употребляемыя алеутами при игрищахъ.
(По Сарычеву).

пѣвая, вѣроятно, соотвѣтствующіе каждому лицу куплеты.

Иногда островитяне развлекаются играми другого рода. Сарычевъ былъ крайне удивленъ, увидавъ ихъ играющими въ карты, въ шашки и даже въ шахматы. Этимъ играмъ обучились они у промышленниковъ, проводящихъ здѣсь много времени. Къ сожалѣнію, пришельцы не пользуются своимъ вліяніемъ какъ бы слѣдовало цивилизованнымъ людямъ и приносятъ туземцамъ болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Жилища алеутовъ очень похожи на камчадальскія. Ихъ основаніе также врыто въ землю, и внутрь проникаютъ сверху, по бревну съ зарубками. По стѣнамъ идутъ сдѣланныя изъ травяныхъ рогожъ загородки, въ которыхъ живутъ отдѣльныя семьи. Всякая женщина въ своемъ отдѣленіи занимается рукодѣліемъ, которое состоитъ въ вышиваніи, плетеніи травяныхъ рогожъ, мѣшечковъ и корзинокъ. Нѣкоторыя рукодѣльницы доводятъ свою работу до чрезвычайнаго изящества. Для плетенія собираютъ особый родъ травы, сушатъ ее, и разрѣзаютъ ногтемъ вдоль, на полоски желаемой длины. Для этой операціи мастерицы отращиваютъ острый ноготь на указательномъ пальцѣ. Этимъ же ногтемъ онѣ дѣлятъ жилы морскихъ звѣрей на тончайшія волокна, изъ которыхъ сучатъ прекрасныя нитки, употребляемыя для шитья платья и обуви. Иголки у нихъ костяныя, безъ ушковъ; нитка привязывается къ сдѣланной на иглѣ зазубринѣ. Доставъ случайно европейскую иглу, работница ушко обламываетъ и дѣлаетъ зазубрину на свой ладъ.

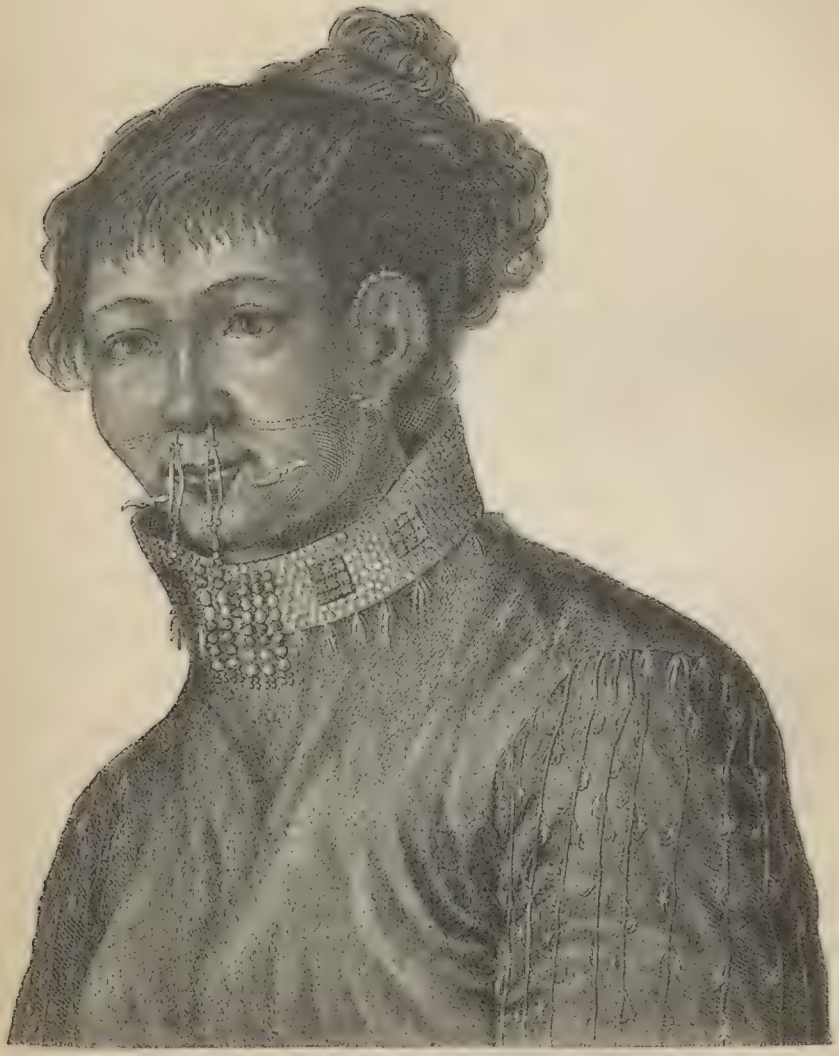
На иголки употребляются ножныя кости чайки толще и тоньше, смотря по надобности. И такими то первобытными иглами алеутки вышиваютъ узоры, которымъ позавидовали бы и европейскія рукодѣльницы. Матеріалъ—выдѣланная перепонка изъ горла птицъ, козья и оленья шерсть и конскій волосъ. Вышиваютъ такъ искусно, что на первый взглядъ кажется, что работа сдѣлана бисеромъ. Подобными вышивками оторачиваютъ парки, пояса и нарукавники.

Одежда алеутовъ похожа на одежду сибирскихъ инородцевъ; женская мало чѣмъ отличается отъ мужской, только на ней больше нашито бисеру и корольковъ. Вмѣсто бахромы пришиваются иногда къ подолу красные клювы птицы топорка.

Мужчины лица своего не портятъ, но женщины украшаютъ себя по туземной модѣ. Онѣ накалываютъ и

Внутренній видъ дома въ Уналашкѣ.
(По Кушу).

Мужчина съ острова Уналашки.
(По Сарычеву.)



Женщина съ острова Уналашки.
(По Сарычеву.)

натираютъ углемъ щеки отъ рта до ушей въ видѣ двухъ полосокъ, а отъ нижней губы къ подбородку дѣлаютъ одну широкую дорожку. Въ ушахъ носятъ серьги, состоящія изъ четырехъ нитокъ бисера съ кораллами; край уха вышиваютъ бисеромъ. Подъ нижней губой прокалываютъ двѣ дыры и въ нихъ вставляютъ длинную косточку. Голову женщины не покрываютъ; волосы же раздѣляютъ поперекъ головы на двѣ половины; нижнюю, большую, связываютъ пучкомъ на затылкѣ, переднюю — зачесываютъ на лобъ и обрѣзаютъ надъ глазами въ видѣ чолки.

Обиліе дорогихъ звѣрей въ океанѣ, обезпечивающее существованіе туземцевъ, ставитъ ихъ въ то же время въ зависимость отъ промышленниковъ. Не будь морской выдры, бобра, китовъ, тюленей и сивучей — алеутамъ, вѣроятно, долго не пришлось бы познакомиться съ европейцами.

„Слава Россіи“ пришла на Уналашку въ концѣ Августа, а въ Октябрѣ началась у алеутовъ ловля морскихъ котиковъ. Въ это время коты идутъ съ сѣвера на югъ и туземцы караулятъ ихъ въ заливахъ, стараясь подходить къ нимъ съ подвѣтренной стороны. Впереди идутъ самые смѣлые охотники, за ними старики и дѣти. Всѣ вооружены дубинами. Искусство охотниковъ состоитъ въ томъ, чтобы внезапнымъ нападеніемъ на стадо звѣрей, какъ можно скорѣе отрѣзать его отъ моря. Если это удастся, то взрослыхъ котовъ отгоняютъ прочь и даютъ имъ свободу; а молодыхъ гонятъ долго, иногда верстъ за 10, пока они не утомятся. Тогда ихъ просто бьютъ дубинами. Въ теченіе нѣсколькихъ дней матери убитыхъ плаваютъ вокругъ острова и жалобнымъ крикомъ сзываютъ дѣтей. Такъ какъ Прибиловскіе острова славятся обиліемъ котиковъ, то алеуты уѣзжаютъ туда цѣлыми партіями.

Котиковый промыслъ въ сравненіи съ другими про-

мыслами — просто забава. Гораздо опаснѣе охота на китовъ, моржей и морскихъ львовъ или сивучей. Одинъ одиненекъ на своей одновесельной байдарѣ и вооруженный только короткимъ копьемъ, алеутъ осмѣливается нападать на исполина морей. Осторожно подплываетъ онъ къ киту и страшно быстрымъ движеніемъ вонзаетъ ему свое оружіе подъ передній ластъ. Если копье проникло въ мясо, то уже ничто не спасетъ кита; онъ издохнетъ черезъ день или два и волны выбросятъ его на ближайшій берегъ. Каждое копье отмѣчено особымъ знакомъ, по которому узнается хозяинъ. Раненый китъ обыкновенно мечется, бьетъ хвостомъ, и если байдарка не успѣла быстро удалиться, онъ подбрасываетъ ее на воздухъ, откуда она погружается въ бездну. Не даромъ китобойцы пользуются особымъ уваженіемъ.

Моржевой промыслъ считается еще болѣе опаснымъ. Снаряжаясь на бой этихъ звѣрей, алеуты прощаются съ домашними, какъ будто идутъ на вѣрную смерть. Они боятся мощныхъ бивней звѣря и неосторожности товарищей. Вооруженные копьями и топорами, они ползутъ вдоль самой окраины берега и окружаютъ становище звѣрей. Потомъ, всѣ мгновенно вскакиваютъ и съ сильнымъ крикомъ бросаясь къ моржамъ, гонятъ ихъ отъ берега. Избави Богъ, если хоть одинъ моржъ уйдетъ въ море; всѣ остальные бросятся за нимъ и сомнутъ промышленниковъ.

Но изъ всѣхъ промысловъ, безспорно самый интересный — это бой морской выдры. Ради этого дорогого звѣря нерѣдко приходится алеутамъ на своихъ воздушныхъ байдаркахъ совершать далекія морскія путешествія.

Въ Апрѣлѣ и Маѣ отъ 30 — 100 байдаръ выступаетъ въ море, чтобы сойтись въ заранѣе назначенномъ сборномъ мѣстѣ. Предводителемъ выбирается одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ тоеновъ.

Когда охотники соберутся, они составляютъ совѣтъ,

въ которомъ наиболѣе опытные рѣшаютъ, гдѣ, по ихъ соображеніямъ, должна водиться выдра. Опредѣливъ мѣсто, иногда въ очень дальнемъ отъ берега разстояніи, всѣ байдары отправляются туда и становятся въ линію на разстояніи 200 — 300 саженъ другъ отъ друга. Съ напряженнымъ вниманіемъ каждый смотритъ въ море. Ничто не ускользнетъ отъ зоркаго глаза алеута; по маленькой, едва замѣтной черной точкѣ, на мгновеніе являющейся на поверхности воды, онъ уже узнаетъ выдру. Байдара, съ которой замѣченъ звѣрь, быстро идетъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ вынырнулъ. Здѣсь алеутъ, сидящій въ байдарѣ, поднимаетъ весло и тотчасъ же всѣ остальныя байдары съѣзжаются и образуютъ кругъ. Животное, вспугнутое движеніемъ воды, показывается вновь и первый, примѣтившій его алеутъ, пускаетъ стрѣлу.

Рѣдко удается съ перваго раза убить животное. Иногда выдра исчезаетъ мгновенно и стрѣла летитъ мимо. Снова поднимается весло и байдары образуютъ еще болѣе тѣсный кругъ, а если выдръ нѣсколько, то и круговъ образуется нѣсколько. Много разъ показывается выдра, много разъ пускаютъ въ нее стрѣлы; наконецъ, изнуренная, она перестаетъ бороться и достается тому, кто первый попалъ ей въ голову.

Замѣтивъ, что звѣрь ослабѣваетъ, охотникъ пускаетъ въ него стрѣлу съ надутымъ пузыремъ, который препятствуетъ ему утонуть. За все время охоты соблюдается полнѣйшая тишина, нарушаемая только свистомъ стрѣлъ.

Самые смѣлые охотники, именно алеуты съ Лисьихъ острововъ, бьютъ выдру и зимой. Если только что описанная нами охота удивляетъ быстротою и правильностью движеній, остротою глазъ и мѣткостью охотниковъ, то зимняя охота приводитъ въ совершенное изумленіе смѣлостью и ловкостью алеутовъ.

Во время самыхъ сильныхъ зимнихъ вьюгъ и бурь

морская выдра ищетъ себѣ защиты въ берегахъ маленькихъ необитаемыхъ острововъ, или на отдѣльно стоящихъ утесахъ. Убѣдившись, что нѣтъ по близости людей, выдра свертывается въ клубокъ и засыпаетъ. Тогда два алеута, несмотря на ревъ вѣтра и горы бушующихъ волнъ, подъѣзжаютъ на двухъ одномѣстныхъ байдаркахъ съ подвѣтренной стороны къ утесу и одинъ изъ охотниковъ стоя, выжидаетъ большой волны. Налетитъ валъ, швырнетъ его къ утесу или къ берегу и онъ съ быстротой молніи выскакиваетъ на землю. Пока товарищъ стережетъ его байдарку, онъ подкрадывается къ спящей выдрѣ и убиваетъ ее. Вообще, изъ всѣхъ родовъ охоты, ловля морской выдры требуетъ наибольшей выдержки и опытности.

Для дѣлежа пойманныхъ звѣрей существуетъ узаконенный обычай, который свято соблюдается. Мелкія животныя, въ томъ числѣ и выдры, достаются тому, кто попалъ стрѣлою въ голову. Животныя же крупныхъ размѣровъ дѣлятся такъ: первый, попавшій стрѣлою, получаетъ половину кожи, головы и кишекъ. Другую половину кожи и кишекъ имѣетъ онъ право отдать кому пожелаетъ изъ товарищей, бывшихъ съ нимъ на промыслѣ. Второй попавшій стрѣлокъ получаетъ горло, третій — пузырь; четвертый и пятый — передніе ласты; шестой и седьмой — задніе ласты. Мясо же дѣлится между всѣми промышленниками поровну. Кости перваго, убитаго на промыслахъ звѣря, обязательно бросаются въ море.

Стрѣлы у всѣхъ охотниковъ мѣченныя и никакой ошибки при раздѣлѣ быть не можетъ.

Морскіе звѣри кромѣ мяса доставляютъ туземцамъ хорошій доходъ своими шкурами. За птицами же охотятся только для своей надобности; перья, перепонки и клювы идутъ на украшенія, кости на иглы и наконечники стрѣлъ. Морскія птицы здѣсь въ изобиліи, но береговыхъ весьма немного. Наиболѣе интересныя — урилы.

Они величиною съ гуся; шея у нихъ длинная съ чернымъ ошейникомъ, отливающимъ металлическимъ блескомъ. Ноги у самого хвоста, такъ, что, когда уриль сидитъ, то кажется, что онъ стоитъ.

Есть еще „топорки", величиною съ утку. Опереніе ихъ темносѣрое, надъ глазами бѣлыя узкія перышки висятъ косицами, клювъ плоскій, какъ у утки и красный. Опереніе у нихъ такъ густо и твердо, что пущенная изъ ружья дробь скользитъ по немъ, не принося птицѣ вреда. Топорокъ ныряетъ и подъ водою также пользуется крыльями.

Островъ Уналашка, самый большой изъ всей гряды Лисьихъ острововъ, лежитъ подъ 64°,00′ сѣв. шир. и состоитъ изъ высокихъ скалистыхъ горъ, изъ которыхъ одна огнедышащая. Верхи горъ—голый камень; съ половины начинается мохъ и трава. Въ разлогахъ, по берегамъ текущихъ съ горъ ручьевъ, растетъ низкій ивнякъ и ольховникъ, а по косогорамъ—ягоды и растенія, корни которыхъ употребляются туземцами въ пищу. Есть еще какой то желтый корень, считающійся цѣлебнымъ для глазъ. Алеуты, передъ отправленіемъ въ путь, ѣдятъ его на ночь и увѣряютъ, что на другое утро глаза бываютъ особенно чисты и ясны, такъ что на дальнемъ разстояніи различаютъ малѣйшіе предметы.

Во все время экскурсіи для изученія острова Уналашки стояла дурная погода, шли дожди и дули сильные вѣтры. Даже алеутамъ такая погода наскучила. Въ одинъ день, всѣ они, какъ мужчины, такъ и женщины съ малыми ребятами вышли на дворъ, развели огонь и, поворотясь навстрѣчу вѣтру, закричали во все горло и замахали руками. Но такъ какъ вѣтеръ и буря продолжались, то пришлось обратиться къ шаману. Къ вечеру, разсказываетъ Сарычевъ, услышалъ я въ углу юрты звукъ бубенъ и пѣніе. Оказалось, что тоенъ шаманитъ и призываетъ духовъ, чтобъ они установили хорошую погоду.

Вдругъ онъ затихъ и упалъ безъ чувствъ. Испуганные алеуты собрались вокругъ своего безчувственнаго повелителя и запѣли печальнымъ голосомъ, прося духа о помилованіи. Тоенъ скоро очнулся и разсказалъ, что духъ лишилъ его сознанія за то, что онъ упрекалъ его въ жестокости и стыдилъ его. Затѣмъ на тоена нашелъ духъ пророчества. Одной женщинѣ онъ предсказалъ смерть; Сарычеву возвѣстилъ, что у него на суднѣ не все ладно, но что онъ вернется домой благополучно. Хорошую погоду духъ обѣщалъ не ранѣе, какъ черезъ три дня.

Пророчество тоена по отношенію къ Сарычеву не замедлило исполниться. Вернувшись къ судну, онъ нашелъ

Алеуты на своихъ байдаркахъ.
(По Сарычеву).

половину экипажа больною цынгою; 14 человѣкъ уже умерло. Зная, что перемѣна воздуха въ этой болѣзни благотворно дѣйствуетъ, Сарычевъ приказалъ расквартировать по ближайшимъ селеніямъ, что и было исполнено.

Апрѣля 15-го состоялся офицерскій совѣтъ, въ которомъ положено было возвратиться въ Камчатку, а по пути описать берега Алеутскихъ острововъ. Описаніе Уналашки было окончено, численность населенія выяснена, дружба островитянъ пріобрѣтена, слѣдовательно можно было считать экспедицію вполнѣ удавшеюся.

Апрѣля 21-го пріѣхали алеуты, посланные своими соплеменниками для заявленія о ихъ готовности платить

ясакъ по бобру или лисицѣ съ души. Прибывшихъ одарили табакомъ, а тоенамъ дали медали, нарочно для того привезенныя. Возлагая медали отъ имени императрицы, Сарычевъ объяснилъ тоенамъ, что они должны цѣнить и уважать этотъ знакъ монаршаго благоволенія, который будетъ служить имъ охраною. Какіе бы ни появились иноземцы, достаточно увидать имъ эти медали, чтобы понять, что племя находится подъ покровительствомъ Ея Величества Императрицы Всероссійской. При медаляхъ даны были особыя грамоты и островитяне уѣхали вполнѣ счастливые.

Мая 16-го суда вышли въ море и прошли вдоль цѣпи Лисьихъ острововъ, описывая ихъ берега.

Начиная отъ Америки по всей цѣпи Алеутскихъ острововъ идетъ рядъ вулкановъ въ большинствѣ уже потухшихъ. Извѣстно, что здѣсь были прежде сильныя изверженія и землетрясенія, измѣнившія совершенно строеніе острововъ и отразившіяся даже на Камчаткѣ. Все это даетъ поводъ думать, что въ давнія времена Алеутскіе острова составляли непрерывный кряжъ твердой земли, раздробленный землетрясеніями на острова.

Іюня 19-го „Черный Орелъ“ благополучно прибылъ въ Петропавловскую гавань, гдѣ уже стояла на якорѣ „Слава Россіи“, прибывшая тремя днями раньше.

Оставалось исполнить еще одно порученіе Биллингса: описать Корейское море. „Слава Россіи“ требовала серьезнаго ремонта и потому на совѣтѣ офицеровъ рѣшено было привести въ порядокъ катеръ „Черный Орелъ“ и на немъ отправиться въ Корейское море. Іюля 15-го судно было совсѣмъ готово, но вѣтры не позволяли ему выйти изъ гавани. Августа 6-го „Черный Орелъ“ вышелъ въ море съ Сарычевымъ, Галломъ и 40 человѣками команды.

До 20-го Августа все шло благополучно, но съ этого дня начались сильные туманы, не подававшіе никакой

надежды на возможность научныхъ изслѣдованій. Къ тому же приближался Сентябрь, время бурныхъ вѣтровъ, весьма опасныхъ для плаванія и потому судно перемѣнило курсъ и пошло въ Охотскъ, куда и прибыло 17-го Сентября (1792). Отсюда капитанъ Галлъ послалъ своему начальнику Биллингсу рапортъ и просилъ дальнѣйшихъ распоряженій.

Только въ Февралѣ мѣсяцѣ пришелъ отвѣтъ Биллингса и приказаніе сдать судно на храненіе въ Охотскій портъ, а офицерамъ съ командою ѣхать въ Якутскъ.

За неимѣніемъ лошадей пришлось отложить отъѣздъ на неопредѣленное время. Въ мучительномъ бездѣйствіи прошла зима и часть лѣта; только 15-го Іюля экспедиція могла двинуться въ путь. Въ это время сильно разлилась рѣка Охота и захватила путешественниковъ въ 30 верстахъ отъ Охотска. Шесть дней пришлось имъ прожить въ одномъ жалкомъ селеніи, пока не спала вода. Только 20-го числа они двинулись далѣе и 6-го Августа прибыли въ Якутскъ, гдѣ уже былъ капитанъ Биллингсъ, проѣхавшій черезъ чукотскую землю.

Отсюда всѣ офицеры съ своимъ начальникомъ и командою отправились въ Петербургъ, куда и прибыли въ Апрѣлѣ 1793 г., послѣ восьмилѣтняго отсутствія.

ПУТЕШЕСТВІЕ ФЕРДИНАНДА ФОНЪ-ВРАНГЕЛЯ.

Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и Ледовитому морю, совершенное Фердинандомъ Ф.-Врангелемъ въ 1820—24 годахъ.

Біографическій очеркъ.

Фердинандъ Петровичъ фонъ-Врангель былъ третьимъ изъ шестерыхъ дѣтей лифляндскаго барона Петра ф.-Врангеля. Онъ родился 29-го Декабря 1794 года.

Съ раннихъ лѣтъ онъ проявлялъ пылкую фантазію и страсть къ путешествіямъ. Пятилѣтнимъ мальчикомъ онъ убѣжалъ изъ дому, и когда его спросили, куда онъ шелъ, ребенокъ отвѣтилъ: далеко, далеко!

До 10-ти лѣтняго возраста мальчикъ жилъ почти постоянно въ деревнѣ, среди природы и пользовался всѣми благами счастливаго дѣтства. И вдругъ, почти одновременно, лишился онъ матери, отца и состоянія. Вскорѣ, благодаря ходатайству одного изъ родственниковъ, морика, Врангель былъ принятъ въ морской корпусъ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Вильгельмомъ ф.-Врангелемъ. Сообщая эту новость своему другу Фер-

динанду, Вильгельмъ писалъ: „наша карьера обезпечена; мы ѣдемъ въ столицу“!

На первыхъ порахъ, въ корпусѣ, „лифляндскимъ рыцарямъ“ пришлось очень жутко. Не зная русскаго языка, они очутились среди 600 русскихъ мальчиковъ,

Фердинандъ фонъ-Врангель.

не говорившихъ по нѣмецки. Но мало по малу, новички освоились и Фердинандъ не замедлилъ сдѣлаться общимъ любимцемъ. Онъ имѣлъ для этого всѣ данныя: искренній, честный, хотя и вспыльчивый, онъ всегда готовъ былъ сознаться въ своихъ ошибкахъ и загладить ихъ. Помочь слабому, защитить обиженнаго было для него дѣломъ

вполнѣ естественнымъ. Съ юношескимъ энтузіазмомъ онъ увлекался прекрасными и благородными поступками и инстинктивно уклонялся отъ всего низкаго и порочнаго. При этомъ, онъ обладалъ чрезвычайно яснымъ взглядомъ, благодаря которому онъ во всякомъ запутанномъ дѣлѣ находилъ руководящую нить. Развившійся съ годами организаторскій талантъ, замѣчательная энергія и сила воли дали ему возможность совершить тѣ подвиги, которые прославили его имя.

Окончивъ въ 1815 г. курсъ, Врангель, вмѣстѣ съ кузеномъ своимъ Вильгельмомъ и мичманомъ Анжу командированъ былъ въ Ревель.

Развеселая жизнь, которую вели здѣсь моряки, не пришлась по вкусу молодому Врангелю. Избѣгая общества, онъ посвящалъ свои досуги наукѣ, стараясь усовершенствовать себя въ своей спеціальности. Узнавъ, что въ Петербургѣ снаряжается шлюпъ „Камчатка“ для кругосвѣтнаго плаванія, Врангель, несмотря на свои скудныя средства, пріѣхалъ въ столицу, явился къ Головнину и былъ принятъ въ составъ экипажа. Въ этомъ плаваніи Врангель сблизился съ мичманомъ Литке, дружба съ которымъ продолжалась всю жизнь.

Въ 1820 г. Врангель назначенъ былъ начальникомъ извѣстной сибирской экспедиціи, доставившей ему всемірную извѣстность. Описаніе этой экспедиціи, предлагаемое читателю ниже, переведено было съ рукописи на нѣмецкій языкъ директоромъ Императорскаго Лицея Энгельгардтомъ и издано въ Берлинѣ въ 1840 г. съ предисловіемъ извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Риттера. Годъ спустя, это сочиненіе появилось на англійскомъ языкѣ и въ короткое время разошлось въ двухъ изданіяхъ. Съ англійскаго оно переведено на французскій.

Возвращеніе въ Петербургъ ученаго мореплавателя сопровождалось цѣлымъ рядомъ тріумфовъ. Врангелю предложили видное мѣсто. Но ни тріумфы, ни почести

не могли заглушить въ немъ влеченія къ любимой стихіи. Онъ искалъ новаго назначенія и былъ очень счастливъ, когда бывшій его начальникъ Головнинъ предложилъ ему командованіе небольшимъ бригомъ „Кроткій“, отправлявшимся въ Камчатку.

По возвращеніи изъ этой экспедиціи, Врангель задумалъ жениться. Но такъ какъ средства его, несмотря на возраставшую славу, были ограничены, то адмиралъ Муравьевъ, управлявшій русско-американскими колоніями, предложилъ ему мѣсто въ этихъ колоніяхъ, куда Врангель и отправился въ 1829 г. съ молодой женой.

Полтора года длилось путешествіе и наконецъ въ Сентябрѣ 1830 г. молодые супруги прибыли въ Ново-Архангельскъ на Ситхѣ, гдѣ предстояло имъ пробыть не менѣе пяти лѣтъ.

Здѣсь открылось для Врангеля обширное поле дѣятельности и его организаторскій талантъ выказался въ полномъ блескѣ. Его плодотворная дѣятельность не могла остаться незамѣченной и онъ былъ избранъ директоромъ Россійско-Американской Компаніи.

Возвратившись въ 1836 г. въ Петербургъ, Врангель былъ назначенъ управляющимъ строительнымъ департаментомъ морскаго вѣдомства. Прослуживъ въ этой должности 13 лѣтъ, онъ имѣлъ возможность вполнѣ удовлетворить свою страсть къ путешествіямъ, такъ какъ ему пришлось, для осмотра лѣсовъ, исколесить всю Россію вдоль и поперекъ.

Проживъ въ счастливомъ супружествѣ 24 года Врангель въ 1853 г. потерялъ жену и остался съ пятью сиротами. Это печальное обстоятельство случилось какъ разъ въ началѣ Крымской войны. Англичане осадили Ревель и въ виду опасности, которая угрожала отечеству, смолкло личное горе и Врангель всѣмъ существомъ своимъ отдался служенію родинѣ. По окончаніи войны онъ былъ удостоенъ милостей августѣйшаго генералъ-адмирала,

великаго князя Константина Николаевича и назначенъ управляющимъ морскимъ министерствомъ*). При немъ совершились тѣ великія преобразованія, которыя предпринялъ августѣйшій командиръ на славу русскаго флота.

Усиленныя занятія подорвали силы Фердинанда Петровича и онъ долженъ былъ уѣхать за границу лечиться. Вернувшись въ 1858 г. онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Когда начались великія реформы императора Александра II, люди, подобные Врангелю, не могли оставаться безъ дѣла. Снова пришлось напрягать уже подорванныя силы, работать безъ отдыха. Переутомленіе не замедлило обнаружиться. Къ этому присоединилась еще непріятность, вслѣдствіе ликвидаціи дѣлъ Сѣверо-Американской Компаніи, и Врангель рѣшился оставить службу и удалиться на покой.

Получивъ въ 1864 г. безсрочный отпускъ, онъ отправился въ сопровожденіи двухъ дочерей и брата въ Италію, гдѣ провелъ два года въ средѣ художниковъ и ученыхъ, поражая ихъ своимъ яснымъ умомъ и глубокими познаніями.

Возвратившись изъ Италіи, онъ поселился въ пріобрѣтенномъ имъ имѣніи въ эстляндской губерніи и провелъ остатокъ дней въ кругу своихъ дѣтей и внуковъ.

Незадолго до смерти онъ пожелалъ посѣтить то мѣсто, гдѣ провелъ счастливые годы дѣтства. Съѣздивъ туда благополучно, онъ на возвратномъ пути скончался.

Фердинандъ Петровичъ умеръ 76 лѣтъ отъ роду, сохранивъ до конца жизни свѣжесть умственныхъ способностей.

---

*) Ferdinand von Wrangel, von L. v. Engelhardt.

ГЛАВА I.

Отъ Петербурга до Нижне-Колымска. Якуты. Зашиверскъ. Отецъ Михаилъ.

Въ 1820 году, по повелѣнію императора Александра I отправлены были двѣ экспедиціи для изслѣдованія Ледовитаго океана и сѣверо-восточной Сибири. Первая, подъ начальствомъ Врангеля, должна была описать берега Ледовитаго моря отъ Колымы до острова Колючина и сдѣлать нѣсколько поѣздокъ по льду для отысканія предполагаемой на сѣверѣ земли. Другая, подъ начальствомъ Анжу, имѣла цѣлью изучить берега отъ Яны до Колымы и осмотрѣть острова, извѣстные подъ именемъ „Новой Сибири“.

Оба отряда двинулись изъ Петербурга 23-го Марта 1820 г. и 27-го Іюля прибыли въ мѣстечко Качугъ на рѣкѣ Ленѣ, откуда должны были продолжать путь водою. Отъ Москвы до Иркутска на протяженіи 5317 в. путешественники нѣсколько разъ переходили отъ зимы къ веснѣ и обратно. Когда въ Казани зеленѣли уже деревья, на уральскихъ высотахъ лежалъ еще снѣгъ. Въ окрестностяхъ Тобольска едва начинала зеленѣть трава, а въ Иркутскѣ сады стояли уже въ полномъ цвѣту.

Въ Качугѣ экспедицію ожидалъ павозокъ*), на которомъ она и двинулась внизъ по Ленѣ, одной изъ величайшихъ рѣкъ на земномъ шарѣ. „Величественныя, исполинскія рѣки, протекающія по Сибири съ юга на сѣверъ, говоритъ Врангель, кажется, самой природой предназначены нести избытокъ изъ южныхъ странъ въ сѣверныя, обитатели которыхъ терпятъ недостатокъ во

*) Плоскодонное судно съ палубою.

всемъ. Главныя рѣки соединяются между собою множествомъ побочныхъ по большей части судоходныхъ, такъ что едва ли найдется какой нибудь важный пунктъ въ Сибири, до котораго нельзя было бы достигнуть зимою. Этимъ благодѣяніемъ природы мѣстные жители хотя и пользуются, но движеніе такъ дурно организовано, такъ медленно совершается, что товары запаздываютъ, часто зазимовываютъ, отчего сильно страдаетъ торговля".

Отъ Качужской пристани до станка Риги, на разстояніи 400 верстъ, Лена протекаетъ черезъ гористую страну, покрытую лѣсами, между живописными берегами, въ своихъ видахъ до чрезвычайности разнообразными. По скатамъ горъ пестрѣютъ луга, желтѣютъ нивы, бѣлѣютъ, покрытые цвѣтомъ, точно снѣгомъ, сады. Послѣдніе, впрочемъ, рѣдки, такъ какъ и населеніе здѣсь рѣдко, но тамъ, гдѣ оно есть, это населеніе веселитъ взоръ. Люди рослы, здоровы, чрезвычайно привѣтливы и гостепріимны. Многіе изъ нихъ зажиточны. Поля на гористыхъ скатахъ очень плодородны, благодаря солнечному припеку и стекающей съ горъ влагѣ. Но за то обработка ихъ затруднительна. Гораздо легче обрабатываются поля въ падяхъ между горами или на прибрежныхъ равнинахъ, но здѣсь сильно вредитъ культурѣ разлитіе рѣкъ, которое вдобавокъ не постоянно и не періодично, а имѣетъ характеръ чисто случайный, находясь въ зависимости отъ количества дождей и снѣговъ въ горахъ. Оградить себя отъ наводненія нѣтъ никакой возможности.

Лена изобилуетъ лѣсистыми островами, что дѣлаетъ ее еще болѣе живописною. Чѣмъ дальше, тѣмъ выше и утесистѣе становятся горы, окаймляющія величественную рѣку. У станка Риги, Лена круто поворачиваетъ на востокъ; путнику кажется, что сближающіеся берега совсѣмъ преграждаютъ путь и что, вотъ-вотъ, его судно ударится о каменную стѣну и разлетится въ дребезги;

но это только обманъ зрѣнія. Сдѣлавъ крутой поворотъ, Лена освобождается отъ стѣснявшаго ее каменнаго пояса и продолжаетъ свое теченіе въ низменныхъ берегахъ. Отъ станка Заборья до города Киренска по сухому пути всего 35 в., рѣкою же — 105, до того она извилиста. На всемъ протяженіи характеръ береговъ Лены нѣсколько

Петръ Федоровичъ Анжу.

разъ мѣняется; горы уступаютъ мѣсто равнинамъ и наоборотъ.

Берега представляютъ чрезвычайное разнообразіе горныхъ породъ отъ известняка до мрамора и порфира включительно. Въ одномъ мѣстѣ, въ высокомъ отвѣсномъ берегѣ изъ чисто известковаго камня видны многочислен-

ныя пещеры, подземные ходы, вѣроятно оставшіеся отъ поисковъ серебряной руды, которую здѣсь когда то искали. Въ одной изъ такихъ пещеръ, въ 120 верстахъ отъ Якутска, докторъ Киберъ*) нашелъ странное явленіе природы: посреди пещеры, въ нѣсколько саженъ глубины, росла лиственница, несмотря на мракъ, ее окружающій. Въ горахъ есть множество ключей, изъ которыхъ два особенно замѣчательны. Одинъ вытекаетъ изъ крутого известковаго утеса на лѣвомъ берегу и дастъ горячую воду съ сильнымъ сѣрнымъ запахомъ. Другой — на противоположномъ берегу изливаетъ прозрачную, какъ кристаллъ и чрезвычайно соленую воду.

За Киренскомъ около станка „Чистые острова“ есть мѣсто, называемое „Щеки“. Здѣсь Лена, при глубинѣ въ 12 сиженъ съ великимъ напоромъ протѣсняется между скалъ, вышиною до 80 саженъ. Это мѣсто знаменито по сильному и продолжительному эху, повторяющему ружейный выстрѣлъ до ста и болѣе разъ, притомъ въ такой усиливающей пропорціи, что кажется, будто слышишь бѣглый огонь и даже пушечную пальбу.

Въ зиму, предшествовавшую путешествію Врангеля, случилось здѣсь печальное событіе. Тунгузъ на лыжахъ преслѣдовалъ оленя и оба они, какъ охотникъ, такъ и звѣрь, не замѣтили обрыва и низринулись съ 80-тисаженной высоты на покрытую льдомъ рѣку, гдѣ и нашли ихъ обоихъ, разбившимися до смерти.

По близости Щекъ торчитъ изъ рѣчного русла довольно высокій столбообразный утесъ, названный туземцами „Пьяный бычекъ“, въ память того, что здѣсь разбилось судно съ виномъ, причемъ, разумѣется, прибрежные жители не преминули поживиться частью лакомаго груза.

Іюля 9-го путники достигли города Олекмы, извѣ-

*) Состоявшій при экспедиціи.

стнаго своими соболями. Надо замѣтить, что лѣса праваго берега Лены, примыкающіе къ безконечнымъ лѣсамъ Яблоноваго хребта, изобилуютъ пушными звѣрями, тогда какъ лѣвый берегъ менѣе лѣсистъ и болѣе населенъ, а потому и пушныхъ звѣрей здѣсь меньше. Городъ Олекма замѣчателенъ еще тѣмъ, что онъ составляетъ предѣлъ, дальше котораго къ сѣверу не распространяется сибирское земледѣліе.

У города Олекмы застигла путешественниковъ сильная буря. Вѣтеръ дулъ съ низовьевъ рѣки такъ стремительно, что остановилъ теченіе и вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе судна. Пришлось прибѣгнуть къ средству, употребляемому въ подобныхъ случаяхъ сибиряками: связали четыре толстыхъ лиственницы на подобіе плота и опустили ихъ стоймя въ воду впереди судна, привязавъ къ нижнему концу камни. Такія ширмы, оградивъ судно отъ напора верхней воды, дали свободу нижнему теченію, котораго не коснулась буря и судно понесло впередъ, несмотря на вѣтеръ и сильное волненіе, причемъ его не бросало изъ стороны въ сторону, какъ прежде.

Во время плаванія, путешественникамъ не разъ приходилось видѣть страшные лѣсные пожары, которыхъ не могъ потушить даже сильный дождь. Исполинскія сосны и пихты, объятыя пламенемъ, точно огненные столбы отражались въ рѣкѣ и представляли, особенно ночью, величественное зрѣлище. Мѣстами можно было наблюдать, какъ огонь подползалъ къ нетронутому еще дереву и живо перебѣгая по смолистой хвоѣ, разсыпалъ съ трескомъ тучи искръ, пока не охватывалъ всего дерева одной общей огненной пеленой. Сердце болѣло при мысли, что такъ много добра погибаетъ отъ безпечности промышленниковъ, не дающихъ себѣ труда тушить костры, которые они разводятъ для варки пищи, или для того, чтобы отгонять докучливыхъ насѣкомыхъ, которыхъ здѣсь несмѣтное количество. Во время этихъ

пожаровъ много гибнетъ птичьихъ гнѣздъ и молодыхъ выводковъ птицъ и животныхъ. Масса пушныхъ звѣрей, встревоженныхъ пожаромъ, бѣжитъ въ отдаленныя мѣстности.

Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ глуше становилась мѣстность. Селенія попадались рѣдко, жители, въ особенности русскіе поселенцы, выглядывали плохо. Якуты, какъ болѣе привычные къ суровому климату, казались менѣе нуждающимися.

Іюля 25-го, почти черезъ мѣсяцъ по отплытіи изъ Качуга, экспедиція прибыла въ Якутскъ, сдѣлавъ 2,500 верстъ. Весною, при болѣе быстромъ теченіи рѣки, это разстояніе можетъ быть пройдено въ двѣ недѣли.

„Якутскъ, пишетъ Врангель, составляетъ средоточіе сибирской торговли. Отъ Анабары до Берингова пролива, отъ Ледовитаго океана до Камчатки, однимъ словомъ, съ пространства нѣсколькихъ тысячъ верстъ въ окружности, свозятся сюда пушные товары, моржевые клыки и мамонтовыя кости для продажи или обмѣна. Ярмарка здѣсь совсѣмъ не похожа на другія ярмарки; товары не выставляются, суетливости не видно, народныхъ увеселеній не существуетъ. Всѣ сдѣлки производятся на дому и держатся въ глубокомъ секретѣ. Такимъ образомъ, почти все привозимое дѣлается добычею промышленниковъ; только бракъ попадаетъ въ руки публики“.

Во время путешествія Врангеля русскій элементъ въ краѣ былъ на столько слабъ, что онъ почти подавлялся якутской народностью. Якутскій языкъ игралъ здѣсь такую же важную роль, какъ французскій въ столицахъ. Это обстоятельство крайне поразило путешественника. На одномъ блестящемъ праздникѣ, который давалъ богатый торговецъ мѣхами въ именины жены, разговорный языкъ былъ до такой степени испещренъ якутскими словами, что европейскіе гости не могли принимать въ немъ участія.

Въ Якутскѣ Анжу простился съ товарищами и поплылъ съ своимъ отрядомъ внизъ по Ленѣ; мичманъ Матюшкинъ отправился въ Нижне-Колымскъ, а за нимъ вскорѣ послѣдовалъ и Врангель.

За Якутскомъ начались дремучіе лѣса и болота, покрытыя кочками и мелкимъ кустарникомъ. Проѣзжей дороги не было; приходилось ѣхать верхомъ до болѣе ровнаго мѣста, гдѣ возможна была ѣзда на оленяхъ и собакахъ. Переправившись 17-го Сентября черезъ главный рукавъ Лены, шириною въ 4 версты вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ якутомъ, который долженъ былъ играть роль толмача въ сношеніяхъ съ инородцами, Врангель думалъ найти на берегу заказанныхъ имъ 13 лошадей, но ихъ не оказалось.

„Плохое начало"! подумалъ путешественникъ, но унтеръ-офицеръ успокоилъ его, говоря, что якуты съ лошадьми откочевали, вѣроятно, не далеко, чтобъ дать возможность лошадямъ откормиться. Дѣйствительно, они скоро появились, и экспедиція могла двинуться въ путь.

Десять лошадей навьючили провіантомъ и инструментами, на двѣ сѣли сами, а 13-ю вели въ поводу для запаса. Навьюченныхъ лошадей привязали гуськомъ одну къ хвосту другой, а на переднюю и на заднюю сѣло по погонщику якуту. Еслибъ лошадей было больше, то и тогда не потребовалось бы болѣе двухъ погонщиковъ. Эти люди очень ловки, хотя должность ихъ претрудная. Въ иныхъ мѣстахъ лошади скользятъ, оступаются, вязнутъ въ болотахъ. Передовой выбираетъ дорогу, а задній подхлестываетъ лѣнивыхъ, поправляетъ сбившіеся тюки и неусыпно слѣдитъ за всѣмъ караваномъ. Караванъ проходитъ отъ 20—50 верстъ въ день.

Обогнавъ караванъ, Врангель со своимъ спутникомъ прибылъ на станцію. Такимъ громкимъ именемъ величалась простая якутская юрта, въ которой путешественникъ задумалъ, было, переночевать. Но заглянувъ туда, онъ

быстро оставилъ свое намѣреніе. Юрта была наполнена людьми, животными и отвратительными нечистотами. Пришлось расположиться въ лиственичномъ лѣсу, гдѣ на разостланной медвѣжьей шкурѣ, подъ теплымъ мѣховымъ одѣяломъ, вблизи костра, усталый путникъ недурно провелъ ночь. Вставать на морозѣ было очень тяжело и Врангель съ ужасомъ думалъ о предстоящей сибирской зимѣ; но человѣкъ ко всему привыкаетъ, и скоро онъ, вмѣстѣ съ якутами сталъ находить, что морозъ въ 18—20 градусовъ сравнительно еще мягкая температура.

Якутъ.
(По Миддендорфу).

Напившись чаю и позавтракавъ, экспедиція двинулась далѣе.

Немногія деревья, попадавшіяся на пути, увѣшаны были конскими волосами. Проводникъ якутъ остановилъ караванъ, слѣзъ съ лошади и, выдернувъ изъ ея гривы нѣсколько волосковъ съ благоговѣніемъ прицѣпилъ ихъкъ сучку одного дерева. Заявивъ, что теперь горный духъ умилостивленъ и будетъ покровительствовать путешественникамъ, онъ сѣлъ на лошадь и караванъ двинулся далѣе.

Такой обычай умилостивлять невидимое божество строго соблюдается якутами и даже тѣ изъ нихъ, которые крещены, не считаютъ лишнимъ оказывать своему отставному духу знакъ почтенія на всякій случай.

Проводники якуты почти всю дорогу пѣли свои однообразныя, заунывныя пѣсни. Главнымъ образомъ воспѣ-

вали они красоты природы, которыхъ въ дѣйствительности не существовало. Тундра превращалась у нихъ въ прекрасную страну, полуобгорѣвшій пень въ могучее дерево, грязная лужа въ хрустальное озеро. При составленіи этихъ пѣсенъ дѣйствовало не столько богатство воображенія, сколько привычка восточныхъ народовъ картинно выражаться. Толмачъ-унтеръ объяснялъ это еще проще: „боятся де своего горнаго духа, ну и лисятъ передъ нимъ, выхваляя его владѣнія".

Въ иныхъ мѣстахъ эти владѣнія были дѣйствительно живописны. Множество небольшихъ озеръ, окаймленныхъ холмами, покрытыми лиственничнымъ лѣсомъ, были такъ красивы, что не приходилось сожалѣть о лишнихъ часахъ, потраченныхъ на объѣздъ ихъ.

Якутка.
(По Миддендорфу).

На третій день по выѣздѣ изъ Якутска, путники спустились въ ложбину Міоре, замѣчательную во многихъ отношеніяхъ. Эта ложбина совершенно правильной овальной формы окружена земляным возвышеніемъ, похожимъ на валъ, саженъ въ 10 вышины. По всей вѣроятности ложбина Міоре, имѣющая 8 верстъ въ поперечникѣ, была прежде озеромъ; и теперь по ней разбросано нѣсколько соединенныхъ между собою озеръ, маленькихъ, но очень рыбныхъ.

Привлекательное положеніе ложбины и обильныя

пастбища побудили одного тунгузскаго князька, по имени Міоре, поселиться здѣсь но его скоро вытѣснили якуты, основавъ здѣсь, большое и богатое поселеніе. Врангель нашелъ тутъ много юртъ, нѣсколько русскихъ бревенчатыхъ избъ и двѣ церкви, построенныя однимъ якутомъ, мѣховщикомъ и милліонеромъ. Несмотря на свои милліоны, якутъ придерживался старины, жилъ въ юртѣ, пилъ кумысъ и ѣлъ конину. Населеніе Міоре занимается скотоводствомъ, звѣроловствомъ и извозомъ.

Такъ какъ этнографическія наблюденія не входили въ программу путешественника-моряка, то о посѣщенныхъ имъ народахъ онъ ограничивается немногими данными, которыя схватываетъ на лету какъ любитель, не углубляясь въ изслѣдованія.

Якуты представляютъ намъ замѣчательное явленіе покореннаго народа, навязавшаго побѣдителямъ свои обычаи и языкъ; народа, не только не подвергшагося вліянію завоевателей, но, напротивъ, втянувшаго ихъ въ свою сферу. Въ Якутскѣ, напримѣръ, всѣ ремесленники якуты, всѣ няньки — якутки. Ни одинъ русскій не задумается вступить въ бракъ съ якуткою, такъ какъ это народъ прекрасно одаренный, способный ко всѣмъ ремесламъ.

Родоначальникомъ якутовъ былъ, по преданію, нѣкто Сахаларъ, татаринъ, перекочевавшій откуда то изъ за горъ и женившійся на тунгузкѣ. Потому якуты и называютъ себя сахаларами.

Якуты собственно народъ пастушескій, но они занимаются и звѣринымъ промысломъ, въ которомъ очень искусны. Зимою, якуты живутъ въ юртахъ, а лѣтомъ въ уросахъ, или берестяныхъ юртахъ, издали похожихъ на холщевыя палатки. Покрышку для уросовъ приготовляютъ особымъ образомъ. Содравъ съ березы кору, ее мочатъ и потомъ сшиваютъ. Уросы легки и часто переносятся на новыя мѣста, болѣе богатыя кормомъ для большихъ якутскихъ стадъ.

Съ наступленіемъ холодовъ, якуты переходятъ въ зимнія юрты. Эти жилища строятся въ формѣ конуса изъ тонкихъ бревенъ или жердей и покрываются травою, сѣномъ, дерномъ или глиною. Вмѣсто оконъ—два отверстія съ вдѣланными въ нихъ льдинами, рыбьими пузырями или намасленною бумагою. У бѣдныхъ—полъ врывается въ землю фута на 2 на 3, а у богатыхъ поднимается и выстилается досками. Вдоль стѣнъ устраиваются для спанья и для сидѣнья нары, которыя иногда разгораживаются перегородками. У выхода, поближе къ дверямъ, складывается изъ камня чувалъ или очагъ, на которомъ постоянно горитъ огонь. Внѣ юрты ставятъ нѣсколько крытыхъ загородокъ для коровъ, которымъ здѣсь живется гораздо лучше, чѣмъ лошадямъ. Онѣ стоятъ подъ крышей, ихъ кормятъ сѣномъ, а въ сильные морозы берутъ даже въ юрту. Лошади же стоятъ всегда подъ открытымъ небомъ, питаются травою, которую выгребаютъ копытами изъ подъ снѣга и только въ случаѣ дальнихъ поѣздокъ получаютъ сѣно для подкрѣпленія.

День проводятъ якуты слѣдующимъ образомъ: мужчины ходятъ на охоту, женщины сидятъ вокругъ чувала, обдѣлываютъ звѣриныя кожи, шьютъ платье, вьютъ веревки, вяжутъ сѣти, а вечеромъ, когда соберется семья, курятъ табакъ, до котораго якуты, какъ мужчины, такъ и женщины большіе охотники; пьютъ кумысъ и ѣдятъ ужасную размазню, сваренную изъ размельченной сосновой коры съ прибавкою муки, рыбы, молока или жиру. Послѣдній особенно любятъ якуты и ѣдятъ его въ свѣжемъ и прогоркломъ видѣ. Природа мудро надѣлила ихъ этой потребностью, такъ какъ при суровомъ климатѣ жиръ значительно способствуетъ согрѣванію организма. Однообразіе жизни нарушается иногда пріѣздомъ князька или старшины, которые наѣзжаютъ, чтобъ разбирать споры и чинить судъ и расправу. По временамъ является шаманъ, призываемый для отысканія заблудившейся

скотины, или для испрашиванія помощи у духа для какого нибудь предпріятія. Обыкновенно въ полночь, у тлѣющихъ на чувалѣ угольевъ, онъ творитъ свои заклинанія и приводитъ присутствующихъ въ священный ужасъ.

Хотя почти всѣ якуты крещены и имѣютъ на своемъ языкѣ евангеліе, но это не мѣшаетъ имъ придерживаться шаманства и множества суевѣрныхъ обрядовъ языческихъ.

По характеру якуты не симпатичны. Они не сообщительны, скрытны и страшные охотники до тяжбъ и кляузъ всякаго рода. Насколько возможно, они стараются удаляться отъ общества себѣ подобныхъ и потому живутъ больше разбросанно; обширныя поселенія очень рѣдки. Несмотря на свою несообщительность, они гостепріимны и путешественникъ, проѣзжая по сибирскимъ пустынямъ, найдетъ въ каждой изъ разбросанныхъ на большомъ пространствѣ юртъ радушный пріемъ и готовность подѣлиться всѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Отдохнувъ немного въ Міоре, караванъ двинулся далѣе. Отъ продолжительныхъ дождей дорога, и безъ того скверная, еще больше испортилась; караванъ не разъ попадалъ въ болото, гдѣ лошади вязли по шею. Только благодаря чрезвычайной расторопности и ловкости проводника такія приключенія не имѣли печальныхъ послѣдствій. Къ счастью скоро завернули порядочные заморозки и скрѣпили болота.

Переправляясь черезъ рѣку Алданъ, впадающую въ Лену, путешественники чуть не погибли. Досчаникъ, на которомъ они плыли, получилъ такую течь, что совокупными усиліями невозможно было откачать нахлынувшую туда воду. Судно тонуло быстро и навѣрно совсѣмъ потонуло бы, еслибъ, къ счастью, не случилось посреди рѣки островка, возлѣ котораго и удалось посадить досчаникъ на мель. Законопативъ его кое-какъ травою, возможно было добраться до противоположнаго берега.

Узнавъ отъ проводниковъ, что скоро исчезнутъ луговины, Врангель приказалъ сдѣлать привалъ, чтобы дать лошадямъ возможность подкрѣпиться сочною травою. Едва успѣли путешественники раскинуть свой пологъ изъ ровдугъ, или, иначе говоря, палатку изъ выдѣланныхъ оленьихъ кожъ, какъ пошелъ снѣгъ съ градомъ и термометръ упалъ на 2° ниже нуля. Разложивъ огонекъ и попивая чай, они прислушивались къ глухому реву Тукулана, бѣшено мчавшагося въ ущельяхъ Верхоянскаго хребта по направленію къ Алдану, куда онъ впадаетъ.

На слѣдующій день дорога была очень тяжела. Приходилось идти черезъ дѣвственные лѣса, продираться сквозь перепутанныя вѣтви, перелѣзать черезъ упавшія деревья, переправляться черезъ горные ручьи, заваленные упавшими деревьями и камнями; словомъ — преодолѣвать всевозможныя препятствія. Сентября 20-го выпалъ снѣгъ, за нимъ послѣдовалъ морозъ и, повидимому, установилась зима. Не безъ страха размышлялъ Врангель о привалахъ, о неуютности, холодѣ и всяческихъ неудобствахъ, но первый же опытъ разсѣялъ его опасенія. Когда пришло время остановиться на отдыхъ, проводники выбрали мѣстечко между высокими деревьями, доставлявшими защиту отъ вѣтра и вьюги, разгребли снѣгъ, натащили хвои отъ растущаго здѣсь въ изобиліи ползучаго кедровника и накрывъ эту настилку кожами, раскинули надъ ней пологъ. Потомъ развели костеръ и подкрѣпившись горячей пищей принялись разсказывать о своихъ приключеніяхъ. Всѣ сибиряки большіе краснобаи и желая перещеголять другъ друга, уснащаютъ свои разсказы преувеличеніями и вымыслами. Проводникъ якутъ разсказывалъ, напр., какъ одинъ казакъ убилъ заразъ трехъ напавшихъ на него медвѣдей; одного — ножомъ, другого — топоромъ, третьяго — дубиною. Увѣрялъ онъ также, что сохатый, т. е. лось, такъ силенъ, что на ходу выворачиваетъ деревья съ корнемъ. Покаля-

кавъ немного, путники улеглись на мѣхахъ и укрывшись мѣховыми одѣялами, заснули крѣпкимъ сномъ. Проводники же нашли, что еще довольно тепло и можно спать на воздухѣ. Они сняли съ лошадей потники, разостлали ихъ на снѣгу и положивъ подъ головы сѣдла, вмигъ захрапѣли. Лошадямъ предоставлено было дрожать на морозѣ и изъ подъ снѣга доставать себѣ пищу.

Не всегда, впрочемъ, на ночлегахъ все обходится такъ благополучно. Весною и лѣтомъ случается, что отъ внезапнаго таянія снѣговъ въ горахъ, или отъ сильныхъ дождей, горные ручьи выходятъ изъ береговъ и внезапно затопляютъ долину. Оттого то опытные сибиряки и выбираютъ для приваловъ 2 — 3 близко растущихъ дерева. Почуявъ приближеніе бѣды, они съ величайшей поспѣшностью сплетаютъ изъ вѣтвей родъ моста отъ одного дерева къ другому, перебираются на него со всѣми пожитками и на этомъ висячемъ балконѣ терпѣливо ожидаютъ стока воды.

На разсвѣтѣ караванъ двинулся далѣе. По мѣрѣ приближенія къ истокамъ Тукулана, ложбина его съуживается болѣе и болѣе, крутыя скалы сходятся ближе и ближе; лѣса рѣдѣютъ и наконецъ замѣняются ползучимъ кедровникомъ, на которомъ растутъ такіе же, какъ и на большихъ кедрахъ, вкусные орѣшки, привлекающіе медвѣдей и бѣлокъ; въ кустарникахъ водится множество глухарей и куропатокъ.

22-го Сентября путешественники ночевали въ безлѣсной долинѣ у подошвы горы, подъ защитою нависшей скалы. Морозы замѣтно усиливались, доходили до 16° и ночью, несмотря на мѣховое покрывало, нельзя было согрѣться. Караванъ достигъ подошвы Верхоянскаго хребта, переходъ черезъ который считается самой трудной и опасной частью пути отъ Якутска до Нижне-Колымска. Приходится взбираться по голымъ скользкимъ крутизнамъ, цѣпляться по узкой тропинкѣ, вьющейся

по самому краю пропасти, проходить по заваленнымъ снѣгомъ ущельямъ, прогребая себѣ лопатами дорогу. Одинъ неловкій шагъ и человѣкъ можетъ проститься съ жизнью. Случается, что изъ ущелій и пропастей внезапно вырываются вихри столь сильные, что опрокидываютъ людей и лошадей. Бывало, что цѣлые караваны низвергались въ пропасть.

Къ счастью, погода благопріятствовала путешественникамъ; небо было чисто и безоблачно; лучи полуденнаго солнца зажигали тысячи огней на покрытыхъ инеемъ скалахъ и наполняли воздухъ безчисленными блестками. На сѣверъ разстилалась долина рѣки Яны, впадающей въ Ледовитый океанъ; на югъ — крутые нагроможденные утесы замыкали горизонтъ.

Верхоянскій хребетъ составляетъ водораздѣлъ рѣкъ Лены и Яны. На сѣверномъ склонѣ растутъ только сосны и ели; на южномъ лиственницы, тополи, березы и ивы. Встрѣчные тунгузы разсказывали Врангелю, что на вершинѣ одной изъ Верхоянскихъ горъ находятся остатки большого мореходнаго судна. Провѣрить это странное сообщеніе — не удалось.

Переваливъ черезъ Верхоянскій хребетъ и слѣдуя по берегу Яны, путешественники наткнулись на полуразвалившійся шалашъ, въ которомъ зиму и лѣто жилъ престарѣлый тунгузъ съ дочерью и двумя собаками. Старикъ охотился за оленями, пропадая иногда по нѣсколько дней, а дочь оставалась одна среди необозримой, окованной снѣжнымъ саваномъ пустыни, въ полупрозрачномъ жилищѣ, едва прикрытая лохмотьями и почти безъ пищи. Такіе отшельники въ Сибири не рѣдкость. Это тунгузы, которые вслѣдствіе какого-нибудь несчастнаго случая лишились своихъ стадъ и обнищали.

29-го Сентября путешественники прибыли на станцію Баралала и къ удивленію своему нашли станціонную юрту, содержимую въ большомъ порядкѣ. У входа, на

свѣжемъ снѣгу, лежали куски чистаго льда для котловъ и чайниковъ; юрта была тщательно выметена, лавки покрыты свѣжимъ сѣномъ; въ окнѣ были вставлены чистыя льдины; въ чувалѣ горѣлъ яркій огонь. Послѣ 9-ти дней, проведенныхъ подъ открытымъ небомъ на морозѣ и снѣгѣ, такая юрта показалась дворцемъ. Путешественники могли умыться, почиститься и перемѣнить бѣлье, чего раньше нельзя было сдѣлать изъ боязни отморозить себѣ лице.

Вскорѣ появилось якутское угощенье: рубленое мерзлое мясо, струганая мерзлая рыба и величайшее лакомство этихъ мѣстъ, свѣжій оленій мозгъ. Съ отвращеніемъ, только въ угоду хозяину, попробовалъ европейскій путешественникъ якутскихъ деликатесовъ, но впослѣдствіи такъ привыкъ къ нимъ, что ѣлъ съ удовольствіемъ.

Слѣдующія за Баралаломъ станціи также были довольно сносны; правда, что онѣ отстояли другъ отъ друга верстъ на сто и болѣе, но по сибирскимъ разстояніямъ о такой бездѣлицѣ и говорить не стоитъ. Верстахъ въ 20-ти отъ Баралала пришлось переправляться черезъ Яну по льду. Неподкованныя лошади безпрестанно падали; бились, бились съ ними и наконецъ послали въ Баралалъ за пескомъ и золою. Посыпавъ ими ледъ, благополучно перебрались на другой берегъ.

При переправѣ черезъ другую рѣчку, не очень значительную, случилось довольно комичное приключеніе; ледъ подъ лошадью проломился и она исчезла подъ нимъ. Самъ всадникъ едва успѣлъ соскочить и удержаться на льду. Перебравшись на другой берегъ и не видя лошади, Врангель рѣшилъ, что она утонула, но проводники якуты со смѣхомъ объявили, что лошадь жива и что они тотчасъ ее достанутъ. Дѣйствительно шестами разломали ледъ и Врангель увидѣлъ то, что впослѣдствіи видалъ много разъ: рѣчная вода почти вся утекла и образовала между дномъ и ледяною корою пустое пространство футовъ

въ 6 вышины. Лошадь была извлечена невредимою, но находившійся на ней вьюкъ съ чаемъ, сахаромъ и ромомъ пропалъ безвозвратно. Потеря такихъ необходимыхъ при странствованіи по ледянымъ пустынямъ предметовъ была для всѣхъ чувствительна.

Слѣдуя по берегу рѣки Догдо, притока Яны, караванъ достигъ котловидной долины, извѣстной подъ именемъ „Убіеннаго поля“. Въ ней, говоритъ преданіе, скрывалась цѣлая орда тунгузовъ, спасаясь отъ завоевателей Сибири. Здѣсь же она нашла себѣ могилу.

Недалеко отъ этого мѣста вытекаетъ рѣчка Русская Разсоха, которая лѣтомъ должна быть очень живописна. Оврагъ, гдѣ находятся истоки, обставленъ скалами самыхъ причудливыхъ очертаній; тутъ зубчатыя башни крѣпостей, колоннады и портики античныхъ зданій, тріумфальныя арки, часовни и тому подобное.

10-го Октября путешественники пріѣхали въ Зашиверскъ, маленькій городокъ, лежащій на правомъ берегу Индигирки. Здѣсь Врангель познакомился съ замѣчательнымъ старцемъ, священникомъ отцомъ Михаиломъ. Этотъ священникъ, извѣстный всей Сибири, обратилъ въ христіанство болѣе 15,000 инородцевъ. Своимъ примѣромъ и наставленіями онъ оказывалъ благотворное вліяніе на нравственность туземцевъ. Его рвеніе не охладѣло съ годами и въ бытность Врангеля въ Зашиверскѣ, онъ продолжалъ объѣзжать свой приходъ, раскинувшійся на 2000 верстъ. Онъ не ограничивался исполненіемъ однихъ требъ, но старался утѣшать и облегчать страждующихъ вездѣ, гдѣ встрѣчалъ ихъ. Этотъ удивительный старикъ имѣлъ еще время ходить въ горы на охоту за дикими баранами и силками ловить куропатокъ. Въ теченіе короткаго лѣта онъ воздѣлывалъ свой огородъ, гдѣ, благодаря его неусыпнымъ трудамъ, дозрѣвали: капуста, рѣдька, рѣпа — овощи, очень рѣдкія въ этихъ мѣстахъ. Онъ очень обрадовался путешествен-

никамъ, угостилъ ихъ щами съ ржанымъ хлѣбомъ, который показался имъ пряникомъ и пирогомъ изъ рыбьей муки, изобрѣтенія самого хозяина.

Для полученія муки, сухая рыба перетирается въ порошокъ и просѣвается. Въ сухомъ мѣстѣ эта мука долго держится и въ смѣси со ржаною мукою составляетъ очень вкусное тѣсто.

Пробывъ въ Зашиверскѣ два дня, караванъ двинулся далѣе. Путь до Средне-Колымска не представлялъ ничего интереснаго. Горы чередовались съ болотами и равнинами, перерѣзанными рѣками, рѣчками и озерами; морозъ доходилъ до 24°, а ночевать, зачастую, приходилось на открытомъ воздухѣ. Недалеко отъ Колымы, на небольшомъ озерѣ, Врангель впервые увидѣлъ стадо дикихъ оленей. Съ удивительной быстротою пронеслось оно по льду, преслѣдуемое двумя волками. 25-го Октября, поздно вечеромъ караванъ выѣхалъ на Колыму. Было уже совершенно темно, но лай собакъ, столбы искръ изъ трубъ, тускло свѣтящіеся сквозь ледяныя окна огни и рѣзко рисующійся на темномъ небѣ шпиль колокольни дали знать путникамъ, что они прибыли наконецъ въ Средне-Колымскъ.

Здѣсь посовѣтовали Врангелю запастись полнымъ зимнимъ гардеробомъ и въ короткое время доставили все нужное. Едва-ли европеецъ, кутающійся въ медвѣжьи и собольи шубы, можетъ себѣ представить, что это за гардеробъ. Онъ состоитъ не менѣе какъ изъ 12-ти предметовъ, надѣваемыхъ поверхъ обыкновеннаго платья: 1) Широкой куртки на песцовомъ мѣху; 2) такого же нагрудника; 3) шароваръ изъ заячьихъ шкуръ; 4) носковъ изъ мягкой оленьей шкуры, иногда по двѣ пары заразъ; 5) такихъ же сапогъ, или торбасовъ; 6) наколѣнниковъ; 7) кухлянки, широкаго мѣховаго мѣшка съ рукавами и капюшономъ; эта одежда дѣлается изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ, мѣхомъ наружу и мѣхомъ внутрь, надѣвается

поверхъ всего остального и подпоясывается кушакомъ. Затѣмъ идетъ: 8) налобникъ; 9) наносникъ; 10) набородникъ и наконецъ шапка изъ лисьяго мѣха съ ушами.

„Сперва такая одежда была мнѣ нестерпима и тягостна, пишетъ Врангель. Я насилу влѣзалъ на лошадь и не безъ труда пролѣзалъ въ узкія двери якутскихъ юртъ. Но впослѣдствіи, особенно при 30° морозѣ и рѣзкомъ сѣверномъ вѣтрѣ, нарядъ мой казался мнѣ превосходнымъ“.

27-го Октября путешественники поѣхали на лошадяхъ изъ Средне-Колымска далѣе, по лѣвому берегу рѣки, встрѣчая довольно часто якутскія селенія. Въ 320 верстахъ лежитъ русская деревня Омолонская на рѣкѣ того-же имени; отсюда начинается ѣзда на собакахъ. Здѣсь исчезаютъ высокоствольные лѣса и луга; вмѣсто нихъ по низменностямъ стелется изогнутый кустарникъ.

На легкихъ нартахъ пролетѣли путники въ два дня 120 в. и 2-го Ноября, при 32° мороза прибыли въ Нижне-Колымскъ.

„Такимъ образомъ проѣхавъ 11,000 в. въ 224 дня, говоритъ Врангель, достигли мы первой цѣли нашего путешествія — бѣдной рыбацкой деревни, которая на три года сдѣлалась нашимъ главнымъ мѣстопребываніемъ“.

ГЛАВА II.

Нижне-Колымскій округъ и его жители. Промыслы. Флора и фауна.

Прежде, чѣмъ приступить къ описанію научныхъ занятій экспедиціи, на крайнемъ сѣверѣ, не мѣшаетъ познакомить читателя съ этнографическими особенностями этой мѣстности.

Рѣка Колыма, также какъ и Индигирка, вытекаетъ

изъ горъ Станового Хребта и пробѣжавъ 1500 в. впадаетъ въ Ледовитое море тремя широкими рукавами. Два изъ нихъ, по глубинѣ, доступны морскимъ судамъ, но плаваніе по нимъ затрудняется большимъ количествомъ мелей, намываемыхъ быстрымъ теченіемъ и безпрестанно мѣняющихъ мѣста.

Первыя 800 в. рѣка течетъ въ крутыхъ, почти отвѣсныхъ берегахъ. Въ иныхъ мѣстахъ скалы сильно выдаются впередъ и висятъ надъ самою водою.

Нижне-Колымскъ*) лежитъ на большомъ низменномъ островѣ, образуемомъ однимъ изъ рукавовъ Колымы. Климатъ здѣсь суровый; рѣка замерзаетъ въ первыхъ числахъ сентября. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, которые здѣсь называются лѣтомъ, солнце не заходитъ 52 дня (съ 15 мая по 6 іюля). Но отъ постояннаго присутствія лучезарнаго свѣтила мало пользы; оно стоитъ очень близко къ горизонту и лучи его слабо грѣютъ. Само солнце представляется въ эллиптической фигурѣ и на тусклый свѣтъ его можно смотрѣть простыми глазами. Хотя солнце и не заходитъ, но дневное теченіе времени замѣтно. Когда оно приближается къ горизонту, — это полярная ночь; природа успокаивается. Когда же, часа черезъ два, оно повышается, все пробуждается; птички, какъ и у насъ, привѣтствуютъ день своимъ пѣніемъ. Самая пріятная температура бываетъ въ іюлѣ; раслускается ива, разцвѣтаютъ цвѣты. Но это наслажденіе отравляется міріадами комаровъ, отъ которыхъ одно спасеніе — дымокуры. Бѣднымъ жителямъ приходится самое лучшее время года проводить въ облакахъ густого дыма. Положеніе незавидное! Но нѣтъ худа безъ добра. Съ появленіемъ крылатыхъ мучителей, олени стадами бѣгутъ изъ лѣсовъ въ тундры и при переправѣ черезъ рѣки доставляютъ хорошую наживу охотникамъ.

*) Нижне-Колымскій острогъ основанъ якутскимъ казакомъ Стадухинымъ.

Соболь, россомаха и песець.

Зима длится здѣсь 9 мѣсяцевъ. Въ январѣ морозы доходятъ до 43°, такъ что захватываетъ дыханіе. Даже олень, житель полярныхъ странъ, забирается въ глубь лѣса и стоитъ какъ окаменѣлый. Вмѣсто двухмѣсячнаго дня настаетъ въ концѣ ноября 38-суточная ночь, которая отъ рефракціи и снѣжнаго свѣта, а также отъ сѣверныхъ сіяній не бываетъ совсѣмъ темною. Въ декабрѣ появляется на краю горизонта заря; но она такъ блѣдна, что даже въ полдень не въ состояніи помрачить звѣздъ.

Замѣчательное здѣсь явленіе природы — это теплый вѣтеръ, который, иногда, при ясномъ небѣ, начинаетъ дуть внезапно и среди жесточайшей зимы въ короткое время измѣняетъ температуру съ 36° мороза до 6° тепла, такъ что льдины, вставленныя въ окна начинаютъ таять. Вѣтеръ этотъ продолжается обыкновенно не болѣе сутокъ.

Скудная растительность соотвѣтствуетъ климату. Вязкое болото съ промерзлой подпочвой едва можетъ питать уродливое лиственничное деревцо; корни его, недопускаемые льдомъ внутрь земли, стелются поверху. По берегамъ рѣкъ растетъ мелколистная ива; по лугамъ встрѣчаются ягоды, но онѣ не всегда дозрѣваютъ. Огородныхъ овощей и въ поминѣ нѣтъ. Капуста, которая у насъ переноситъ легкіе морозы, здѣсь не завивается.

Въ долинахъ Анюевъ (двухъ большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Колыму), защищенныхъ горами отъ холодныхъ вѣтровъ, растительность гораздо богаче. „Когда придешь сюда изъ мерзлой, покрытой мхомъ тундры, говоритъ Врангель, то вообразишь себя переселившимся въ Италію“.

Насколько бѣдна въ этомъ краю флора, настолько богата фауна. Олени, лоси, медвѣди, лисицы, соболи и бѣлки наполняютъ нагорные лѣса; песцы и волки рыщутъ по низменностямъ; огромныя стаи водяныхъ птицъ плаваютъ по рѣкамъ и озерамъ; орлы, филины и чайки

сторожатъ добычу у морскихъ береговъ; куропатки стадами бѣгаютъ среди кустарниковъ; мелкихъ птичекъ и не перечесть.

Обиліе животнаго царства объясняется безлюдностью, обезпечивающею животному безопасность. Но чѣмъ же объяснить поселеніе человѣка въ такомъ суровомъ краю? Между тѣмъ, по мѣстному преданію, на берегахъ Колымы жило прежде многочисленное племя омоковъ, у которыхъ „огней было больше, чѣмъ звѣздъ на небѣ". Еще и до сихъ поръ, въ иныхъ мѣстахъ, особенно на берегахъ Индигирки, встрѣчаются остатки укрѣпленій изъ толстыхъ бревенъ и слѣды огромныхъ могильныхъ кургановъ. Судя по неяснымъ разсказамъ стариковъ, омоки погибли въ борьбѣ съ чукчами, которые, въ свою очередь, были оттѣснены русскими на востокъ. А что чукчи здѣсь жили, о томъ свидѣтельствуютъ названія многихъ рѣкъ, напр.: Большая и малая Чукочья и др.

Населеніе Колымскаго округа состоитъ изъ русскихъ, якутовъ и юкагировъ. Русскіе, въ противоположность мрачнымъ якутамъ очень общительны и любятъ ходить другъ къ другу въ гости. На вечеринкахъ они поютъ и пляшутъ. Пѣсни обыкновенно слагаются женщинами. Вотъ для примѣра одна изъ нихъ:

„Напишу-ль я письмо не перомъ, не черниломъ,
„Напишу я письмо горючей слезой.
„Отошлю я письмо съ сизокрылымъ голубкомъ*):
„Полети ты сизокрылый въ славный городъ, во Якутскъ,
„Оброни ты письмецо подъ косящато окно**)".

Мелодія очень однообразная, ритмъ медленный.

---

*) Котораго, между прочимъ, въ той мѣстности не водится.

**) Авторъ слышалъ ту же пѣсню въ Ладожскомъ уѣздѣ съ измѣненіемъ Якутска въ Петербургъ.

„Чтобы имѣть понятіе объ образѣ жизни колымчанъ, пишетъ Врангель, надо нѣсколько времени пожить между ними; слѣдовать за ними изъ зимнихъ жилищъ въ лѣтнія, плавать съ ними въ карбасѣ или въ „вѣткѣ“*) по быстрымъ рѣкамъ; взбираться на скалы; прокладывать дорогу черезъ дѣвственный лѣсъ; носиться зимою по безконечной тундрѣ на легкой нартѣ, запряженной собаками. Все это мы и дѣлали втеченіе трехлѣтняго нашего пребыванія здѣсь“.

Самое тяжелое время для колымчанъ это весна, когда всѣ припасы поприберутся, а новые еще не присѣютъ. Особенно сильно бѣдствуютъ инородцы. Цѣлыми толпами приходятъ они изъ своихъ тундръ и съ жадностью набрасываются на все, что имѣетъ хоть малѣйшее подобіе пищи. Но мало помощи находятъ въ русскихъ селеніяхъ несчастные инородцы. Обыватели сами часто принуждены бываютъ поѣдать пищу, приготовленную для собакъ, а собаки мрутъ съ голоду.

„Три ужасныхъ весны провелъ я здѣсь, разсказываетъ Врангель и теперь еще съ содроганіемъ представляю себѣ картину голода и нищеты, которой хотя и былъ свидѣтелемъ, но описать не въ силахъ“.

Къ счастью, благое Провидѣніе является на помощь какъ разъ въ то время, когда бѣдствіе достигаетъ высшей степени: прилетаютъ изъ южныхъ странъ большія стада лебедей, гусей и утокъ. Старый и малый, мужчины и женщины, всѣ, — кто только въ состояніи держать ружье или лукъ, спѣшатъ убивать изъ пернатыхъ гостей все, что могутъ. Въ разставленныя подъ льдомъ сѣти уже попадается рыба. Такимъ образомъ ужасное время голода проходитъ; но все еще нѣтъ изобилія въ пищѣ; кажется, будто природа, подобно искусному врачу съ умѣренностью подкрѣпляетъ истощенныхъ. Наконецъ въ Іюнѣ

*) Легкая лодка.

вскрываются рѣки, проплываетъ множество рыбы и всякій старается запастись ею.

Но часто, въ то время, когда кончилось одно бѣдствіе, на смѣну ему является другое: рѣка не въ состояніи скоро избавиться отъ несущихся по ней ужасныхъ громадъ льда, который, спираясь, образуетъ родъ плотинъ и останавливаетъ теченіе. Рѣка выступаетъ изъ береговъ и затопляетъ луга и селенія. Если жители не успѣютъ отогнать лошадей на возвышенное мѣсто, они лишаются ихъ безвозвратно.

„Лѣтомъ 1822 г., разсказываетъ Врангель, было при насъ въ Нижне-Колымскѣ наводненіе, распространившееся столь внезапно, что мы едва имѣли время съ нѣкоторыми вещами перебраться на плоскія крыши, гдѣ должны были просидѣть болѣе недѣли.

Сосѣднее озеро соединилось съ рѣкою, вода быстро неслась между домами и весь острогъ походилъ на архипелагъ, въ которомъ крыши играли роль острововъ. Жители ѣздили другъ къ другу на лодкахъ; или сидя на крышахъ, закидывали сѣти и ловили рыбу“.

Кромѣ рыбы, запасаемой на зиму, заготовляется еще и птица. Ее коптятъ или замораживаютъ и зарываютъ въ снѣгъ. Кромѣ рыбы и птицы, добрые хозяева запасаются оленьимъ мясомъ. Одни отправляются на Анюй выжидать лѣтнюю плавь оленей; другіе ѣдутъ на лошадяхъ въ тундру къ большимъ озерамъ, загоняютъ оленей въ воду собаками, нарочно для этого дрессированными и большимъ ножемъ, насаженнымъ на длинную рукоятку, колютъ ихъ. Промыслъ на Анюѣ гораздо прибыльнѣе, чѣмъ въ тундрѣ, но за то олени тундры крупнѣе и жирнѣе.

Пока мужчины занимаются рыбной ловлей и охотой, женщины дѣлаютъ запасы другого рода. Большими обществами онѣ отправляются за ягодами, иногда очень далеко; подъ открытымъ небомъ проводятъ ночи, поютъ,

плящутъ и веселятся отъ души. Собираютъ еще мучнистый корень, который въ Камчаткѣ называется „сарана“, здѣсь — „макарша“. Этотъ корень, вареный, напоминаетъ вкусомъ орѣхъ. Его ѣдятъ какъ лакомство и начиняютъ имъ пироги.

Много способствуютъ собиранію макарши полевыя мыши. Онѣ очень любятъ этотъ корень и запасаютъ его въ своихъ норкахъ. Осенью, женщины ходятъ по лугамъ и, постукивая палкою о земь, ощущаютъ пустоту. Тогда начинаютъ рыть и добравшись до мышиныхъ магазиновъ, опустошаютъ ихъ. Обыкновенно мышамъ кое-что оставляютъ, чтобы эти полезныя животныя не перемерли съ голоду.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ идетъ съ моря сельдь и идетъ она въ такомъ количествѣ, что въ одну сѣть попадается ея до 3000 и болѣе. Къ этому же времени возвращаются охотники и поселеніе оживляется. Съ волненіемъ ожидаютъ промышленниковъ домашніе, со страхомъ распрашиваютъ объ удачѣ промысла, который на долгое время служитъ главнымъ предметомъ разговоровъ.

Самыя незначительныя обстоятельства, каждое движеніе оленя, ловкость охотника, смышленность собаки и тому подобное разсказываются и пересказываются съ такою подробностью, какъ будто дѣло идетъ о разгромѣ непріятельской арміи.

По первому снѣгу мужчины отправляются въ лѣса, ставить ловушки, по мѣстному „пасти“. Отъ времени до времени эти пасти осматриваютъ, берутъ попавшихся звѣрей и снова настораживаютъ снаряды. Снаряды эти самаго простаго устройства, но для постановки ихъ нужна сноровка, а для выбора мѣста — опытность. Нѣкоторые изъ охотниковъ славятся искусствомъ обманывать звѣрей и за то пользуются всеобщимъ уваженіемъ. Еще въ большемъ почетѣ находятся охотники на медвѣдей и лосей; ихъ отвага по истинѣ замѣчательна. Два

юкагира, отецъ съ сыномъ, отправились, однажды, верхомъ на лисицу. Не имѣя удачи, они повернули уже домой и ѣхали понуря голову, какъ вдругъ случайно набрели на берлогу. Для борьбы съ медвѣдемъ настоящаго оружія не было, но они всетаки рѣшились сдѣлать нападеніе. Отецъ прижался спиной къ одному отверстію берлоги и закрылъ его собою, а сынъ, черезъ другое отверстіе, началъ колоть звѣря поколюгою. Медвѣдь, чувствуя боль, метнулся въ сторону, но здѣсь встрѣтилъ облеченную въ нѣсколько шубъ спину юкагира, которую онъ не могъ донять ни когтями, ни зубами. А сынъ кололъ да кололъ, пока окончательно не закололъ звѣря.

Одному юкагиру, плывшему въ лодкѣ, случилось увидать на берегу медвѣдя, занятаго вырываніемъ изъ земли кореньевъ. Юкагиръ выползъ на берегъ, не имѣя другого оружія, кромѣ поколюги, подкрался къ медвѣдю и обхвативъ его за заднюю лапу, намѣревался вонзить ему въ животъ свой ножъ; но медвѣдь, испуганный неожиданнымъ нападеніемъ, пустился бѣжать и потащилъ за собою по пнямъ и кочкамъ несчастнаго юкагира, который сильно расшибся.

Съ однимъ русскимъ былъ такой случай: переплывая Колыму на карбасѣ, онъ увидѣлъ посреди рѣки сохатаго *) и задумалъ поживиться имъ. Разсчитавъ, что карбасъ не подыметъ такого большого звѣря, еслибъ даже и удалось убить его въ водѣ, промышленникъ задумалъ накинуть на него веревку и пробуксировать къ берегу. Вышло, что онъ разсчиталъ плохо. Лось, почувствовавъ на себѣ веревку, поспѣшно поплылъ къ берегу и только что досталъ ногами дно, какъ побѣжалъ во весь духъ, потащивъ за собой карбасъ на берегъ и потомъ въ лѣсъ. Промышленникъ позабылъ и думать о добычѣ: онъ радъ

*) Лося.

радёшенекъ былъ, когда ему удалось наконецъ выкарабкаться изъ своего неудобнаго экипажа.

Лось принадлежитъ къ породѣ оленей, но онъ гораздо больше и сильнѣе; ноги у него длиннѣе и рога имѣютъ лопатообразную форму, развѣтвленную кверху. Онъ водится преимущественно въ лиственныхъ лѣсахъ, питаясь молодыми побѣгами. Отъ оводовъ онъ не бѣжитъ въ тундры, какъ сѣверный олень, а садится въ рѣку до самого носа и въ тоже время ѣстъ водоросли. Охотиться на лося удобнѣе всего по насту, который не выдерживаетъ тяжелаго звѣря и онъ легко дѣлается добычею охотника.

Кромѣ человѣка, преслѣдующаго лося изъ за шкуры и вкуснаго мяса, у этого животнаго есть и другіе враги. Нерѣдко россомаха спрыгиваетъ съ дерева на пасущагося подъ нимъ лося; маленькій горностай вползаетъ ему въ ухо и звѣрь въ бѣшенствѣ разбиваетъ себѣ голову о дерево, или бросается въ пропасть. Волкъ обыкновенно старается загнать лося на ледъ, гдѣ онъ падаетъ и не можетъ встать, хотя сильно брыкается и бьетъ задними ногами; черезъ это, вѣроятно, и сложилась басня, что онъ подверженъ падучей болѣзни.

Изъ домашнихъ животныхъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ собака. Болѣе всякаго другого животнаго она приправливается къ климату и къ соотвѣтственнымъ условіямъ жизни. На югѣ собака ѣстъ бананы, на сѣверѣ — питается рыбою. Круглый годъ проводитъ она на открытомъ воздухѣ, лѣтомъ, вырывая ямы въ землѣ для прохлады или сидя въ водѣ отъ комаровъ; зимою зарывается въ снѣгъ и спитъ, покрывши мордочку пушистымъ хвостомъ. При обученіи собакъ ѣздѣ, самая трудная задача состоитъ въ томъ, чтобы пріучить ихъ не бросаться по слѣдамъ звѣря. Въ этомъ случаѣ выручаетъ передовая собака, если она умна и хорошо дрессирована. Интересно видѣть съ какимъ искусствомъ и даже обду-

Тяга лодки собаками.

манностью, если можно такъ выразиться, она исполняетъ свое дѣло. Замѣтивъ, что товарки ея напали на слѣдъ звѣря, она старается отвлечь ихъ и если это ей не удается, то съ лаемъ бросается въ противоположную сторону, какъ будто увидя тамъ другого звѣря. Во время мятелей, вьюгъ и тумановъ, когда путешественникъ ничего не видитъ, чутье собаки выручаетъ его. Если дорога потеряна, то можно быть увѣреннымъ, что собаки всетаки доведутъ сѣдока до какой нибудь поварни*), гдѣ онъ можетъ найти пріютъ.

Лѣтомъ собакъ употребляютъ для тяги лодокъ противъ теченія. Онѣ удобны въ томъ отношеніи, что въ случаѣ надобности, переплываютъ на другой берегъ и снова становятся въ порядокъ.

Мѣстные жители очень цѣнятъ своихъ собакъ, сознавая, что безъ нихъ они пропали. Бѣдствіе было дѣйствительно велико въ тотъ годъ, когда на собакъ былъ падежъ. Въ одной семьѣ подохло ихъ 20 штукъ и для того, чтобъ сохранить двухъ щенковъ, еще слѣпыхъ, хозяйка кормила ихъ грудью вмѣстѣ съ своимъ младенцемъ.

Въ зимнее время колымчане занимаются выдѣлкою звѣриныхъ шкуръ, починкою сѣтей и другими домашними работами. Въ полдень дѣвушки наряжаются въ лучшее платье и идутъ къ проруби черпать воду. Прорубн играютъ здѣсь такую же роль, какъ у западныхъ славянъ колодцы. Около нихъ образуется нѣчто вродѣ клуба. Собираются подружки, сообщаютъ другъ другу новости, уговариваются какъ провести вечеръ, гдѣ встрѣтиться. Приходятъ молодые люди помогать дѣвушкамъ черпать воду; завязываются знакомства, которыя нерѣдко оканчиваются бракомъ.

На вечеринкахъ выпивается невѣроятное колпчество

*) Поварнями называются грубо сколоченныя избушки, которыя, по распоряженію правительства, разбросаны въ тундрахъ для пріюта и отдыха путешественниковъ.

чаю; 10 — 12 чашекъ — порція самая обыкновенная. Иногда подается затуранъ — мука, зажаренная въ маслѣ или рыбьемъ жирѣ; ее разводятъ чаемъ и пьютъ. Этотъ напитокъ очень питателенъ и потому полезенъ при путешествіяхъ*). Рѣдкимъ лакомствомъ считаются здѣсь кедровые орѣшки, извѣстные подъ названіемъ „сибирскихъ разговоровъ". Они играютъ въ собраніяхъ такую же роль, какъ бильбокетъ Жанъ-Жака Руссо въ французскихъ салонахъ XVIII ст. Занимая присутствующихъ и избавляя ихъ отъ необходимости говорить, когда сказать нечего, они вносятъ въ бесѣду больше естественности.

Замѣчательно, что мѣстные жители почти не употребляютъ соли. Они питаютъ къ ней даже нѣкоторое отвращеніе и подаютъ ее только для пріѣзжихъ.

Покончивъ съ этнографическими подробностями о жителяхъ, вернемся къ нашему путешественнику.

По пріѣздѣ Врангеля въ Нижне-Колымскъ ему отвели помѣщеніе въ заброшенномъ домѣ, о которомъ говорили, что въ немъ водятся духи. Но присутствіе духовъ обнаружилось только въ томъ, что они дули во всѣ щели, которыя пришлось тщательно проконопатить. Для астрономическихъ наблюденій надстроена была надъ домомъ башня.

Въ сообщеніяхъ сержанта Андреева, бывшаго въ этихъ краяхъ въ 1762 г. говорилось о невѣдомой землѣ къ сѣверу отъ Медвѣжьихъ острововъ, о слѣдахъ многочисленнаго оленнаго народа и т. д. Но въ Колымскѣ ни о чемъ подобномъ не слыхали, и Врангель имѣлъ полное основаніе не вѣрить этимъ слухамъ. Тѣмъ не менѣе, онъ долженъ былъ дѣйствовать по данной ему инструкціи, предписывавшей, по достиженіи Шелагскаго мыса, раз-

*) Почти такое же питье изъ поджаренной муки „дзамбы", разведенной чаемъ, пьютъ обитатели Центральной Азіи. Весьма возможно, что оно занесено на крайній сѣверъ выходцами съ крайняго востока.

дѣлить экспедицію на два отряда и съ однимъ слѣдовать на сѣверъ для отысканія предполагаемой тамъ земли, а съ другимъ послать одного изъ офицеровъ для описанія берега на востокъ, такъ далеко, какъ обстоятельства позволятъ. Для обоихъ отрядовъ требовалось 50 нартъ, 600 собакъ и изрядное количество провіанта и всякихъ припасовъ. Съ пріѣздомъ мичмана Матюшкина начались приготовленія, сопряженныя съ большими трудностями.

Въ хлопотахъ по снаряженію экспедиціи, въ научныхъ занятіяхъ и въ ознакомленіи съ мѣстными условіями жизни время проходило не скучно. Съ особеннымъ восхищеніемъ любовались путешественники сѣвернымъ сіяніемъ — этимъ чудомъ полярныхъ странъ.

Ни описанія, ни картины не дадутъ надлежащаго понятія объ этомъ величественномъ явленіи тому, кто не видалъ его.

Въ сумракѣ ночи появляются на небѣ два бѣлесоватыхъ столба, которые, разгораясь все болѣе и болѣе, соединяются наконецъ верхними концами и образуютъ сводъ. Мгновенно внутренность этого свода превращается въ пылающее море, а изъ краевъ его отдѣляются снопы лучей и начинаютъ переливаться различными цвѣтами. Ежеминутно сводъ вздрагиваетъ, а окружающая его дуга волнообразно колышется. Отъ времени до времени съ сѣвера появляется, какъ бы волна, то краснаго, то оранжеваго цвѣта и заливаетъ весь сводъ. Лучи, выдѣляющіеся изъ дуги, то стремительно взлетаютъ вверхъ, то сокращаются и взлетаютъ вновь; блескъ ихъ усиливается и наконецъ они скопляются въ одномъ мѣстѣ и образуютъ такъ называемый „вѣнецъ“.

Если восхищенное око отъ пламенѣющаго небосклона обратится къ землѣ, то и здѣсь оно увидитъ все въ какомъ то волшебномъ свѣтѣ. На снѣгу отражаются радужные лучи и кажется будто по немъ разсыпаны алмазы, рубины и изумруды. Вершины скалъ одѣты мер-

цающимъ блескомъ, который какъ будто выходитъ изъ скалы, какъ пламя изъ кратера. Безмолвіе ночи еще больше увеличиваетъ прелесть этого дивнаго зрѣлища.

Но вотъ мало по малу блѣднѣетъ вѣнецъ, свѣтовая дуга разрывается, лучи становятся рѣже, короче и безцвѣтнѣе. Вскорѣ по всему небесному своду неправильно разбрасываются широкія, блѣдныя пятна, которыя постепенно сливаются и исчезаютъ. Темная ночь поглощаетъ волшебную картину и снова мракъ царитъ надъ пустыннымъ ландшафтомъ.

День готовитъ зрѣлище не менѣе эффектное: появляются миражи, по разнообразію своему, крайне интересные. Горы, лежащія къ югу, представляются въ искаженномъ видѣ, висящими на воздухѣ или опрокинутыми. Рѣка какъ будто суживается, а противоположный берегъ подходитъ къ самому дому.

Но какъ ни плѣнительны красоты природы, все же онѣ не могутъ удовлетворить человѣка, привыкшаго къ обществу себѣ подобныхъ. Въ этомъ то и нуждались путешественники. Колымчане доставляли интересный матеріалъ для наблюденій, но по образованію и развитію они не могли удовлетворить европейцевъ, а потому Врангель и его товарищи очень обрадовались, когда въ Декабрѣ мѣсяцѣ неожиданно прибылъ англійскій пешеходъ Кокренъ, котораго привело въ эти страны ненасытное любопытство.

Февраль мѣсяцъ доставилъ новую пищу для наблюденій. Въ февралѣ бываетъ въ Нижне-Колымскѣ ярмарка, самое веселое время для обывателей. Сюда заѣзжаютъ купцы, ѣдущіе въ Островное на чукотскую ярмарку. Обыватели ожидаютъ пріѣзжихъ съ большимъ нетерпѣніемъ, выбѣгаютъ на улицу, караулятъ. Вотъ появляется на горизонтѣ облако пара, означающее путь каравана; всякій, кто только можетъ двигаться, бѣжитъ на встрѣчу друзьямъ и знакомымъ. Среди ликованья и нѣ-

сенъ въѣзжаетъ караванъ въ острогъ и распредѣляется по домамъ. Нѣсколько дней кряду веселятся колымчане до поздней ночи. Веселятся по своему и собаки, которыхъ собирается здѣсь множество. Онѣ вступаютъ другъ съ другомъ въ кровавыя битвы и хозяевамъ приходится зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы не остаться съ своимъ товаромъ вовсе безъ перевозочныхъ средствъ.

Дружба и кумовство не мѣшаютъ купцамъ обдѣлывать свои дѣлишки, продавая товаръ по баснословно дорогимъ цѣнамъ. Особенно ловко объегориваютъ они бѣдныхъ инородцевъ, которые очень пристрастны къ водкѣ, благодаря, вѣроятно, ея согрѣвающему свойству. Съ непривычки инородцы скоро пьянѣютъ и въ такія минуты они готовы не только продешевить весь свой промыслъ, но и отдать его за стаканъ водки.

Съ отъѣздомъ купцовъ въ Островное (250 верстъ) жизнь вступаетъ въ обычную колею. Съ наступленіемъ весны жители отправляются на промыслы, острогъ пустѣетъ, многіе дома заколачиваются и прежнее оживленіе смѣняется мертвою тишиною.

Жители Нижне-Колымска одарены крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и хорошимъ ростомъ. Красивыя лица между ними не рѣдкость. Они сохраняютъ бодрость до глубокой старости и очень поздно сѣдѣютъ.

ГЛАВА III.

Первое путешествіе по льду. Шелагскій мысъ.

Всѣ старанія достать потребное количество нартъ и упряжекъ не привели къ желаемому результату. Пришлось измѣнить первоначальный планъ и ограничиться пока небольшой экскурсіей къ востоку, чтобы верну-

вшись въ Нижне-Колымскъ къ сроку заготовки полнаго количества нартъ и собакъ, пуститься уже въ продолжительное путешествіе на сѣверъ.

Матюшкинъ поѣхалъ въ Островное, чтобъ познакомиться съ чукчами, закупить у нихъ нужные для нартъ моржовые ремни и китовыя ребра, а главное — подготовить ихъ къ прибытію русскихъ. Онъ долженъ былъ сказать чукчамъ, что посѣщеніе ихъ береговъ дѣлается съ цѣлью отыскать свободный отъ льдовъ проходъ для судовъ съ товарами, доставленіе которыхъ сухимъ путемъ обходится очень дорого.

Въ распоряженіи Врангеля осталось всего 9 нартъ, изъ которыхъ 6 были отправлены въ Сухарное съ провіантомъ. Въ восточномъ устьѣ рѣки Колымы, въ 120 в. отъ Нижне-Колымска, есть низменный островъ, на которомъ построено два сарая, предназначенные служить убѣжищемъ колымчанамъ, пріѣзжающимъ сюда на промыслы. Это жалкое подобіе человѣческихъ жилищъ и есть Сухарное. Верстъ за 50 отсюда исчезаетъ даже стелющійся кустарникъ; глазу представляется необозримая снѣжная равнина и ужасное однообразіе прерывается только кое-гдѣ разставленными ловушками для песцовъ.

19-го февраля Врангель съ спутникомъ своимъ Козьминымъ, двинулся на 3-хъ партахъ изъ Нижне-Колымска. Важнѣйшіе жители города провожали отъѣзжающихъ до маленькаго невдалекѣ лежащаго озера. На прощанье они совѣтовали остерегаться чукчей, которые, будто бы, относятся къ русскимъ такъ враждебно, что послѣдніе не рѣшаются ѣздить далѣе Баранова Камня. На дѣлѣ, однакоже, оказалось, что весь берегъ отъ Колымы до Шелагскаго мыса былъ необитаемъ и только изрѣдка посѣщали его чукчи, приходившіе сюда поохотиться или собрать выброшенный моремъ лѣсъ. Но и они не заходили дальше Баранова Камня, такъ что весь бе-

регъ отъ Колымы до Шелагскаго мыса, всего верстъ на 80, могъ считаться полосою нейтральной.

„Еще не достигли мы Сухарнаго, пишетъ Врангель, какъ уже стемнѣло. Мы никакъ не могли разсмотрѣть занесенныхъ снѣгомъ балагановъ и вѣроятно проѣхали бы мимо, если-бъ намъ не указали мѣста ихъ искры, вылетавшія изъ верхнихъ отверстій вмѣстѣ съ дымомъ. Измученныя собаки повернули въ сторону, побѣжали скорѣе и остановились у снѣжнаго бугра, гдѣ проводникъ увѣдомилъ насъ, что мы пріѣхали въ Сухарное. Пока я осматривался во всѣ стороны, отыскивая что нибудь похожее на человѣческое жилище, къ великому удивленію моему вылѣзли изъ подъ снѣга одинъ за другимъ наши три казака, посланные впередъ. Они провели насъ сквозь отверстіе, вырытое въ снѣгу съ подвѣтренной стороны, въ балаганъ, гдѣ мы съ радостью нашли горящій огонь и могли спокойно отдохнуть до утра“.

Всѣ принадлежности остановокъ, провіантъ и инструменты нагружены были на нарты и привязаны такъ крѣпко, что нарта могла опрокидываться безъ всякаго вреда для багажа. По срединѣ воза усаживался вожакъ, имѣя въ рукахъ ремень и оштолъ. Эту палку съ желѣзнымъ наконечникомъ употреблялъ онъ какъ тормазъ, втыкая ее съ той стороны, куда клонилась нарта. Иногда онъ соскакивалъ и поддерживалъ нарту самъ. Путешественники, хотя и сидѣли не на возахъ, а на нартахъ, для нихъ предназначенныхъ, но также должны были балансировать и нерѣдко совсѣмъ соскакивать. Караванъ двигался такимъ порядкомъ: Врангель ѣхалъ впереди, а Козьминъ замыкалъ шествіе. Между ними находились нагруженныя нарты, каждая не менѣе 25 пудовъ. Дорога по замерзшему снѣгу была легка и собаки безъ труда дѣлали 10 — 12 в. въ часъ.

Сокращая дорогу, экспедиція не огибала Медвѣжьяго мыса, а поѣхала прямо черезъ перешеекъ, соединяющій

его съ твердою землею. 23-го февраля путешественники прибыли къ маленькой рѣчкѣ, на берегу которой стояла поварня. Здѣсь нашли хорошо сохранившійся крестъ, поставленный экспедиціею Биллингса въ 1787 г. Поварня была завалена снѣгомъ и льдомъ. Раскрыли крышу и дружными усиліями очистили поварню. Она оказалась очень мала и только 4 человѣка могли помѣститься въ ней, да и тѣмъ пришлось лежать такъ близко къ огню, что искры осыпали ихъ платье и одѣяла. Къ тому же отъ таявшаго снѣга вода бѣжала ручьями изъ щелей. Люди пріютились въ палаткѣ, въ которой было хотя и холодно, но сухо. По вечерамъ, на ночлегахъ, офицеры провѣряли сдѣланныя ими наблюденія и съемки и къ удовольствію своему находили ихъ вполнѣ согласными съ наблюденіями Биллингса и картами Сарычева.

24-го, путешественники ѣхали уже по льду, вдоль морского берега. Вездѣ почти берегъ былъ плоскій, только въ окрестностяхъ Баранова Камня встрѣчались выдающіеся мысы, которые образовали скалистыя возвышенія причудливой формы; къ югу виднѣлась цѣпь горъ.

Проѣхавъ 34 в., путешественники остановились на берегу рѣчки, прозрачный ледъ которой обѣщалъ хорошую воду. Здѣсь нашли много наноснаго лѣсу и развели исполинскій костеръ. Съ 1765 г. мѣсто это не было посѣщаемо русскими. Послѣднимъ изъ нихъ былъ якутскій купецъ Шалауровъ, поплатившійся жизнью за смѣлую попытку пробраться черезъ Ледовитый океанъ въ Тихій.

Намѣреваясь оставить здѣсь часть взятаго съ собой провіанта въ запасъ на обратный путь, путешественники принялись строить „сайбу“, гдѣ могли обезопасить свои припасы отъ песцовъ и россомахъ. Врыли въ снѣгъ четыре столба фут. въ 9 вышины; укрѣпили на нихъ бревенчатый ящикъ, положили туда запасы и покрыли ихъ

бревнами и снѣгомъ. Потомъ занялись устройствомъ палатки: шесть тонкихъ шестовъ воткнули въ снѣгъ и концы ихъ связали; обтянули все легкимъ изъ оленьихъ кожъ сшитымъ покрываломъ и такимъ образомъ образовалась остроконечная палатка въ 10 фут. вышины и болѣе 12 фут. въ поперечникѣ. Вверху оставили отверстіе для дыма; въ срединѣ, на привезенной съ собой плитѣ разложили огонь, наполнявшій всю палатку ѣдкимъ дымомъ, который нестерпимо ѣлъ глаза. Когда огонь разгорѣлся, дымъ стало выносить вверхъ.

При господствующей здѣсь бурной погодѣ, воздушное жилище было въ постоянномъ движеніи и изгибалось то въ ту, то въ другую сторону, что ни мало не безпокоило присутствующихъ. Гораздо непріятнѣе бывало, когда вѣтеръ срывалъ всю палатку, что иногда случалось. Впослѣдствіи и къ этому примѣнились: заваливая основаніе палатки снѣгомъ, давали ей желаемую устойчивость.

Когда палатка была раскинута и костеръ разведенъ, приступали къ стряпнѣ. Первымъ дѣломъ наполняли чайникъ льдомъ или снѣгомъ и вѣшали на огонь. Послѣ 2 — 3 чашекъ чая появлялась жизнь и веселость въ онѣмѣвшемъ отъ холода обществѣ. Чай пили чашекъ по 10—12 съ однимъ кускомъ леденцу; иногда присоединяли къ нему ржаные сухари или юколу*). Между чаемъ и ужиномъ выходили проводники къ собакамъ, осматривали привязи, необходимыя для того, чтобы собаки не убѣжали по слѣдамъ звѣря и давали каждой назначенную порцію рыбы. Пока кормились собаки, проводники переворачивали нарты и обливали полозья растопленнымъ снѣгомъ. Полозья обмерзали и скользили по снѣгу съ удивительной легкостью.

Пока варился ужинъ, состоявшій изъ мясного или рыбнаго супа, офицеры занимались провѣркою наблюде-

*) Сушеная рыба.

ній. Когда ужинъ былъ готовъ, всѣ садились въ кружокъ и ѣли вмѣстѣ, черпая ложкою прямо изъ котла. Послѣ ужина всѣ ложились спать, не снимая одежды, кромѣ сапогъ и чулокъ, которые нужно было снять, чтобы просушить. Такая предосторожность была необходима, такъ какъ съ сырой обувью легко отморозить ноги. Съ Козьминымъ, однажды, едва не случилось такой бѣды. Весь день у него зябли ноги и когда вечеромъ онъ сталъ снимать чулки, оказалось, что они примерзли къ ногамъ. Къ счастью ноги не были еще отморожены и ихъ оттерли водкой.

Пока всѣ нарты были вмѣстѣ, путешественникамъ приходилось располагаться на ночлегъ, какъ спицамъ въ колесѣ: головами къ огню, а ногами къ стѣнѣ. Во время ночи огонь не поддерживался и мало по малу потухалъ. Въ 6 часовъ вставали снова, разводили огонь и мылись снѣгомъ. Потомъ пили чай и принимались доѣдать разогрѣтый ужинъ. Это называлось обѣдать. Наконецъ все убирали, нагружали нарты и часовъ въ 9 отправлялись въ путь. Такой порядокъ поддерживался изо дня въ день.

25-го февраля, при 25 градусномъ морозѣ, поднялся такой рѣзкій вѣтеръ съ вьюгой, что пришлось сдѣлать остановку не въ положенное время. Мятель продолжалась всю ночь и холодъ былъ такъ силенъ, что даже у костра и подъ одѣяломъ нельзя было согрѣться. Приходилось нѣсколько разъ вставать и прыгать, чтобъ привести кровь въ движеніе. Палатка за ночь такъ обледенѣла, что ее съ трудомъ можно было свернуть и нагрузить на нарты.

27-го февраля холодъ усилился до того, что проводники принуждены были надѣть собакамъ родъ сапогъ и болѣе оголенныя мѣста тѣла обвязать лоскутками шкуръ. Это значительно препятствовало бѣгу собакъ, и были дни, когда удавалось дѣлать не болѣе 26 в. Къ счастью еще, что по берегу лежало много наноснаго лѣса, доста-

влявшаго топливо: иначе положеніе людей, заброшенныхъ въ этотъ суровый край, оказалось бы безвыходнымъ.

На морѣ, по направленію къ сѣверу, показывалась иногда бѣлая полоса, часто вводившая путешественниковъ въ заблужденіе. Они принимали ее за землю, тогда какъ это были просто торосы, т. е. огромныя льдины, нагроможденныя одна на другую, подобно скаламъ. Въ иныхъ мѣстахъ эти торосы достигали 100 фут. вышины и издали, по своему разнообразному устройству, часто давали поводъ къ ошибочнымъ заключеніямъ.

Сильный холодъ чрезвычайно затруднялъ астрономическія наблюденія; ртуть замерзала, а при малѣйшемъ прикосновеніи пальцевъ къ металлическимъ частямъ инструментовъ, кожа тотчасъ же примерзала къ нимъ и ее приходилось отдирать со страшною болью. Стекла и зеркала инструментовъ тускнѣли. Несмотря на это, офицеры понемногу приловчились и ухитрялись производить наблюденія. Чтобъ предохранить хронометры отъ вліянія холода, Врангель носилъ ихъ на себѣ, а ночью клалъ съ собой подъ одѣяло. Но несмотря на всѣ предосторожности, однажды ночью, когда огонь потухъ, холодъ коснулся хронометровъ и, заморозивъ масло, остановилъ ихъ движеніе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по берегу попадались слѣды становищъ чукчей. Проводники страшно пугались и умоляли путешественниковъ возвратиться, но Врангелю удавалось скоро успокаивать ихъ. Хотя онъ и не раздѣлялъ опасеній проводниковъ, но изъ предосторожности счелъ за лучшее на ночь выставлять караулъ.

1-го марта проѣхали открытый Шалауровымъ проливъ Сабадей, отдѣляющій островъ того же имени отъ материка. Въ тотъ же день путешественники наблюдали интересное явленіе. На сѣв.-вос. части горизонта показалось темносѣрое облако, изъ котораго протягивались къ противоположной части неба бѣловатые лучи. При этомъ

солнце свѣтило ярко. Казацкій сотникъ Татариновъ увѣрялъ, что темное облако было ничто иное, какъ поднявшіяся испаренія изъ только что образовавшейся во льду трещины. Такого же происхожденія были, по его мнѣнію, и лучи.

Отъ Песчанаго мыса экспедиція ѣхала то по берегу, то по льду. Берегъ былъ совершенно плоскій и лѣтомъ, вѣроятно, заливался водою. На всемъ протяженіи пути устраивались „сайбы“, а разгруженныя нарты отправлялись обратно въ Н. Колымскъ. Послѣ 4-го склада остались только 3 нарты съ Врангелемъ, Козьминымъ и провіантомъ при трехъ возницахъ.

Вскорѣ къ трудностямъ и лишеніямъ, соединеннымъ съ арктической экспедиціей, прибавились еще мучительныя сомнѣнія относительно успѣха поѣздки. Истинное положеніе Шелагскаго мыса не было еще опредѣлено и много времени могло быть потрачено на отысканіе его; между тѣмъ, запасы приходили къ концу и путешественники не знали, что предпринять.

Пока они находились въ нерѣшительности, на восточной части горизонта показались два холма. Проводники вообразили, что это и есть та земля, которую ищутъ и очень обрадовались возможности убраться подальше отъ чукчей. Путешественники уже надѣялись, что они видятъ предметъ своихъ желаній, Шелагскій мысъ, и съ нетерпѣніемъ ожидали разсвѣта.

Утромъ было всего 18 градусовъ и казаки увѣряли, что въ этихъ мѣстахъ не бываетъ никогда больше. „Счастливые чукчи, говорили казаки, въ какомъ тепломъ краю они живутъ“.

„Мы ѣхали, разсказываетъ Врангель, то между ледяными громадами, то черезъ нихъ, стараясь направлять путь нашъ на видѣнныя горы; но вскорѣ мы увѣрились, что онѣ были гораздо дальше, нежели намъ казалось. Наступали сумерки и усталость нашихъ собакъ, про-

бѣжавшихъ въ этотъ день 61 версту, принудила меня остановиться на ночлегъ между торосами. Здѣсь замѣтили мы, что на видѣнномъ нами мысѣ поднимались 3 куполовидныя горы, а къ югу отъ нихъ тянулся рядъ холмовъ, обставленныхъ по скатамъ такими же каменными громадами, какія замѣтили мы при Барановомъ Камнѣ. Въ пылкомъ воображеніи нашихъ проводниковъ, эти обломки скалъ превратились въ лагерь чукчей, готовившихся отразить пришельцевъ.

Съ вершины ледяной горы въ 5 саж. вышины, на которой разбили мы палатку, показалось намъ вдали открытое море, отражавшее въ прозрачной водѣ черныя скалы и утесы берега, принимаемаго нами за Шелагскій мысъ. Черезъ нѣсколько минутъ открытое море превратилось въ гладкую ледяную равнину, которая быстро покрылась неровностями и возвышеніями. Потомъ появилось опять море, на смѣну ему опять льдины, и все это было ничто иное, какъ миражъ. Сколькихъ путешественниковъ вводили эти миражи въ заблужденіе, побуждая стремиться къ воображаемой землѣ и вмѣсто нея находить разочарованіе.

Проѣхавъ около 30 в. между высокими торосами и переправившись съ большимъ трудомъ черезъ остроганную ледяную стѣну, достигли наконецъ путешественники сѣверо-западной оконечности Шелагскаго носа. Путь около него превзошелъ трудностью и опасностью, все, доселѣ испытанное. Часто принуждены они были карабкаться на крутыя, въ 90 ф. вышиною, ледяныя горы и съ такой вышины спускаться по крутизнѣ, находясь каждую минуту въ опасности переломать сани, задавить собакъ или низвергнуться вмѣстѣ съ ними въ ледяную пропасть. Иногда должны были путешественники пробираться по большимъ пространствамъ, проваливаясь по поясъ въ рыхлый наносный снѣгъ. Другой разъ встрѣчали они между торосами непокрытыя снѣгомъ мѣста, усѣян-

Переходъ черезъ торосы.

ныя острыми кристаллами морской соли, отдиравшими ледъ съ полозьевъ нартъ и до того затруднявшими ѣзду, что приходилось самимъ впрягаться и съ чрезвычайными усиліями вмѣстѣ съ собаками тянуть нарты.

И такъ, цѣль поѣздки была достигнута, Шелагскій мысъ найденъ. Проѣхавъ еще верстъ 40 на востокъ, Врангель повернулъ назадъ. Запасы приходили къ концу и онъ не счелъ возможнымъ продолжать путь далѣе. Чтобъ обозначить предѣлъ поѣздки, на возвышенномъ мѣстѣ сложили пирамиду изъ огромныхъ камней, а на Шелагскомъ мысу водрузили крестъ, выжгли на немъ годъ, мѣсяцъ, число и поставили его на одномъ изъ высочайшихъ утесовъ. Всего пройдено было отъ Н.-Колымска 418 верстъ.

Вечеромъ путешественники любовались прекраснѣйшимъ сѣвернымъ сіяніемъ. Небо было чисто и безоблачно; звѣзды блистали яркимъ арктическимъ свѣтомъ. При легкомъ вѣтрѣ поднялся огромный свѣтящійся столбъ и лучи его подобно широкимъ пламеннымъ полосамъ, разливались по небу, волнуясь и измѣняя цвѣта. Судя по скорости движенія лучей, надо было полагать, что сѣверное сіяніе было къ землѣ ближе обыкновенной высоты облаковъ.

Чтобы миновать торосы, обратный путь совершенъ былъ берегомъ. Этимъ же путемъ вѣроятно возвращался въ 1700 г. Тарасъ Стадухинъ, безуспѣшно пытавшійся обогнуть на кочѣ Шелагскій мысъ. Бросивъ кочъ, онъ возвратился въ Н.-Колымскъ сухимъ путемъ.

На возвратномъ пути Врангель открылъ два мыса; одному онъ далъ названіе Козьмина, другому — Матюшкина. Достигнувъ того мѣста, гдѣ устроена была 4-я сайба, путешественники имѣли удовольствіе найти все въ цѣлости, что было очень кстати, такъ какъ наканунѣ они прикончили всѣ свои запасы. Съ другими сайбами не обошлось такъ благополучно; въ нихъ уцѣлѣли только

рыбьи кости; песцы и россомахи истребили остальное. Несмотря на бережливость, съ которою распоряжались провизіею, ея не хватило и путешественникамъ пришлось два дня оставаться безъ пищи. Врангель утѣшалъ товарищей тѣмъ, что вслѣдствіе сдѣланнаго имъ распоряженія они найдутъ въ Сухарномъ присланныя изъ Н.-Колымска нарты съ провіантомъ. Надежды эти не осуществились и путешественники принуждены были, томимые голодомъ, продолжать путь на обезсиленныхъ и измученныхъ собакахъ.

Марта 14-го прибылъ наконецъ караванъ послѣ 23-хъ дневнаго отсутствія въ Н.-Колымскъ, сдѣлавъ всего 1122 версты. Можно себѣ представить какое наслажденіе испытали путники, очутившись въ теплой комнатѣ и подкрѣпившись вареной пищей. Въ эту минуту Нижне-Колымскъ показался имъ раемъ.

ГЛАВА IV.

Чукотская ярмарка. Нравы и обычаи чукчей.

Августа 19-го возвратился Матюшкинъ изъ Островного, гдѣ онъ съ успѣхомъ исполнилъ данное ему порученіе. Чукотскіе старшины, всегда отличавшіеся недовѣріемъ и непріязнью къ русскимъ, приняли съ удовольствіемъ привезенные для нихъ подарки и увѣряли, что русскіе встрѣтятъ самый радушный пріемъ, если посѣтятъ ихъ страну. Поѣздка Матюшкина была первой попыткой къ ознакомленію съ этимъ дикимъ племенемъ и краткое извлеченіе изъ отчета его будетъ конечно не безъинтересно читателямъ.

Марта 4-го выѣхалъ лейтенантъ Матюшкинъ изъ Н.-Колымска на двухъ нартахъ. Сопровождали его ка-

закъ-якутъ, знавшій чукотскій языкъ и англичанинъ Кокренъ. Послѣдній расчитывалъ отправиться съ возвращающимися изъ Островного чукчами на Чукотскій мысъ, а оттуда въ Америку.

Марта 8-го прибыли путешественники въ мѣстечко Островное, громко величаемое крѣпостью. Островное лежитъ на одномъ изъ острововъ, образуемыхъ рѣкою Анюемъ и отстоитъ отъ Н.-Колымска на 250 в. Во время ярмарки пріѣзжіе чукчи разбиваютъ свои палатки на маленькомъ островѣ, недалеко отъ мѣста торга. Они располагаются девятью отдѣльными станами, каждый родоначальникъ со своими домочадцами особо. Прежде чѣмъ отправиться въ Островное, чукчи, обыкновенно, ѣздятъ съ Чукотскаго носа въ Америку, чтобы набрать тамъ мѣховъ и моржевыхъ клыковъ и двигаются уже въ Островное съ женами, дѣтьми, оружіемъ, товарами, оленями, палатками, словомъ — съ цѣлымъ домомъ; настоящее переселеніе народовъ. Выбирая для перехода мѣста, обильныя мхомъ, чукчи часто уклоняются отъ прямого пути и проводятъ въ дорогѣ отъ 5—6 мѣсяцевъ. При переходѣ черезъ степи слѣдуетъ за караваномъ множество саней, нагруженныхъ мхомъ для оленей. Караванъ чукчей состоитъ приблизительно изъ 300 человѣкъ, въ томъ числѣ отъ 100 — 500 воиновъ. Въ Островномъ чукчи проводятъ недѣли двѣ и, сдѣлавъ торговые обороты, возвращаются назадъ.

Своихъ собственныхъ товаровъ чукчи привозятъ мало; они являются какъ бы посредниками въ торговлѣ между русскими и американцами.

Къ американскимъ товарамъ принадлежатъ мѣха черныхъ и чернобурыхъ лисицъ, песцовъ, куницъ, бобровъ, медвѣдей; также моржевые ремни и клыки. Изъ своихъ произведеній чукчи доставляютъ полозья изъ китовыхъ ребръ, мѣшки изъ тюленьей кожи и одежду изъ оленьихъ шкуръ. Прежде привозили они каменное

оружіе, но за отсутствіемъ спроса, оно исчезло изъ обращенія.

Русскіе товары состоятъ изъ табаку, домашней утвари и множества разноцвѣтнаго бисеру для женщинъ. Открытая торговля виномъ и водкой запрещена правительствомъ, что не мѣшаетъ кулакамъ производить ее тайно.

Кромѣ чукчей собираются въ Островное всѣ сосѣднія племена на 1000 — 1500 в. въ окружности. Юкагиры, ламуты, тунгузы, чуванцы, коряки пріѣзжаютъ сюда во множествѣ и привозятъ свои товары. Различіе одеждъ, физіономій и пріемовъ представляетъ богатый матеріалъ для наблюдателя.

Февраля 10-го русскіе купцы и чукотскіе старшины собираются въ крѣпость, гдѣ выслушиваютъ отъ коммиссара правила торга и устанавливаютъ таксу на товары. Тутъ же коммиссаръ собираетъ съ чукчей небольшую плату за право торговли. Потомъ въ русской часовнѣ совершается богослуженіе христіанское, а у инородцевъ—шаманское, на башнѣ поднимается флагъ и ярмарка считается открытой. Чукчи, вооруженные копьями и стрѣлами, оставивъ свой островъ, въ порядкѣ приближаются къ крѣпости и на косогорѣ располагаютъ свои сани съ товарами въ видѣ полукруга. Русскіе и другіе купцы помѣщаются напротивъ и съ нетерпѣніемъ ждутъ колокольнаго звона. Съ первымъ ударомъ колокола, точно сверхъестественная сила схватываетъ съ русской стороны толпы мужчинъ и женщинъ и бросаетъ ихъ вразсыпную среди чукчей. Каждый старается опередить другого, чтобы схватить лучшее и повыгоднѣе сбыть свои товары. Русскіе купцы, обвѣшанные топорами, ножами, трубками, бисеромъ и проч. тащатъ въ рукахъ тюки съ табакомъ, котлы или что нибудь въ этомъ родѣ и нагруженные насколько возможно, перебѣгаютъ отъ однихъ саней къ другимъ, торгуются, клянутся, ругаются. . . . Шумъ и гамъ стоитъ невообразимый; толкотня неописуемая. Иной

споткнется и упадетъ, другой перескочитъ черезъ него; упавшій обронитъ шапку, или рукавицы, но въ пылу торгашеской горячки не обратитъ на это вниманія и вскочивъ, бѣжитъ съ непокрытой головой и голыми руками по 30-градусному морозу, чтобы только наверстать потерянное время. Совершенно иначе держатъ себя чукчи. Спокойные, невозмутимые стоятъ они у саней своихъ, опершись на копья, молча берутъ нужные имъ товары и отдаютъ свои; если же предлагаются вещи имъ ненужныя или торгъ кажется имъ невыгоднымъ, они молчатъ и остаются неподвижными. Хладнокровіе и обдуманность чукчей даютъ имъ большое преимущество передъ русскими, которые суетливостью своей много себѣ вредятъ. Интересно наблюдать чукчу, пріобрѣтающаго то, что ему нужно; безъ всякихъ вѣсовъ онъ безошибочно опредѣляетъ вѣсъ товара. Возьметъ, напримѣръ, въ руки пудъ табаку и сразу же скажетъ, что въ немъ недостаетъ одного или двухъ фунтовъ. По провѣркѣ, такое заявленіе всегда оказывается правильнымъ.

Ярмарка доставила Матюшкину отличный случай исполнить данное ему порученіе. Пригласивъ старшинъ Макамока и Леута, съ береговъ залива Св. Лаврентія, Валетку, скитающагося съ безчисленными стадами оленей въ окрестностяхъ Шелагскаго мыса, Эвралика, кочующаго съ своимъ племенемъ на берегахъ Чаунской губы и нѣкоторыхъ другихъ, онъ угостилъ ихъ, одарилъ табакомъ и объявилъ, что Государь поручилъ ему осмотрѣть Ледовитое море съ его берегами для того, чтобы найти легчайшее средство провозить моремъ потребные чукчамъ товары. „Весьма возможно, прибавилъ онъ, что во время экспедиціи намъ придется выходить на берегъ, принадлежащій чукотскому племени и, если мы встрѣтимъ радушный пріемъ со стороны туземцевъ, то за всѣ оказанныя намъ услуги они будутъ щедро награждены“.

„Не на зло, а на пользу дано намъ это оружіе“:

Чукотскій станъ.
(По гр. Литке.)

торжественно воскликнулъ Валетка, схватившись за серебряную рукоятку кортика, подареннаго отцу его отъ имени императрицы Екатерины II. Всѣ остальные старшины дали Матюшкину руки и обѣщали не только встрѣтить русскихъ дружелюбно, но и оказывать имъ всякое содѣйствіе.

Не такъ удачны были переговоры Кокрена. Выдавая себя за купца, онъ просилъ чукчей доставить его въ Америку. Леутъ запросилъ непомѣрную цѣну, а Валетка выказалъ замѣчательное безкорыстіе. Онъ предложилъ довезти англичанина до своего кочевья даромъ, а потомъ передать его своимъ родственникамъ на Чукотскій носъ. Такое безкорыстіе показалось Кокрену подозрительнымъ, и онъ предпочелъ возвратиться въ Нижне-Колымскъ.

Во время пребыванія въ Островномъ, Матюшкинъ старался собрать какъ можно больше свѣдѣній объ интересномъ племени чукчей, которые изъ всѣхъ племенъ Сѣверной Азіи въ наибольшей чистотѣ сохранили свою народность. По образу жизни они мало разнятся отъ прочихъ инородцевъ Сибири, но по внутреннимъ качествамъ значительно выше ихъ.

До покоренія Сибири, чукчи и другія племена Сѣверной Азіи занимались разбоями, грабежами и жили въ постоянной враждѣ со своими сосѣдями. Первые набѣги русскихъ значительно ослабили эти междоусобія и сблизили враждующія племена. Во время борьбы туземцевъ съ якутскими воеводами Павлуцкимъ и Шестаковымъ въ 1750 г. инородцы заключили между собою нѣчто въ родѣ оборонительнаго союза. Когда инородцы были побѣждены, многіе изъ нихъ покорились русскому скипетру; чукчи же удалились на крайній востокъ, долгое время чуждались побѣдителей и недовѣрчиво относились къ нимъ. Слухи о миролюбіи русскихъ поколебали наконецъ это недовѣріе и чукчи рѣшились завязать съ нами торговыя сношенія.

Чукчи такъ же, какъ и тунгузы дѣлятся на кочевыхъ и осѣдлыхъ „онкилонъ“, которые живутъ по берегамъ Анадырской губы и Берингова пролива. Послѣдніе значительно отличаются отъ первыхъ тѣлосложеніемъ, одеждою и языкомъ. Эти „онкилоны“ (морскіе люди) живутъ рыбными промыслами, китовой, тюленьей и моржевой охотою. Избытокъ своихъ запасовъ они отдаютъ оленнымъ чукчамъ, получая отъ нихъ взамѣнъ, продукты оленеводства: мясо, шерсть и шкуры.

Жилища чукчей всѣ на одинъ ладъ; основою имъ служатъ китовыя ребра, покрышкою — шкуры. Они имѣютъ видъ палатки, но одна сторона у нихъ совершенно прямая. Внутри палатки устраивается еще палатка поменьше, которая служитъ опочивальней и пріемной.

Для ловли тюленей чукчи употребляютъ сѣти изъ моржевыхъ ремней, растягивая ихъ подъ льдомъ. Особенно хитро ловятъ чукчи волковъ. Заостривъ съ обѣихъ сторонъ толстый китовый усъ, сгибаютъ его въ колечко и связавъ сухожиліемъ, обливаютъ водой. Когда вода замерзнетъ, сухожиліе разрѣзаютъ, колечко обмазываютъ жиромъ и во множествѣ разбрасываютъ по тундрѣ. Волкъ, нашедши такое кольцо, съ жадностью глотаетъ его, ледъ у него въ желудкѣ таетъ, кольцо разгибается и звѣрь издыхаетъ въ страшныхъ мученіяхъ.

Чукчи не лишены понятія о чести, но нравы ихъ крайне суровы. У нихъ существуетъ обычай убивать дѣтей хилыхъ, или рожденныхъ съ физическими недостатками. Такая же участь постигаетъ и стариковъ. Нерѣдко старики сами, какъ напр. отецъ Валетки, чувствуя упадокъ силъ, просятъ, чтобы ихъ прикончили. Обязанность эту обыкновенно принимаетъ на себя ближайшій родственникъ и дѣлаетъ это торжественно, точно священнодѣйствуетъ. Шаманы и здѣсь въ большой силѣ; приговору ихъ покоряются безпрекословно. Случился однажды большой падежъ оленей, угрожавшій голодной

смертью цѣлому племени; шаманъ, призванный на помощь, объявилъ, что разгнѣванные духи требуютъ принесенія въ жертву Кочена, любимаго старшины чукчей. Долго любовь народа оберегала Кочена, то такъ какъ падежъ не прекращался, то чукотскій Курцій собралъ народъ и объявилъ, что онъ покоряется волѣ духовъ и готовъ умереть. Несмотря на это, народъ колебался и никто не рѣшался поднять руку на общаго любимца. Собственный сынъ Кочена долженъ былъ взять на себя обязанность

Палатка чукчей.

палача. Вонзивъ ножъ въ грудь отца онъ передалъ трупъ его шаманамъ.

Теперь возвратимся къ нашему путешественнику.

Ласковый пріемъ, оказанный Матюшкинымъ старшинамъ, произвелъ на нихъ прекрасное впечатлѣніе. На другой день Леутъ пригласилъ лейтенанта къ себѣ и послѣдній, конечно, не упустилъ случая посмотрѣть лагерь чукчей и ихъ жилища.

Чукотскій лагерь представлялъ картину довольно живописную. Палатки расположены были группами по

10 — 20 штукъ, сообразно числу людей въ родѣ. По срединѣ каждой группы, прислоненный къ дереву, стоялъ высокій шатеръ старшины рода. На вѣтвяхъ развѣшаны были луки, колчаны, одежды, мѣха и т. п.; къ дереву привязаны олени, оставленные для ближайшихъ поѣздокъ: остальные паслись въ тундрѣ, выгребая изъ подъ снѣга копытами мохъ.

При входѣ въ палатку, Матюшкинъ былъ встрѣченъ старшиною и приглашенъ въ пологъ, т. е. во внутреннее отдѣленіе палатки. Такая честь оказывается не всякому и выпадаетъ на долю почетныхъ гостей. Въ пологѣ горѣлъ ночникъ изъ мха съ тюленьимъ жиромъ и чадилъ невыносимо. Матюшкинъ, съ непривычки, чуть не задохся. Замѣтивъ его замѣшательство, жена и дочь хозяина громко засмѣялась. Жена тотчасъ-же юркнула подъ шкуру, служившую дверью и отправилась по хозяйству, а дочь продолжала молча заниматься своимъ туалетомъ, вплетая бисеръ въ свои косматые, намазанные жиромъ волосы. Погодя немного, хозяйка принесла въ грязной деревянной чашкѣ вареную оленину безъ соли и, прибавивъ туда порядочную порцію полупротухлаго китоваго жира, пригласила гостя закусить. Чтобъ не обидѣть хозяина, Матюшкинъ отвѣдалъ лакомаго блюда, отъ котораго его чуть не стошнило. А Леутъ ѣлъ да похваливалъ, объясняя своему гостю, что его жена большая мастерица приготовлять китовый жиръ такъ, чтобъ онъ пріобрѣлъ надлежащую степень горечи.

Слушая чукча, объяснявшагося на ломаномъ русскомъ языкѣ, Матюшкинъ только и думалъ, какъ бы ему вырваться на воздухъ. Долгое время запахъ полога оставался въ его платьѣ, несмотря на выколачиваніе и провѣриваніе.

Леутъ считался однимъ изъ образованнѣйшихъ и богатѣйшихъ чукотскихъ старшинъ и приглашеніе его сразу же подняло въ глазахъ всего племени значеніе рус-

скаго офицера. Изъ разговора съ русскими купцами Матюшкинъ узналъ, что чукотскій языкъ очень труденъ, потому что въ немъ много гортанныхъ и носовыхъ звуковъ. Многіе звуки напоминаютъ гоготъ гуся, хорканье оленя или лай собаки.

Другой старшина, Макамокъ, предложилъ лейтенанту присутствовать на народныхъ играхъ чукчей, что было гораздо пріятнѣе, такъ какъ не угрожало ни обонянію, ни вкусу.

Недалеко отъ крѣпости, на льду, очищено было мѣсто для бѣга и зрители собрались туда толпами. Для побѣдителей назначались бобровый и песцовый мѣха и два отличныхъ моржовыхъ клыка. Начался бѣгъ оленей, управляемыхъ съ удивительной ловкостью чукчами. Потомъ чукчи бѣгали въ запуски, и бѣгали чрезвычайно быстро, несмотря на то, что оставались въ той же тяжелой одеждѣ какъ и всегда. Особенно поражала ихъ неутомимость: они пробѣжали 15 верстъ безъ остановки, какъ ни въ чемъ не бывало. Побѣдители получали призы и гордились ими, но еще больше гордились они одобреніемъ публики. Послѣ игръ началось угощенье, состоявшее изъ кусочковъ вареной оленины. Во все время игръ и послѣ нихъ господствовалъ полный порядокъ. Не было ни толкотни, ни споровъ и каждый велъ себя тихо и благопристойно.

На другой день къ Матюшкину въ гости пришло цѣлое общество чукчей, мужчинъ и женщинъ. Онъ предложилъ имъ чаю и леденцу, но они приняли только послѣднее; чай имъ не понравился. Получивъ въ подарокъ нѣсколько нитокъ цвѣтного бисера, чукчи развеселились и женщины вызвались плясать.

Танцы ихъ были не такъ граціозны, какъ оригинальны. Пятнадцать женщинъ въ тяжелой неуклюжей одеждѣ столпились въ кучу и принялись подъ звуки нескладной монотонной пѣсни передвигать ногами и сильно махать

руками. Говорятъ, въ этой пляскѣ большую роль играетъ мимика, но значеніе этой мимики было недоступно для Матюшкина. Въ заключеніе, три лучшія танцовщицы вызвались проплясать любимый народный танецъ, отъ котораго всѣ соотечественники ихъ были въ восхищеніи.

„Мы же, разсказываетъ Матюшкинъ, непосвященные въ таинства чукотскаго вкуса, видѣли какъ три чукотскія граціи, схватившись за руки, дѣлали самыя невозможныя гримасы“.

Дочь Леута.

Общее утомленіе положило конецъ балу. По совѣту толмача Матюшкинъ предложилъ тремъ солисткамъ табаку и водки. Все общество было этимъ очень довольно и чукчи разстались съ хозяиномъ въ наилучшемъ расположеніи духа, неоднократно приглашая его посѣтить ихъ отчизну.

На шестой день ярмарка окончилась. Чукотскіе старшины пришли проститься съ Матюшкинымъ, и потомъ безконечнымъ караваномъ потянулись въ свое отечество. Уѣхали и остальные посѣтители ярмарки, а на мѣсто ихъ появились стаи голодныхъ лисицъ и песцовъ, уничтожившихъ въ короткое время всѣ кости и остатки, грудами валявшіеся около жилищъ и стана.

ГЛАВА V.

Второе путешествіе по льду. Встрѣча съ медвѣдями. Пасха на льду.

По возвращеніи Матюшкина въ Нижне-Колымскъ, Врангель сталъ приготовляться ко второму путешествію по льду. Наученный опытомъ, онъ запасся многими предметами, въ которыхъ прежде терпѣлъ недостатокъ; между прочимъ пешнями для проламыванія торосовъ и китовыми ребрами для подвязки ихъ подъ нарты, при ѣздѣ по соленымъ морскимъ кристалламъ. Провизіи было взято на 30 дней, а при удачной медвѣжьей охотѣ ее должно было хватить и на болѣе продолжительное время.

Шесть нартъ съ собаками, которыя тщательно откармливались, ожидали путешественниковъ въ Сухарномъ. 22-го Марта отправился туда Матюшкинъ съ 14 транспортными нартами, а 25-го прибылъ въ Сухарное Врангель и занялся приведеніемъ всего въ порядокъ. Нарты, каждая съ грузомъ въ 30 пудовъ, были тщательно упакованы, полозья заморожены; собаки выглядѣли отдохнувшими и отъѣвшимися. Экспедиція состояла изъ 6 человѣкъ, не считая вожаковъ нартъ, частью русскихъ, частью юкагировъ.

Марта 26-го экспедиція достигла того мѣста у Баранова Камня, гдѣ останавливалась въ предыдущій разъ. На берегу лежало много наноснаго лѣса, которымъ и нагрузили нарты, чтобъ обезпечить себя топливомъ надолго. Согласно инструкціи, Врангель долженъ былъ направиться къ сѣверу отъ Шелагскаго мыса, но по различнымъ соображеніямъ онъ рѣшилъ начать изслѣдованія отъ Баранова Камня и 27-го марта караванъ въ 22 нарты двинулся по этому направленію, составляя линію въ полверсты длиною.

Въ двухъ верстахъ отъ берега встрѣтилась цѣлая гряда торосовъ, объѣзжать которые было очень тяжело. Мѣстами во льду были щели. Наконецъ караванъ выбрался изъ лабиринта торосовъ и передъ нимъ открылась необозримая ледяная равнина, однообразіемъ своимъ наводящая уныніе.

Собаки видимо обрадовались гладкой дорогѣ и бѣжали шибко. Изрѣдка встрѣчались на ледяной полянѣ отдѣльныя, въ видѣ скалъ, высокія льдины. Подъ защитой одной изъ такихъ скалъ караванъ собрался отдохнуть. Но только что расположились путешественники на отдыхъ, какъ вдругъ изъ за высокой льдины выскочилъ бѣлый медвѣдь съ явнымъ намѣреніемъ броситься на дерзкихъ пришельцевъ, вторгшихся въ его владѣнія. Ужасный лай и вой сотни собакъ устрашилъ звѣря и онъ побѣжалъ прочь. Внезапно всѣ вскочили и вооруженные ружьями, копьями и стрѣлами погнались за непріятелемъ. Травля продолжалась три часа. Раненый тремя пулями и двумя стрѣлами медвѣдь, болѣе и болѣе свирѣпѣлъ и наконецъ, поднявшись на дыбы, съ ревомъ бросился на охотниковъ. Одинъ изъ казаковъ, подпустивъ его къ себѣ на 5 шаговъ, всадилъ ему пулю въ грудь и свалилъ его копьемъ на ледъ. Подоспѣвшіе охотники добили звѣря. На видъ, въ немъ было пудовъ 35 вѣсу; 12 здоровыхъ собакъ едва могли стащить его съ мѣста.

Пока возились съ медвѣдемъ, спустились сумерки и пришлось ночевать. Поставили большой уросъ, а кругомъ него 4 поменьше; вторую линію образовали нарты съ привязанными къ нимъ собаками, которыя охраняли лагерь отъ нападенія медвѣдей. Чутье сибирскихъ собакъ поразительно. Даже во время сна спрятавъ морду въ шерсть, онѣ чуютъ звѣря и воемъ предупреждаютъ хозяина объ опасности.

Устроивъ лагерь и разложивъ костеръ, люди занялись свѣжеваніемъ медвѣдя. Замѣчательно, что собаки, какъ

бы онѣ голодны ни были, не дотронутся до теплаго медвѣжьяго мяса; мерзлое же ѣдятъ съ удовольствіемъ.

На другой день караванъ двинулся далѣе, стараясь соблюдать прямую линію. Попадались слѣды песцовъ, что подзадоривало собакъ, которыя бѣжали шибче, надѣясь догнать звѣря. На третій день у многихъ людей обнаружилось воспаленіе глазъ — слѣдствіе сильнаго отраженія свѣта отъ блестящаго льда. Завязали глаза крепомъ, смачивали виномъ, а инородцы лечились по своему; на ночь они всыпали въ глаза нюхательнаго табаку и послѣ нѣсколькихъ минутъ мучительной боли, чувствовали облегченіе.

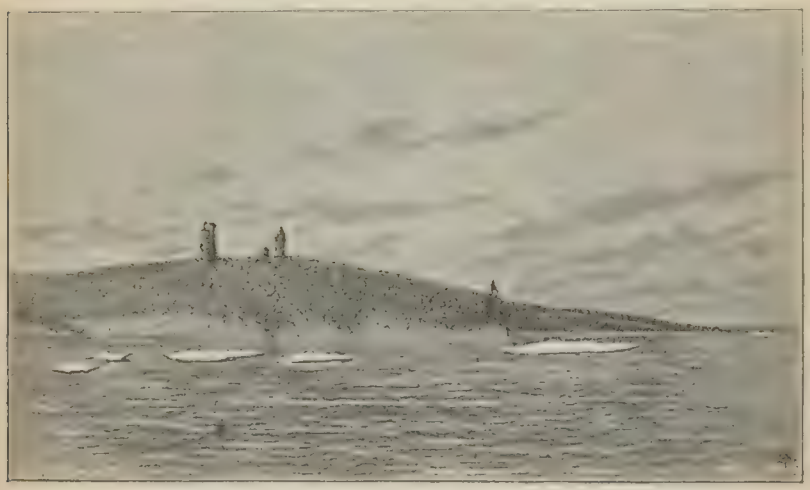
Марта 29-го путешественники увидѣли нѣчто, похожее на землю. По положенію, это не могли быть Медвѣжьи острова, и потому кажущуюся землю приняли за миражъ. Вскорѣ, однакоже, караванъ достигъ небольшого мыса и глубокой бухты, въ которой лежало нѣсколько наноснаго лѣса. Такая находка была положительно кладъ. Люди и собаки могли отдохнуть и погрѣться у большого костра.

Пока проводники занимались устройствомъ лагеря и приготовленіемъ пищи, офицеры взобрались на ближайшій холмъ, чтобъ осмотрѣть мѣстность. Все пространство отъ берега до вершины холма было завалено глыбами гранита и порфира. На поверхности острова, довольно ровной, поднимались 3 отдѣльныхъ столбовидныхъ утеса, а недалеко отъ берега виднѣлся еще гранитный столбъ. Врангель назвалъ этотъ островъ Четырехстолбовымъ. На другой день Матюшкинъ объѣхалъ Четырехстолбовый островъ и снялъ его на карту. Съ западнаго берега онъ видѣлъ еще два острова, но за туманомъ, опредѣлить ихъ разстоянія не могъ.

Провѣривъ свои вычисленія, офицеры убѣдились, что они напали на группу Медвѣжьихъ острововъ. Хотя прежнія измѣренія и не соотвѣтствовали настоящимъ, но

это не могло имѣть значенія, такъ какъ ошибки на прежнихъ картахъ были дѣломъ обыкновеннымъ.

36 дней странствовали путешественники по ледяному морю, то пробивая торосы, то переправляясь по перекинутымъ доскамъ черезъ щели и полыньи. Случались туманы, заставлявшіе предполагать, что открытое море близко. Иногда слышался глухой трескъ, похожій на отдаленные перекаты грома — это взламывался ледъ. Въ одномъ мѣстѣ, сдѣлавъ скважину, изслѣдовали ледъ и



Четырехстолбовый островъ.

нашли, что онъ не толще 5 дюймовъ и такъ мягокъ, что его можно рѣзать ножемъ; открытіе было неутѣшительное. Изъ скважины выступила вода и разлилась такъ быстро, что караванъ едва успѣлъ убраться отъ опаснаго мѣста.

Однажды, во время сильнаго сѣвернаго вѣтра, путешественники почувствовали, что ледъ подъ ними пришелъ въ волнообразное движеніе. Вдали слышался плескъ волнъ и трескъ льдовъ. Положеніе было критическое:

ледъ могло каждую минуту взломать и вмѣстѣ съ караваномъ унести въ открытое море; даже туземцы встревожились. Надо было поспѣшно перемѣнить направленіе и Врангель приказалъ повернуть на востокъ. Разстояніе отъ этого мѣста до Баранова камня ровнялось 215 верстамъ.

Здѣсь будетъ кстати упомянуть объ удивительномъ искусствѣ проводниковъ сохранять и помнить данный курсъ, несмотря на извилистыя полосы торосовъ и на необозримыя однообразныя ледяныя поля. Вначалѣ, Врангель слѣдилъ за нартовщикомъ по компасу, но потомъ убѣдился, что это трудъ совершенно лишній; ему ни разу не пришлось уличить нартовщика въ ошибкѣ. Эти художники узнаютъ дорогу по особому виду льдинъ и торосовъ, а гдѣ ихъ нѣтъ — по застругамъ. Застругами называются слои снѣга, надуваемые вѣтромъ одинъ на другой. Жители сибирскихъ тундръ и снѣжныхъ степей совершаютъ путешествія въ нѣсколько сотъ верстъ по безплоднымъ однообразнымъ пространствамъ, руководствуясь только застругами. Они знаютъ подъ какимъ угломъ должны пересѣкаться слои снѣга и никогда не ошибаются. Когда кратковременная перемѣна вѣтра занесетъ прежнюю застругу или настелетъ на нее новую, опытный глазъ сибиряка тотчасъ же откроетъ различіе. Осторожно сгребетъ онъ свѣжій снѣгъ и по углу, образованному старымъ и новымъ слоемъ, провѣрить дорогу.

10 Апрѣля путешественники справляли праздникъ Пасхи. Странное зрѣлище представляла въ этотъ высокоторжественный день кучка людей, брошенныхъ на ледяное море, угрожавшее каждую минуту разсѣсться и поглотить ихъ. Въ тяжелыхъ мѣховыхъ одеждахъ, грузные, неуклюжіе, похожіе скорѣе на звѣрей, чѣмъ на человѣческія существа, они благоговѣйно стояли вокругъ льдины, на которую возложенъ былъ образъ Св. Николая Чудотворца, покровителя мореплавателей, и пѣли пас-

хальные псалмы. Потомъ они христосовались и мысленно посылали привѣтъ далекой родинѣ. Многое, что не цѣнилось надлежащимъ образомъ вблизи, теперь, издалека, казалось особенно милымъ. Внѣшній холодъ не мѣшалъ сердцу горячо любить ближняго.

Высокоторжественный день былъ посвященъ отдыху. Праздничнымъ угощеніемъ служили сбереженные для этого дня оленьи языки и двѣ порціи водки. Цѣлый день горѣлъ костеръ и путешественники, сидя вокругъ него, весело болтали, припоминая перенесенныя трудности и мечтая о возвращеніи.

На слѣдующій день двинулись далѣе. По пути виднѣлось много слѣдовъ медвѣдей и песцовъ и попадались медвѣжьи берлоги, вырытыя въ снѣгу въ сажень глубиною. У тюленьихъ продушинъ встрѣчались довольно большія кучи снѣга съ отверстіемъ внизу. Такія ловушки устраиваетъ медвѣдь на тюленя. Сидя за подобнымъ брустверомъ, онъ караулитъ свою жертву. Только что тюлень вылѣзетъ на ледъ, медвѣдь просовываетъ лапу въ отверстіе и отбросивъ тюленя дальше на ледъ, легко имъ овладѣваетъ. Песцы, которые обыкновенно страшно боятся медвѣдя, въ эту минуту забываютъ всякую осторожность и изъ подъ самыхъ лапъ звѣря вырываютъ лакомые куски. Песцы въ полномъ смыслѣ слова нахлѣбники медвѣдя, а потому и слѣды обоихъ животныхъ часто встрѣчаются вмѣстѣ.

Несмотря на умѣнье нартовщика придерживаться прежней дороги, это не всегда оказывалось возможнымъ. Въ одномъ мѣстѣ все пройденное пространство было взломано и вмѣсто прежней дороги образовались полыньи и щели, безпрестанно пересѣкавшія путь. При переправѣ черезъ одну изъ такихъ щелей 8 собакъ, изъ упряжки Врангеля, сорвались въ воду и только необыкновенная длина нарты спасла его и животныхъ отъ погибели.

Ночью, на 16 апрѣля, лай собакъ разбудилъ путеше-

ственниковъ и извѣстилъ ихъ о приближеніи звѣрей. Тотчасъ они вскочили и, схвативъ оружіе, бросились на встрѣчу непріятелю. Недалеко отъ стана показались два медвѣдя необыкновенной величины; они стояли будто въ нерѣшительности, нападать или нѣтъ? Послышался залпъ, но отъ волненія охотники цѣлили плохо и дали промахъ. Испуганные звѣри бросились на утекъ. Казакъ съ юкагиромъ побѣжали за однимъ, остальные — безъ всякаго плана и порядка — за другимъ. Напрасно Врангель старался собрать товарищей, чтобъ начать правильное преслѣдованіе; охотники не слыхали его голоса и скоро скрылись изъ вида. Взобравшись на высокую льдину, чтобъ посмотрѣть, куда они пошли, Врангель увидалъ казака и юкагира, отдыхавшихъ у тороса. Вдругъ изъ за льдины показался третій медвѣдь и, замѣтивъ Врангеля, прямо пошелъ на него. Имѣя въ рукахъ заряженное ружье, Врангель спокойно ждалъ минуты, когда звѣрь полѣзетъ на льдину. Но медвѣдь, увидавъ первыхъ двухъ охотниковъ, пошелъ на нихъ. Положеніе ихъ было критическое. Подпустивъ къ себѣ звѣря на 15 шаговъ, они выстрѣлили. Промахнись они и гибель ихъ была бы неизбѣжна. Къ счастью выстрѣлъ былъ удаченъ и медвѣдь съ ревомъ побѣжалъ въ торосы, оставляя за собою кровавый слѣдъ. Около утра вернулись остальные охотники, не догнавъ медвѣдя. Они едва передвигали ноги отъ усталости.

19-го Апрѣля караванъ достигъ Четырехстолбоваго острова и остановился на отдыхъ. Разбивъ палатку подъ защитой утесистаго берега и разложивъ два огромныхъ костра изъ наноснаго лѣса, путешественники чувствовали себя почти счастливыми. Только мысль о безуспѣшности настоящей экспедиціи отравляла удовольствіе. Здѣсь въ первый разъ путники услыхали щебетаніе птичекъ и съ восторгомъ привѣтствовали этихъ вѣстниковъ весны.

Для скорѣйшей описи Медвѣжьихъ острововъ, Вран-

гель и Матюшкинъ раздѣлились; одинъ поѣхалъ на сѣверъ, другой — на югъ. На всѣхъ шести островахъ обитателей не оказалось; зато много было звѣриныхъ слѣдовъ и огромное количество норъ полевыхъ мышей. На третьемъ островѣ нашли нѣсколько оленьихъ роговъ и человѣческихъ костей, но череповъ не видали. Четвертый островъ замѣчателенъ цѣлыми холмами мамонтовыхъ костей.

Одинъ изъ Медвѣжьихъ острововъ.

Между тѣмъ, съѣстные припасы приходили къ концу и утомленіе давало себя чувствовать. Путешественники съ удовольствіемъ помышляли о твердой землѣ, къ которой они теперь направлялись. Но внезапно поднялась метель и пришлось ѣхать на угадъ при постоянномъ опасеніи уклониться отъ прямого пути. Вдругъ одинъ изъ нартовщиковъ радостно вскрикнулъ. Онъ наткнулся на ловушку съ его собственной отмѣткой. Оказалось, что караванъ ѣхалъ уже по твердой землѣ. Метель продол-

жалась, и въ двухъ шагахъ ничего нельзя было разсмотрѣть; но нартовщикъ, мѣстный уроженецъ, узналъ каждый холмъ, каждую кочку и благополучно привелъ караванъ къ балагану, гдѣ послѣ долгаго времени путешественники провели ночь подъ защитою стѣнъ и крыши.

Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и приближеніе весны дѣлали дальнѣйшее путешествіе по льду невозможнымъ и Врангель рѣшилъ кратчайшею дорогою ѣхать въ Н.-Колымскъ. Постоянная метель и вьюга, затемнявшія атмосферу, мѣшали офицерамъ заниматься описью берега; но нартовщики не смущались непогодой. Съ непонятной для непривычнаго человѣка увѣренностью они ѣхали по необозримой пустынѣ и благополучно доставляли путешественниковъ отъ поварни къ поварнѣ, пока не прибыли наконецъ въ первое селеніе Походскъ. Несмотря на бѣдность и незначительность селенія, видъ людскихъ жилищъ произвелъ на путниковъ самое отрадное впечатлѣніе. Было уже 27 Апрѣля; по мѣстамъ снѣгъ стаялъ и начинала зеленѣть травка. Трубы домовъ дымились; сквозь льдяныя окна мерцали огни... Вскорѣ лай собакъ извѣстилъ обывателей о прибытіи путниковъ и изъ всѣхъ дверей послышались радостныя привѣтствія. Съ какимъ наслажденіемъ вступили утомленные путешественники въ жилую теплую хижину, гдѣ могли сбросить съ себя тяжелое промерзлое платье, отдохнуть и погрѣться. Гостепріимные хозяева угощали гостей всѣмъ, что было у нихъ лучшаго и между прочимъ свѣжими куропатками.

„День этотъ былъ для насъ истиннымъ праздникомъ, пишетъ Врангель. Мы наслаждались имъ какъ счастливымъ днемъ жизни и часть ночи провели въ разговорахъ съ хозяевами“.

На другой день караванъ поѣхалъ далѣе и 28 Апрѣля, послѣ 36-тидневнаго отсутствія, прибылъ въ Н.-Колымскъ, сдѣлавъ 1,210 верстъ.

Для лѣтнихъ занятій предполагалось раздѣлить экспедицію на 4 части. Одной ѣхать на лошадяхъ — описывать берега Ледовитаго моря между рѣками Малой Чукочьей и Индигиркой; второй — описать на лодкѣ устье Колымы; 3-ей — посѣтить берега Большого и Малаго Анюевъ; 4-ой — у Большой Баранихи построить жилую избу и чуланъ для зимовки экспедиціи.

Описаніе береговъ Ледовитаго моря Врангель предоставилъ Матюшкину; самъ же намѣревался осмотрѣть устья Колымы. 17 Іюня, на катерѣ, построенномъ Козьминымъ, всѣ части экспедиціи отправились вмѣстѣ, съ тѣмъ, чтобы потомъ раздѣлиться; но въ самомъ началѣ пути случилось несчастіе. Одна изъ собакъ, выскочивъ изъ лодки въ воду, запуталась въ веревки и начала давиться. Матюшкинъ, желая спасти животное, поспѣшилъ обрубить веревку и вмѣстѣ съ нею отрубилъ себѣ конецъ большого пальца съ ногтемъ. Рана была на столько серьезна, что ему пришлось съ докторомъ Кибером возвратиться въ Нижне-Колымскъ. Событіе это произвело очень дурное впечатлѣніе на команду и проводниковъ; они считали его дурнымъ предзнаменованіемъ. Сдавъ больного, Врангель поѣхалъ далѣе.

Недалеко отъ деревни Малое Чукочье, совершенно неожиданно маленькая экспедиція встрѣтила стадо оленей. Спасаясь отъ комаровъ, животныя стояли по горло въ водѣ и вѣтвистые рога ихъ издали походили на густой кустарникъ. Сопровождавшіе Врангеля юкагиры тотчасъ же бросились въ привязанную къ катеру вѣтку, но не имѣя при себѣ необходимаго оружія, они закололи только двухъ оленей, да Врангель изъ катера подстрѣлилъ одного; остальные выплыли на берегъ и скрылись въ тундрѣ.

Въ М.-Чукочьѣ путешественники дождались якутовъ съ лошадьми и Козьминъ, замѣнившій Матюшкина, отправился съ небольшимъ отрядомъ по своему назначенію;

а Врангель долженъ былъ сидѣть у моря и ждать погоды, такъ какъ дувшій все время морской вѣтеръ, вгонялъ ледъ въ рѣку и дѣлалъ плаваніе невозможнымъ.

Наскучивъ бездѣйствіемъ въ этой пустынной мѣстности, гдѣ не только деревьевъ, но даже и травы не было, Врангель задумалъ подняться вверхъ по рѣкѣ, чтобъ снять нѣкоторые пункты. Вѣтеръ утихъ, но устье на много верстъ еще было затерто льдомъ; нуженъ былъ противный вѣтеръ, чтобы его очистить. Видно суждено было Врангелю въ этомъ путешествіи терпѣть во всемъ неудачу. Въ виду безвѣтрія, онъ не счелъ нужнымъ потушить догорающій костеръ. Едва успѣла лодка удалиться отъ берега, какъ внезапный порывъ вѣтра бросилъ пламя на палатку, а когда пловцы вышли на берегъ, то палатка и всѣ вещи уже пылали. Несчастіе могло бы быть еще ужаснѣе, еслибъ Врангелю не удалось спасти обитый кожею ящикъ, гдѣ хранились всѣ журналы, описи, карты и инструменты. Послѣ этого эпизода не оставалось ничего болѣе, какъ возвратиться въ Н.-Колымскъ.

Здѣсь Врангель засталъ еще Матюшкина и Кибера, приготовлявшихся къ путешествію на Анюй. Докторъ остался очень недоволенъ состояніемъ здоровья начальника экспедиціи и посовѣтовалъ ему провести остальную часть лѣта въ Средне-Колымскѣ, гдѣ климатъ гораздо мягче. Іюля 26-го Врангель выѣхалъ изъ Н.-Колымска.

По мѣрѣ удаленія отъ Ледовитаго моря, страна оживляется и постепенно теряетъ однообразіе пустыни. Съ какимъ наслажденіемъ увидѣлъ Врангель поля, луга и рощи послѣ продолжительныхъ скитаній по тундрамъ и унылымъ ледянымъ пустынямъ. Особенно плѣняли его роскошныя пастбища на олбутахъ, или вытечныхъ озерахъ. На сколько извѣстно, олбуты встрѣчаются только въ Сѣверной Сибири, и о нихъ стоитъ поговорить подробно.

Олбуты — ничто иное какъ низменности, при весеннемъ разливѣ рѣкъ покрываемыя водою, которая образуетъ большія и малыя озера, изобилующія рыбой. Зимою, отъ сильныхъ морозовъ въ землѣ дѣлаются трещины, которыя иногда тянутся отъ озера къ рѣкѣ; по нимъ то и вытекаетъ вода. У иныхъ озеръ трескается дно и вода съ шумомъ туда уходитъ. Весною эти мѣста, удобренныя иломъ, покрываются роскошною травою и якуты поспѣшаютъ поселиться около нихъ съ своими стадами.

Патріархальная жизнь якутовъ среди живописной мѣстности такъ понравилась Врангелю, что онъ рѣшился пожить между ними и выбралъ для своего временнаго пребыванія лѣтовье Сыгли-Этаргъ, гдѣ жилъ богатый якутъ со всѣми своими домочадцами, огромными стадами рогатаго скота и табунами лошадей. Главный уросъ окружали меньшія палатки и всѣ строенія были обнесены заборомъ, куда на ночь загонялись стада. Здѣсь все указывало на изобиліе и напоминало патріархальную чистоту нравовъ. Радушный пріемъ, теплый воздухъ долинъ, защищенныхъ холмами и рощами отъ суроваго вліянія вѣтровъ, изобиліе легкой пищи и наконецъ совершенное спокойствіе духа въ отдаленіи отъ всѣхъ заботъ оказали благотворное вліяніе на здоровье Врангеля и укрѣпили его силы для трудовъ предстоящей зимы.

Здѣсь онъ встрѣтилъ интересную личность: 82-лѣтняго старца, якута, крестника лейтенанта Лаптева*), объѣзжавшаго берега Колымы въ 1739 г. Старикъ выглядѣлъ молодцомъ: самъ исправлялъ домашнія работы, ѣздилъ верхомъ, загонялъ стада. Съ полной увѣренностью онъ разсказывалъ Врангелю, что якуты пришельцы съ далекаго юга и въ примѣръ приводилъ старинныя пѣсни, въ которыхъ упоминалось о золотѣ и драгоцѣнныхъ кам-

*) Арктическая экспедиція лейтенанта Лаптева въ 1739 году.

няхъ, о львахъ, тиграхъ и другихъ предметахъ, теперешнимъ якутамъ неизвѣстныхъ.

Августа 31-го распростился Врангель съ радушными якутами, 1-го Сентября прибылъ въ Нижне-Колымскъ, а 8-го стала уже форменная зима. Одинъ за другимъ возвращались съ промысловъ жители и съ трудомъ очищали свои жилища отъ снѣга, проникшаго даже въ комнаты. Извѣстія, привезенныя жителями, не были радостны. Оленья охота юкагировъ не удалась, рыбы наловлено было мало; все предвѣщало недостатки и голодъ.

Сентября 29-го возвратились съ Анюя Матюшкинъ и Киберъ, а черезъ недѣлю пріѣхалъ Козьминъ, удачно окончившій опись берега Ледовитаго моря. Такимъ образомъ товарищи соединились опять. Днемъ занимались они приведеніемъ въ порядокъ журналовъ и картъ, а по вечерамъ сходились у пылающаго камина и проводили время въ разговорахъ о своихъ путешествіяхъ и наблюденіяхъ. Послѣдними богата была экскурсія Матюшкина и Кибера на берега Анюевъ.

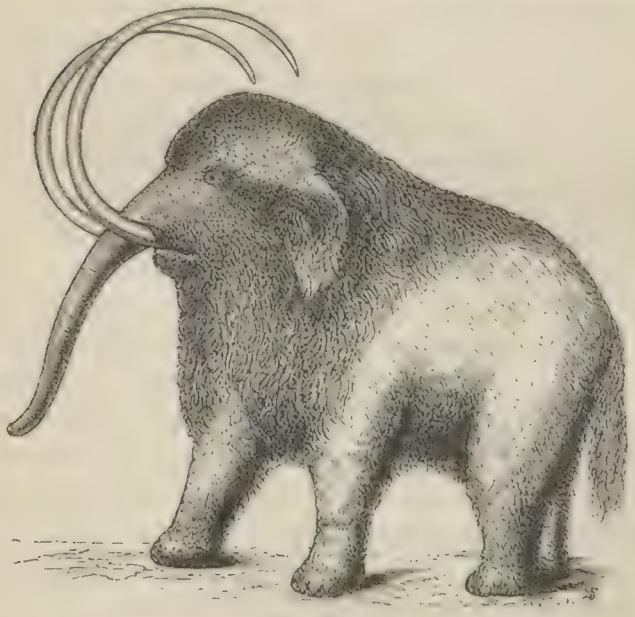
ГЛАВА VI.

Путешествіе Матюшкина и Кибера на берега Анюевъ. Медвѣжья охота.

Іюля 20-го (1821) отправились Матюшкинъ и Киберъ въ сопровожденіи казака и двухъ проводниковъ изъ Н.-Колымска на Анюй и къ ночи достигли лѣтовьевъ колымскихъ жителей, занимающихся рыбной ловлей. Окончательныя приготовленія и наемъ гребцовъ задержали здѣсь путешественниковъ на три дня и они только 23-го числа могли двинуться далѣе.

Большой Анюй впадаетъ въ Колыму противъ Н.-Колымска нѣсколькими рукавами. Берега его близъ устья пустынны и однообразны. Первый берегъ, болѣе возвышенный, обставленъ песчаными холмами саженъ въ 30 вышины; холмы эти, подмываемые водою, осыпаются, обнажая при этомъ кости допотопныхъ животныхъ.

Не касаясь естественно-научныхъ вопросовъ и раз-



Мамонтъ.

личныхъ предположеній относительно нахожденія костей допотопныхъ животныхъ на крайнемъ сѣверѣ, Матюшкинъ обращаетъ вниманіе ученыхъ на два обстоятельства, кажущіяся ему весьма странными. Почему клыки, рога и остовы этихъ животныхъ попадаются не въ одинаковомъ количествѣ по всей Сибири, а изобильнѣе и чаще по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, гдѣ по словамъ промышленниковъ попадаются клыки пудовъ въ 12 вѣсомъ, тогда

какъ южнѣе они не превышаютъ 5 пудовъ. Второе: почему клыки и рога находятся всегда въ количествѣ не соразмѣрномъ съ другими костями? напримѣръ: при рогахъ отъ 5 животныхъ, костей находится такъ мало, что даже одного остова составить невозможно. Замѣчательно, что на материкѣ, костей гораздо меньше, чѣмъ на островахъ, въ особенности на Ляховскихъ и другихъ Ново-Сибирскаго архипелага.

Продолжая плаваніе по Анюю, маленькая экспедиція прибыла въ Плотбище, мѣсто переправы оленей. Сюда уже собралось множество инородцевъ и русскихъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидавшихъ роковой минуты, отъ которой зависѣло ихъ существованіе на весь годъ. Русскіе и зажиточные инородцы устроили себѣ изъ вѣтвей и дерна небольшіе шалаши, а бѣднѣйшіе изъ юкагировъ жили подъ открытымъ небомъ.

Престарѣлый, зажиточный юкагирскій старшина, Коркинъ, радушно пригласилъ къ себѣ русскихъ путешественниковъ. Этотъ Коркинъ угощалъ всѣхъ проѣзжающихъ и всегда безвозмездно. Здѣсь еще сохранилось истинно патріархальное гостепріимство, въ силу котораго хозяинъ считаетъ своею обязанностью уступить гостю первое мѣсто и лучшій кусокъ.

Во время посѣщенія Матюшкинымъ Анюя, населеніе его состояло изъ малочисленнаго юкагирскаго племени частью вымирающаго, частью сливающагося съ русскими. Господствующій языкъ юкагировъ русскій; жилища — тоже на русскій ладъ, бревенчатыя избы; только вмѣсто печи у нихъ чувалъ, на которомъ постоянно горитъ огонь. Въ одеждѣ, нравахъ, обычаяхъ и даже въ типѣ лица, они мало чѣмъ отличаются отъ русскихъ.

Юкагиры страстно любятъ музыку; почти каждый изъ нихъ играетъ на скрипкѣ или на балалайкѣ; кромѣ того они весьма недурно поютъ; слова и мелодіи, по большей части импровизированныя. Женщины поютъ

о сердечныхъ дѣлахъ, мужчины воспѣваютъ подвиги, чаще всего свои собственные. Историческихъ пѣсенъ Матюшкину не довелось слышать.

Единственныя занятія здѣшнихъ жителей — рыболовство и, въ особенности, охота на оленей. Отъ удачи послѣдней зависитъ все ихъ благосостояніе. Оленей всего легче бить, когда они переплываютъ рѣки, а потому юкагиры, находясь всегда на сторожѣ, не могутъ удаляться въ глубь страны, гдѣ водятся другіе звѣри. Они съ такимъ же лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждутъ появленія оленей съ какимъ земледѣлецъ ждетъ времени жатвы.

Олени два раза въ годъ переправляются черезъ рѣки, весною и осенью, но по краткости лѣта оба промысла отдѣлены другъ отъ друга самымъ короткимъ промежуткомъ. Первый промыслъ бываетъ въ концѣ мая, когда олени безчисленными табунами оставляютъ лѣса и тянутся въ тундры, гдѣ вѣтромъ отгоняетъ отъ нихъ мучителей — комаровъ. Майскій промыслъ не такъ прибыленъ; олени часто переходятъ рѣку по льду и тогда въ горныхъ ущельяхъ ихъ можно стрѣлять изъ ружей и луковъ, или ловить петлями. Но послѣднее средство не всегда надежно, а первое дорого. Притомъ, весенній олень бываетъ чрезвычайно худъ и все тѣло его покрыто нарывами и ранами, а потому онъ только въ крайнихъ случаяхъ употребляется въ пищу людьми; больше же идетъ на кормъ собакамъ, къ тому-же и шкура его плоха и въ дырахъ. Гораздо важнѣе промыслъ въ августѣ и сентябрѣ, когда олени изъ тундръ возвращаются въ лѣса. Тогда эти животныя здоровы и жирны; шкура ихъ, покрытая новой шерстью, тверда и прочна.

Число путешествующихъ оленей изъ года въ годъ не одинаково; иногда оно доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ. Олени идутъ обыкновенно табунами головъ въ 200—300, но табуны слѣдуютъ такъ близко одинъ за другимъ, что составляютъ какъ бы одно стадо.

Дорога оленей почти всегда одна и таже; для переправы они выбираютъ отлогій берегъ рѣки. Сперва весь табунъ скучивается вмѣстѣ; потомъ, передовой олень съ нѣсколькими болѣе сильными особями выступаетъ впередъ и поднявъ высоко голову, осматриваетъ окрестность. Увѣрившись въ безопасности, онъ скачетъ въ воду, за нимъ товарищи, потомъ весь табунъ. Въ нѣсколько минутъ вся поверхность рѣки покрывается плывущими оленями. Тогда охотники, скрывавшіеся за камнями и кустарниками съ подвѣтренной стороны, выѣзжаютъ на перерѣзъ оленямъ, стараясь преградить имъ путь. Между тѣмъ, двое или трое опытнѣйшихъ промышленниковъ, вооруженные копьями и поколюгами, врываются на своихъ лодкахъ въ самый центръ табуна и съ невѣроятной скоростью колютъ направо и налѣво. Обыкновенно одного удара достаточно для умерщвленія животнаго или для нанесенія ему такой тяжелой раны, отъ которой оно непремѣнно издохнетъ, если даже и успѣетъ доплыть до берега. Въ началѣ охоты требуется большая осмотрительность; излишняя горячность можетъ испортить все дѣло. Необходимо выждать, чтобы передовой олень достигъ по крайней мѣрѣ средины рѣки. Если сдѣлать нападеніе раньше, то вожакъ повернетъ назадъ, весь табунъ за нимъ и тогда оленей помнинай какъ звали.

Оленья охота, вообще, требуетъ большой ловкости, опытности и далеко не безопасна. Маленькая лодка охотника ежеминутно можетъ разбиться или опрокинуться среди массы оленей, всячески защищающихъ свою жизнь. Животныя кусаются, бодаются, лягаются, иные норовятъ вскочить передними ногами въ лодку и опрокинуть ее. Если имъ это удастся, то охотникъ старается ухватиться за рога ближайшаго оленя и съ нимъ выплываетъ на берегъ. Такіе случаи, впрочемъ, рѣдки, такъ какъ охотники съ удивительной ловкостью лавируютъ между животными, отражая ихъ нападеніе и въ тоже время

сохраняя равновѣсіе. Опытный охотникъ въ одинъ часъ можетъ убить до ста и болѣе оленей. Другіе охотники хватаютъ убитыхъ, привязываютъ ихъ ремнями къ лодкамъ и каждый промышленникъ получаетъ то, чѣмъ успѣетъ завладѣть. Казалось бы, что такимъ образомъ всю добычу захватываютъ другіе, а самому охотнику за труды, сопряженные съ опасностью жизни не достается ничего. Но здѣсь существуетъ свято соблюдаемый законъ, въ силу котораго только убитые олени составляютъ общую поживу, а раненые, падающіе на берегу, достаются покольщикамъ.

Среди толпы разъяренныхъ оленей, когда всѣ помыслы человѣка должны быть направлены къ самосохраненію, нѣкоторые изъ охотниковъ проявляютъ столько хладнокровія и присутствія духа, что могутъ соразмѣрить силу своихъ ударовъ и убиваютъ только маленькихъ оленей, большимъ же наносятъ раны, чтобы они успѣли доплыть до берега. Такіе промышленники слывутъ въ народѣ худыми людьми, но за ловкость и отвагу ихъ все-таки уважаютъ.

Посмотрѣть со стороны на оленью охоту чрезвычайно любопытно. Шумъ нѣсколькихъ сотъ плывущихъ оленей, болѣзненный хрипъ раненыхъ и издыхающихъ, глухой стукъ сталкивающихся роговъ, обрызганные кровью покольщики, прорѣзывающіе съ невѣроятною быстротою густые ряды животныхъ, крики и восклицанія другихъ охотниковъ, обагренная кровью поверхность рѣки — все вмѣстѣ производитъ на зрителя чрезвычайно сильное впечатлѣніе.

По окончаніи охоты и раздѣлѣ добычи, убитые олени съ подвязанными къ нимъ камнями тотчасъ опускаются въ воду, гдѣ они прекрасно сохраняются втеченіе нѣсколькихъ дней, пока хозяева окончательно не распорядятся ими. Постепенно ихъ достаютъ изъ воды, свѣжуютъ и сушатъ на солнцѣ, или коптятъ; а при ран-

нихъ холодахъ замораживаютъ. Русскіе иногда солятъ мясо. Лучшей частью считаются копченые языки, которые и приберегаются для торжественныхъ случаевъ.

Пробывъ въ Плотбищѣ двѣ недѣли, путешественники 13-го августа отправились далѣе. Къ ночи прибыли они въ лѣтовье Аргуново, гдѣ застали нѣсколько юкагирскихъ семействъ. Здѣсь также была плавь оленей и очень удачная охота. По всему Анюю отъ времени до времени попадались становища съ туземцами, ожидавшими оленей, или уже праздновавшими счастливое окончаніе охоты. По рѣкѣ встрѣчались лодки, увозившія добычу.

Не вездѣ, однакоже, охота бываетъ одинаково удачна. Иногда олени, по неизвѣстнымъ причинамъ, мѣняютъ мѣсто плави и проходятъ тамъ, гдѣ ихъ не караулятъ. Иногда напуганные, они поворачиваютъ назадъ и убѣгаютъ въ лѣса.

Отъ Аргунова путешественники направились въ обромское лѣтовье, чтобъ посмотрѣть знаменитую скалу Обромъ съ ея увѣнчанною облаками вершиною. Киберъ остался внизу, а Матюшкинъ съ проводникомъ-юкагиромъ предпринялъ восхожденіе на скалу, чтобы оттуда обозрѣть окрестность и сдѣлать измѣренія. Взобравшись на вершину, онъ увидалъ, что весь горизонтъ заставленъ цѣпями островерхихъ черныхъ утесовъ, дѣлавшихъ измѣренія невозможными. Но ничто не мѣшало путешественнику любоваться открывшеюся передъ нимъ панорамою. Только тотъ, кто бывалъ въ Сѣв. Сибири, можетъ имѣть понятіе о своеобразной красотѣ здѣшнихъ мѣстъ. Эти красоты не увлекаютъ взора, не приводятъ души въ умиленіе, подобно красотамъ богатой южной природы. Онѣ охватываютъ все существо человѣка какимъ то священнымъ ужасомъ и пробуждаютъ въ немъ сознаніе собственнаго безсилія. Въ тоже время величіе картины очищаетъ душу отъ земныхъ помысловъ и возвышаетъ ее.

„Подо мной тянулись, пишетъ Матюшкинъ, разно-

образно развѣтвленныя цѣпи горъ, окруженныя яркой зеленью съ увѣнчанными снѣгомъ вершинами. Багровые лучи солнца, предвѣстники приближающейся бури, окрашивали бѣлые верхи горъ прозрачнымъ розовымъ цвѣтомъ и рисовались безчисленными радугами въ наполненной ледяными частицами атмосферѣ. Мѣстами, какъ острова среди океана тумановъ, торчали черные, обнаженные, зубчатые верхи утесовъ. Картина представлялась еще болѣе величественною при царившей здѣсь гробовой тишинѣ. Вдругъ поднялся сильный вѣтеръ, ворвался въ ущелье и съ завываніемъ началъ крутить песокъ и снѣгъ, который взвиваясь столбами, стремился кверху. Я долго бы еще любовался этой картиной, еслибы проводникъ, испуганный приближеніемъ бури, не торопилъ меня вернуться".

Отсюда путешественники отправились на Малый Анюй, верхомъ на лошадяхъ, черезъ хребетъ, раздѣляющій эти двѣ рѣки. Тутъ встрѣтилъ ихъ житель здѣшнихъ горъ, большой черный медвѣдь, внезапно выскочившій изъ за кустовъ. Лошади испугались и поднялись на дыбы, но медвѣдь испугался не менѣе ихъ, увидавъ передъ собою всадниковъ, и такъ скоро убѣжалъ въ лѣсъ, что путешественники не успѣли даже взяться за ружья. Не всегда, впрочемъ, подобныя встрѣчи обходятся такъ счастливо; въ тотъ же самый годъ медвѣдь вломился ночью въ ламутскую юрту и передавилъ въ ней всѣхъ обитателей, кромѣ одного, который успѣлъ убѣжать.

Берега обоихъ Анюевъ обставлены множествомъ ловушекъ для разнаго рода звѣрей. Каждый трудолюбивый юкагиръ поставитъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ не менѣе 500 и въ теченіе зимы нѣсколько разъ осматриваетъ. На ряду съ простѣйшими ловушками, есть такія замысловатыя, что могли бы сдѣлать честь ученому механику. Ихъ механизмъ старательно обдуманъ и приспособленъ къ обычаямъ и привычкамъ звѣрей, для

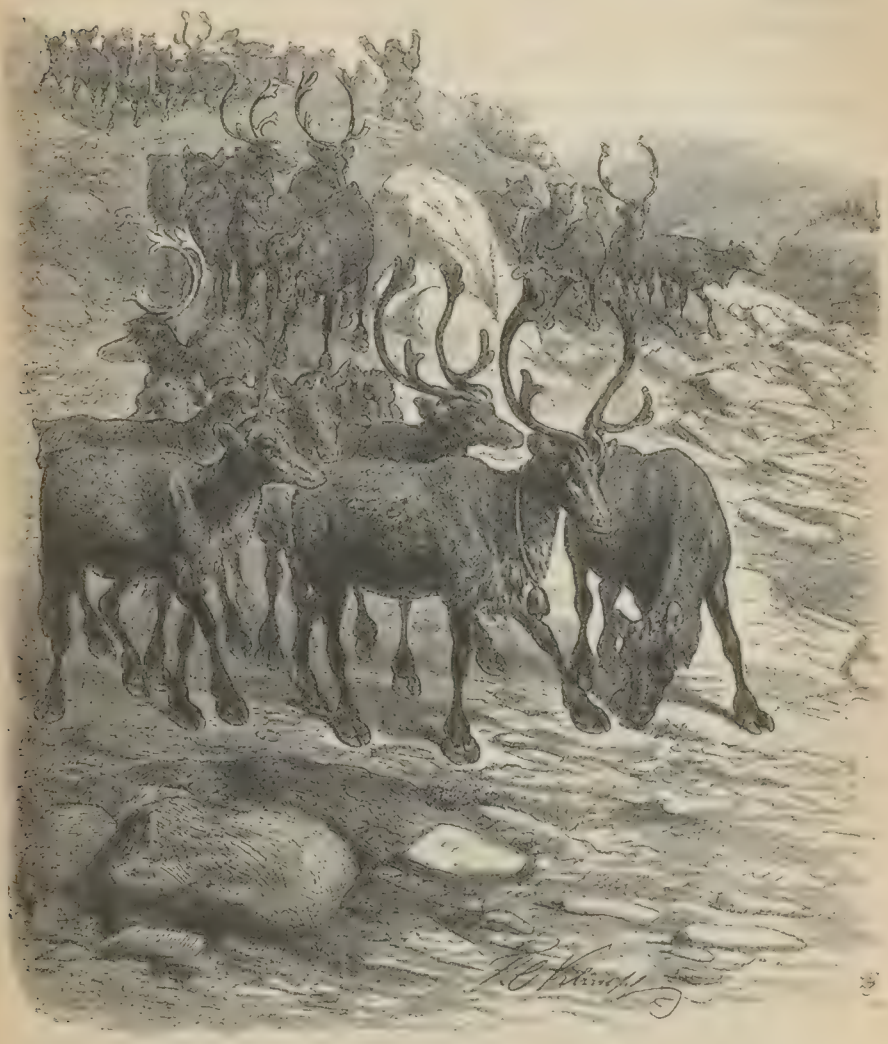
которыхъ онѣ предназначены. Нѣкоторые промышленники имѣютъ ученыхъ собакъ и оленей-манщиковъ. Такъ называются домашніе олени, пріученные заманивать дикихъ товарищей и подводить ихъ къ хозяину на разстояніе выстрѣла. Такіе олени рѣдки и очень дорого цѣнятся.

Изслѣдовавъ Малый Анюй на довольно большое пространство, путешественники вернулись на берега Большого, который во всѣхъ отношеніяхъ былъ интереснѣе. У подошвы горы „Сладкой", въ полуразвалившемся балаганѣ они сдѣлали привалъ. Гора „Сладкая" получила названіе отъ бѣловатой, сладкой на вкусъ земли, которую здѣсь находятъ. Туземцы увѣряютъ, что эта земля чрезвычайно помогаетъ отъ разстройства желудка. Попробовавъ ее, Матюшкинъ нашелъ, что это точно такая же земля, какую находятъ въ Охотскѣ, гдѣ примѣшиваютъ ее къ мукѣ при печеніи хлѣбовъ.

Переночевавъ, путники поѣхали далѣе и 30 августа благополучно прибыли въ мѣстечко Лабазное, гдѣ также ожидалась оленья плавь.

Издали они услыхали нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ и отголоски веселыхъ пѣсенъ. Встрѣтившіе ихъ два юкагирскихъ князька объявили, что они празднуютъ день тезоименитства Бѣлаго Царя, по здѣшнему Тарись-Аремъ (сына солнца). Путники примкнули къ нимъ и угостили туземцевъ табакомъ и водкой, что еще болѣе усилило веселое настроеніе духа. Мужчины старались всячески выказать свою ловкость: стрѣляли въ цѣль изъ луковъ и ружей, бѣгали въ запуски, перегонялись на лодкахъ; женщины пѣли и плясали. Веселье продолжалось до разсвѣта. Вѣроятно этотъ день во многихъ концахъ Россіи праздновался гораздо торжественнѣе, но едва ли возможна радость искреннѣе той, которая оживляла здѣшній народъ въ 12,000-верстномъ разстояніи отъ столицы.

Олени здѣсь еще не проходили. Трудно себѣ представить до какой степени достигаетъ голодъ среди тузем-



Оленье стадо.

цевъ, существованіе которыхъ зависитъ единственно отъ случая. Часто съ половины лѣта люди питаются уже

древесною корою и шкурами, до того служившими имъ одеждою. Случайно пойманный или убитый олень дѣлится поровну между чле́нами цѣлаго рода и съѣдается, въ полномъ смыслѣ слова, съ костями и шкурою. Все, даже внутренности и толченые рога и кости употребляются въ пищу, потому что надо же чѣмъ нибудь наполнить терзаемый голодомъ желудокъ.

Желая и здѣсь полюбоваться интереснымъ зрѣлищемъ, путешественники остались въ Лабазномъ. Только и было толковъ, что объ оленяхъ. Это былъ интересъ минуты и ничто другое не интересовало туземцевъ. Наконецъ, 12-го сентября, на правомъ берегу, противъ Лабазнаго, показался безчисленный табунъ и покрылъ всѣ прибрежныя возвышенія. Вѣтвистые рога колыхались, словно кустарники, колеблемые вѣтромъ. Все пришло въ движеніе. Со всѣхъ сторонъ устремились якуты, чуванцы, ламуты, тунгузы, пѣшкомъ и въ лодкахъ въ надеждѣ счастливою охотою положить предѣлъ своимъ бѣдствіямъ. Радостное ожиданіе оживило всѣ лица и все предсказывало обильный промыслъ. Но къ ужасу всѣхъ внезапно раздалось горестное, роковое извѣстіе: „Олень пошатнулся!“ Дѣйствительно, табунъ, вѣроятно, испуганный множествомъ людей, повернулъ обратно и помчался въ горы. Отчаяніе заступило мѣсто радостныхъ надеждъ. Сердце раздиралось при видѣ народа, внезапно лишеннаго всѣхъ средствъ для поддержанія бѣдственнаго своего существованія. Ужасна была картина всеобщаго унынія и отчаянія. Женщины и дѣти стонали громко, ломая руки; иныя бросались на землю и съ воплями взрывали снѣгъ и землю, точно приготовляя себѣ могилу. Старшины и отцы семействъ стояли молча, неподвижно, устремивъ безжизненные взоры на тѣ возвышенія, за которыми исчезла ихъ надежда...

Долѣе оставаться въ Лабазномъ было незачѣмъ. Притомъ быстро подвигалась зима; рѣка у береговъ

стала замерзать; путешественники должны были не теряя времени ѣхать далѣе, чтобы успѣть до полнаго замерзанія рѣки добраться до Н.-Колымска. Но этого имъ не удалось сдѣлать. Ледъ все болѣе и болѣе затягивалъ рѣку, такъ что топорами и шестами нужно было прокладывать себѣ путь. Наконецъ рѣка стала и остальной путь пришлось совершать на собакахъ. Проѣхавъ 5 дней такимъ образомъ, путешественники 26-го сентября прибыли въ Н.-Колымскъ послѣ 70-тидневнаго путешествія.

ГЛАВА VII.

Третье путешествіе по льду. Встрѣча съ Анжу.

Лѣто 1821 г. было очень несчастливо для колымчанъ: неудачная оленья охота и скудная рыбная ловля должны были повести за собою неизбѣжный голодъ. Ко всему этому присоединилось новое, ужасное несчастіе — падежъ собакъ.

Въ сравненіи съ этимъ несчастьемъ даже грядущій голодъ не казался такимъ ужаснымъ; къ нему туземцы, такъ сказать, притерпѣлись. Но потеря собакъ, этихъ полезныхъ, прямо необходимыхъ животныхъ, привела ихъ въ отчаяніе. Люди сами должны были впрягаться въ нарты и на себѣ перевозить тяжести. Наконецъ, безъ собакъ не могли они заниматься единственнымъ своимъ промысломъ — ловлей пушныхъ звѣрей. Такое безпомощное состояніе повсюду распространяло горесть и уныніе.

Собираясь въ экспедицію, успѣхъ которой во многомъ зависѣлъ отъ числа годныхъ къ ѣздѣ собакъ, Врангель употреблялъ всевозможныя средства къ ихъ сохраненію. Ему хотѣлось собрать, по крайней мѣрѣ, 100 штукъ

и отправить ихъ въ Чукочье, чтобы тамъ откормить. Но пока онъ собирался это сдѣлать, изъ 100 собакъ 64 пало. Остальныя 36, отправленныя въ Чукочье, уцѣлѣли всѣ.

Узнавъ, что по Индигиркѣ падежъ прекратился, Врангель послалъ туда казака для укомплектованія собакъ; но казакъ могъ добыть только 45 штукъ, которыхъ и доставилъ благополучно въ Чукочье.

Сначала Врангель намѣревался раздѣлить экспедицію на двѣ части, но за недостаткомъ собакъ долженъ былъ этотъ планъ измѣнить. 10-го марта выѣхалъ онъ изъ Н.-Колымска въ сопровожденіи Матюшкина, Козьмина и матроса Нехорошкова. Кромѣ 5 нартъ для путешествія, запряженныхъ лучшими и надежнѣйшими собаками, имѣлось еще 19 нартъ для провіанта, которыя, какъ и въ прежнихъ путешествіяхъ, тотчасъ по разгрузкѣ должны были возвращаться назадъ.

Марта 12-го маленькая экспедиція прибыла въ Сухарное, а 13-го начала путешествіе по Ледовитому морю, имѣя съ собой провіанта для людей и собакъ на 40 дней.

Миновавъ 16-го числа Барановъ Камень, Врангель двинулся на с.-в., надѣясь въ этомъ направленіи пересѣчь меридіанъ Шелагскаго мыса въ разстояніи 150 в. отъ берега. Такимъ образомъ это путешествіе послужило бы продолженіемъ прошлогодняго и при удачѣ могло бы повести къ открытію предполагаемой на сѣверѣ земли. По пути встрѣчались медвѣди и одинъ изъ нихъ имѣлъ смѣлость ворваться въ лагерь, за что и потерпѣлъ заслуженное наказаніе. Мясо и жиръ его подкрѣпили собакъ. 21-го марта убили другого медвѣдя, который успѣлъ, однакоже, поранить нападавшихъ на него трехъ собакъ; проводники жарили его мясо и ѣли съ удовольствіемъ.

Несмотря на 25° мороза, стужа, при совершенномъ безвѣтріи не была особенно чувствительна, но торосы, безпрестанно преграждавшіе путь, сильно замедляли движеніе и утомляли собакъ. На вершинѣ одного изъ торосовъ

у нарты Врангеля оборвался ремень и собаки стремглавъ полетѣли внизъ, оставивъ сѣдока на вершинѣ. Внизу онѣ напали на медвѣжій слѣдъ, съ визгомъ бросились за звѣремъ и скоро исчезли изъ вида. Послѣ долгихъ поисковъ онѣ были найдены въ самомъ жалкомъ положеніи: длинный, волочившійся за ними ремень зацѣпился за льдину, собаки старались освободиться и выбились изъ силъ.

„Трудность путешествія, пишетъ Врангель, превосходила все, доселѣ нами испытанное. Помощью пешней пробивались мы черезъ груды плотныхъ торосовъ неимовѣрной вышины. Почти на каждомъ шагу ломались нарты и рвалась упряжь. Несмотря на всѣ предосторожности, сани скатывались съ гладкаго хребта торосовъ и падали въ промежутки, подобные оврагамъ. Вытаскивать ихъ оттуда, держась на скользкой льдинѣ, стоило несказанныхъ трудовъ и усилій. Всѣ болѣе или менѣе были ушиблены. Особенно пострадали транспортныя нарты и безпрестанно приходилось останавливаться, чтобъ чинить ихъ. Это, наконецъ, надоѣло и мы рѣшили устроить во льду складъ, а разгруженныя нарты отправить въ Н.-Колымскъ. Вырубили во льду два углубленія, положили туда часть провіанта, а сверху покрыли льдиной; утрамбовали все снѣгомъ и залили водою. Можно было надѣяться, что въ такой погребъ не проникнуть медвѣдю. Проводники, возвращавшіеся въ Н.-Колымскъ съ пустыми нартами были такъ счастливы, что несмотря на усталось, дружно работали надъ устройствомъ ледника и скоро все кончили. Остатки дня провели въ пѣсняхъ, пляскѣ и играхъ“.

Устроивъ складъ, экспедиція раздѣлилась, условившись здѣсь же соединиться 29-го Марта, т. е. черезъ 5 дней. Матюшкинъ поѣхалъ на востокъ, Врангель съ Козьминымъ на сѣверъ. Отъѣхавъ верстъ 20, Врангель къ удивленію своему увидалъ санные слѣды. По ближайшемъ разсмотрѣніи онъ убѣдился, что это были слѣды

его прошлогодней поѣздки. Но такъ какъ онъ находился отъ прошлогодняго пути по крайней мѣрѣ на 85 в., то оставалось предположить, что вѣтры или теченіе подвинули всю ледяную поверхность къ востоку.

27-го Марта Козьминъ съ вершины тороса увидалъ на с.-в. два холма, ясно обозначавшіеся на горизонтѣ. Путешественники были увѣрены, что видятъ землю, хотя проводники и увѣряли, что это ничто иное, какъ поднимающіяся изъ моря испаренія. И тѣ, и другіе ошиблись. Къ вечеру, съ перемѣною освѣщенія, новооткрытая земля подвинулась по направленію вѣтра къ востоку, а черезъ нѣсколько времени охватила весь горизонтъ, такъ что путешественникамъ казалось, будто они стоятъ среди огромнаго озера, обставленнаго скалами и горами. На слѣдующій день этотъ миражъ повторился и путешественники, убѣдившись въ своей ошибкѣ, повернули назадъ къ складочному пункту.

Вернувшійся Матюшкинъ разсказывалъ, что онъ тоже видѣлъ предполагаемую землю. Но онъ видѣлъ нѣчто болѣе удивительное — слѣдъ лисицы: такъ далеко отъ земли эти звѣри обыкновенно не ходятъ. Тогда и Врангель припомнилъ, что ихъ отрядъ наткнулся на дерево, примерзшее ко льду, на что никто не обратилъ вниманія. Такіе признаки пробудили потухшую, было, надежду на открытіе земли, и путешественники съ новымъ рвеніемъ стали снаряжаться далѣе. Открывъ складъ и вырывъ провизіи на 20 дней они направились къ сѣверу.

Апрѣля 2-го была Пасха, которую вторично пришлось встрѣчать среди полярныхъ льдовъ. Дневной отдыхъ, двойная порція мяса и водки оживили проводниковъ и они провели день очень весело.

Дальнѣйшій путь не оправдалъ надеждъ, которыми ласкали себя путешественники. Между тѣмъ, собаки сильно изнурились, а до берега было не менѣе 250 в. Посовѣтовавшись другъ съ другомъ, офицеры признали,

что дальнѣйшее путешествіе рискованно и что слѣдуетъ вернуться. Для очистки совѣсти, Врангель поручилъ Матюшкину сдѣлать маленькій конецъ къ сѣверу, налегкѣ. Вернувшись, послѣ 6-часоваго отсутствія, Матюшкинъ объявилъ, что проѣхавъ 10 в., онъ встрѣтилъ разломанный ледъ и открытое море.

Послѣ подобныхъ извѣстій оставалось только повернуть обратно къ складу и потомъ къ дому. Въ складѣ нашли не все благополучно. Въ яму просочилась вода и провизія подмокла. Нужно было употребить цѣлый день на просушку. Наконецъ собрали все, что было можно и направились къ берегу. Оттаявшій рыхлый снѣгъ подмерзъ и образовалъ настъ, по которому легко было ѣхать: собаки бѣжали бойко и 1-го мая путники были на берегу.

То пріятное ощущеніе, которое испытывали они, почувствовавъ себя на твердой землѣ, отчасти выкупало трудности и лишенія, перенесенныя во время 46-ти-дневнаго скитанія по ледянымъ пустынямъ, гдѣ нельзя было ни отдохнуть хорошенько, ни обогрѣться. Земля привѣтливо встрѣтила путниковъ; снѣгъ уже таялъ, обнажился желтовато зеленый мохъ и тощій стелющійся кустарникъ начиналъ зеленѣть. Эта скудная растительность казалась имъ въ данную минуту очаровательной. Особенно веселило душу щебетаніе птичекъ.

Мая 4-го путешественники прибыли въ Походскъ, гдѣ встрѣтили лейтенанта Анжу, возвращавшагося изъ экспедиціи на острова Новой-Сибири. Къ сожалѣнію, радость свиданія была омрачена видомъ страданій несчастныхъ туземцевъ. Шесть тунгузскихъ семействъ, умирая съ голоду, оставили свои степи и собравъ послѣднія силы, пришли въ Походскъ, въ надеждѣ найти здѣсь какую нибудь помощь. Но здѣшніе жители сами были не въ лучшемъ положеніи. Истощивъ свой скудный запасъ, они питались самыми отвратительными предметами. Только близость весны и надежда на удачный ловъ рыбы под-

держивали ихъ ослабѣвшія силы. Путешественники отдали несчастнымъ весь остатокъ своей провизіи, утѣшаясь мыслью, что хоть нѣсколькихъ спасли отъ голодной смерти.

Мая 4-го экспедиція вернулась въ Н.-Колымскъ послѣ 57-дневнаго отсутствія, сдѣлавъ всего 1,355 верстъ. Колымчане уже разъѣхались на промыслы; въ острогѣ оставалось только два обывателя: казакъ-инвалидъ и старуха-мѣщанка. Послѣдняя встрѣтила путешественниковъ чрезвычайно радушно и своими заботами, да вкусными пирогами заставила ихъ на время забыть перенесенные труды и лишенія.

Въ этотъ годъ зима была холодная и снѣжная. Колыма стояла скованная льдомъ 259 дней. Наконецъ, 22-го мая она сбросила оковы и разлилась во всю ширь. Оставшіеся колымчане и прибывшіе путешественники перебрались на крыши, привязавъ къ стрѣхамъ лодки, чтобы въ случаѣ сильнаго подъема воды, плыть на Пантелеевскую сопку. Только 31-го числа рѣка снова вошла въ берега.

ГЛАВА VIII.

Поѣздка по каменной тундрѣ. Стадо оленей въ сопровожденіи волка и медвѣдя.

Лѣтніе мѣсяцы 1822 г. рѣшено было посвятить описанію морского берега отъ устьевъ Колымы до Баранова Камня и провѣркѣ астрономическихъ наблюденій. Іюля 11-го посланы были люди къ устью Б.-Баранихи съ порученіемъ выстроить карбасъ, настрѣлять гусей и наловить рыбы, словомъ — запастись продовольствіемъ на зиму. Іюля 23-го отправились офицеры на катерѣ внизъ по Ко-

лымѣ до деревни Пантелеевой. Здѣсь, Матюшкинъ распростился съ товарищами и поѣхалъ описывать Чаунскую губу, а Врангель и Козьминъ отправились верхами черезъ „Каменную тундру“ къ берегамъ Ледовитаго океана.

Страна, по которой пролегалъ путь, походила на окаменѣлыя волны океана; она была вся изрыта горами, холмами, скалами, между которыми лежали топкія болота. На южныхъ склонахъ попадались лѣса лиственницъ и тополей, пріятно ласкавшихъ взоръ. По скаламъ въ окрестностяхъ Баранова Камня, паслись значительныя стада дикихъ барановъ. Съ неимовѣрной быстротой карабкались они по крутизнамъ; иные стояли неподвижно на вершинахъ скалъ и вырисовываясь на небесной лазури, походили на каменныя изваянія. На многочисленныхъ озерахъ плавали стаи гусей, которые линяли и не могли летать. Собаки бросались въ воду и выгоняли гусей на берегъ, гдѣ проводники безъ труда били ихъ палками. Вылинявшій гусь хоть и не можетъ летать, но онъ бѣгаетъ такъ быстро, что его почти невозможно догнать. Иногда онъ употребляетъ хитрость. Видя опасность и не надѣясь уйти, онъ ложится на землю, протягиваетъ шею и, зарывши голову въ мохъ или кочку, лежитъ неподвижно. Неопытный охотникъ проходитъ мимо, не замѣтивъ его.

На южномъ склонѣ Баранова-Камня путешественники увидѣли стадо оленей, щипавшихъ молодую траву. Къ несчастью, лай собакъ испугалъ ихъ и ни одного не удалось застрѣлить.

15-го Іюля прибыли путешественники къ своему стану при устьѣ р. Баранихи и нашли все въ порядкѣ. Люди построили лодку и занимались рыбною ловлею. Якуты съ вьючными лошадьми явились позднѣе. Они встрѣтили чернаго медвѣдя, который такъ испугалъ лошадей, что тѣ вырвались изъ рукъ, сбросили съ себя вьюки и раз-

бѣжались по тундрѣ. Хотя якутамъ и удалось переловить ихъ, но часть багажа была подмочена и попорчена.

Путешественники остались здѣсь на нѣкоторое время, занимаясь съемкою мѣстности и астрономическими наблюденіями; между дѣломъ ловили рыбу и охотились. Однажды предприняли небольшое плаваніе на новопостроенной лодкѣ и чуть не погибли. Несмотря на лѣто, только средина рѣки была свободна отъ льда, а у береговъ стояли толстыя закраины. Въ одномъ мѣстѣ, ледъ оторвало отъ береговъ, сперло по срединѣ и затерло лодку. Три дня путешественники должны были оставаться неподвижно на одномъ мѣстѣ, пока вѣтромъ не вынесло ледъ въ море.

31-го іюля Врангель съ Козьминымъ и проводникомъ покинули станъ и отправились къ верховьямъ Баранихи, чтобы оттуда черезъ Анюй проѣхать на Колыму. На холмахъ и въ долинахъ попадалось множество песцовыхъ норъ; собаки едва успѣвали душить звѣрей; проводникъ же съ удивительной ловкостью сдиралъ съ нихъ шкурки.

На одномъ изъ привалovъ удалось путешественникамъ полюбоваться на ходъ оленей. Около полудня, спустились съ холмовъ и прошли почти возлѣ самаго стана два огромныхъ табуна оленей. Медленно подвигались они, образуя заостренный впереди треугольникъ. Высокіе вѣтвистые рога ихъ имѣли видъ подвижного лѣса. Впереди каждаго стада шелъ вожакъ, по здѣшнему важника, такъ какъ, по увѣренію туземцевъ, стадо всегда ведетъ самка. За однимъ изъ стадъ крался голодный волкъ, ожидавшій только случая броситься на какого-нибудь отставшаго молодого оленя. Увидя людей, онъ убѣжалъ въ горы. За другимъ стадомъ слѣдовалъ большой черный медвѣдь, но безъ всякихъ кровожадныхъ намѣреній. Онъ разрывалъ по временамъ землю, ловилъ съ удивительнымъ проворствомъ мышей и ѣлъ ихъ съ наслажденіемъ. Невинное гастрономическое препровожденіе

времени такъ занимало огромнаго звѣря, что онъ не замѣтилъ путешественниковъ. Съ трудомъ сдерживали они собакъ, опасаясь, чтобы лай ихъ не спугнулъ оленей и не лишилъ анюйскихъ промышленниковъ ожидаемой добычи.

Августа 13-го прибыли путешественники на р. Погиндену, впадающую въ Анюй. Здѣсь они могли досыта налюбоваться природою, до того непохожею на ту, которую они привыкли видѣть въ этой странѣ, что имъ казалось, будто невидимая рука перенесла ихъ совсѣмъ въ другой край и въ другой климатъ. Вмѣсто чахлыхъ деревьевъ и топкихъ болотъ, появились лѣса съ высокоствольными деревьями, зелеными лужайками и т. п. На возвышенномъ берегу росли благоуханныя травы и много дикаго луку, который служилъ отличной приправой къ кушанью.

Не долго наслаждались путешественники природою. Ночью, лошади, испуганныя вѣроятно звѣремъ, разбѣжались и только одна старая и безсильная осталась на мѣстѣ. Цѣлый день путешественники, разсыпавшись въ разныя стороны, искали лошадей, но безуспѣшно. Къ этому несчастію присоединилось другое: проводникъ юкагиръ объявилъ, что заблудился. Между тѣмъ, съѣстные припасы всѣ вышли, оставались только сахаръ и чай. Положеніе становилось критическимъ. Лошади не возвращались, приходилось идти пѣшкомъ. Вещи связали и положили въ безопасное мѣсто; чайникъ, котелъ и инструменты навьючили на единственную лошадь и, при проливномъ дождѣ и холодномъ вѣтрѣ двинулись въ путь. За Погинденой опять пошли болота съ вязкимъ грунтомъ, поросшимъ стелющимся кедровникомъ; мѣстами болота смѣнялись скалистыми холмами и ручьями, которые приходилось переходить вбродъ по колѣна въ водѣ; путешествіе было настоящей пыткой. Скоро голодъ далъ себя чувствовать. Попробовали было воспользоваться запасомъ

полевыхъ мышей, собирающихъ коренья, которые не разъ спасали туземцевъ отъ голодной смерти; но ни кореньевъ, ни мышей не было. По справкамъ оказалось, что мыши никогда не довѣряютъ запасовъ своихъ болотистому грунту. Оставалось еще средство, употребляемое туземцами, къ которому и прибѣгли: срубили молодую лиственницу, очистили верхніе слои коры, а мягкіе нижніе осторожно отдѣлили отъ дерева, разрубили на части, измельчили и положили вариться въ котелъ съ водою. Когда кушанье закипѣло, надо было нѣсколько разъ снимать съ него сѣру. Послѣ долгой варки получился родъ жидкой каши, которую съ приправою соли можно было ѣсть, несмотря на вяжущій вкусъ и смолистый запахъ.

Такая пища, конечно, не могла придать много силы. Между тѣмъ, пути оставалось не мало и дорога была неизвѣстна. Можно представить себѣ общую радость, когда съ одной изъ высотъ открылось юкагирское селеніе. Проводникъ даже запѣлъ отъ радости, узнавъ знакомыя мѣста. Онъ предложилъ сбѣгать въ селеніе поискать съѣстныхъ припасовъ, но вернулся съ пустыми руками. Всѣ чуланы были пусты, а жители переселились въ лѣтовья.

Изнемогая отъ голода, Врангель послалъ къ Обромской горѣ, гдѣ юкагиры сторожатъ осенній ходъ оленей и велѣлъ попросить у юкагирскаго князька провизіи. Князекъ прислалъ кусокъ оленины, два оленьихъ языка и одну рыбу; больше у него ничего не было.

Наконецъ 20-го августа путешественники блѣдные, изнуренные добрались до Н.-Колымска, послѣ 72-хъдневнаго отсутствія. Сентября 18-го рѣка покрылась льдомъ, а 24-го вернулся Матюшкинъ. Онъ совершилъ трудное путешествіе до самыхъ чукотскихъ кочевьевъ и не мало перенесъ всевозможныхъ трудовъ и лишеній.

ГЛАВА IX.

Четвертое путешествіе по льду. Неожиданная встрѣча съ чукчами.

Зима 1822 и 1823 г. была, по понятіямъ колымчанъ, гораздо умѣреннѣе обыкновеннаго, такъ какъ термометръ только однажды опустился до 37°, и сѣверныя сіянія показывались рѣдко и слабо. Тѣмъ не менѣе, для путешествія по Ледовитому морю было еще слишкомъ холодно и слѣдовало подождать болѣе умѣренной температуры.

Зная по опыту, что въ Колымскомъ округѣ невозможно достать нужное число собакъ, Врангель съѣздилъ въ селенія по берегамъ Индигирки, Хромы и Яны и уговорился съ жителями относительно поставки собакъ и провіанта для нихъ на два мѣсяца.

Мало по малу собралось столько упряжекъ, сколько требовалось, и Врангелю возможно было осуществить прошлогодній планъ, т. е., раздѣливъ экспедицію на двѣ части, одну подъ начальствомъ Матюшкина послать для описанія чукотскаго берега до Сѣвернаго мыса, а съ другой ѣхать самому на сѣверъ, чтобы еще разъ попытаться отыскать тамъ предполагаемую землю. Докторъ Киберъ поѣхалъ съ Матюшкинымъ, Козьминъ съ Врангелемъ.

Большіе запасы провіанта отправлены были заблаговременно въ разные пункты: упряжки распредѣлили такъ, чтобы на каждомъ пунктѣ путешественниковъ ожидали свѣжія отдохнувшія животныя. Разгруженныя нарты по прежнему предполагалось отправлять обратно.

Обезпечивъ себя такимъ образомъ, оба отряда 14 Февраля двинулись въ путь и прибывъ въ началѣ Марта въ

станъ у Баранихи, занялись распредѣленіемъ и упаковкою раньше присланной провизіи.

Нѣсколько дней задерживала экспедицію буря, но наконецъ погода прояснилась, и 5-го Марта путешественники выѣхали изъ стана, а 8-го достигли берегомъ Шелагскаго мыса. Здѣсь случай сблизилъ ихъ съ народомъ, познакомиться съ которымъ они давно желали.

Врангель и Козьминъ, опередивъ караванъ, направились въ море и неожиданно наткнулись на чукча, выѣзжавшаго изъ-за торосовъ на легкихъ саночкахъ, запряженныхъ двумя оленями. Чукча остановился на нѣкоторомъ разстояніи и закричалъ что-то. Врангель и Козьминъ стали дѣлать ему привѣтственные знаки, стараясь удержать его, пока не подъѣдетъ оставшійся позади переводчикъ. Чукча видимо ободрился и, выйдя изъ саней, подошелъ къ путешественникамъ и попросилъ табаку. Закуривъ трубку, онъ проговорилъ „камакай“, т. е. старшина и, вскочивъ въ сани, скрылся за торосами. Вечеромъ, когда все общество собралось и расположилось лагеремъ, явились трое чукчей. Двое ѣхали на саняхъ, а третій бѣжалъ возлѣ, погоняя оленей. Приближаясь къ лагерю, чукчи дѣлали обѣими руками какія то движенія, вѣроятно желая показать, что они прибыли съ дружелюбными намѣреніями. Не доѣзжая до лагеря, изъ саней вышелъ малорослый чукча лѣтъ 60-ти, одѣтый въ мохнатую кухлянку, и, приблизившись къ путешественникамъ, заявилъ, что онъ камакай чукотскаго племени, обитающаго по берегу Чаунскаго залива. Его смѣлыя и быстрыя движенія обнаруживали сильное тѣлосложеніе, а маленькіе блестящіе глаза — мужество и самоувѣренность. Послѣ обычнаго привѣтствія „тарома“ (искаженное „здорово“), онъ велѣлъ вынуть изъ саней жирный бокъ тюленя, кусокъ свѣжаго медвѣжьяго мяса и подарилъ ихъ начальнику экспедиціи. Врангель провелъ его въ свой уросъ, угощалъ табакомъ, рыбою. Чукча велъ себя такъ

непринужденно и спокойно, какъ будто бы онъ былъ старый знакомый; разговоръ велся черезъ переводчика. Чукчу очень интересовалъ вопросъ, зачѣмъ это русскіе пріѣхали въ такую даль и въ такое холодное время года. Слушая объясненія Врангеля, онъ пристально смотрѣлъ на него, словно желая угадать его заднія мысли. Но потомъ лицо его прояснилось и онъ съ полнымъ чистосердечіемъ отвѣчалъ на всѣ вопросы и много говорилъ

Чукотская чета.

самъ. Онъ разсказывалъ, что на Шелагскомъ мысу видѣлъ крестъ, поставленный Врангелемъ въ 1820 г., и что этому кресту его сородичи принесли въ жертву большого оленя за то, что онъ покровительствовалъ ихъ промысламъ, которые въ этотъ годъ были особенно удачны. За то другой крестъ, поставленный еще раньше священникомъ Слѣпцовымъ, чукчи сломали и сожгли, потому что со времени его постановки ближайшая рѣка стала малорыбною. Еще сообщилъ камакай, что чукчи на Шелагскомъ мысу не имѣютъ постояннаго мѣстожительства, а соби-

раются туда въ Мартѣ для охоты на бѣлыхъ медвѣдей, которыхъ преслѣдуютъ, вооруженные однимъ копьями и убиваютъ среди самыхъ неприступныхъ торосовъ.

Старшина выдавалъ себя за потомка древнихъ шелаговъ, много лѣтъ тому назадъ двинувшихся на западъ по морскому берегу и назадъ не возвратившихся. Часа черезъ два гость уѣхалъ, очень довольный пріемомъ и подарками.

На слѣдующій день камакай явился съ женами, дѣтьми и племянникомъ, молодымъ человѣкомъ. Гостямъ предложили чаю, но они, отвѣдавъ его, поморщились, вылили на землю и вырѣзавъ каждый по куску твердаго снѣга, принялись жевать его. Къ этому лакомству прибѣгали они и потомъ, обыкновенно, послѣ ѣды. Надо думать, что снѣгъ замѣнялъ имъ питье. Сахаръ чукчамъ очень понравился, и племянникъ камакая разсказывалъ, что онъ ѣлъ много сахару въ Островномъ, когда его крестили; но самый обрядъ крещенія произвелъ на него такъ мало впечатлѣнія, что онъ его совсѣмъ забылъ. Забылъ онъ даже данное ему имя, но жена помнила, что при крещеніи мужа нарекли Николаемъ, а ее Агафьею. Проводники принялись экзаменовать Агафью, умѣетъ ли она креститься; а въ это время ея 10-лѣтній сынишка, разсчитывая, что его никто не видитъ, очень ловко спряталъ подъ кухлянку пару ножей, бисеру и нѣсколько мелочей. Не желая нарушать добрыхъ отношеній съ чукчами, Врангель сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ воровства.

Камакай, увѣрившись, что русскіе не имѣютъ предательскихъ намѣреній, подробно описывалъ границы земли своей и даже нарисовалъ углемъ на доскѣ положеніе Шелагскаго мыса. Въ Чаунскомъ заливѣ начертилъ онъ островъ Араутанъ совершенно правильно по формѣ и по положенію, а къ востоку другой островокъ, который впослѣдствіи Врангель и нашелъ. На вопросъ, не существуетъ ли земли къ сѣверу отъ Чукотскаго берега, онъ

отвѣчалъ, что въ ясные лѣтніе дни съ прибрежныхъ скалъ Сѣвернаго мыса (по мѣстному Иркайпій) бываютъ видны на сѣверѣ снѣгомъ покрытыя горы, но зимою ихъ не видно. Въ прежніе годы приходили съ моря, вѣроятно оттуда, большія стада оленей, но теперь они не показываются. Отъ отца своего камакай слыхалъ, что въ давнія времена одинъ чукотскій старшина съ своими домочадцами поѣхалъ въ кожаной байдарѣ въ эту землю, но вернулся ли — неизвѣстно. Еще разсказывалъ онъ — что въ Чаунской губѣ выбросило на берегъ мертваго кита, раненаго дротикомъ съ каменнымъ остріемъ. Такого оружія чукчи не употребляютъ, и камакай полагалъ, что кита ранили жители той земли. Врангелю же хорошо было извѣстно, что такіе дротики употребляются алеутами, и китъ, вѣроятно, раненый ими, проплылъ черезъ Беринговъ проливъ.

Врангель сдѣлалъ старшинѣ нѣсколько подарковъ и сказалъ ему, что если его показанія окажутся вѣрными, то само правительство наградитъ его. Камакай благодарилъ и просилъ походатайствовать, чтобъ Бѣлый Царь прислалъ ему желѣзный котелъ и мѣшокъ табаку. Этого только и недоставало для его полнаго счастія. Врангель долженъ былъ обѣщать, что употребитъ всѣ усилія, чтобъ удовлетворить его, и камакай съ домочадцами уѣхалъ, весьма довольный знакомствомъ и пріемомъ.

Проѣхавъ берегомъ еще 4 дня и сдѣлавъ съемку, экспедиція направилась въ Ледовитое море, прямо на сѣверъ. Путь былъ загроможденъ торосами, и приходилось пешнями прорубать путь; поэтому караванъ двигался черепашьимъ шагомъ. Убѣдившись, что торосы становятся все выше и плотнѣе, Врангель рѣшился разгрузить нѣсколько нартъ и, зарывъ провіантъ во льду, поѣхать съ Козьминымъ и 5 проводниками на 4-хъ нартахъ дальше на сѣверъ, взявъ провизіи и топлива только на 5 дней.

Ночью, на 18-е число поднялся сильный вѣтеръ.

Постепенно крѣпчая, онъ превратился въ штормъ и разломалъ ледъ около того мѣста, гдѣ расположенъ былъ лагерь. Неожиданно путешественники очутились на большой льдинѣ саженъ въ 50 въ поперечникѣ. Отъ силы вѣтра ледъ съ шумомъ трескался, щели расширялись и нѣкоторыя доходили до 15 саженъ ширины. Льдины носило по морю и путешественники ежеминутно ожидали смерти. Наконецъ къ утру, ихъ льдину прибило къ твердому льду, и они были спасены.

Вдали на сѣверъ поднимались испаренія, доказывавшія, что море свободно отъ льда, и всетаки Врангель рѣшился идти впередъ до послѣдней возможности. Очень медленно, втеченіе цѣлаго дня подвигались путешественники, обходя огромныя трещины, еще не сомкнувшіяся, и переправлялись черезъ другія, покрытыя уже тонкою ледяною корою. Одна изъ такихъ трещинъ простиралась до края видимаго горизонта и окончательно преграждала путь. Оставалось или повернуть назадъ, или лѣзть на проломъ. Энергичный морякъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые останавливаются передъ препятствіями. Онъ рѣшился идти на проломъ и, при быстромъ бѣгѣ собакъ, его предпріятіе удалось какъ нельзя лучше. Подъ передними собаками ледъ гнулся и проламывался, но животныя, возбуждаемыя проводникомъ и чуя опасность, бѣжали такъ скоро, что сани не успѣвали погружаться въ воду и быстро скользя по трескавшемуся льду, счастливо достигли противоположнаго края. Остальныя нарты ѣхали въ разныхъ мѣстахъ и также благополучно проѣхали. Давъ отдохнуть собакамъ, караванъ двинулся далѣе и, пользуясь свѣтомъ сѣвернаго сіянія, ѣхалъ всю ночь.

Чѣмъ дальше, тѣмъ опаснѣе становилось путешествіе. Безпрестанно встрѣчались полыньи, слегка затянутыя льдомъ и покрытыя снѣгомъ, такъ что невозможно было ихъ отличить отъ твердаго льда. Не разъ собаки про-

валивались въ воду и только съ трудомъ, осаживая ихъ, удавалось удержаться отъ паденія въ бездну. Наткнувшись на группу торосовъ, путешественники остановились здѣсь на ночлегъ. Эта группа, окруженная полыньями, походила на скалистый островъ, который могло ежеминутно оторвать и унести въ море. Къ счастью, ночью вѣтеръ утихъ и путешественники, устроивъ изъ льдинъ мостъ, могли оставить свой островъ и перебраться на твердый ледъ.

Чѣмъ болѣе являлось препятствій, тѣмъ сильнѣе отважныхъ изслѣдователей тянуло впередъ. Кормъ для собакъ подходилъ къ концу, и Врангель отправилъ двѣ нарты обратно, а на двухъ остальныхъ продолжалъ путь.

23-го марта было для путешественниковъ роковымъ днемъ, разбившимъ всѣ ихъ надежды. Предоставимъ слово самому Врангелю:

„Девять верстъ проѣхали мы благополучно, какъ вдругъ передъ нами открылась новая щель саженъ въ полтораста ширины; это уже былъ цѣлый каналъ. Усилившійся вѣтеръ расширялъ этотъ каналъ болѣе и болѣе. Мы влѣзли на самый высокій торосъ въ надеждѣ найти средство проникнуть далѣе, но, достигнувъ вершины, увидали только необозримое, открытое море. Величественно ужасный и грустный для насъ видъ! На пѣнящихся волнахъ носились громадныя льдины и гонимыя вѣтромъ набѣгали на рыхлую ледяную поверхность лежащую по ту сторону канала. Можно было предвидѣть, что сила волненія и ударъ ледяныхъ глыбъ скоро сокрушатъ эту преграду и море разольется до того мѣста, гдѣ мы стояли. Можетъ быть намъ удалось бы по плавающимъ льдинамъ переправиться на другую сторону канала, но то была бы только безполезная смѣлость, потому что тамъ не нашли бы мы уже твердаго льда. Даже на нашей сторонѣ отъ вѣтра и силы теченія въ каналѣ, ледъ

началъ трескаться и вода, съ шумомъ врываясь въ щели, разрывала льдины и раздробляла ледяную равнину.

Съ болью въ сердцѣ убѣдился я, что преодолѣть поставленныя природою препятствія невозможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла надежда на открытіе земли, въ существованіи которой мы не могли болѣе сомнѣваться. Приходилось отказаться отъ цѣли, къ которой мы стремились въ теченіе трехъ лѣтъ, презирая всѣ лишенія, труды и опасности. Мы сдѣлали все, чего требовали отъ насъ долгъ и честь. Бороться съ силою стихій было бы безразсудно и еще болѣе безполезно, и я рѣшился вернуться".

ГЛАВА X.

На волоскъ отъ смерти. Островъ Колючинъ. Окончаніе экспедиціи.

Повернувъ назадъ, путешественники поѣхали по прежней дорогѣ, безпрестанно встрѣчая щели и полыньи; черезъ широкія трещины переправлялись на льдинахъ. Если льдины были малы и упряжки не могли помѣститься на нихъ, собакъ сталкивали въ воду и онѣ переплывали на другую сторону, буксируя льдину съ нартою. Сильное теченіе дѣлало подобную переправу нерѣдко весьма опасною. Послѣ многихъ трудныхъ и опасныхъ переходовъ, путешественники достигли наконецъ склада съ провіантомъ, куда за день передъ тѣмъ прибыли посланныя раньше двѣ нарты. Всѣ припасы оказались въ цѣлости, но для доставки ихъ на берегъ четырехъ нартъ было мало, и потому сколотили кое-какъ изъ дровъ пятую нарту, и все-таки не могли увезти всей провизіи. Приходилось бросить остальное на произволъ судьбы.

Несмотря на утомленіе собакъ, нужно было спѣшить, такъ какъ ледъ становился все болѣе и болѣе опаснымъ. На бѣду одинъ нартовщикъ почувствовалъ сильную спинную боль и изъ за него пришлось промедлить сутки. Но такъ какъ на слѣдующій день ему было не лучше, а положеніе стало еще опаснѣе, то Козьминъ уступилъ ему свое мѣсто въ нартѣ, а самъ вызвался управлять ею.

Отъѣхавъ версты три, путешественники увидали, что ихъ прежняя дорога исчезла. Огромные торосы и вновь образовавшіяся щели преграждали путь. Для облегченія нартъ, пришлось бросить часть груза, но это принесло мало пользы.

„Были минуты, разсказываетъ Врангель, когда мы теряли всякую надежду на возвращеніе. Полыньи простирались во всѣхъ направленіяхъ. Къ западу видѣлось открытое море съ носившимися по немъ льдинами; густые пары затемняли небосклонъ. Къ югу лежала неподвижная ледяная поверхность, составленная изъ большихъ льдинъ, прижатыхъ одна къ другой, но туда не было возможности проѣхать. Отрѣзанные отъ всякаго сообщенія съ твердымъ льдомъ, со страхомъ ожидали мы наступленія ночи. Только ночному морозу обязаны мы спасеніемъ. Слабый с.-з. вѣтеръ понесъ льдину, на которой мы находились, къ востоку и приблизилъ ее къ твердому льду. Шестами притянули мы небольшія льдины, плававшія вокругъ насъ, и составили изъ нихъ родъ моста до твердаго льда. Морозъ скрѣпилъ эти льдины до такой степени, что онѣ могли насъ сдерживать. Работа была кончена до восхода солнца. Мы поспѣшили покинуть нашу льдину и переправиться на твердый ледъ. Проѣхавъ съ версту, мы снова увидали себя окруженными полыньями. Находясь на льдинѣ довольно обширныхъ размѣровъ и видя всѣ признаки приближающейся бури, мы рѣшили остаться на мѣстѣ и предаться волѣ Провидѣнія.

Внезапно поднялся рѣзкій западный вѣтеръ и нагналъ черныя тучи. Море сильно взволновалось. Огромныя ледяныя горы сталкивались съ шумомъ и грохотомъ и исчезали въ пучинѣ. Картина производила потрясающее впечатлѣніе.

Въ мучительномъ бездѣйствіи смотрѣли мы на борьбу стихій, ежеминутно ожидая гибели. Три часа провели мы въ такомъ положеніи. Льдина наша носилась по волнамъ, но все еще была цѣла. Внезапно огромный валъ подхватилъ ее и съ невѣроятною силою бросилъ на твердую ледяную массу. Ударъ былъ ужасенъ. Оглушительный трескъ раздался подъ нами и мы чувствовали какъ раздробленный ледъ начало разносить по волнамъ. Минута гибели наступала; но въ это роковое мгновеніе спасло насъ врожденное человѣку чувство самосохраненія. Невольно бросились мы въ сани, погнали собакъ, сами не зная куда, быстро полетѣли по раздробленному льду и счастливо достигли неподвижнаго ледянаго острова, обставленнаго торосами. Мы были спасены и горячо возблагодарили Провидѣніе.

Ревъ вѣтра и ярость волнъ не позволяли намъ мѣшкать. Отдохнувъ нѣсколько, направили мы путь къ берегу. Къ вечеру достигли нашего перваго склада провіанта, нагрузили нарты и до наступленія ночи добрались до берега. Подъ навѣсомъ небольшой скалы, защищавшей насъ отъ вѣтра, мы могли развести огонь, обсушиться и подкрѣпиться горячею пищею".

За ночь буря утихла и путешественники имѣли возможность въ теченіе дня перевезти провіантъ изъ перваго склада на берегъ. Пользуясь хорошимъ морозомъ, Врангель надѣялся спасти и другой складъ; но Козьминъ, посланный туда, вернулся послѣ шестичасоваго отсутствія и сообщилъ, что взломанный ледъ преградилъ ему путь. Потеря запасовъ могла привести къ печальнымъ послѣдствіямъ, но дѣлать было нечего; приходилось примириться

съ обстоятельствами. 1-го апрѣля двинулись путешественники берегомъ на востокъ, въ надеждѣ встрѣтить Матюшкина и отъ него позаимствоваться провіантомъ. На высокихъ мѣстахъ ставили шесты съ записками о своемъ бѣдственномъ положеніи, разсчитывая, что товарищи наткнутся на эти знаки и выручатъ.

Долгое отсутствіе Матюшкина начинало тревожить Врангеля. Запасы истощались, корма собакамъ оставалось всего на три дня; до ближайшаго же склада при устьѣ Б.-Баранихи было не менѣе 360 верстъ. Ѣхать далѣе, значило уморить собакъ съ голоду и продолжать путь пѣшкомъ; приходилось вернуться; ничего болѣе не оставалось дѣлать.

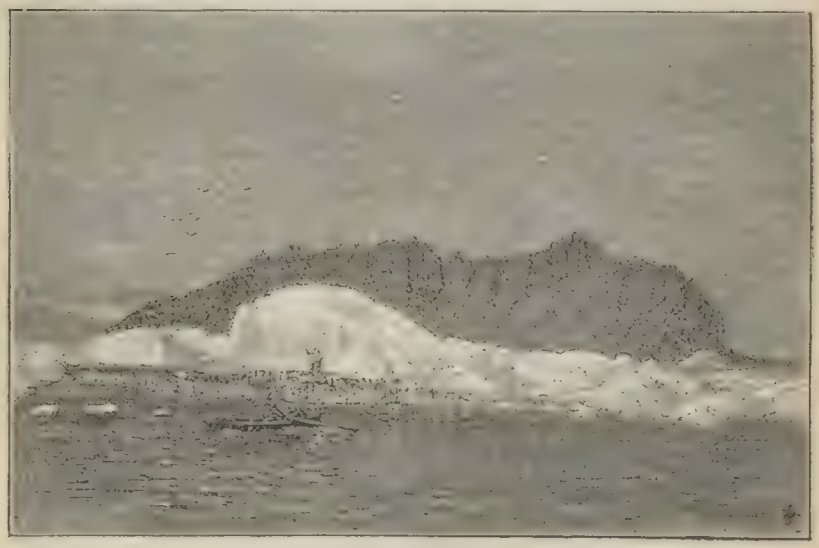
Въ унылomъ расположеніи духа ѣхали путешественники обратнымъ путемъ, какъ вдругъ неожиданно повстрѣчали Матюшкина. Радостно привѣтствовали они товарища, выручившаго ихъ изъ крайне непріятнаго положенія.

Матюшкинъ вполнѣ удачно совершилъ порученное ему дѣло относительно съемки берега. Онъ нѣсколько разъ встрѣчался съ чукчами и видѣлъ отъ нихъ много дружелюбія. Одинъ чукотскій камакай увѣрялъ его, что на сѣверѣ дѣйствительно существуетъ земля, населенная дикими племенами, единственною пищею которымъ служитъ снѣгъ.

Докторъ Киберъ, сопутствовавшій Матюшкину, также слышалъ отъ чукчей объ этой землѣ. Они утверждали, что сами видали ее въ ясные лѣтніе дни съ мѣста, называемаго Якань. По описанію, Якань долженъ былъ находиться далѣе на востокъ, и Врангель, позаимствовавшись провіантомъ у Матюшкина, рѣшилъ непремѣнно отправиться туда.

На ночлегѣ занялись раздѣленіемъ припасовъ; часть ихъ зарыли въ ледъ и 6 порожнихъ нартъ отправили обратно въ Н.-Колымскъ. На семи нартахъ поѣхали далѣе.

Апрѣля 8-го прибыли къ небольшому мысу, который по всѣмъ признакамъ и былъ Якавъ. Напрасно всматривались въ горизонтъ; никакой земли не было видно. Зато нашлось здѣсь много наноснаго лѣса сосноваго, еловаго и лиственничнаго. Давно уже путешественники терпѣли недостатокъ въ топливѣ и разводили огонь только разъ въ день; а потому, такая находка всѣхъ обрадовала. Особенно важна была она для Матюшкина, который, въ



Иркайпій.

свою очередь, хотѣлъ предпринять путешествіе на сѣверъ для отысканія предполагаемой земли.

9-го Апрѣля экспедиція раздѣлилась: Матюшкинъ поѣхалъ на сѣверъ по льду, Врангель, Козьминъ и Киберъ на востокъ по берегу. На слѣдующій день второй отрядъ достигъ сѣвернаго мыса (Иркайпія), открытаго Кукомъ въ 1777 году.

Обогнувъ мысъ, путешественники увидали чукотское селеніе и, чтобъ не испугать жителей, остановились на

Туземцы на островѣ Колючинѣ вытаскиваютъ моржа.

нѣкоторомъ разстояніи. Несмотря на это, женщины пришли въ смятеніе и забѣгали отъ одной хижины къ другой. Наконецъ собралась толпа и казалось о чемъ то разсуждала; потомъ двое отдѣлились и пошли навстрѣчу пріѣзжимъ. Врангель выслалъ къ нимъ толмача, поручивъ ему увѣрить чукчей въ дружелюбіи русскихъ.

Посланные съ обѣихъ сторонъ встрѣтились молча и, торжественно поклонившись другъ другу, сѣли на ледъ. Толмачъ набилъ себѣ и чукчамъ трубки и не ранѣе, какъ всѣ трое выкурили, толмачъ началъ длинную рѣчь, объясняя цѣль пріѣзда русскихъ. Повидимому его рѣчь произвела хорошее впечатлѣніе, потому что чукчи встали и вмѣстѣ съ толмачемъ приблизились къ путешественникамъ. Одинъ изъ чукчей, — старшина по имени Этель, былъ родственникомъ того камакая, съ которымъ Врангель познакомился на Шелагскомъ мысу. Это обстоятельство тотчасъ же установило между обѣими сторонами дружескія отношенія.

Получивъ въ подарокъ табаку и другія мелочи, Этель остался очень доволенъ и пригласилъ путешественниковъ посѣтить его хижину, что они и сдѣлали на слѣдующій день.

Вся хижина была увѣшана копьями, луками, стрѣлами и другими орудіями охоты и рыбной ловли. Тутъ же лежали сваленныя въ груду звѣриныя шкуры, китовые усы, моржевые ремни и т. п. „Выбирай, что тебѣ любо, сказалъ Этель Врангелю; а мнѣ дай ружье и пороху. Я видѣлъ ружье у нагорныхъ чукчей и могу стрѣлять не хуже ихъ“.

Онъ такъ приставалъ съ этой просьбой, что поневолѣ пришлось согласиться. За ружье Врангель выговорилъ 13 тюленьихъ тушъ на кормъ собакамъ, обязалъ Этеля вывезти на дрова наносный лѣсъ, лежавшій верстахъ въ 20 отъ селенія и проводить экспедицію до острова Колючина.

Этель, ожидавшій, повидимому, бо́льшихъ требованій, съ радостью согласился на всѣ условія. Дрова были перевезены въ тотъ же день, а на слѣдующій — экспедиція могла уже отправиться въ путь. Чтобъ не затруднять себя лишней тяжестью, Врангель оставилъ часть груза въ хижинѣ Этеля.

Рано утромъ явился Этель въ полномъ дорожномъ костюмѣ. За спиной у него висѣла котомка съ табакомъ и разными мелочами, которыя онъ надѣялся выгодно вымѣнять на Колючинѣ. Шапка его была унизана бисеромъ, сережками и бляшками, а на верху ея красовалась воронья голова. Это украшеніе, по объясненію Этеля, должно было доставить путникамъ счастливый путь и ласковый пріемъ. Всѣ жители селенія провожали своего старшину, упрашивая его поскорѣе возвратиться. Они видимо опасались за его судьбу.

Послѣ 11-ти-часовой ѣзды, путешественники пріѣхали къ двумъ уединеннымъ чукотскимъ хижинамъ, гдѣ должны были переночевать. Лай собакъ разбудилъ и перепугалъ спящихъ жителей. Они повскакали съ мѣстъ, схватили шаманскій бубенъ и подняли страшный шумъ; но Этель скоро ихъ успокоилъ и уговорилъ принять русскихъ.

На слѣдующій день, 14-го Апрѣля, путешественники продолжали путь по пустынному берегу и достигли устья рѣки Омгуема, шириною въ $2^1/_2$ версты. Этель разсказывалъ, что прежде во множествѣ приходили сюда олени, и чукчи съ Колючина на нихъ охотились, но съ нѣкотораго времени приходъ ихъ прекратился.

Къ вечеру пріѣхали въ другое селеніе, гдѣ тоже всѣ спали. Прежде чѣмъ идти будить обывателей, Этель отыскалъ мѣсто, гдѣ погребенъ былъ одинъ изъ его предковъ, проговорилъ надъ могилой съ торжественностью подобающія молитвы, пожертвовалъ усопшему нѣсколько листьевъ табаку и потомъ уже вошелъ въ одну изъ хи-

жить. Вѣроятно, онъ рекомендовалъ путешественниковъ съ выгодной стороны, такъ какъ старшина вышелъ къ нимъ на встрѣчу и подарилъ имъ нѣсколько тюленей, за что былъ щедро отдаренъ. Переночевавъ здѣсь, путешественники рано утромъ отправились далѣе.

Немного не доѣзжая острова Колючина, экспедиція расположилась лагеремъ на льду. Жители ближайшаго селенія, увидавъ чужеземцевъ, пришли въ сильное волненіе. Женщины и дѣти скрылись за ближайшей горой, а мужчины, вооружившись копьями, луками и стрѣлами, выстроились въ рядъ передъ хижинами, ожидая нападенія. Тогда Этель съ своей вороньей головой на шапкѣ пошелъ прямо къ чукчамъ одинъ, безъ всякаго оружія, и скоро ихъ успокоилъ. Они положили оружіе и спокойно подошли къ путешественникамъ. Съ радостью приняли чукчи предложеніе обмѣнять на табакъ и бисеръ китовое мясо для собакъ. Въ этомъ году китовая и моржевая охота были особенно удачны: туземцы убили до 50 китовъ.

Извѣстіе о прибытіи путешественниковъ быстро облетѣло островъ и въ короткое время собралась вокругъ стана толпа человѣкъ до 70. Сани богатыхъ чукчей запряжены были 4—5 оленями въ рядъ; а подлѣ саней бѣжалъ погоньщикъ, чукча изъ бѣдняковъ. Чукчи привезли свои товары для обмѣна, но прежде чѣмъ начать торгъ, каждый счелъ долгомъ выпросить себѣ щепотку табаку.

Между пріѣхавшими чукчами находился одинъ старшина племени, живущаго у Берингова пролива. Этотъ субъектъ отличался весьма страннымъ нарядомъ. Поверхъ мохнатой кухлянки висѣло у него на шеѣ два образа, 4 креста, и между парою дощечекъ два свидѣтельства: одно — о принятіи имъ съ тремя сыновьями св. крещенія; другое — о пожалованіи ему Государемъ Императоромъ камлеи изъ краснаго сукна за присылку чернобурой ли-

синцы. Изъ ревности къ вѣрѣ онъ безпрестанно крестился кстати и не кстати; еще онъ хвастался умѣньемъ ѣсть сахаръ и пить чай, въ чемъ другіе земляки его оказывали полнѣйшее невѣжество.

И здѣсь Врангелю довелось слышать разсказы о таинственной землѣ. Когда-то, очень давно, 6 чукчей и одна женщина отплыли далеко отъ берега. Долго носились они

Упряжка богатаго чукча.

по волнамъ, наконецъ были выброшены на неизвѣстную землю. Мужчины погибли, умерщвленные туземцами, а женщина долго жила на той землѣ, потомъ перебралась въ Америку и оттуда уже попала на родину. По ея словамъ, земля эта обширна и раздѣлена между многими племенами. Западныя племена весьма схожи съ чукчами; а восточныя такъ свирѣпы и дики, что даже на людей не походятъ.

„Если и существуетъ дѣйствительно эта земля“, заключаетъ Врангель, „то открытіе ея зависитъ единственно

отъ случая и благопріятно сложившихся обстоятельствъ" *).

Чукотская публика своимъ попрошайничествомъ и хвастовствомъ скоро надоѣла путешественникамъ, и они поспѣшили отдѣлаться отъ нихъ. Вообще же, обоюднымъ знакомствомъ обѣ стороны остались очень довольны.

Чрезвычайное утомленіе собакъ и недостатокъ средствъ на пріобрѣтеніе для нихъ корма побудили Врангеля отказаться отъ съемки остальной части берега до Берингова пролива, тѣмъ болѣе, что эта часть была уже описана экспедиціей Биллингса. Теплое время приближалось, а до Н.-Колымска считалось не менѣе 1,060 верстъ. Медлить было нельзя, и путешественники, отдохнувъ два дня у Колючина, пустились въ обратный путь, провожаемые цѣлою толпою туземцевъ, надѣявшихся на прощанье выпросить еще что-нибудь.

20-го Апрѣля экспедиція достигла Иркайпія и Этель былъ встрѣченъ своими соплеменниками съ неподдѣльною радостью. Оставленная провизія оказалась въ полной сохранности. Отдохнувъ здѣсь два дня, путешественники поѣхали на западъ и на слѣдующій день достигли того мѣста, гдѣ разстались съ Матюшкинымъ. Тутъ водруженъ былъ крестъ, и къ нему прибита записка, въ которой Матюшкинъ извѣщалъ, что онъ могъ проѣхать по морю только 16 верстъ и, встрѣтивъ плавучіе льды, принужденъ былъ вернуться.

Въ данную минуту Матюшкинъ былъ уже, вѣроятно, въ Н.-Колымскѣ, а отряду Врангеля предстоялъ еще дальній путь и путь тяжелый. Собаки поранили себѣ

---

*) Эта земля, въ существованіи которой Врангель сомнѣвался, открыта была впослѣдствіе англичаниномъ Келлетомъ и получила названіе въ честь Врангеля, потратившаго столько трудовъ на поиски ея.

Въ одномъ изъ нѣмецкихъ географическихъ журналовъ описывалось, что нѣкто капитанъ Дальманъ въ 1866 г. не только видѣлъ землю Врангеля, но и выходилъ на берегъ.

ноги и бѣжали, оставляя за собою кровавый слѣдъ. Кромѣ того, отъ недостатка корма онѣ такъ изнурились, что нѣкоторыхъ изъ нихъ пришлось положить на нарты.

Наконецъ, 10-го Мая путешественники добрались до Н.-Колымска, который показался имъ обѣтованною землею. Всего сдѣлали они взадъ и впередъ 2,300 верстъ, пробывъ въ отсутствіи 78 дней.

Экспедиція могла считаться оконченной; по данной инструкціи сдѣлано было все, исключая открытія предполагаемой земли, и теперь, согласно предписанія, экспедиція должна была возвратиться въ Петербургъ. Лѣто прошло въ исполненіи разныхъ формальностей и въ приготовленіи къ отъѣзду. 1-го Ноября экспедиція выѣхала изъ Н.-Колымска при 32-градусномъ морозѣ и послѣ нѣкоторыхъ, неизбѣжныхъ остановокъ на пути, прибыла въ Петербургъ 15-го Августа 1824 года.

ПУТЕШЕСТВІЕ ГРАФА ѲЕДОРА ПЕТРОВИЧА ЛИТКЕ.

Четырехкратное путешествіе графа Ѳедора Петровича Литке къ Новой Землѣ.

Біографическій очеркъ *).

Люди, знавшіе Ѳедора Петровича Литке въ лучшую пору его дѣятельности, поражались тѣми обширными и основательными познаніями, которыми онъ обладалъ въ различныхъ отраслях науки. Не всѣмъ, однакоже, было извѣстно, что этими умственными богатствами Литке обязанъ былъ самому себѣ, своей ненасытной любознательности и несокрушимой силѣ воли.

Ѳедоръ Петровичъ Литке родился 17-го Сентября 1797 г. въ С.-Петербургѣ. Матери онъ лишился при рожденіи, отца — въ 10-ти лѣтнемъ возрастѣ. Пока живъ былъ отецъ, Литке кое чему учился въ маленькомъ дешевомъ пансіонѣ. Но послѣ его смерти, отъ 10 — 15

*) Изъ рѣчи Струве, читанной на торжественномъ собраніи Академіи Наукъ въ 1882 г.

лѣтъ, въ эту воспріимчивую пору жизни, требующую самаго неусыпнаго попеченія, юнота, вслѣдствіе печальныхъ семейныхъ обстоятельствъ, оставался безъ всякаго руководства, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Нужно удивляться, какъ предоставленный самому себѣ мальчикъ, безъ семьи, безъ друзей, не погибъ. Его спасла отъ нравственной гибели исключительная натура и рѣдкая любознательность. Читалъ онъ все, что ему попадало подъ руку, безъ системы и разбора; и хотя сначала, отъ неразборчиваго чтенія, въ его понятіяхъ, по его собственному сознанію, образовался хаосъ, но мозгъ всетаки получилъ пищу и впослѣдствіе съумѣлъ разобраться въ массѣ случайно пріобрѣтенныхъ свѣдѣній и извлечь изъ нихъ пользу.

Къ счастью, семейныя обстоятельства Ѳедора Петровича измѣнились къ лучшему; его сестра, жившая въ провинціи, вышла замужъ за моряка Сульменева и поселилась въ Кронштадтѣ. Часто посѣщая сестру, молодой Литке имѣлъ возможность познакомиться съ той стихіею, на которой будущность готовила ему неувядаемые лавры. Событія 1812 г. породили въ немъ восторженное желаніе посвятить себя морской службѣ. Отправившись въ Свеаборгъ, гдѣ зять его командовалъ отрядомъ канонирскихъ лодокъ, молодой Литке бралъ тамъ втеченіе нѣсколькихъ недѣль уроки, и къ Пасхѣ 1813 г., выдержавъ экзаменъ, опредѣленъ былъ гардемариномъ въ отрядъ своего зятя. Въ этомъ званіи ему въ тотъ же годъ представился случай отличиться при бомбардированіи занятой еще французами крѣпости Данцига. Съ тѣхъ поръ онъ уяснилъ себѣ настоящее свое призваніе и съ примѣрнымъ рвеніемъ принялся пополнять свое образованіе. Окончательную полировку получилъ онъ во время кругосвѣтнаго плаванія въ 1817 г. на военномъ шлюпѣ „Камчатка“ подъ командою Головнина. Строгая дисциплина, царствовавшая на суднѣ, сначала не нравилась

непривыкшему къ правильной жизни юношѣ, но скоро онъ созналъ ея необходимость и сдѣлался ревностнымъ ея сторонникомъ. Въ этомъ плаваніи принималъ участіе баронъ Ф. П. Врангель, будущій соревнователь Литке въ изслѣдованіи Арктическаго океана. Однородность стремленій сблизила молодыхъ людей и создала между ними дружбу, длившуюся до конца ихъ жизни.

Упомянутое кругосвѣтное плаваніе выработало изъ молодого Литке искуснаго и неустрашимаго мореплавателя, жаждущаго послужить наукѣ. Случай скоро представился. Въ 1821 г. Литке поручена была опись береговъ Новой Земли, о которой до того времени имѣлись очень поверхностныя свѣдѣнія.

Четыре раза втеченіе четырехъ лѣтъ плавалъ Литке отъ Архангельска къ Новой Землѣ, и его изслѣдованія, произведенныя съ глубокимъ знаніемъ и тщательностью, составляютъ одинъ изъ богатѣйшихъ источниковъ для ознакомленія съ этой частью Ледовитаго океана.

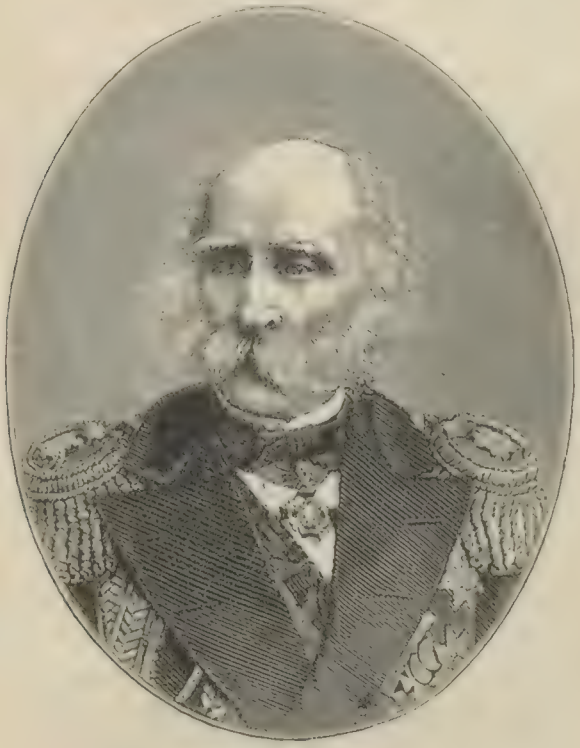
По окончаніи экспедиціи Литке приступилъ къ обработкѣ собранныхъ матеріаловъ, и въ началѣ 1826 г. появилось въ печати его сочиненіе: „Четырехкратное путешествіе въ Сѣверный Ледовитый Океанъ“.

Едва Литке успѣлъ окончить упомянутое сочиненіе, какъ былъ назначенъ командиромъ шлюпа „Сенявинъ“, на которомъ и отправился въ кругосвѣтное плаваніе, длившееся съ 1826 — 1829 г.

Богатый запасъ научнаго матеріала и всевозможныя коллекціи, вывезенныя Литке изъ путешествія, возбудили всеобщій энтузіазмъ въ ученомъ мірѣ, и въ 1829 г. академія почтила достойнаго мореплавателя званіемъ корреспондента. Тридцать лѣтъ спустя онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ.

Возраставшая слава Ѳедора Петровича, его распорядительность при исполненіи служебныхъ обязанностей и

неутомимая преданность дѣлу обратили на него вниманіе императора Николая Павловича. Познакомившись лично съ Литке и оцѣнивъ его дарованія и личныя качества, императоръ назначилъ его въ 1832 г. воспитателемъ великаго князя Константина Николаевича, предназначав-



Графъ Ѳедоръ Петровичъ Литке.

шагося на высокій постъ генералъ-адмирала русскаго флота.

Назначеніе это заставило Ѳедора Петровича крѣпко призадуматься. Не получивъ правильнаго воспитанія и своимъ образованіемъ и познаніями обязанный исключительно собственному труду, онъ долженъ былъ воспиты-

вать юношу, поставленнаго Провидѣніемъ на такую высоту, на которой непримѣнимы обыкновенныя правила педагогики. Но взявшись за дѣло, онъ предался ему всей душой; занялся чтеніемъ по тѣмъ отраслямъ знанія, въ которыхъ сознавалъ пробѣлы, и такимъ образомъ продолжалъ образовывать себя. Примѣръ самодѣятельности учителя былъ лучшимъ воспитательнымъ элементомъ для ученика.

Новая должность Ѳедора Петровича ввела его въ кругъ выдающихся представителей науки и сблизила со многими учеными столицы. Въ бесѣдахъ съ этими лицами и съ его другомъ барономъ Врангелемъ впервые зародилась у Литке мысль объ образованіи Географическаго Общества, задачею котораго было бы изученіе Россіи въ географическомъ, этнографическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. По возвращеніи Миддендорфа изъ извѣстнаго его путешествія по Сибири, мысль эта приняла опредѣленную форму и, благодаря стараніямъ Литке и могущественному содѣйствію его августѣйшаго воспитанника, въ 1845 г. учреждено наше Географическое Общество, которымъ всякій русскій въ правѣ гордиться.

Втеченіе 20-ти лѣтъ Литке состоялъ вице-президентомъ этого учрежденія, и смѣло можно сказать, что, благодаря его энергіи, предусмотрительности и разумному руководству, Общество стало на твердую почву и втеченіе своей 38-милѣтней дѣятельности много успѣло сдѣлать для пользы и славы Россіи.

Въ 1855 г. Ѳедоръ Петровичъ былъ призванъ въ государственный совѣтъ и возведенъ въ графское Россійской Имперіи достоинство.

Уже на склонѣ лѣтъ въ 1864 г. Литке занялъ кресло президента Академіи Наукъ и состоялъ въ этой должности 18 лѣтъ. Здѣсь какъ и вездѣ чувство долга руководило всѣми его дѣйствіями; онъ ревностно старался объ улуч-

шеніи научныхъ средствъ Академіи, съ восторгомъ привѣтствовалъ каждый шагъ къ расширенію человѣческихъ знаній и высоко, пока были силы, держалъ знамя серьезной науки.

Графъ Ѳ. П. Литке скончался въ С.-Петербургѣ 8-го августа 1882 г.

Первое путешествіе Литке къ Новой Землѣ.

Всѣ путешествія въ полярныя моря доказываютъ, что встрѣчаемыя мореплавателями препятствія отъ льдовъ бываютъ въ разные годы весьма различны. Различіе это происходитъ отъ того, что количество льдовъ въ какомъ нибудь мѣстѣ зависитъ не столько отъ географической его широты или средней температуры года, какъ отъ стеченія множества обстоятельствъ, чисто случайныхъ: отъ большей или меньшей степени стужи въ зимніе и весенніе мѣсяцы, отъ силы и направленія вѣтровъ, наконецъ, отъ количества и толщины льда, выносимаго въ море большими рѣками.

Приписывая неудачу предшествовавшихъ экспедицій вліянію этихъ обстоятельствъ, правительство не сложило оружія и продолжало поручать своимъ ученымъ морякамъ изслѣдованія въ той области, которая оставалась загадкой для ученаго міра. Въ 1820 г. былъ построенъ бригъ „Новая Земля“, и командиромъ его назначенъ Литке. Въ данной ему инструкціи говорилось слѣдующее:

„Цѣль порученія, вамъ дѣлаемаго, не есть подробное описаніе Новой Земли, но единственное обозрѣніе на первый разъ береговъ оной и познаніе величины сего острова по опредѣленію географическаго положенія главныхъ его мысовъ и длины пролива, Маточкинымъ шаромъ

именуемаго — буде тому не воспрепятствуютъ льды или другія какія важныя помѣшательства".

Получивъ отъ Адмиралтейскаго Департамента книги, карты и инструменты, Литке по послѣднему санному пути покинулъ Петербургъ и въ началѣ апрѣля прибылъ въ Архангельскъ.

Апрѣля 30-го вскрылась рѣка Двина, и Архангельскъ принялъ своеобразный видъ. Жители предмѣстья Соломбалы, лежащаго на низменномъ островѣ, перебрались, въ ожиданіи наводненія, на крыши, куда перетащили весь свой скарбъ. Домашній скотъ отведенъ былъ на сѣновалы.

Во время ледохода, продолжающагося дней пять, положеніе жителей бываетъ далеко не завидное. Не имѣя возможности предвидѣть, какой размѣръ приметъ разливъ рѣки, они находятся въ постоянномъ страхѣ. Когда же обнаружится, что наводненія опасаться нечего, происходитъ реакція. Обыватели дѣлаются особенно веселы и съ пѣснями разъѣзжаютъ по затопленнымъ улицамъ другъ къ другу въ гости.

Наводненія и ледоходы никогда не остаются безъ послѣдствій. Рѣка засоряетъ фарватеръ и подмываетъ берега. Въ Соломбальской гавани было прежде кладбище: теперь оно все подъ водою и нерѣдко приходится, плывя вдоль береговъ, видѣть торчащіе изъ воды концы гробовъ и надгробныхъ камней. Полагаютъ, что втеченіе 15-ти лѣтъ подмыло этого берега по крайней мѣрѣ на полверсты. И такихъ измѣненій въ Архангельскѣ и его окрестностяхъ очень много.

Рѣка Двина подъ самымъ городомъ раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, образуя обширную дельту, среди которой лежитъ до 150-ти острововъ различной величины. Въ сорока верстахъ ниже, воды Двины изливаются въ море четырьмя главными устьями: Березовымъ, Мурманскимъ, Пудожемскимъ и Никольскимъ.

Мая 11-го Двина вошла въ берега и Литке могъ отправиться въ адмиралтейство, къ своему судну. Хотя въ инструкціи ему данной и рекомендовалось не зимовать на Новой Землѣ, но всѣхъ обстоятельствъ предвидѣть было нельзя, и благоразуміе требовало обезпечить себя на всякій случай. Начальники прежнихъ экспедицій брали съ собою разборныя избы, но, по свидѣтельству ихъ, избы эти занимали много мѣста и стѣсняли движеніе на суднѣ. Поэтому Литке рѣшился послѣдовать примѣру англичанина Парри и заказать на все судно осмоленную парусинную крышу, чтобы можно было въ случаѣ надобности на суднѣ же и зимовать. При такихъ условіяхъ не пришлось бы перетаскивать на берегъ множества вещей и провизіи, да и самое судно было бы сохраннѣе.

Наконецъ, всѣ приготовленія были кончены, и 14-го іюля бригъ „Новая Земля“ вышелъ изъ Архангельска и направился къ устью Двины. При впаденіи этой рѣки въ море, періодическія теченія представляютъ замѣчательную особенность. Часа черезъ три по началіи прилива, вода останавливается и упадаетъ дюйма на 2; иногда и теченіе обращается внизъ. Такая перемежка прилива, называемая „манихою“, продолжается отъ 30 — 45 минутъ. Потомъ приливъ возобновляется и черезъ 2 или $2^1/_2$ часа, а отъ начала прилива ровно черезъ 6 часовъ, приходитъ настоящая полная вода. Отливъ же безостановочно продолжается 6 часовъ.

Обогнувъ мысъ, извѣстный подъ названіемъ „Зимнихъ Горъ“, моряки вступили въ полосу тумана, гдѣ встрѣтили странное явленіе. Однимъ курсомъ съ ними шелъ другой бригъ, изображенный рефракціею на нѣкоторой высотѣ въ обратномъ положеніи, то-есть парусами внизъ. По временамъ, между настоящимъ бригомъ и призрачнымъ, являлось еще изображеніе, и всѣ три судна дружно бѣжали одно надъ другимъ. Это явленіе продолжалось нѣсколько часовъ кряду.

Зная, что по пути къ сѣверу есть банки, точнымъ образомъ не нанесенныя на карту, Литке не покидалъ палубы, зорко слѣдя за курсомъ. Когда же банки были благополучно пройдены, онъ пошелъ отдохнуть. Едва успѣлъ онъ спуститься въ каюту, какъ ему пришли доложить, что бригъ сѣлъ на мель. Осмотрѣвъ его, нашли, что онъ носомъ приткнулся къ мели, а руль еще былъ въ водѣ. Пока дѣлали приспособленія, чтобъ снять его съ мели, вода стала упадать. Чтобы бригъ не опрокинулся, подъ него подвели подставы, но всѣ подставы одна за другой ломало въ щепы; наконецъ судно накренилось и каждую минуту можно было ожидать, что оно опрокинется. Вдругъ, судно съ трескомъ поднялось и встало прямо. Моряки недоумѣвали, чему приписать такой странный случай. Послѣ, когда мель совершенно обсохла, они увидали, что киль брига находится въ глубокомъ жолобѣ, который и удерживаетъ его въ прямомъ положеніи. Образовался ли этотъ жолобъ отъ наноснаго песку, или выдолбилъ его киль судна — рѣшить никто не могъ.

Странный видъ представлялъ бригъ, стоявшій во всеоружіи на песчаномъ островѣ, посреди безбрежнаго моря. Около него, въ разныхъ положеніяхъ копошились люди. Одни, вися на бесѣдкахъ, осматривали подводную часть судна; другіе, на палубѣ, устанавливали инструменты и дѣлали астрономическія наблюденія; третьи — гуляли по образовавшейся песчаной площадкѣ и собирали ракушки.

Положеніе, между тѣмъ, было далеко не завидное. Поднялся вѣтеръ и началъ разводить волненіе. Дойди оно до брига, и бригъ могъ быть разбитъ въ щепы. Нѣкоторые офицеры предлагали выбросить часть вещей, чтобы прибылая вода могла скорѣе снять облегченный бригъ, но Литке на это не согласился. На суднѣ ничего лишняго не было, и потеря вещей могла повести къ весьма непріятнымъ послѣдствіямъ. Онъ сдѣлалъ распоряженіе къ снятію судна съ мели, и, когда начался приливъ, его

сдвинули съ мѣста. Не обошлось, конечно, безъ сильнаго сотрясенія, но, къ счастію, все кончилось благополучно; бригъ не потерпѣлъ никакихъ поврежденій.

По мѣрѣ движенія къ сѣверу, термометръ все болѣе и болѣе понижался и, наконецъ, упалъ до $1^1/_2{}^\circ$. Командиру пришли доложить, что на горизонтѣ показалось судно. Нетрудно было догадаться, что это за судно. Минуту спустя показался цѣлый флотъ. Это были просто льды, близость которыхъ и вызвала быстрое пониженіе температуры. Сначала появились плавающія льдины, раздѣленныя довольно большими полыньями. Къ востоку льдины все уплотнялись и на горизонтѣ превратились уже въ высокія другъ на друга нагроможденныя горы. Нѣкоторыя изъ льдинъ были покрыты соромъ и грязью и какими то черными кусками, похожими на обгорѣлые пни. Вѣроятно, ихъ недавно оторвало отъ берега. Бывшій на суднѣ унтеръ-офицеръ, два раза зимовавшій на Новой Землѣ, разсказывалъ, что оттуда отнесло ледъ только наканунѣ Успеньева дня.

Цѣлый день шелъ бригъ среди разсѣянныхъ льдинъ. Нѣкоторыя изъ нихъ такъ походили на судно подъ парусами, что, только подойдя совсѣмъ близко, можно было удостовѣриться, что это обманъ зрѣнія.

Вѣтры крайне неблагопріятствовали плаванію, и бригъ подвигался черепашьимъ шагомъ. Только 10-го августа, то-есть 26 дней послѣ отплытія изъ Архангельска, увидали мореплаватели берегъ Новой Земли.

Долго боролись они со льдами, не позволявшими имъ пристать къ берегу. Приходилось крейсировать вдоль припаевъ, окружавшихъ берега съ юга на сѣверъ, въ надеждѣ найти мѣсто, свободное отъ льда. Однообразіе этихъ скитаній иногда нарушалось встрѣчею съ морскими животными. На иныхъ льдинахъ тюлени лежали семействами въ 10 — 15 штукъ. Попадались цѣлыя стада моржей. По одному изъ такихъ стадъ съ брига сдѣлали

нѣсколько выстрѣловъ ядрами. Послѣ перваго выстрѣла моржи вскочили, но, оглядѣвшись, улеглись опять. Послѣ второго они только подняли головы; на слѣдующіе же не обращали никакого вниманія. — Вообще, моржи скоро обстрѣливаются, что очень удобно для промышленниковъ.

Моржъ принадлежитъ къ разряду млекопитающихъ. Этотъ громадный звѣрь имѣетъ около 20-ти футовъ въ длину и 12-ти футовъ въ окружности всего тѣла. Формы его очень неуклюжи: маленькая голова, короткая, толстая шея, мѣшковатое тѣло и короткія ноги или ласты. Ласты имѣютъ пять пальцевъ соединенныхъ перепонками. Очень толстая верхняя губа продольнымъ разрѣзомъ раздѣлена на двѣ лопасти, обсаженныя трехъ-дюймовыми, въ соломенку толщиной, щетинами. Изъ-подъ губы выходятъ наружу два огромныхъ клыка или бивня, которые загнуты не кверху, какъ у слона, а книзу. Эти бивни служатъ моржу превосходнымъ орудіемъ защиты, помогаютъ ему вырывать со дна морского водоросли и влѣзать на ледяныя скалы. На плоскія льдины и на берегъ моржъ выходитъ съ помощью ластовъ. Моржъ считается очень драгоцѣнной добычей, такъ какъ все въ немъ идетъ въ дѣло. Клыки его плотнѣе и бѣлѣе слоновой кости и цѣнятся очень дорого; жиръ и мясо идутъ въ пищу, а изъ кожи дѣлаются крѣпчайшіе ремни. Ею же обтягиваются байдарки.

Моржи живутъ обществами, иногда штукъ до ста. Когда они спятъ, то одинъ всегда сторожитъ. Въ случаѣ опасности, онъ бросается въ воду, а за нимъ и все стадо. На сушѣ — моржъ самое неуклюжее животное; онъ ползаетъ на брюхѣ, то поднимая, то опуская голову. Въ водѣ же онъ быстръ и ловокъ. Случается, что онъ нападаетъ на лодку и мощными бивнями старается ее просверлить, или опрокинуть. Это бываетъ по большей части тогда, когда онъ разъяренъ вслѣдствіе нападенія на него

Молодые тюлени.

самого или на его товарищей. Моржи вообще хорошіе товарищи, и охотникамъ случалось видѣть, какъ они бросались къ раненому и бивнями поддерживали его надъ водой, чтобъ не дать ему задохнуться.

Одинъ изъ промышленниковъ увидалъ однажды на льду моржа, сталъ слѣдить за нимъ. Осмотрѣвшись кругомъ, моржъ началъ валяться и, наконецъ, залегъ. Бѣлый медвѣдь, который, вѣроятно, давно сторожилъ добычу, въ свою очередь осторожно взобрался на льдину и также началъ валяться. Ясно было, что онъ употребилъ этотъ пріемъ съ цѣлью поближе придвинуться къ звѣрю. Подозрительный моржъ приподнялся, какъ будто бы съ намѣреніемъ дать тягу, но медвѣдь притворился спящимъ и, тяжело пошевелцваясь, какъ бы во снѣ, продолжалъ приближаться. Должно быть, моржъ смекнулъ въ чемъ дѣло, такъ какъ онъ быстро нырнулъ въ воду. Нырнулъ и медвѣдь, но безъ всякой для себя пользы.

Бѣлый медвѣдь, впрочемъ, очень хорошій пловецъ. Путешественникамъ не разъ случалось встрѣчать его на какой нибудь льдинѣ въ дальнемъ разстояніи отъ берега. Подобнымъ плотомъ пользуется звѣрь, когда онъ отправляется на охоту за морскими животными, которыми преимущественно и питается.

Была уже половина августа, а бригъ все еще находился далеко отъ цѣли; обѣтованная земля не давалась. Куда ни обращались взоры моряковъ, вездѣ встрѣчали они неодолимыя препятствія. Это было тѣмъ прискорбнѣе, что втеченіе нѣсколькихъ дней стояла хорошая погода, большая рѣдкость въ здѣшнихъ мѣстахъ, и этой погодой нельзя было воспользоваться.

Мѣняя постоянно курсъ, судно попало 13-го августа въ пространство довольно чистое, съ рѣдкими плавающими льдинами. Такъ какъ вѣтеръ дулъ попутный, то Литке рѣшился не стоять ночью, какъ обыкновенно дѣлалъ изъ предосторожности, а двигаться далѣе. Вскорѣ

увидѣлъ онъ однакожъ, что пустился въ рискованное предпріятіе. Ночь была страшно темна, и судно каждую минуту могло набѣжать на ледяную гору и разбиться. Пока стоялъ хоть малый вѣтеръ и судно хорошо управлялось, можно было еще уклоняться отъ льдовъ; но около полуночи совершенно заштилѣло, бригъ нанесло и прижало къ ледяному полю слѣва, такъ что не было никакого средства оттолкнуться отъ него шестами; справа же нагоняло на него множество другихъ льдинъ, которыя угрожали раздавить судно.

Долго вспоминали моряки эту тревожную ночь. Со всѣхъ сторонъ мелькали сквозь мракъ, словно призраки, ледяные исполины; мертвая тишина прерывалась только плескомъ волнъ, отдаленнымъ грохотомъ разрушавшихся льдинъ и изрѣдка глухимъ воемъ моржей. Все это производило тяжелое, леденящее душу впечатлѣніе.

Крейсированіе вдоль берега все-таки принесло свою долю пользы. Оно выяснило громадныя достоинства брига, который, не смотря на борьбу со льдами, не потерпѣлъ никакихъ поврежденій. Къ сожалѣнію, за позднимъ временемъ года, нельзя было разсчитывать достичь цѣли, но, въ виду хорошаго состоянія брига, Литке рѣшился проплавать до конца августа и потомъ уже возвратиться въ Архангельскъ.

Продолжая путь къ югу, моряки 22-го августа усмотрѣли берегъ и могли подойти къ нему на столько, чтобы снять его на карту. Голыя скалы съ островерхими вершинами, покрытыми снѣгомъ, и отсутствіе растительности придавали странѣ суровый и безпріютный видъ. На нѣкоторыхъ пунктахъ видны были избы, оставленныя промышленниками, и столбы, сложенные изъ камней. Такіе столбики складываются промышленниками для обозначенія посѣщенныхъ ими мѣстъ.

Втеченіе нѣсколькихъ дней бригъ плылъ вдоль береговъ Новой Земли, отыскивая Маточкинъ шаръ.

Зная, что судно находится въ той параллели, гдѣ долженъ быть этотъ проливъ, Литке удивлялся, что не видитъ его. Только по прибытіи въ Архангельскъ и получивъ случайно карту штурмана Поспѣлова, онъ убѣдился, что нѣсколько разъ прошелъ мимо Маточкина шара, не замѣтивъ его. Ошибка произошла отъ извилистости пролива и окружавшихъ его островерхихъ горъ, а еще болѣе отъ неудовлетворительности картъ того времени.

Сильные вѣтры и недостаточная глубина моря препятствовали бригу близко подойти къ берегу. Можно было бы посылать въ бухты гребныя суда, но на это потребовалось бы много времени, котораго, въ виду приближающейся осени, въ запасѣ оставалось очень мало. Августа 28-го случилось обстоятельство, которое заставило командира поторопиться возвращеніемъ. Бригъ оказался затертымъ въ каналѣ между берегомъ и грядой льда, до того сплотившейся, что не было возможности найти изъ нея выхода.

Эта ледяная стѣна, состоявшая изъ ледяныхъ глыбъ, нагроможденныхъ одна на другую, тянулась къ сѣверу слишкомъ на 30 миль. Двое сутокъ бригъ находился въ плѣну, рискуя быть прижатымъ къ берегу и разбитымъ въ щепы. Только 30-го августа ему удалось добраться до конца этого корридора и выбраться на полую воду.

Между тѣмъ температура сильно понизилась и шелъ безпрестанный снѣгъ. Разсчитывая, что до Архангельска ходу почти мѣсяцъ, и зная, что Двина замерзаетъ въ началѣ октября, Литке не рѣшился продолжать экспедиціи и поворотилъ обратно.

Въ Архангельскъ моряки попали въ самое непріятное время. Съ моря прибыли шняки промышленниковъ и шла переторжка рыбы. Когда шняки разгружаются, въ городѣ и окрестностяхъ стоитъ такое нестерпимое зловоніе, что нѣтъ возможности открыть окна. При этомъ народъ гуляетъ и лоцмана также. Моряки вправѣ опасаться, что

ихъ судно, избѣжавъ опасности на морѣ, съ пьянымъ лоцманомъ въ виду гавани наскочитъ на банку. Но о такихъ случаяхъ что-то не слышно; лоцмана, даже съ отуманенной головой, не теряютъ сообразительности и благополучно проводятъ судно въ гавань.

Два съ половиною мѣсяца провелъ Литке въ Архангельскѣ, приводя въ порядокъ журналы, составляя карты и опись видѣнной части западнаго берега Новой Земли. Настоящую экспедицію онъ не могъ считать вполнѣ удачной, главнымъ образомъ по ошибочности разсчета.

Вмѣсто того, чтобъ стремиться къ южному берегу Новой Земли, ему слѣдовало бы сообразить, что этотъ берегъ по сосѣдству съ Карскимъ моремъ, долженъ быть постоянно заносимъ льдами, тогда какъ западный, освободившись однажды, во все лѣто можетъ быть чистъ. Этими выводами и воспользовался Литке во вторичномъ своемъ путешествіи.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ онъ прибылъ въ Петербургъ и представилъ своему начальству отчетъ объ экспедиціи.

Второе путешествіе брига „Новая Земля". 1822.

Вскорѣ по возвращеніи Литке въ Петербургъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о продолженіи экспедиціи на прежнемъ основаніи.

Въ виду того, что берега Новой Земли раньше іюля отъ льда не освобождаются, то, чтобъ не терять дорогого времени, предписано было Литке употребить начало лѣта на описаніе береговъ Лапландіи, которые до той поры были очень мало извѣстны, хотя около нихъ уже болѣе трехъ вѣковъ плавали суда различныхъ націй.

Карты, составленныя голландцами, были въ то время.

лучшими, но и онѣ не отличались точностью, такъ какъ старинные мореплаватели составляли карты только съ вида, не основывая ихъ на наблюденіяхъ астрономическихъ.

Прибывъ въ Архангельскъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Литке занялся починкою брига и снаряженіемъ экспедиціи, а 7-го іюня покинулъ Архангельскій портъ.

Бѣлое море привѣтствовало путниковъ сильнымъ вѣтромъ, который перешелъ въ штормъ. Замѣчательно, что во время шторма барометръ нисколько не понизился и упалъ только потомъ. 24-го числа встрѣтилась лодочка подъ парусомъ и въ ней два человѣка, плывшіе къ с.-в. Поморскіе жители часто ѣздятъ такимъ образомъ по дѣламъ или другъ къ другу въ гости. Безъ малѣйшаго страха, во всякую погоду, пускаются они на своей скорлупкѣ въ открытое море также спокойно, какъ если бы они ѣхали по твердой землѣ.

Да и что значитъ эта опасность въ сравненіи съ той, которой подвергаются промышленники на промыслахъ. Перескакивая съ одной льдины на другую, они иногда далеко относятся въ море и нерѣдко погибаютъ. Къ концу лѣта ледъ становится особенно хрупкимъ и достаточно иногда одного удара, чтобъ онъ разлетѣлся въ куски. Однажды двое промышленниковъ усмотрѣли съ лодки на огромной льдинѣ стадо моржей. Льдина оканчивалась довольно высокой скалой, на которую и взобрались промышленники, чтобъ укрѣпивъ на ней якорь, подползти къ моржамъ. Но только что они стали вырубать яму для якоря, громада треснула сверху до низу, и разсѣлась на двѣ половины. Одинъ изъ смѣльчаковъ, находившійся на половинѣ, обращенной къ лодкѣ, скатился съ глыбы и благополучно добрался до лодки, другой же упалъ въ пропасть и вѣроятно утонулъ бы, еслибъ волна не выбросила его на льдину, гдѣ лежали моржи. Но и здѣсь опасность не миновала. Очутись поморъ впереди стада,

звѣри, бросившіеся въ испугѣ къ полыньѣ, навѣрно смяли бы его; но онъ, къ счастью, упалъ позади, и когда стадо нырнуло, товарищъ подплылъ въ лодкѣ и благополучно снялъ его.

Іюня 29-го бригъ подошелъ къ Іоканскимъ островамъ, лежащимъ въ обширномъ заливѣ на западной сторонѣ Св. Носа, и противъ острова „Сальнаго", бросилъ якорь. Іоканскіе острова получили свое названіе отъ рѣки Іоканки, устье которой представляетъ прекрасную гавань для небольшихъ судовъ.

Литке провелъ весь день на берегу, провѣряя хронометры и дѣлая астрономическія наблюденія. Вечеромъ пріѣхали лопари, отвозившіе кольскаго благочиннаго, отца Іоанна, объѣзжавшаго свой округъ. Берегомъ въ Лапландіи лѣтомъ не ѣздятъ, а священники, чиновники и другія лица, имѣющіе надобность до этихъ мѣстъ, ѣздятъ на шнякахъ, вдоль берега. Переѣзжаемыя такимъ образомъ разстоянія лопари считаютъ „водами", то-есть числомъ попутныхъ шестичасовыхъ теченій, потребныхъ на проѣздъ. Каждая вода равняется приблизительно 30-ти верстамъ.

Лопари разсказывали, что предыдущая зима была очень теплая, льдовъ было мало и во многихъ мѣстахъ тюленьихъ промысловъ почти не было.

На берегу рѣки Іоканки въ бухточкѣ, окруженной горами, лежитъ лопарское селеніе, лѣтній погостъ. Сюда пріѣзжаютъ лопари около 9-го мая, живутъ здѣсь до снѣга и возвращаются въ зимніе погосты, лежащіе отъ моря въ 150 — 200 верстахъ. Оленей, на которыхъ пріѣзжаютъ, пускаютъ пастись въ тундры или на острова. Въ первомъ случаѣ, олени иногда пропадаютъ или бываютъ съѣдены волками; во второмъ — они въ безопасности, но зато терпятъ недостатокъ въ кормѣ.

Все лѣто лапландцы проводятъ въ рыбныхъ промыслахъ, преимущественно въ ловлѣ семги, которую

промѣниваютъ у купцовъ на муку и другіе предметы. Лѣтомъ же занимаются охотою, дѣланіемъ корёжекъ — лопарскихъ саней въ видѣ корыта. Лѣсъ для корежекъ долженъ быть непремѣнно сосновый и привозится онъ издалека. Дѣлаются же корежки лѣтомъ потому, что зимою нельзя выгибать дерева. Въ зимнее время лопари занимаются рыбною ловлею въ озерахъ и охотою.

Живутъ лапландцы въ вѣжахъ — остроконечныхъ жилищахъ изъ хвороста, покрытыхъ дерномъ и мхомъ. Посреди̇нѣ — очагъ, кругомъ настилка изъ хвороста, покрытая шкурами; здѣсь сидятъ и спятъ. Наружность лопаря пріятна, но, къ сожалѣнію, онъ очень нечистоплотенъ, какъ въ отношеніи себя, такъ и въ отношеніи своего жилища. Всѣ нечистоты выбрасываются за дверь, и потому въ лопарскихъ селеніяхъ стоитъ нестерпимое зловоніе.

Одѣваются лопари въ мѣха и въ сукно. Многіе носятъ русское платье: мужчины — синіе кафтаны, женщины — сарафаны и кокошники.

Іюля 2-го, рано утромъ, бригъ снялся съ якоря и пошелъ къ Канину носу. Въ 10 часовъ сдѣлался штиль и продолжался до полудня. Во все это время вокругъ судна плавала большая рыба изъ породы дельфиновъ. Она часто выплывала на поверхность подышать воздухомъ и въ это время распространяла такое зловоніе, что невозможно было оставаться противъ того мѣста, гдѣ она появлялась. Еслибъ стадо такихъ рыбъ окружило судно во время штиля, то положеніе экипажа было бы крайне непріятное.

Вблизи Канина носа моряки имѣли случай любоваться великолѣпнымъ видомъ полуночнаго солнца. Погода была особенно ясная, и въ полночь солнце сіяло на горизонтѣ во всемъ своемъ блескѣ. Такое зрѣлище въ этой широтѣ бываетъ рѣдко, такъ какъ здѣсь по большей части господствуютъ туманы, которые и на этотъ

Лопарскія сани въ видѣ корыта.

(По Бэру.)

разъ не замедлили скрыть отъ взоровъ восхищенныхъ путниковъ лучезарное свѣтило.

Іюля 8-го экспедиція достигла семи острововъ и бросила якорь между Харловымъ островомъ и устьемъ рѣки Харловки. Разсчитывая, ради описи берега, пробыть здѣсь нѣсколько дней, командиръ охотно принялъ предложеніе мѣстныхъ лопарей доставлять каждый день экипажу свѣжую рыбу.

Семиостровскій погостъ во всемъ похожъ на погостъ Іоканскій. Но здѣсь лопари занимаются ловлей рыбы преимущественно морской, которая идетъ вверхъ по рѣкѣ Харловкѣ. Для наживки употребляютъ мелкую рыбу „песчанку“, называемую такъ потому, что она ловится въ пескѣ и очень оригинальнымъ образомъ. По малой водѣ вилами разрываютъ песокъ и на каждомъ почти шагу находятъ зарывшуюся рыбу. Ее тотчасъ схватываютъ и бросаютъ со всего размаху, чтобы оглушить. Если не сдѣлать этого, то отрытая рыбка зароется снова и еще глубже.

Во всѣхъ лопарскихъ селеніяхъ путешественниковъ принимали съ большимъ радушіемъ. Въ знакъ почета ихъ встрѣчали и провожали выстрѣлами изъ винтовокъ, при чемъ стрѣлокъ низко кланялся.

Окончивъ съемку и сдѣлавъ астрономическія наблюденія, Литке 13-го іюля двинулся далѣе. Лавируя взадъ и впередъ вдоль лапландскаго берега, моряки наносили его на карту; гдѣ нужно было, останавливались и съѣзжали на берегъ. Во время привала на Оленьемъ островѣ случилось съ путешественниками забавное приключеніе. Откуда то появился между ними заяцъ и сталъ метаться, какъ угорѣлый, почти наскакивая на людей. За неимѣніемъ оружія его начали ловить руками, но, разумѣется, не поймали, и онъ благополучно утёкъ.

Литке давно хотѣлось полакомить своихъ людей свѣжимъ мясомъ. Въ лопарскихъ селеніяхъ онъ пытался

купить овцу или барана, но ихъ ни за что не хотѣли продать. Еще труднѣе было добыть оленя. Лопари приводятъ изъ тундры только небольшое количество упряжныхъ оленей и очень дорожатъ ими. Наконецъ, на Оленьемъ островѣ удалось таки Ѳедору Петровичу купить оленя за 30 рублей.

Въ 11-ти миляхъ отъ Кольской губы лежитъ большой островъ Кильдинъ, отдѣленный отъ берега проливомъ версты въ три. Сѣверный берегъ острова высокъ и отрубистъ; западная оконечность полога и низменна. Южная сторона представляетъ видъ, которому нѣтъ подобнаго ни въ Бѣломъ морѣ, ни въ Сѣверномъ океанѣ. Берегъ, низменный у воды, возвышается постепенно амфитеатромъ, состоящимъ изъ четырехъ, вполнѣ правильныхъ уступовъ, и кончается на высотѣ до 500 футовъ ровною столообразною вершиною. Прекрасная, густая зелень покрываетъ все видимое пространство и составляетъ разительную противоположность съ обнаженными гранитными утесами матерого берега.

На Кильдинѣ моряки видѣли огромное стадо оленей, принадлежавшихъ купцу Попову. Лѣтъ 25 тому назадъ онъ пустилъ сюда двѣ-три пары и втеченіе этого времени олени расплодились до нѣсколькихъ сотъ.

Олени пасутся безъ всякаго присмотра, и Поповъ позволяетъ лопарямъ пользоваться ими съ тѣмъ однакоже, чтобы за каждый пудъ мяса они давали ему пудъ озерной рыбы, а оленью шкуру возвращали обратно. Не было, говорятъ, примѣра, чтобы лопари обманули промышленника.

Удаляясь отъ острова, моряки любовались причудливыми очертаніями его западной оконечности, почти отвѣсно спускающейся къ морю. Одинъ изъ утесовъ представлялъ совершенное подобіе колокольни готическаго храма, а небольшой камень, въ видѣ креста, торчащій на его острой верхушкѣ, еще болѣе увеличивалъ иллюзію.

Въ Кольской губѣ лежитъ островокъ „Сальный“, на которомъ въ прежнія времена ловилось множество тюленей. О немъ разсказывается слѣдующая легенда: „Въ концѣ прошлаго вѣка жила въ Колѣ ворожея, которая удивительно вѣрно предсказывала судьбу ожидавшихся на свѣтъ младенцевъ. Слава о ней дошла до царицы Натальи Кирилловны, и ворожея была приглашена въ Москву ко двору. Она предсказала царицѣ, что у нея родится сынъ великій умомъ, который прославитъ всю Россію. Въ награду за свое предсказаніе ворожея и получила Сальный островъ, приносившій тогда большой доходъ“.

Островъ и лежащій противъ него берегъ изобилуютъ морошкой,—ягодой, дающей хорошій доходъ. Собранную морошку кладутъ въ бочки и заливаютъ самой холодной водой, иногда съ примѣсью водки или рома. Морошка бываетъ еще вкуснѣе, если ее мочатъ въ остуженномъ отварѣ тѣхъ же ягодъ.

Кольская молодежь ѣздитъ собирать морошку большой компаніей, въ видѣ пикника. Самымъ же промысломъ занимаются кольскія мѣщанки и крестьянки.

Чтобы сдать почту и сдѣлать кое-какія покупки, Ѳедоръ Петровичъ съ тремя товарищами и нѣсколькими гребцами отправился въ городъ, разсчитывая къ вечеру того же дня вернуться на бригъ. Но, сверхъ чаянія, этого не удалось сдѣлать. Мѣщанинъ, у котораго остановились моряки, устроилъ въ честь ихъ пиръ и такъ подпоилъ гребцовъ, что они никуда не были годны. Давъ имъ выспаться, Литке рано утромъ выѣхалъ изъ Колы и не замедлилъ пожалѣть, что поторопился. Гребцы дремали надъ веслами и нѣсколько разъ ставили катеръ на мель.

Утренній туманъ, покрывавшій море густою дымкой, былъ причиной страннаго оптическаго обмана. Разъ увидали моряки на камнѣ большую птицу, вышиной не менѣе

аршина. Только что приготовились они стрѣлять, какъ птица вспорхнула у нихъ изъ подъ носа и оказалась простой гагаркой. Въ другой разъ появился саженяхъ въ 50-ти огромный высунувшійся изъ воды камень. Не успѣли гребцы повернуть руля, какъ этотъ камень очутился возлѣ и оказался пучкомъ морской травы.

Убѣдившись, что люди неспособны грести, Литке приказалъ пристать къ берегу. Тотчасъ же гребцы залегли между каменьями и заснули какъ убитые. Вдругъ послышалась пѣсня, и къ берегу пристала шняка съ дѣвушками, собиравшими морошку. Туманъ прояснился и утро сдѣлалось великолѣпнымъ. Отдохнувъ и позавтракавъ, дѣвушки начали пѣть и плясать. Матросы, разбуженные пѣсней, повскакали съ мѣстъ и принялись съ дѣвушками играть въ горѣлки.

Полюбовавшись этой сценой, путешественники воспользовались попутнымъ теченіемъ, въ 2 часа тронулись въ путь и около десяти часовъ вечера благополучно прибыли къ бригу.

Наступилъ августъ мѣсяцъ; слѣдовало торопиться и потому Литке рѣшился оставить неоконченнымъ описаніе лапландскаго берега и двинуться на востокъ. Онъ имѣлъ полную надежду не встрѣтить препятствія отъ льдовъ, такъ какъ зима была теплая, и даже Кольская губа не замерзала.

Послѣ четырехдневнаго плаванія, во время котораго не произошло ничего замѣчательнаго, мореплаватели наконецъ увидали Новую Землю. Льду совсѣмъ не было, погода благопріятствовала, и моряки, плывя вдоль берега, могли дѣлать съемку и провѣрять ее съ прежде сдѣланными. Они отыскали всѣ намѣченные пункты и, между прочимъ, входъ въ Маточкинъ шаръ. Между тѣмъ барометръ сталъ сильно падать и, въ случаѣ бури, положеніе брига могло бы сдѣлаться опаснымъ; почему Литке и рѣшился, отложивъ изслѣдованіе Маточкина шара до другого

времени, продолжать путь къ сѣверной оконечности Новой Земли, чтобы, обогнувъ ее, вступить въ Карское море.

Подвигаясь медленно къ сѣверу, Литке наносилъ на карту никѣмъ до тѣхъ поръ неизслѣдованные заливы и мысы и давалъ имъ названія. Такъ появился заливъ Софронова, старшаго штурмана брига; мысъ Литке II, брата командира; мысъ второго штурмана, Прокофьева; штабъ-лекаря Смирнова; островъ Врангеля, именованный Ѳедоромъ Петровичемъ въ честь его друга барона Врангеля, трудившагося въ то время на сѣверо-восточныхъ берегахъ Сибири.

Такъ какъ величина Новой Земли была тогда еще неизслѣдована, то путешественники въ каждомъ новомъ мѣстѣ ожидали увидать сѣверную ея оконечность и, обогнувъ ее, вступить въ Карское море. Они льстили себя надеждою, что на сей разъ ледъ имъ не помѣшаетъ. Однакоже 11-го числа стали показываться плоскія льдины и около полудня появилось много мелкаго льда и плавучаго лѣса, которому не откуда было взяться, какъ изъ рѣкъ Сибири. Это и навело моряковъ на мысль, что они находятся у входа въ Карское, или Сибирское море.

Окруженный туманомъ, бригъ лавировалъ въ теченіе цѣлаго дня, поворачивая всякій разъ, когда шумъ отъ льдовъ былъ явственно слышенъ. Наконецъ, подъ утро, туманъ разсѣялся, и мореплаватели увидали себя противъ мыса „Желанія“ *), на рубежѣ Карскаго моря.

Но, увы! все видимое пространство было покрыто ледяными горами, проникнуть за которыя не предвидѣлось возможности.

Мрачна и пустынна показалась мореплавателямъ сѣверная оконечность Новой Земли. Все кругомъ было

*) Посѣщеннаго до тѣхъ поръ только голландскимъ мореплавателемъ Баренцомъ въ XVI столѣтіи.

Берегъ Новой Земли.

сковано льдомъ и покрыто снѣгомъ. Ни одинъ звѣрь, ни одна птица не нарушали могильной тишины. Къ этому мѣсту какъ нельзя болѣе подходили слова поэта:

„И мнится, жизни въ той странѣ
Отъ вѣка не бывало“. . . .

Сырость и холодъ вполнѣ соотвѣтствовали мертвой природѣ; термометръ стоялъ ниже нуля; туманъ пронизывалъ до костей, все вмѣстѣ тяжело вліяло на душу и тѣло. Человѣку казалось, что онъ навсегда разобщенъ съ остальнымъ міромъ и погребенъ во льдахъ.

За то вода въ этихъ широтахъ была такъ прозрачна, что при глубинѣ до 15 саж. можно было видѣть малѣйшія раковинки.

И такъ — почти достигнувъ желанной цѣли, пришлось возвратиться вспять. Тяжелое чувство неудовлетворенности овладѣло душою командира и только мысль о возвращеніи въ страны болѣе гостепріимныя, чѣмъ тѣ, которыя не давались ему, мирила его съ неудачею.

Возвращаясь къ Маточкину Шару, Литке обдумывалъ дальнѣйшій планъ. Въ виду приближенія осени, описаніе пролива не могло быть окончено, а потому онъ рѣшился не предпринимать его, а, спустившись на югъ, описать южный берегъ Новой Земли, тогда еще весьма мало извѣстный, и островъ Вайгачъ, къ югу отъ нея лежащій.

Интересно было бросить хоть бѣглый взглядъ на Маточкинъ Шаръ, и потому 17-го августа Литке съ офицерами, сѣвъ на гребное судно, отправился въ небольшую губу, называемую „Старовѣрское становище“ *). У береговъ ходили большіе буруны, и катеръ съ трудомъ могъ пристать.

Губа, окруженная высокими крутыми горами, пред-

*) О причинѣ этого названія будетъ говорено ниже.

ставляла довольно хорошую стоянку для судна. На правомъ берегу рѣки Маточки, впадающей въ губу, моряки нашли большую становую избу, состоящую изъ трехъ отдѣленій: сѣней, жилой избы и въ той же связи бани. Кругомъ валялось нѣсколько кадокъ, лопатъ, черепковъ, оленьихъ роговъ и проч. На берегу растянуты были бѣлужьи невода и лежали пять опрокинутыхъ большихъ

Развалины зимовки на Новой Землѣ.

карбасовъ, оставленныхъ промышленниками за тѣмъ, чтобы не привозить ихъ вновь. Неподалеку стояло три креста; на новѣйшемъ было вырѣзано имя Поспѣлова*). Такіе кресты имѣютъ обыкновеніе ставить промышленники на мѣстахъ ихъ промысловъ, при началѣ дѣла, точно также какъ наши плотники и каменьщики при закладкѣ домовъ.

Происхожденіе названія „Маточкинъ Шаръ“ неиз-

*) Штурманъ Поспѣловъ принималъ участіе въ бѣломорской компаніи въ 1806 г., снаряженной на средства графа Румянцева, увлекавшагося разсказами о минеральныхъ богатствахъ Новой Земли.

вѣстно. Подъ словомъ шаръ разумѣется проливъ, текущій поперекъ какого-нибудь острова, или земли и соединяющій два моря. Для проливовъ же, принадлежащихъ одному и тому же морю, напримѣръ, раздѣляющихъ островъ отъ материка, существуетъ мѣстное названіе „Салма“. Поэтому, Маточкинъ Шаръ, Югорскій Шаръ названы, по словамъ промышленниковъ, правильно. Костинъ же Шаръ, отдѣляющій Междушарскій островъ отъ Новой Земли, названъ шаромъ зря, такъ какъ онъ есть салма.

Маточкою во всей Архангельской губерніи называютъ маленькіе деревянные компасы, употребляемые промышленниками.

Новая Земля въ прежнія времена часто посѣщалась промышленниками, которые къ зимѣ старались возвратиться домой. Если же имъ приходилось зимовать, они наполняли судно водой, чтобы его не унесло вѣтромъ или льдами.

Опредѣливъ географическое положеніе Маточкина Шара, Литке 21-го августа отошелъ отъ него и направился къ югу. Въ тотъ же день судьба послала морякамъ маленькое развлеченіе въ видѣ охоты на моржа, вынырнувшаго около самаго брига. Въ него пустили зарядъ и попали въ глазъ. Моржъ тотчасъ скрылся подъ водою, но скоро выплылъ опять съ признаками очевиднаго страданія. Онъ безпрестанно окуналъ голову и бросалъ изъ ноздрей воду. Тотчасъ же была послана за нимъ въ погоню шлюпка, и скоро моржъ былъ добитъ гарпугами и копьями. Оказалось, что это былъ морженокъ, погибшій, вѣроятно, вслѣдствіе своей неопытности. Однако, онъ былъ длиною въ три аршина и вѣсомъ въ 20 пудовъ. Только клыки, имѣвшіе не больше $^1/_4$ арш. длины, свидѣтельствовали о его молодости.

Ночь на 25-е число отличалась ясностью, чрезвычайно рѣдкою въ этихъ туманныхъ странахъ. Луна и звѣзды сіяли такъ ярко, что стоявшіе на вахтѣ приняли за огонь

восходящую Венеру. Сѣверное сіяніе вспыхивало и угасало.

Противныя теченія задерживали бригъ и онъ весьма тихо подвигался впередъ. Между тѣмъ, по разсчету Литке, 2-хъ, 3-хъ дней благопріятной погоды было бы достаточно, чтобъ окончить описаніе южнаго берега. Къ сожалѣнію, на такую погоду не было никакой надежды. 30-го августа барометръ сильно опустился и предвѣщалъ бурю; приходилось отложить дальнѣйшія покушенія и направиться къ Бѣлому морю.

Чрезвычайно прискорбно было командиру возвратиться, не довершивъ начатаго дѣла. Но обстоятельства сильнѣе людской воли и имъ приходится покоряться. Сентября 3-го экспедиція увидѣла Канинъ носъ, а 6-го прибыла въ Архангельскъ.

Бригъ былъ поставленъ на зимовку, а командиръ его, приведя въ порядокъ журналы и карты, отправился въ Петербургъ.

Третье плаваніе брига „Новая Земля“ 1823.

Несмотря на то, что во вторую экспедицію было сдѣлано гораздо болѣе чѣмъ въ первую, многое еще оставалось недодѣланнымъ и невыясненнымъ. Кромѣ главной цѣли экспедиціи, описи береговъ Новой Земли, желательно было изслѣдовать островъ Вайгачъ и лапландскій берегъ. Кромѣ того, явились сомнѣнія относительно мыса, принятаго Литке за мысъ „Желанія“. На голландскихъ картахъ Баренцовъ мысъ „Желанія“ находился на 15° восточнѣе; на данной же широтѣ лежалъ мысъ Нассаускій. Для разрѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ Высочайше повелѣно было отправить Литке въ 3-ю экспедицію на томъ же бригѣ.

Чтобы имѣть больше времени для описи лапландскаго берега, Литке на этотъ разъ двинулся въ путь гораздо ранѣе. Марта 23-го онъ прибылъ въ Архангельскъ и, сформировавъ экипажъ, 11-го іюня вышелъ въ море.

Руководствуясь старинными голландскими картами, Ѳедоръ Петровичъ не разъ введенъ былъ въ заблужденіе искаженными названіями мѣстностей. Случайно догадался онъ, что всѣ эти Сванекристъ, Светеннось, Канденось, Панфалотки — не что иное, какъ Ивановы кресты, Святой носъ, Канинъ носъ, Панфиловка и такъ далѣе. Послѣ такого открытія задача значительно упростилась.

Ѳедору Петровичу предназначено было судьбой прогнать этихъ уродцевъ съ береговъ, омываемыхъ океаномъ; изъ Бѣлаго моря они были прогнаны картою генералъ-лейтенанта Кутузова.

Втеченіе мѣсяца, посвященнаго описанію лапландскаго берега, не случилось ничего замѣчательнаго. Съ свойственной ему добросовѣстностью Литке исполнялъ порученное ему дѣло, стараясь въ тоже время знакомиться съ бытовыми условіями мѣстностей, которыя онъ посѣщалъ. Особенное его вниманіе обратила на себя Териберская губа, служащая мѣстомъ сборища поморовъ, отправляющихся на океанскіе промыслы.

При самомъ устьѣ рѣки Териберки, впадающей въ губу, находится одно изъ обширнѣйшихъ рыбачьихъ становищъ, куда собираются отъ 80 — 100 промышленниковъ.

Поморы*) покидаютъ свои дома около Николина дня, раньше или позже, смотря по веснѣ. На каждой ладьѣ бываетъ отъ 12 — 20 человѣкъ, изъ которыхъ каждые четверо имѣютъ еще шняку**). Прибывъ въ Терибереское становище, промышленники исправляютъ свои шняки и

*) Поморами называются, вообще, жители побережья Бѣлаго моря.

**) Ладья есть трехмачтовое палубное судно; шняка — открытая лодка отъ 20—40 футовъ длины съ острымъ носомъ и кормою.

начинаютъ ловъ рыбы, исключительно морской. Вся рѣчная рыба принадлежитъ лопарямъ. Ловъ рыбы производится слѣдующимъ образомъ: берутъ канатъ тысячи въ двѣ саженей длиною и на разстояніи 2 — 3 саженъ прикрѣпляютъ къ нему веревочки съ крючками. Такой снарядъ называется „ярусъ“. Къ обоимъ концамъ яруса и къ срединѣ привязываютъ якоря или камни и на длинной веревкѣ — поплавокъ, указывающій мѣсто, гдѣ положенъ ярусъ. Нажививъ каждый крючекъ песчанкою, или кускомъ трески, растягиваютъ ярусъ и спускаютъ на дно. Въ это время веревочки съ крючками всплываютъ и рыба, увидѣвъ наживку, бросается на нее.

Выметавъ ярусъ, промышленники въ хорошую погоду держатся на шнякѣ одну „воду“, то-есть часовъ 6; потомъ выбираютъ ярусъ, снимаютъ попавшуюся рыбу и, нажививъ крючки, снова опускаютъ снарядъ. Въ худую погоду они возвращаются въ становище и выѣзжаютъ позже, отыскивая по поплавкамъ то мѣсто, гдѣ спущенъ былъ ярусъ.

За трескою отъѣзжаютъ верстъ за 5 — 6, а за палтусомъ верстъ за 20 — 30, такъ что берега не бываетъ видно. Легко себѣ представить, сколько опасностей соединено съ подобнымъ промысломъ въ открытомъ морѣ. Въ 1822 году два брата-рыболова, ѣхавшіе съ Кильдина въ Териберку, едва не погибли. Шняку ихъ опрокинуло, сами они влѣзли на киль ея и, продержавшись нѣсколько часовъ, были выброшены на берегъ. Работникъ ихъ и всѣ снасти, цѣною до 2000 р., потонули.

Добывъ полный грузъ для ладьи, поморы плывутъ въ Архангельскъ, гдѣ продаютъ рыбу и возвращаются во-свояси. Зимою они ловятъ навагу. Выѣхавъ на собакахъ за нѣсколько верстъ въ море, дѣлаютъ проруби и опускаютъ туда удочки. Навага такъ прожорлива, что на одну наживку удается иногда вытаскивать 3 — 4 штуки.

Терибе́рское становище вмѣстѣ со многими другими разворено было англичанами въ 1809 году. Три военныя судна стояли на якорѣ за островомъ Кильдиномъ и разсылали гребныя суда свои въ разныя стороны; чего не могли взять, то жгли или топили. Два катера хозяйничали въ Колѣ; въ Терибе́ркѣ сожгли много домовъ и людей; Соловецкое становище на островѣ Кильдинѣ сравняли съ землею. Эти подвиги, которые ничѣмъ оправданы быть не могутъ, составляютъ темную страницу въ исторіи англійской націи.

Къ 19-му іюля опись лапландскаго берега была совершенно окончена, и бригъ направился къ Новой Землѣ.

Встрѣтивъ только разсѣянныя льдины и то въ весьма маломъ количествѣ, Литке пошелъ на сѣверъ, въ надеждѣ пройти въ Карское море или, по крайней мѣрѣ, провѣрить наблюденія предыдущаго года. Но и на этотъ разъ ледяныя горы преградили ему путь.

Удалившись на нѣкоторое разстояніе отъ льдовъ, Литке могъ, благодаря хорошей погодѣ, видѣть, хоть и въ большомъ разстояніи тотъ мысъ, который онъ принялъ за мысъ Желанія. Теперь онъ убѣдился, что это мысъ Нассаускій, а что настоящій мысъ „Желанія“ лежитъ на 15° далѣе къ востоку. Слѣдовательно онъ ошибся только въ названіи; самая же мѣстность была опредѣлена совершенно вѣрно.

Поворотивъ на югъ, Литке 6-го августа вошелъ въ устье Маточкина Шара и бросилъ якорь.

Отрядивъ лейтенанта Лаврова на катерѣ для описи пролива, Литке устроился на сѣверномъ берегу устья и занялся астрономическими наблюденіями.

Все видимое пространство острова покрыто было островерхими горами и тундрами, лежащими между ними. По мѣстамъ изъ разлоговъ вытекали ручьи, которые низвергались водопадами. Кое-гдѣ, надъ водопадами образовались изъ льда арки, по которымъ, чтобъ не дѣлать

большихъ обходовъ, перебирались путешественники, рискуя поскользнуться и сломать себѣ шею.

Нѣсколько разъ закидывали у берега неводъ, но не могли поймать ни одной рыбы. Не были счастливѣе и стрѣлки. Вмѣсто дичи, убили они сову, совершенно бѣлую, безъ малѣйшаго пятнышка. Эти совы могутъ считаться коренными жителями Новой Земли, такъ какъ онѣ оста-

Маточкинъ Шаръ.

ются на ней и зиму и лѣто. Видѣли трехъ оленей, но застрѣлить ихъ не могли.

11-го числа возвратился Лавровъ и сообщилъ, что за противнымъ вѣтромъ онъ все время долженъ былъ идти на веслахъ.

Съ половины пути стали попадаться льды и, добравшись до Карскаго моря, Лавровъ увидѣлъ, что оно все покрыто льдомъ, примыкавшимъ къ берегамъ. По дорогѣ Лавровъ убилъ бѣлаго медвѣдя, а моржей встрѣчалъ

стадами. Множество выброшеннаго на берегъ плавника помогало ему согрѣваться въ холодныя ночи.

Въ виду полученныхъ свѣдѣній, Литке оставилъ мысль о проходѣ черезъ Маточкинъ шаръ и поплылъ на югъ къ Карскимъ воротамъ, чтобы тамъ попытать счастья. 19-го числа онъ достигъ этого пункта и увидѣлъ Карское море совершенно свободнымъ отъ льда.

Казалось, что само небо содѣйствуетъ мореплавателямъ, доставляя имъ случай описать желанный восточный берегъ, никѣмъ дотолѣ невиданный, кромѣ одного кормщика. Но для человѣка, имѣющаго на своей отвѣтственности судно и экипажъ, увлеченіе было бы преступленіемъ. Несмотря на заманчивость предпріятія, Литке разсчиталъ, что причиною отсутствія льдовъ были вѣроятно западные вѣтры, долгое время дувшіе. Перемѣнись вѣтеръ, и мореплаватели могли быть затерты льдами и обречены на вѣрную гибель. Пока продолжалась борьба между увлеченіемъ и благоразуміемъ, случилось обстоятельство, сразу же указавшее надлежащій путь.

Уже нѣсколько времени замѣчалась перемѣна цвѣта воды, которая сдѣлалась зеленоватою и мутною. На вопросы командира, лоцманъ давалъ успокоительные отвѣты. Вдругъ судно получило жестокій ударъ носомъ, а потомъ и кормою. Удары слѣдовали стремительно, одинъ за другимъ; скоро выбило руль изъ петель и расщепило корму. Море кругомъ покрылось обломками. Бригъ стоялъ неподвижно и трещалъ до такой степени, что казалось онъ развалится на части. Лишась всякой надежды спасти судно, командиръ сталъ помышлять только о томъ, чтобъ спасти людей. Приказано уже было разбить мачты, но только что люди занесли топоры, какъ море, словно протестуя противъ замышляемаго убійства, развело сильное волненіе и сняло бригъ съ камня.

Опасность, однакоже, не миновала; судно шло безъ руля, а между тѣмъ приближалась ночь. Дружными

успѣхами принялись укрѣплять руль. Кому извѣстна хлопотливость этого дѣла и въ тихую погоду, тотъ легко поймет, чего оно стоило при большомъ волненіи. Послѣ усиленной полуторачасовой работы руль былъ укрѣпленъ, и дружное „ура“ огласило воздухъ.

Ненадежное состояніе судна побудило Литке отложить всякую попытку къ дальнѣйшему плаванію и повернуть обратно. По пути онъ описалъ островъ Колгуевъ, на которомъ паслись олени, принадлежавшіе нѣсколькимъ мезенскимъ купцамъ.

Уединенный островъ Колгуевъ служилъ нѣкогда убѣжищемъ раскольникамъ, гонимымъ за вѣру. Около 1767 г. поселилось ихъ здѣсь человѣкъ до 70 обоего пола. Единовѣрецъ ихъ, извѣстный въ то время купецъ Барминъ*), переправлялъ ихъ туда на своихъ судахъ. Не смотря на приволье, прожили они тамъ не болѣе 4-хъ лѣтъ. За это время большинство перемерло, а остальные возвратились въ Архангельскъ.

Сентября 3-го бригъ вошелъ въ гавань и вскорѣ былъ отправленъ на зимовку въ рѣку Соломбалку. Когда его стали осматривать, то Литке пришелъ въ ужасъ. Поврежденія были такъ ужасны, что благополучное возвращеніе могло почитаться просто чудомъ. Случись еще ударъ или два на злополучномъ камнѣ. . . . и никто никогда не узналъ бы о судьбѣ, постигшей отважныхъ мореплавателей.

Составивъ отчетъ объ оконченной экспедиціи, Литке по зимнему пути отправился въ Петербургъ.

---

*) Снаряжавшій подъ управленіемъ штурмана Размыслова экспедицію на Новую Землю для отысканія тамъ металловъ.

Четвертое путешествіе брига „Новая Земля". 1824.

Въ первыя три экспедиціи сдѣлано было, повидимому, все, что возможно было сдѣлать на парусномъ суднѣ, неприспособленномъ къ борьбѣ со льдами: западный и южный берегъ Новой Земли были описаны, а равно и проливъ Маточкинъ шаръ. Оставался берегъ восточный, куда не допускали льды. Три раза препятствовали они проникнуть въ Карское море, но это еще не значило, что проникнуть туда невозможно. Желая выяснить этотъ вопросъ, правительство рѣшило сдѣлать еще одинъ опытъ и въ четвертый разъ командировало Литке къ берегамъ Новой Земли.

Въ то же время положено было отправить штурмана Иванова для описанія рѣки Печоры, а лейтенанта Демидова для промѣра Бѣлаго моря.

Литке выѣхалъ изъ Петербурга 15-го марта и чуть не погибъ на пути: кибитка, въ которой онъ ѣхалъ съ братомъ, опрокинулась съ кручи и придавила собою обоихъ сѣдоковъ, сопровождавшаго ихъ матроса и кучера. Одинъ вершникъ, мальчикъ, лѣтъ 8-ми, ѣхавшій на передовой лошади, остался на свободѣ. Конечно, онъ не въ силахъ былъ помочь и только плакалъ. „Положеніе наше было самое критическое, разсказываетъ Литке. Казалось, что одно только можетъ насъ спасти, если случатся проѣзжіе; но кого можно встрѣтить въ такой глуши, въ метель да еще ночью! Мнѣ было чрезвычайно трудно: пребольшой чемоданъ лежалъ у меня на затылкѣ, прижимая лицо къ рукамъ. Для дыханія оставалось мнѣ воздуха не болѣе кубическаго фута и я скоро почувствовалъ, что задыхаюсь. Между тѣмъ бѣгавшій вокругъ кибитки мальчикъ съ отчаянія сталъ рвать на ней рогожи. Извощикъ, увидя въ той сторонѣ свѣтъ, всѣми силами сталъ туда пробиваться и, наконецъ, выкарабкался. На-

чавъ шарить въ кибиткѣ, поймалъ онъ ноги моего брата и кое-какъ его вытащилъ. Оба они могли уже безъ труда поднять повозку. Выйдя на воздухъ, чувствовалъ я жесточайшую головную боль и ужасную горечь во рту. Мы очень встревожились, не видя нашего Павла. Наконецъ, нашли его въ снѣгу, лежащаго безъ чувствъ. Растегнувъ ему платье, стали оттирать его передъ огнемъ, который развели нарочно, но онъ не показывалъ ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Ужасно было лишиться человѣка такимъ образомъ, но мы не могли подать ему никакой помощи. Повозка наша лежала въ пропасти, а до ближайшаго села было не менѣе 12-ти верстъ. Тотчасъ послали туда за помощью, но прошло нѣсколько часовъ, а не было ни посланнаго, ни помощи. Наконецъ, мы кое-какъ сами, хотя и съ большимъ трудомъ, втащили повозку на дорогу, положили въ нее несчастнаго матроса и поплелись на измученныхъ лошадяхъ впередъ".

Въ ближайшемъ селеніи путешественники нагнали своего судового доктора, но онъ ничего не могъ сдѣлать. Матросъ былъ мертвъ; онъ, вѣроятно, задохся въ снѣгу.

Прибывъ въ Архангельскъ, Литке занялся приготовленіями къ экспедиціи и, отправивъ Иванова и Демидова по назначенію, 17-го іюня двинулся самъ. Судно было все тотъ же старый пріятель, бригъ „Новая Земля", офицеры тѣ-же и число служителей то-же, что и въ предыдущемъ году.

Миновавъ Канинъ носъ, командиръ судна пошелъ прямо на сѣверъ, чтобы поскорѣй достигнуть Нассаускаго мыса, и идти, если возможно, къ мысу „Желанія". На этомъ пути пришлось мореплавателямъ познакомиться съ замѣчательнымъ явленіемъ — мѣстностью вѣтра.

„Погода была ясная, разсказываетъ Литке, но горизонтъ такъ искаженъ рефракціею, что наблюденія наши никуда не годились. Во второмъ часу, находясь миляхъ въ 12-ти отъ берега, мы заштилѣли. Въ то же время, въ

весьма недалекомъ отъ насъ разстояніи къ востоку, продолжалъ дуть ровный вѣтеръ, что можно было видѣть по темнымъ рябинамъ на водѣ. Пользуясь этимъ вѣтромъ, пять купеческихъ судовъ, бывшихъ далеко позади, насъ обогнали, и одно прошло не болѣе какъ въ верстѣ отъ Новой Земли. Пока мы прилагали всѣ усилія, чтобы войти въ полосу вѣтра, на горизонтѣ показалась ладья, которая скоро насъ настигла и обогнала. Часовъ пять оставались мы въ такомъ непріятномъ положеніи, но, наконецъ, достигъ вѣтеръ и до насъ".

Чѣмъ дальше подвигались мореплаватели къ сѣверу, тѣмъ болѣе встрѣчали льдовъ. Достигнувъ курсовъ 1822—23 г., Литке убѣдился, что настоящее лѣто гораздо льдистѣе предыдущихъ. Прежде въ этой широтѣ не видѣли ни одной льдины, теперь встрѣтили сплошной ледъ. Если прежде приходилось возвращаться отъ мыса Нассаускаго, то теперь не представлялось никакой надежды достигнуть до него. Поэтому Литке рѣшился отказаться отъ Новой Земли и попытаться, согласно предписанія, проникнуть къ сѣв. между Шпицбергеномъ и Новою Землею, насколько это окажется возможнымъ.

Погода также мало благопріятствовала, какъ и море. Термометръ стоялъ ниже нуля.

Стѣсненное льдами и окруженное густыми туманами, судно находилось въ весьма непріятномъ положеніи. Когда сквозь порѣдѣвшій туманъ можно было видѣть берегъ Новой Земли, онъ являлся всюду окованный льдами.

Видя такое положеніе Ново-Земельнаго берега и зная, что восточный берегъ Шпицбергена также окружаютъ льды, Литке надѣялся найти проходъ между этими двумя ледяными полями. Скоро убѣдился онъ, что надежды его неосуществимы. Ледъ покрывалъ море до видимаго горизонта и видъ его дѣлался болѣе и болѣе грознымъ. Ледяныя поля возвышались на 7 — 8 ф. надъ

водою и были отрублены къ морю, образуя въ иныхъ мѣстахъ родъ заливовъ. На поляхъ этихъ громоздились торосы, т. е. холмы прозрачнаго льда футовъ въ 70 вышиною. Картина была величественная, но суровая и страшная.

Убѣдившись, что ледяной царь неумолимъ и что сокрушить его твердыни не представляется никакой возможности, Литке, посовѣтовавшись съ офицерами, повернулъ назадъ къ острову Вайгачу.

Въ полночь бросили въ море засмоленную бутылку съ запискою на четырехъ языкахъ, въ которой означены были время, широта и долгота мѣста и изъявлена просьба, чтобы нашедшій бутылку, доставилъ ее русскому правительству. Моряки часто употребляютъ подобное средство, чтобъ сообщить товарищамъ по ремеслу сдѣланныя ими наблюденія.

Подходя къ острову Вайгачу, мореплаватели увидали Карское море совершенно свободнымъ. Это подало имъ надежду, что третье покушеніе вознаградитъ ихъ, наконецъ, за всѣ претерпѣнныя неудачи. Поднявъ всѣ паруса, двинулись на востокъ въ полной увѣренности, что черезъ нѣсколько часовъ удастся наконецъ приступить къ описи берега, ни однимъ мореплавателемъ невиданнаго. Но едва прошли одну милю, какъ увидали сплошной ледъ, покрывавшій весь горизонтъ съ В. на З. такъ далеко, какъ только можно было видѣть. Такъ какъ дувшіе постоянно южные вѣтры этихъ льдовъ не отогнали, то, значитъ, море было наполнено ими. На всякій случай Литке рѣшилъ прокрейсировать вдоль берега Новой Земли еще недѣлю и посмотрѣть, не разгонятъ ли вѣтры льдовъ; если же нѣтъ, то вернуться обратно.

Въ полдень 14-го августа показались два карбаса, шедшіе отъ острова Вайгача. Неожиданная встрѣча людей въ такомъ безлюдномъ мѣстѣ очень удивила моряковъ. Еще болѣе удивились они, замѣтивъ, что карбасъ

намѣревается пройти мимо. Только послѣ двухъ пушечныхъ выстрѣловъ судно остановилось и, постоявъ нѣкоторое время, подняло парусъ и подошло къ бригу. Это были самоѣды, ѣхавшіе на Новую Землю для промысловъ. Ихъ было человѣкъ 12 и большинство говорило по-русски. Они признались, что очень испугались, увидавъ большое судно, и только кормщикъ успокоилъ ихъ. „Я бывалъ въ Архангельскѣ, говорилъ онъ и всякаго народу видалъ, даже „нѣмцовъ". Ничего, они такіе же люди, какъ и мы".

Этотъ же самый кормщикъ, увидѣвъ кухню на бригѣ, замѣтилъ: „Эге, вы домкомъ живете"!

Дѣти природы пробыли на суднѣ часа два и вели себя вполнѣ прилично. Ничего не просили, но съ благодарностью приняли мѣшечекъ сухарей, сожалѣя, что сами не могутъ ничѣмъ попотчевать, такъ какъ не начинали еще промысловъ. Когда же Литке, замѣтивъ, что они съ завистью смотрятъ на веревки, велѣлъ имъ дать два конца, сердца самоѣдовъ окончательно растаяли и они, пошептавшись другъ съ другомъ, вынули изъ карбаса нѣсколько моржевыхъ клыковъ и стали ихъ вѣшать на безмѣнѣ. Услыхавъ отъ командира, что ему ничего не нужно, они преспокойно убрали клыки и пожелали морякамъ счастливаго пути.

На вопросъ Литке много ли ихъ на островѣ Вайгачѣ, они отвѣчали: карбасовъ двадцать. Изъ этого страннаго отвѣта можно было заключить, что ихъ тамъ душъ до 100 мужского пола.

Пролавировавъ съ юга къ сѣверу и обратно втеченіе недѣли, Литке не дождался ничего утѣшительнаго. Дувшій все время с.-в. вѣтеръ ясно указывалъ, что Карское море не только не очищается отъ льдовъ, но еще болѣе заносится ими. Ничего не оставалось болѣе какъ поворотить къ острову Колгуеву, который также предписано было осмотрѣть.

Втеченіе недѣли боролся бригъ съ ненастною погодою и вѣтрами; 28-го августа выдержалъ штормъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ ничего нельзя было сдѣлать. Едва ли бы и дальнѣйшія усилія увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ часто возобновлявшіяся бури и безпрерывное ненастье свидѣтельствовали, что въ этой мѣстности началась уже осень. Къ тому же было извѣстно, что южная часть Колгуева окружена неизслѣдованными мелями, а на самомъ островѣ нѣтъ ни одной гавани, гдѣ бы въ случаѣ бури можно было укрыться. На отвѣтственности командира лежало судно и экипажъ; подвергать людей опасности и притомъ безъ всякой пользы для науки онъ не имѣлъ права, а потому и рѣшился 30-го августа предпринять обратный путь въ Архангельскъ.

Въ томъ пунктѣ, гдѣ, незадолго передъ тѣмъ, моряки встрѣтили оригинальную „мѣстность вѣтра“, они и теперь познакомились съ интереснымъ явленіемъ: они плыли при двухъ совершенно противоположныхъ теченіяхъ воздуха. Вверху дулъ ровный западный вѣтеръ и гналъ судно довольно скоро. Внизу дулъ вѣтеръ восточный; фокъ и гротъ ложились на ванты. Поверхность моря была гладка какъ зеркало.

Сентября 2-го наблюдалось странное воздушное явленіе: при ясномъ небѣ появился вокругъ солнца разорванный на двое радужный кругъ. На нѣкоторомъ разстояніи виднѣлся еще кусокъ радуги, но уже изогнутый въ противоположномъ направленіи. Цвѣта второй радуги шли также въ обратномъ порядкѣ. Это явленіе продолжалось болѣе часа безъ измѣненія.

На обратномъ пути бригу приходилось все время бороться съ непогодою и противными вѣтрами: только 10-го сентября онъ добрался до Архангельска и вошелъ въ гавань.

ДВУКРАТНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПАХТУСОВА КЪ НОВОЙ ЗЕМЛѢ.

По слѣдамъ Литке, восемь лѣтъ спустя, отправился штурманскій поручикъ Пахтусовъ и на маленькомъ парусномъ суднѣ проникъ въ Карское море и подробно описалъ юго-восточный берегъ Новой Земли.

По преданности дѣлу, по уму, мужеству и настойчивости Пахтусовъ занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ среди полярныхъ мореплавателей всѣхъ націй. Въ то время не много было арктическихъ экспедицій, доставившихъ такое обиліе драгоцѣнныхъ астрономическихъ опредѣленій мѣстъ, геодезическихъ измѣреній, метеорологическихъ наблюденій, замѣчаній о приливѣ и отливѣ и пр., какое было плодомъ дѣятельности Пахтусова.

Въ 1832 году два предпріимчивыхъ человѣка, Клоковъ и Брандтъ, задумали возстановить старинное мореходство изъ Архангельска къ устью Енисея и для этой цѣли снарядили экспедицію подъ командою Пахтусова, которому поручено было также изслѣдовать и описать

восточный берегъ Новой Земли. Пахтусовъ, давно мечтавшій посѣтить Новую Землю, принялъ сдѣланное ему предложеніе съ удовольствіемъ и, съ разрѣшенія начальства, поступилъ на службу компаніи Клокова и Брандта.

На небольшомъ парусномъ ботѣ двинулся Пахтусовъ 1-го августа изъ Архангельска и, достигнувъ Новой Земли, долженъ былъ высадиться на южномъ берегу, такъ какъ Карское море было затерто льдами. На берегу нашелъ онъ полуразвалившуюся избу и рѣшился, поправивъ ее, въ ней зимовать. Выкидной лѣсъ, грудами лежавшій на берегу, доставилъ матеріалъ для постройки и топлива. Избу починили, пазы законопатили мхомъ, на крышу набросали щебню и песку, внутри сложили печь изъ привезеннаго кирпича и вышло жилище, въ которомъ кое-какъ можно было жить. Въ связи съ избою поставили баню.

Устроившись на зимовку, Пахтусовъ отдалъ приказъ, съ которымъ всѣ обязаны были сообразоваться: прежде всего требовались чистота и движеніе на свѣжемъ воздухѣ. Люди ходили въ баню каждую субботу и два раза въ недѣлю мѣняли бѣлье. Полъ въ избѣ скребли желѣзными лопатами и вытирали сухою шваброю. Спать дозволялось не болѣе 8 часовъ въ сутки и то только ночью, а чтобъ на сытый желудокъ не клонило ко сну, пища давалась въ ограниченномъ количествѣ. Движеніе на чистомъ воздухѣ было обязательно. Благодаря этимъ мѣрамъ, люди всю зиму были здоровы и только весною двое сдѣлались жертвами цынги.

Природа надѣлила человѣка необыкновенной способностью приноравливаться къ средѣ его окружающей. Въ силу этой способности кучка людей, оторванная отъ привычной обстановки и брошенная въ ледяную пустыню, скоро обжилась и стала чувствовать себя какъ дома. Сидя въ избѣ, каждый занимался работою; одни чинили бѣлье, другіе мастерили снасти, третьи разговаривали или пѣли пѣсни. По воскресеньямъ читали общую молитву.

Чтобы придать прогулкамъ занимательность, Пахтусовъ приказалъ ставить ловушки на песцовъ. Эти ловушки, употребляемыя всѣми промышленниками, устраиваются очень просто: берется доска и подпирается жердью; подъ доску кладутъ кусокъ сала или ворвани. Когда песецъ схватываетъ приманку, доска падаетъ и прижимаетъ его. Раза 4 или 5 въ недѣлю ловушки осматриваютъ.

Въ первый же день по прибытіи на Новую Землю, путешественники увидали стадо оленей штукъ въ 500. Два стрѣлка погнались за ними и убили двухъ. Вслѣдъ за первыми стрѣлками отправились еще четверо, но олени убѣжали. Одинъ только, раненый въ ногу, бросился въ озеро и плавалъ въ немъ часа два; стрѣлки успѣли притащить лодку и, догнавъ оленя, убили его.

На слѣдующій день служитель, собиравшій плавникъ *), увидалъ шедшаго къ избѣ медвѣдя. Опасаясь за свою жизнь, а также за цѣлость лежавшаго въ сѣняхъ мяса, служитель закричалъ. Медвѣдь остановился, потомъ пошелъ прочь, не переставая оглядываться на страннаго крикуна.

Медвѣди часто посѣщали становище. Однажды двое людей, ходившіе на ботъ за нужными вещами, при выходѣ изъ него увидали бѣлаго медвѣдя не далѣе какъ въ 4-хъ саженяхъ. Оружія съ людьми не было, и они, чтобъ предупредить товарищей объ опасности, закричали какъ можно громче. Медвѣдь посмотрѣлъ на нихъ и спокойно пошелъ въ гору. Бывшіе въ избѣ люди схватили оружіе и пустились его преслѣдовать. Отойдя на извѣстное разстояніе, медвѣдь обернулся, сѣлъ и сталъ смотрѣть на своихъ преслѣдователей. Но лишь только они приблизились, онъ пустился вскачь, потомъ опять сѣлъ. Такъ продолжалось нѣсколько разъ. Наконецъ Пахтусовъ собрался

*) Выкинутый волнами лѣсъ.

выстрѣлить. Увидавъ огонь на полкѣ, медвѣдь бросился бѣжать и скрылся изъ вида.

Спустя часъ по возвращеніи охотниковъ въ избу, одинъ изъ служителей, выйдя въ сѣни и отворивъ наружную дверь, увидѣлъ другого бѣлаго медвѣдя, который ѣлъ ворванное сало изъ стоявшей у дверей бочки. Служитель закричалъ, медвѣдь бросился къ сѣнямъ. Выбѣжали охотники и лишь только отворили дверь, какъ медвѣдь кинулся на нихъ и чуть-чуть не схватилъ одного изъ людей за руку. Кто-то наконецъ выстрѣлилъ. Медвѣдь испугался, выбѣжалъ вонъ и, перескочивъ черезъ полѣницу дровъ, стремительно скатился подъ гору.

Ноября 9-го скрылось солнце, и наступила продолжительная ночь, которую, однакоже, нельзя было назвать темною. Ежедневно, втеченіе $2^1/_2$ часовъ, виденъ былъ свѣтъ зари. Кромѣ того свѣтила луна, звѣзды, особенно ярко мерцавшія въ разрѣженномъ воздухѣ, и очень часто появлялось сѣверное сіяніе.

Съ наступленіемъ продолжительной ночи окно сдѣлалось ненужнымъ. Его законопатили, а избу окопали снѣгомъ. День и ночь въ избѣ горѣлъ огонь, но дѣйствіе его было совсѣмъ особенное. Онъ сожигалъ, но не грѣлъ. Когда подставляли ноги въ шерстяныхъ чулкахъ къ огню, чулки начинали тлѣть, что слышно было по запаху, а ноги оставались холодными. Повѣшенное платье со стороны, противоположной огню, леденѣло; постели покрывались тонкимъ слоемъ льда. Если матросу случалось при работѣ брать гвоздикъ въ ротъ, то при выниманіи его онъ сдиралъ себѣ кожу съ губъ, и текла кровь. Одинъ изъ служителей вздумалъ разгрызть ледяную сосульку, но дорого поплатился за свою фантазію. Одинъ кусокъ примерзъ къ языку, другой къ губамъ и отодрать ихъ пришлось вмѣстѣ съ кожею.

Зимою нѣсколько разъ на Карскомъ морѣ взламывало ледъ, и прибылая вода затопляла берегъ. Но изба

стояла на возвышенности, внѣ линіи наводненія, и обитатели ея были въ безопасности. Въ концѣ ноября море втеченіе трехъ недѣль было свободно отъ льда, вѣтры благопріятствовали, но они же нагоняли метели, препятствовавшія плыть на карбасѣ, а ботъ уже поставленъ былъ на зимовку. „Пріятно было видѣть море волнующимся, говоритъ Пахтусовъ, но оно лишало насъ удовольствія охотиться за песцами".

Съ отнесеніемъ льда отъ берега, медвѣди лишались возможности ходить на промыслы и съ голода объѣдали приманки въ ловушкахъ. Сначала они ѣли только ворвань, а ловушки съ свинымъ саломъ, точно съ досады, ломали; но потомъ ѣли все, что попадалось.

Когда ледъ снова нанесло, медвѣди перестали разбойничать.

Лисицы также объѣдали приманки, но сами, по врожденной хитрости, никогда не попадались.

Января 8-го показалось надъ горизонтомъ солнце, которое было привѣтствовано дружнымъ ура! 65 дней длилась непрерывная ночь.

Марта 7-го и 8-го путешественники наблюдали интересное явленіе. При ясной погодѣ рефракція была такъ сильна, что предметы на нѣкоторомъ разстояніи представлялись въ огромныхъ размѣрахъ, а ледяныя стадухи принимали видъ людей и животныхъ. Въ другой разъ видѣли солнце, окруженное радужнымъ кругомъ. Въ этомъ кругу помѣщалось еще три солнца, два по бокамъ, а одно внизу.

Съ 8-го апрѣля установилась ясная погода, и Пахтусовъ началъ дѣлать экскурсіи вдоль берега для описи его. Послѣ нѣсколькихъ короткихъ поѣздокъ, онъ снарядился поосновательнѣе и отправился въ путь на болѣе продолжительное время. Эта экспедиція чуть, было, не стоила жизни ему и его людямъ. Ихъ застигла такая вьюга, что они не могли держаться на ногахъ и должны

были броситься на землю; занесенные снѣгомъ они оставались безъ пищи три дня, подвергаясь притомъ опасности замерзнуть.

Пахтусовъ вернулся съ сильнымъ ревматизмомъ и лихорадкой, но, чтобы къ общему разстройству организма не привязалась цынга, онъ заставлялъ себя черезъ силу ходить и работать на чистомъ воздухѣ.

Цынга, этотъ бичъ сѣверныхъ странъ, уже намѣтила

Рефракція.

себѣ жертву. Еще до ухода Пахтусова въ продолжительную экскурсію, заболѣлъ одинъ изъ служителей, Подгорскій. Онъ чувствовалъ сильную слабость и боль въ ногахъ. По возвращеніи, Пахтусовъ нашелъ его въ томъ же положеніи. Въ одинъ изъ ясныхъ теплыхъ дней Подгорскій, чувствуя себя лучше, говорилъ, шутилъ съ товарищами и попросилъ поводить его по воздуху. Товарищи одѣли больного и вывели его изъ избы. Походивъ немного,

Подгорскій заявилъ, что усталъ и присѣлъ въ сѣняхъ. Не прошло пяти минутъ, какъ онъ упалъ на землю. Выскочившіе изъ избы товарищи нашли его уже мертвымъ.

Поправившись отъ болѣзни, Пахтусовъ въ концѣ мая снова занялся описью. Іюня 19-го*) южными вѣтрами взломало ледъ, и можно было дѣлать опись на лодкѣ. Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ становища, мореплаватели увидали стадо бѣлугъ, шедшихъ въ разстояніи версты отъ берега. Ихъ было штукъ до 700; матки несли на спинахъ своихъ черно-голубыхъ дѣтенышей. Большую часть времени море было совершенно чисто, но иногда вѣтры пригоняли ледъ къ берегу, и путешественники должны были вытаскивать лодку на льдину и выжидать удобной минуты. Однажды льдину, на которой они ночевали, разломило на-двое, и моряки чуть было не потеряли своей лодки.

До 7-го іюля продолжалась опись, частью по берегу, частью на лодкѣ. Весь юго-восточный берегъ до Маточкина шара былъ описанъ. Наконецъ, провизія истощилась, и Пахтусовъ долженъ былъ вернуться въ становище. Ботъ былъ совсѣмъ готовъ, море чисто; можно было бы двинуться далѣе на востокъ. Но идти далѣе значило остаться на вторую зимовку. Для этого не хватило бы провизіи, и потому Пахтусовъ, скрѣпя сердце, отдалъ своей командѣ приказаніе собираться въ обратный путь. Возвращался онъ, впрочемъ, съ увѣренностью, что если не въ одинъ годъ, то въ нѣсколько лѣтъ вполнѣ возможно описать Новую Землю. Оставивъ, по обычаю здѣшнихъ промышленниковъ, въ избѣ печенаго хлѣба пудовъ 20, муки съ $1\frac{1}{2}$ пуда, огниво съ принадлежностями и нѣсколько дровъ, мореплаватели простились съ

*) Въ самый разгаръ лѣта, отъ конца іюня до августа, Реомюръ показывалъ въ тѣни не больше 6°. Обыкновенно же бывало 2°, а ночью нерѣдко заморозки.

своимъ жилищемъ, въ которомъ пробыли 297 дней, и поплыли обратно.

Огибая юго-восточную часть Новой Земли, увидали на берегу карбасъ. Эта находка въ такой дикой мѣстности привлекла вниманіе Нахтусова и онъ, ставъ на якорь, высадился на берегъ. Невдалекѣ увидалъ онъ полуразвалившуюся избу и, подойдя къ ней, нашелъ два человѣческихъ черепа, кучу оленьихъ роговъ и поломанныя сани. Въ избѣ находилась домашняя утварь, обыкновенно употребляемая самоѣдами. Нетрудно было догадаться, что здѣсь именно погибъ самоѣдъ Мавей, о которомъ Нахтусовъ слышалъ еще въ 1824 году, когда принималъ участіе въ экспедиціи Иванова*). Вотъ что разсказывалъ ему Воепта, родственникъ Мавея.

Этотъ Мавей, еще въ молодости, зимовалъ на Новой Землѣ съ своимъ отцомъ, по обѣщанію идоламъ, которыхъ отецъ считалъ покровителями его промысловъ. Въ 1822 году Мавей навлекъ на себя гнѣвъ боговъ и потерялъ надежемъ всѣхъ оленей. Чтобъ умилостивить идоловъ, онъ далъ обѣщаніе зимовать на Новой Землѣ со всей семьей, состоявшей изъ жены и сына съ женой и дочерью. Лѣтомъ 1823 года Воепта отвезъ туда несчастную семью и вернулся. Прождавъ годъ и не видя родственника, онъ отправился его отыскивать на Новую Землю. Вмѣсто людей, онъ нашелъ въ избѣ два женскихъ трупа, возлѣ которыхъ валялась на половину съѣденная медвѣжья шкура. На дворѣ лежали скелеты сына и внучки Мавея. Самъ онъ пропалъ безъ вѣсти; вѣроятно погибъ въ отдаленной части острова.

Возвращаясь на ботъ, путешественники увидали на берегу медвѣдя. Но только что лодка подъѣхала къ нему, онъ бросился въ море и поплылъ. Охотники пустились

*) Штурманъ Ивановъ, описавшій берегъ Ледовитаго океана отъ Кары до Печоры въ 1822 и 1828 годахъ.

за нимъ въ погоню и не болѣе какъ черезъ ¼ часа уже буксировали къ берегу его тушу.

Августа 21-го ботъ выдержалъ страшную бурю и едва не погибъ. Третьяго сентября онъ сѣлъ на мель, гдѣ его жестоко било волненіемъ; много вещей унесло въ море. По снятіи съ мели, судно оказалось на столько поврежденнымъ, что нечего было и думать идти въ Архангельскъ. Пахтусовъ ввелъ его въ устье Печоры и противъ самоѣдскаго селенія Куи бросилъ якорь.

Разоруживъ ботъ, Пахтусовъ оставилъ команду въ Куѣ на зимовку, а самъ поѣхалъ сухимъ путемъ въ Архангельскъ, чтобы сообщить компаніи о результатахъ, добытыхъ экспедиціею.

Перваго октября, простившись съ командой, Пахтусовъ переѣхалъ Печору и, взявъ оленей у самоѣдовъ, поѣхалъ до сосѣдней кочевки, которая была въ тоже время и станціей. Путешествіе было очень продолжительно и тягостно. Иногда приходилось по нѣскольку дней жить въ самоѣдскомъ чумѣ, пока не пригонятъ оленей; иногда же, подъѣзжая къ мѣсту, гдѣ предполагалась станція, ея не оказывалось; самоѣды перемѣнили кочевье, и нужно было, блуждая по тундрѣ, ихъ разыскивать.

Въ слѣдующемъ 1834 году Пахтусовъ снова получилъ командованіе экспедиціей, снаряженной на этотъ разъ правительствомъ *). Пахтусову поручено было идти прямо на Маточкинъ Шаръ и, пройдя черезъ него, заняться описаніемъ восточнаго берега Новой Земли, а, въ случаѣ встрѣчи льдовъ въ проливѣ, идти на сѣверъ и, обогнувъ сѣверную оконечность острова, проникнуть въ Карское море.

Прибывъ на Новую Землю, экспедиція занялась

*) Экспедиція состояла изъ двухъ судовъ; вторымъ судномъ командовалъ Циволка.

устройствомъ дома, который, въ сравненіи съ прошлогоднимъ, могъ показаться дворцомъ; онъ былъ гораздо просторнѣе и имѣлъ отдѣльное помѣщеніе для офицеровъ. Маточкинъ Шаръ замерзъ только въ половинѣ ноября. Зимняя стужа переносилась легко, потому что экипажъ былъ снабженъ самоѣдскою одеждою. Метели были однакоже такъ сильны, что часто втеченіе недѣли нельзя было выходить изъ дома; иногда домъ до того заносило снѣгомъ, что приходилось вылѣзать не черезъ дверь, а черезъ дымовую отдушину. Изъ медвѣдей, часто подходившихъ къ дому, убито было втеченіе зимы одиннадцать штукъ, въ томъ числѣ одинъ на крышѣ, а другой въ сѣняхъ.

Маточкинъ Шаръ и восточный берегъ къ сѣверу отъ него были нанесены на карту, причемъ поѣздки совершались на саняхъ.

Лѣтомъ Пахтусовъ пытался было обогнуть сѣверную оконечность острова, но чуть не погибъ вмѣстѣ съ экипажемъ; карбасъ былъ затертъ и сокрушенъ льдами. Выгрузивъ необходимыя вещи въ двѣ лодки, моряки потащили ихъ по льду къ берегу, отстоявшему не болѣе версты. На берегу принялись чинить лодки, чтобы плыть обратно къ Маточкину Шару, но пока шла работа, запасъ провизіи истощился и экспедиціи не миновать бы гибели, еслибъ не явилась неожиданная помощь. Случайно прибылъ на своей ладьѣ промышленникъ Ереминъ, который и выручилъ путешественниковъ.

Вернувшись въ Архангельскъ, Пахтусовъ заболѣлъ нервною горячкою и умеръ 7-го ноября 1835 года.

Всѣхъ ученыхъ экспедицій на Новую Землю было сдѣлано 24: двѣнадцать — мореплавателями иностранными и 12 — русскими. Кромѣ того, во всѣ времена ее посѣщали промышленники.

Суровый климатъ и отсутствіе растительности дѣлаютъ пребываніе здѣсь человѣка невозможнымъ*). Нѣкоторыя семейства старообрядцевъ, пытавшихся поселиться на Новой Землѣ во избѣжаніе гоненій за вѣру, въ первый же годъ сдѣлались жертвами суроваго климата. Новгородцы Строгановы и выходцы изъ Кеми Пайкачевы не вынесли и одной зимы на негостепріимной Новой Землѣ. Промышленникъ Аоанасій Харнай нашелъ всѣхъ Пайкачевыхъ мертвыми и предалъ ихъ землѣ.

Зато привольно здѣсь живется животнымъ, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ бѣлый медвѣдь. Кромѣ того водятся олени. лисицы, волки, песцы и множество пеструшекъ, которыми песцы питаются.

Пеструшки, это родъ полевыхъ мышей съ короткимъ хвостомъ и пушистою шерстью. Эти животныя очень легко приручаются. Бывъ пойманными, они, уже черезъ сутки, не бѣгутъ отъ человѣка и никогда между собой не ссорятся. Живутъ пеструшки въ норахъ и питаются травою, у которой съѣдаютъ только листья, не трогая корней.

Изъ морскихъ животныхъ водятся бѣлухи, тюлени, нерпы, морскіе зайцы и моржи. Изъ птицъ — очень мало береговыхъ, зато множество водяныхъ, въ особенности гусей. Обиліе чаекъ самыхъ разнообразныхъ породъ служитъ наилучшимъ доказательствомъ, что въ этомъ краю море болѣе обитаемо, нежели суша. Близъ береговъ гнѣздятся милліоны раковъ и омаровъ. Стоитъ бросить кусокъ мяса, чтобы они облѣпились вокругъ него, какъ мухи вокругъ меду. Ихъ можно однимъ рѣшетомъ черпать по нѣсколько тысячъ заразъ. По словамъ промышленниковъ они проѣдаютъ у моржей кожу въ шейныхъ складкахъ и подъ ластами.

Это-то обиліе и привлекаетъ промышленниковъ, которые на небольшихъ своихъ судахъ отправляются по

*) Теперь на Новой Землѣ есть поселеніе самоѣдовъ.

бурному морю къ негостепріимной землѣ, гдѣ нерѣдко находятъ себѣ могилу.

Прибывъ на Новую Землю и устроивъ себѣ помѣщеніе, промышленники снаряжаются для ловли моржей. Выбравъ хорошую погоду, въ которую моржи любятъ отдыхать на льдинѣ или на сушѣ, четыре промышленника садятся въ карбасъ и выходятъ въ море. Утлыя суда ихъ не выдерживаютъ сильнаго волненія, и потому промышленники стараются править въ такое мѣсто, гдѣ много плавучаго льда, въ предѣлахъ котораго волненіе слабѣе. Если же ледъ напираетъ на судно, угрожая сокрушить его, судно вытаскиваютъ на льдину. Каждый карбасъ везетъ съ собою, сверхъ провіанта, необходимыя для ловли орудія: носки, спицы, винтовки, порохъ, ремни. Носки, это родъ остроги или гарпуна съ широкимъ двухстороннимъ лезвеемъ въ видѣ кинжала; на другомъ концѣ — трубка, въ которую вставляется древко такъ слабо, чтобы въ случаѣ надобности его можно было вытащить за веревку.

Замѣтивъ на какой нибудь льдинѣ моржей, промышленники подплываютъ къ ней съ подвѣтренной стороны. Безъ этой предосторожности, моржи, почуявъ непріятеля, всѣ нырнутъ въ воду. Достигши залежи, промышленники стараются преградить моржамъ путь къ краю льдины, для чего требуется большая сноровка. Если удастся заколоть тѣхъ, которые ближе лежатъ къ краю, моржи приходятъ въ смятеніе, лѣзутъ другъ на друга и тогда легко бить ихъ гарпунами и дубинами. Иногда у одной залежи убивается столько моржей, что промышленники едва въ состояніи увезти однѣ головы, цѣнимыя ради клыковъ. За остальнымъ возвращаются нѣсколько разъ, и очень часто добыча пропадаетъ.

Если же моржи успѣли нырнуть въ воду, съ ними начинается весьма опасная борьба. Стоя на льдинѣ, промышленникъ бросаетъ носки, стараясь вонзить ихъ въ

грудь звѣря. Если это ему удастся, онъ быстро вбиваетъ въ ледъ колъ и привязываетъ къ нему веревку или ремень отъ носка. Моржъ, взнузданный носкомъ, начинаетъ носить по морю льдину съ промышленникомъ, и послѣднему нужно имѣть много ловкости, чтобы, ухватившись за колъ, устоять на ногахъ. Наконецъ, животное выбивается изъ силъ, его вытаскиваютъ на льдину и убиваютъ.

Случается, что за раненымъ моржемъ, нырнувшимъ въ воду, гоняются на карбасѣ. Этотъ родъ охоты еще опаснѣе; моржъ, зацѣпленный носкомъ, можетъ увлечь карбасъ вглубь, если во время не освободить веревки. Случалось, что моржи наскакивали на карбасъ, или своими клыками старались сокрушить его. Опасность при подобной охотѣ такъ велика, что промышленники заранѣе сговариваются, что слѣдуетъ имъ въ извѣстныхъ случаяхъ дѣлать.

Клыки, кожа и сало одного моржа по цѣнности равняются 70 — 90 рублямъ. Туша почти всегда пропадаетъ даромъ.

Тюленей ловятъ сѣтями. Этотъ промыслъ гораздо легче и безопаснѣе предыдущаго. Иногда тюленей, нерпъ (малыхъ тюленей) и морскихъ зайцевъ убиваютъ изъ ружей. Кожи мелкихъ морскихъ животныхъ, хорошо выдѣланныя, не уступаютъ воловьимъ и лошадинымъ. По прочности онѣ даже лучше послѣднихъ.

При ловлѣ бѣлухи употребляются также носки и спицы, иногда и сѣти. Требуется много ловкости и силы, чтобы удержать въ сѣтяхъ попавшагося звѣря; нерѣдко онъ прорываетъ сѣть и уходитъ. Бѣлуха или бѣлуга не должна быть смѣшиваема съ рѣчною бѣлугою. Послѣдняя — рыба, тогда какъ первая — морское животное, млекопитающее изъ семейства китовыхъ. Голова у бѣлухи болѣе заострена, чѣмъ у кита, на каждомъ плечѣ по перу, которое служитъ бѣлухѣ вмѣсто весла. Пла-

Morse.

ваютъ бѣлухи ныряя, т. е. приподнимаясь изъ воды и опускаясь въ нее.

Жиръ бѣлухи очень дорого цѣнится; его получается отъ одного звѣря на двѣсти приблизительно рублей. Шкура вѣситъ до 3-хъ пудовъ и идетъ на такое же употребленіе, какъ моржовая и тюленья.

Какъ ни выгоденъ бѣлужій промыслъ, дающій иногда до 4000 р. въ годъ, но онъ доступенъ только богатымъ промышленникамъ, такъ какъ обзаведеніе стоитъ очень дорого.

Рѣчная рыба составляетъ здѣсь промыслъ второстепенный.

Зимующіе промышленники занимаются звѣринымъ промысломъ, изъ которыхъ медвѣжій самый выгодный, но онъ же и самый опасный. Бѣлый медвѣдь очень силенъ на сушѣ и нерѣдко выбиваетъ оружіе изъ рукъ своего врага. Для безоружнаго единственное средство спастись отъ лапъ медвѣдя, это броситься въ сторону. Тяжелый и неуклюжій звѣрь съ трудомъ дѣлаетъ поворотъ, и охотникъ можетъ успѣть отбѣжать далеко. Поэтому поморы охотнѣе бьютъ медвѣдя въ морѣ, когда онъ перебирается съ льдины на льдину въ поискахъ добычи. Сложилась даже поговорка: „дай Богъ моржа на сушѣ, а ошкуя (мѣстное названіе бѣлаго медвѣдя) въ водѣ“. Въ стихіи ему несродной, животное очевидно, теряетъ самообладаніе и легче дѣлается добычей врага.

Охота на оленя, лисицу, песца, въ сравненіи съ предыдущей, считается забавою. Единственная бѣда, угрожающая охотнику, это возможность упустить дорогого звѣря. По той пользѣ, которую олень приноситъ, онъ въ полномъ смыслѣ дорогой звѣрь. Изъ шкуры его шьется платье, которому по легкости и теплу нѣтъ равнаго; мясо и кровь употребляется въ пищу; жилы служатъ вмѣсто нитокъ. Изъ шкуръ молодыхъ телятъ или пыжиковъ дѣлаются шапки.

Бой съ бѣлыми медвѣдями.

Изъ птичьихъ промысловъ самый выгодный ловъ гаги, пухъ которой очень дорого цѣнится. Гага вьетъ гнѣздо въ впадинахъ неприступныхъ утесовъ, и промышленникамъ приходится спускаться на веревкахъ съ крутыхъ скалъ, висящихъ надъ морскою пучиною. Особенно дорогъ тотъ пухъ, которымъ птица устилаетъ свои гнѣзда. Она вырываетъ его изъ груди, и онъ очень нѣженъ. Согнанная съ гнѣзда, гага вьетъ другое гнѣздо еще выше и еще неприступнѣе. Впрочемъ, этотъ пухъ требуетъ большой очистки и потому изъ цѣлаго пуда выходитъ только 15 фунтовъ. Мясо и особенно яйца гаги очень вкусны. Кромѣ того, она даетъ драгоцѣнное удобреніе — гуано, которымъ, къ сожалѣнію, никто не пользуется.

Есть еще птица, принадлежащая къ тому же семейству; это гагарка. Мясо ея солятъ, укладываютъ въ бочки и отправляютъ въ Архангельскъ; кожу съ шеекъ сшиваютъ и дѣлаютъ красивые мѣха и выпушки; пухъ употребляютъ для набивки подушекъ. Пухъ гусиный употребляется для той же цѣли. Гусей прилетаетъ на Н. З. такая масса, что добываніе ихъ болѣе похоже на бойню, чѣмъ на охоту.

Здѣсь же встрѣчается и морской орелъ, наводящій своимъ появленіемъ ужасъ на обитателей сѣверныхъ странъ. Извѣстный естествоиспытатель Л. ф.-Бухъ, встрѣчавшій его въ Норвегіи, разсказываетъ его способъ нападенія на крупныхъ животныхъ, напр. быковъ. Морской орелъ бросается стремглавъ въ волны, подымается весь мокрый и начинаетъ валяться на сухомъ морскомъ берегу до тѣхъ поръ, пока его мощныя крылья не покроются мелкими камешками и пескомъ. Тогда онъ подымается на воздухъ, подлетаетъ къ намѣченной жертвѣ, взмахомъ крыльевъ пускаетъ ей въ глаза цѣлый дождь песку и сильными ударами крыльевъ доводитъ быка до крайнихъ предѣловъ испуга. Ослѣпленное животное бро-

сается изъ стороны въ сторону и нерѣдко срывается съ утесовъ въ пропасть, гдѣ морской орелъ спокойно его расклевываетъ.

Морскими промыслами занимаются, кромѣ поморовъ, и самоѣды, пріѣзжающіе на Н. З. по льду съ острова Вайгача. Чтобы не заблудиться въ необозримыхъ снѣжныхъ равнинахъ, они чертятъ на снѣгу различныя фигуры, которыхъ форма ясно опредѣлена и у всякаго семейства своя собственная. По этимъ фигурамъ самоѣды легко находятъ другъ друга.

Растительность на Новой Землѣ самая скудная. Не только не видно деревьевъ, но нѣтъ даже сплошного травянаго или мохового ковра. Только у подножія горъ, на мѣстахъ, пригрѣтыхъ солнцемъ, растутъ цвѣточки. Цвѣты эти особаго свойства. Исходя отъ одного корня, они развѣтвляются на множество короткихъ стебельковъ и стелются по землѣ. Захвативъ одинъ изъ стебельковъ, можно поднять цѣлую плетушку, держащуюся на одномъ тонкомъ корешкѣ. Издали кажется, что мѣсто, по которому стелются цвѣточки, покрыто сплошнымъ цвѣточнымъ ковромъ, но, вглядѣвшись поближе, можно замѣтить между ними голыя пространства. Подъ землею, очень близко отъ поверхности, корни стелются такъ-же, какъ и стебли. Промерзлая почва не пускаетъ ихъ глубоко внутрь и имъ приходится размножаться въ горизонтальномъ направленіи.

ПУТЕШЕСТВІЕ БАРОНА АДОЛЬФА ЭРИКА НОРДЕНШЕЛЬДА.

ГЛАВА I.

Отплытіе изъ Норвегіи. Островъ Вайгачъ. Мысъ Челюскинъ.

Отдавая должную справедливость заслугамъ русскихъ мореплавателей, ихъ отвагѣ, выносливости и чрезвычайной способности бороться съ трудностями всякаго рода, нельзя не пожалѣть, что всѣ труды и усилія этихъ героевъ не привели къ желаемымъ результатамъ.

Причина неудачъ лежитъ отчасти въ недостаточности свѣдѣній о Ледовитомъ океанѣ, о срокахъ, когда океанъ этотъ бываетъ свободенъ отъ льда и главнымъ образомъ отъ несовершенства парусныхъ судовъ, затруднявшихъ поступательное движеніе впередъ и не приспособленныхъ къ борьбѣ со льдами.

Изъ многочисленныхъ арктическихъ плаваній видно, что при переѣздахъ играли важную роль не только льды, но и противные сильные вѣтры. Изъ опасенія не дойти до гавани или до мѣста зимовки, суда прекращали пла-

ваніе именно въ ту пору, когда полярныя моря бываютъ наиболѣе свободны отъ льдовъ. Такъ именно и случилось съ Литке, которому 4 раза приходилось, почти въ виду цѣли, поворачивать назадъ. Тѣмъ не менѣе длинный рядъ полярныхъ экспедицій удачныхъ и неудачныхъ подготовилъ путь на востокъ, описавъ по частямъ всѣ моря, лежащія на этомъ пути. Только самая сѣверная оконечность Азіи, мысъ Челюскинъ, оставалась еще непзвѣстной. Нуженъ былъ отважный и предпріимчивый человѣкъ, который и явился позднѣе въ лицѣ Норденшельда. Ему удалось достичь того, чего добивались втеченіе столѣтій знаменитые мореплаватели всѣхъ странъ, а именно: объѣхать Сѣверную Европу и Азію по Ледовитому морю и проникнуть въ Великій океанъ. Норденшельдъ до нѣкоторой степени нашъ соотечественникъ и потому мы имѣемъ полное право упомянуть о немъ.

А. Э. Норденшельдъ родился въ Гельсингфорсѣ въ 1832 г. Раннее дѣтство онъ провелъ въ отцовскомъ имѣніи, въ Ньюландской губерніи, учился въ гимназіи г. Борго и 17 лѣтъ поступилъ въ университетъ на естественный факультетъ.

По окончаніи курса, онъ сопровождалъ отца въ его ученомъ путешествіи на Уралъ; потомъ совершилъ 4 экспедиціи на Шпицбергенъ и двѣ въ Сибирь, къ устьямъ Енисея. Глубоко изучивъ сѣверъ, Норденшельдъ считалъ себя вправѣ утверждать, что чистый водный путь черезъ Карское море простирается, по всей вѣроятности до Берингова пролива и что, слѣдовательно, возможенъ объѣздъ Стараго Свѣта. Свои предположенія онъ основывалъ на томъ разсчетѣ, что масса теплой воды, выносимой сибирскими рѣками, должна втеченіе лѣта растопить льды и образовать вдоль берега родъ канала. Онъ предполагалъ также, что вслѣдствіе вращенія земного шара должно непремѣнно существовать быстрое теченіе къ востоку, которое можетъ способствовать очищенію канала отъ льда.

Разсчитывая отправиться изъ Швеціи въ началѣ іюля, онъ надѣялся достичь устьевъ Енисея въ августѣ и затѣмъ плыть дальше къ мысу Челюскину, котораго не огибалъ еще ни одинъ корабль. Это было единственное мѣсто, казавшееся Норденшельду опаснымъ. За Челюскинымъ

А. Э. Норденшельдъ.

мысомъ онъ былъ вполнѣ увѣренъ найти полую воду вплоть до Берингова пролива. Еслибы экспедиціи и не удалось обогнуть Челюскинъ мысъ, то и тогда географическая задача могла бы считаться до нѣкоторой степени рѣшенной. Енисей и Обь — судоходныя до границъ

Китая, открыли бы сообщеніе съ этой страной и оживили бы весь лежащій на этомъ пути край.

Подготовивъ основательный докладъ, Норденшельдъ представилъ его на разсмотрѣніе совѣта подъ предсѣдательствомъ шведскаго короля Оскара II и послѣ продолжительнаго и всесторонняго обсужденія вопроса, экспедиція была рѣшена. Къ капиталу, предоставленному Норденшельду русскимъ купцомъ Сибиряковымъ, присоединилось крупное пожертвованіе короля Оскара и богатаго негоціанта Диксона. Денегъ собралось вполнѣ достаточно. Шведскій парламентъ разрѣшилъ Норденшельду набрать экипажъ изъ волонтеровъ шведскаго флота съ усиленнымъ жалованьемъ и взять изъ карлскронскихъ магазиновъ угля, масла и другихъ припасовъ, а морское министерство предоставило ему построенный изъ крѣпкаго дуба пароходъ „Вега“, который могъ идти и подъ парусами. Кромѣ обыкновенныхъ лодокъ, при пароходѣ находился паровой катеръ. Въ іюнѣ 1878 г. всѣ приготовленія были окончены и экспедиція могла двинуться въ путь.

„Вега“ вышла изъ гавани Карлскрона 22 іюня 1878 г. Тысячи народа собрались проводить экспедицію, отправлявшуюся въ такія страны, гдѣ все казалось таинственно и мрачно и гдѣ погибло такъ много отважныхъ людей. „Вегу“ сопровождалъ пароходъ „Лена“, нагруженный углемъ и съѣстными припасами. Еще два судна, „Фразеръ“ — паровое и „Экспрессъ“ — парусное съ товарами для Сибири ушли впередъ. Послѣднія три судна снаряжены были Сибиряковымъ для торговыхъ цѣлей; а одинъ изъ нихъ, пароходъ „Лена“, предоставленъ былъ, на время, въ полное распоряженіе Норденшельда.

Въ Копенгагенѣ и Готенбургѣ „Вега“ пополнила свои запасы, приняла ожидавшихъ ее въ этомъ городѣ нѣсколькихъ членовъ экспедиціи и 17 іюля пришла въ Тромсе.

Отсюда она направилась къ острову Масе близъ мыса Нордкапа, гдѣ была задержана вѣтромъ, дождемъ, туманомъ и чрезвычайнымъ волненіемъ до вечера 22-го іюля.

Далѣе Норденшельдъ мѣшкать не могъ и потому, несмотря на продолжавшуюся дурную погоду, пошелъ

Чумы самоѣдовъ.

дальше. Въ первую же ночь, за сильнымъ туманомъ, „Вега“ и „Лена“ потеряли другъ друга и встрѣтились уже на сборномъ пунктѣ въ проливѣ Югорскій Шаръ.

Переѣздъ къ Новой Землѣ совершился благополучно; идя подъ парусами и на парахъ, мореплаватели 28-го іюля увидали Гусиную Землю. Льда у береговъ не было, только кое-гдѣ лежалъ снѣгъ. Гусиною Землею назы-

вается узкая полоса на западномъ берегу Новой Земли, гдѣ несмѣтныя стаи гусей и лебедей вьютъ свои гнѣзда. Лебеди очень трусливы и потому устраиваютъ себѣ гнѣзда на равнинахъ, выщипывая для этого мохъ изъ почвы и оголяя землю аршина на два кругомъ гнѣзда, отчего образуется подобіе рва. Гнѣзда имѣютъ конусообразную форму и очень велики, такъ что издали лебединое поселеніе легко принять за маленькій лагерь.

Пользуясь прекрасной погодой и чистымъ моремъ, „Вега“ не останавливалась здѣсь и пошла далѣе къ Югорскому шару. Здѣсь уже ожидали Норденшельда, прибывшіе раньше „Фразеръ“ и „Экспрессъ“. „Лены“ еще не было, и Норденшельдъ сталъ опасаться за нее, но 31-го она прибыла благополучно и такимъ образомъ вся маленькая полярная эскадра собралась въ условленномъ мѣстѣ.

На материомъ берегу Югорскаго Шара лежитъ деревня Хабарова, носящая громкое названіе „Самоѣдскаго города“. Лѣтомъ здѣсь живутъ самоѣды, пасущіе стада оленей въ окрестныхъ тундрахъ, да нѣсколько русскихъ, пріѣзжающихъ изъ Пустозерска для мѣновой торговли. Русскіе обитаютъ въ лачугахъ, которыя называютъ домами; женъ и дѣтей съ собой не берутъ. Самоѣды живутъ въ чумахъ съ семействами. Около Покрова русскіе уѣзжаютъ во свояси.

Самоѣды всѣ крещены, что не мѣшаетъ имъ почитать прежнихъ идоловъ и ходить къ нимъ на поклоненіе иногда за тысячу верстъ. На островѣ Вайгачѣ есть нѣсколько мѣстъ, гдѣ приносится жертва идоламъ. Нельзя сказать, чтобы эти идолы были изящны. Норденшельдъ, зная, что самоѣды во время перекочевокъ, возятъ идоловъ съ собою, пожелалъ пріобрѣсти нѣсколько экземпляровъ и вступилъ въ переговоры съ однимъ самоѣдомъ. Самоѣдъ отнѣкивался, опасаясь навлечь на себя гнѣвъ божковъ; но блескъ серебряныхъ рублей соблазнилъ одну

самоѣдскую старушку и она рѣшилась пренебречь предразсудками. Порывшись въ нартѣ она вытащила мѣховой сапогъ, оттуда такой же чулокъ, изъ котораго, наконецъ, извлекла 4 болванчика. Одинъ представлялъ миніатюрную малицу съ поясомъ, безъ тѣла; другой — кожаную куклу съ латуннымъ лицомъ; третій — куклу съ носомъ, согнутымъ изъ мѣдной пластинки и четвертый — просто

Жертвенный холмъ на островѣ Вайгачѣ.

камень, завернутый въ тряпки и обвѣшанный бляшками. Одна грань этого камня изображала человѣческое лице. Идолы были пріобрѣтены Норденшельдомъ за дорогую цѣну.

Узнавъ, что на островѣ Вайгачѣ есть жертвенный холмъ, Норденшельдъ съ тремя товарищами отправился туда, переѣхавъ проливъ Югорскій Шаръ на паровой шлюпкѣ.

Жертвенный холмъ находится на возвышенномъ мѣстѣ острова вблизи моря. На жертвенникѣ, сложенномъ изъ груды камней, Норденшельдъ нашелъ:

1) Оленьи черепа съ рогами, но вынутымъ мозгомъ. Черепа были такъ разставлены, что рога ихъ образовали подобіе куста придававшаго жертвенному холму оригинальный видъ.

2) Оленьи черепа безъ роговъ, насаженные на воткнутыя въ землю палки.

3) Множество оленьихъ костей.

4) Медвѣжьи кости и одинъ медвѣжій черепъ.

5) Большое количество всякаго хлама: поломанные топоры, черепки котловъ и т. п.

6) Наконецъ — сами боги, или „болваны“, которымъ были посвящены всѣ эти сокровища.

Божки состояли изъ нѣсколькихъ сотъ воткнутыхъ въ землю деревянныхъ палочекъ съ уродливо вырѣзанными лицами на верхнемъ концѣ. Вблизи жертвенника виднѣлись остатки костра, на которомъ изготовлялась жертвенная трапеза. Проводникъ разсказалъ, что и боги принимаютъ участіе въ трапезѣ; рты ихъ дѣйствительно, были вымазаны кровью.

Норденшельдъ выдернулъ нѣсколько болванчиковъ и положилъ ихъ въ мѣшокъ. Видя такой оборотъ дѣла, проводникъ очень встревожился и просилъ умилостивить боговъ какою нибудь жертвою. Норденшельдъ положилъ на камни двѣ серебряныя монеты и спросилъ, довольно-ли? „О да, пары мѣдяшекъ было бы достаточно“, отвѣчалъ проводникъ.

Когда самоѣды въ Хабаровѣ узнали о такомъ святотатствѣ, они страшно взволновались и стали упрекать своего товарища въ попустительствѣ, запугивая его гнѣвомъ боговъ: и олени то у него подохнутъ и самъ то онъ заболѣетъ или умретъ; если же избѣгнетъ бѣды, пострадаютъ дѣти его.

Норденшельдъ видѣлъ на Вайгачѣ другой жертвенный холмъ, но на немъ уже былъ водруженъ русскимъ архіереемъ православный крестъ. Самоѣды, считавшіе себя неповинными въ подобномъ святотатствѣ, относились къ нему совершенно равнодушно.

Но самаго знаменитаго изъ всѣхъ самоѣдскихъ идоловъ на островѣ Вайгачѣ Норденшельду не удалось увидать. Это огромная каменная глыба, имѣющая человѣкоподобный образъ. Не рука художника сдѣлала его, а капризъ природы. Никто не знаетъ, откуда онъ взялся и давно ли тутъ лежитъ. Таинственность еще больше усиливаетъ его обаяніе. Этотъ камень и берутъ самоѣды за образецъ при производствѣ своихъ болванчиковъ.

Жертвоприношеніе идоламъ дѣлается обыкновенно передъ началомъ промысловъ. Самоѣды очень суевѣрны и если промыселъ не удался, они увѣрены, что кто нибудь оговорилъ ихъ. Для отысканія оговорщика, приглашаютъ шамана и когда съ помощью его злодѣй найденъ, пострадавшій старается подкрасться къ нему и ударить его такъ сильно, чтобы хлынула кровь, тогда оговоръ теряетъ силу. Если же оговорщица женщина — кладутъ крестъ на крестъ горящія головни и на нихъ кусокъ кожи; оговоръ выкуривается.

Если самоѣдъ совершилъ какое нибудь преступленіе и запирается, зарѣзываютъ собаку и давъ виновному съѣсть ея сердце, приговариваютъ: „Если ты солгалъ, то издохнешь какъ собака“.

Еще торжественнѣе клятва на медвѣжьей губѣ. Присягающій прикусываетъ медвѣжью губу и говоритъ: „какъ я кусаю твою губу, такъ ты меня искусай, если я лгу“.

Медвѣдь у самоѣда въ большомъ почетѣ. По его мнѣнію, это не звѣрь, а человѣкъ, покрытый шкурой, и даже богъ. Поэтому о медвѣдѣ не говорится иначе, какъ съ подобострастіемъ: „прекрасный звѣрь“, „старецъ съ ког-

тями", „шубный отецъ", что не мѣшаетъ, при случаѣ, пустить этому отцу пулю или стрѣлу, такъ какъ самоѣды до медвѣжьяго мяса большіе охотники; при этомъ медвѣдю говорится столько комплиментовъ, что ему рѣшительно нѣтъ возможности разсердиться.

Норденшельдъ вернулся на „Вегу" очень довольный собраннымъ этнографическимъ матеріаломъ. Августа 1-го суда снялись съ якоря и пройдя Югорскій шаръ подъ парами вышли въ Карское море, предметъ стремленій столькихъ правительствъ, купцовъ и ученыхъ. Въ теченіе многихъ столѣтій, это море составляло поворотный пунктъ для путешественниковъ и, словно заколдованное, никого не допускало въ свои воды.

Погода продолжала благопріятствовать плаванію и большихъ льдовъ не было видно.

Мѣстами встрѣчался поломанный и рыхлый ледъ, но онъ не мѣшалъ движенію; зато сильно препятствовали туманы, заставлявшіе иногда уклоняться отъ курса. Такимъ образомъ островъ Диксона былъ принятъ за гавань того же имени и суда бросивъ якорь, должны были сняться снова и отыскивать гавань, куда и вошли благополучно 6-го августа.

Эта гавань, защищенная отъ вѣтра утесистыми островами, открыта Норденшельдомъ въ 1875 году и названа именемъ Диксона. Это лучшая гавань на всемъ сѣверномъ берегу Азіи и нѣтъ сомнѣнія, что она со временемъ будетъ играть большую роль въ сибирской ввозной и вывозной торговлѣ.

На островѣ Диксона путешественники видѣли 6 оленей и нѣсколько медвѣдей. Одного изъ оленей имъ удалось убить.

Хотя мѣстность эта лежитъ гораздо сѣвернѣе границы лѣсовъ, но мореплавателю легко запасаться топливомъ, такъ какъ здѣсь масса наноснаго лѣса. Вѣтки, пни, корни и цѣлыя деревья съ вѣтвями и корнями, занесенныя те-

ченіемъ, встрѣчаются въ огромномъ количествѣ на днѣ бухтъ гавани Диксона. Нѣкоторыя деревья тонутъ внизъ корнемъ и коснувшись дна, остаются, въ стоячемъ положеніи. Одна изъ бухтъ гавани Диксона почти совершенно отдѣлена отъ моря подобнымъ частоколомъ.

Августа 9-го „Фразеръ“ и „Экспрессъ“ пошли вверхъ по Енисею, а 10-го числа снялись съ якоря „Вега“ и

Берегъ Енисея.

„Лена“. Теплая погода и безледное море благопріятствовали плаванію весь этотъ день и слѣдующій, но туманъ мѣшалъ сильно и подъ утро пришлось пристать къ маленькому островку, не нанесенному на карту. Къ полудню туманъ разсѣялся, „Вега“ и „Лена“ пошли дальше. Такія остановки изъ-за тумана случались нѣсколько разъ. Иногда суда причаливали къ льдинѣ и занимались ловлей водорослей и изслѣдованіемъ ихъ. Во время одной

изъ такихъ остановокъ сдѣлана была замѣчательная находка.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говоритъ Норденшельдъ, я указывалъ на важность изслѣдованія космической пыли, падающей на земную поверхность съ атмосферными осадками и доказывалъ, что часть этой пыли принадлежитъ міровому пространству. Населенныя части земли мало пригодны для подобныхъ изслѣдованій; снѣжныя же и ледяныя поля подъ полюсомъ, удаленныя отъ жилищъ людей и путей пароходовъ сохраняютъ космическую пыль во всей ея неприкосновенности".

На одной, снѣгомъ покрытой льдинѣ, замѣчены были желтыя пятна. Когда снѣгъ былъ собранъ и растопленъ, въ немъ оказались свѣтложелтые кристаллы, поперечное сѣченіе которыхъ равнялось 1 миллиметру. При нагрѣваніи, кристаллы распались въ бѣлый порошокъ, лишенный всякаго вкуса. Еслибъ это была кристаллизація морской воды, она находилась бы не на снѣгу, а подъ нимъ, на льду; не упало ли изслѣдуемое вещество изъ мірового пространства? На этотъ вопросъ Норденшельдъ не даетъ отвѣта.

Отъ 14-го — 18-го августа туманы задержали суда у полуострова Таймура и путешественники, пользуясь остановкою, предпринимали экскурсіи. Въ этомъ безлюдномъ мѣстѣ, гдѣ даже животная жизнь бѣдна представителями, европейскіе моряки чуть чуть не повстрѣчали соотечественника. Недалеко отъ ихъ стоянки прошелъ норвежскій шкиперъ Іоганнесенъ, который только что посѣтилъ Новую Землю и, обогнувъ ея сѣверовосточную оконечность, прошелъ черезъ Карское море по безледному фарватеру. Завидѣвъ 16-го августа Таймурское прибрежье, онъ повернулъ назадъ, открылъ островъ „Одиночество", снова переплылъ Карское море и вернулся въ Норвегію 12-го сентября.

19-го августа суда шли на парахъ и подъ парусами,

„Вега" и „Лена" салютуютъ мысу Челюскину.

окруженныя по большей части туманомъ, который разсѣявался лишь на короткое время. Чтобъ не потерять другъ друга, „Вега“ и „Лена“ обмѣнивались частыми свистками. Морская поверхность уподоблялась зеркалу. Лишь изрѣдка попадались сильно разъѣденныя льдины и въ продолженіе дня встрѣтилось большое ледяное поле, запол-

Водруженіе столба на мысѣ Челюскинѣ.

нявшее бухту на западной сторонѣ Челюскина мыса. Въ туманѣ невозможно было далеко видѣть и Норденшельдъ началъ уже сомнѣваться въ возможности пристать къ самой сѣверной оконечности Азіи, по причинѣ большого скопленія льдовъ. Вскорѣ, однакоже, черезъ мглу показался на сѣверо-востокѣ темный мысъ, не обложенный льдами. Открывавшійся къ сѣверу заливъ врѣзывался въ

материкъ. Въ этомъ то заливѣ оба судна бросили якорь 19-го августа въ 6 часовъ пополудни.

„Наконецъ мы достигли великой цѣли!“ съ восторгомъ восклицаетъ Норденшельдъ. „Впервые судно стояло на якорѣ у самой сѣверной оконечности Стараго Свѣта. Неудивительно, что мы привѣтствовали это событіе украшеніемъ судовъ флагами и пушечною пальбою, а послѣ возвращенія съ прогулки по берегу — пиршествомъ и заздравными тостами“.

Здѣсь также какъ и на Енисеѣ, пришельцевъ встрѣтилъ большой бѣлый медвѣдь. Завидя судно, онъ безпокойно забѣгалъ взадъ и впередъ по берегу и чутьемъ старался разузнать природу и свойства гостей, прибывшихъ въ его владѣнія. Кровожадные гости собрались, было, поживиться хозяиномъ, но прежде чѣмъ они успѣли приготовить ружья, медвѣдь, испуганный пушечными салютами, убѣжалъ безъ оглядки.

Посѣтивъ полуостровъ, путешественники, по обычаю полярныхъ мореходцевъ, водрузили столбъ въ память своего посѣщенія.

ГЛАВА II.

Ново-Сибирскіе острова. Шелагскій мысъ. Льды прекращаютъ путь „Веги“.

По плану путешествія, экспедиція должна была плыть на востокъ къ Ново-Сибирскимъ островамъ для того, чтобы опредѣлить, нѣтъ ли земли на этомъ пути. 21-го и 22-го августа суда пробирались безпрепятственно въ означенномъ направленіи среди плавучаго льда, который былъ менѣе разъѣденъ чѣмъ встрѣченный у Таймура.

Попалось нѣсколько ледяныхъ полей, но ледяныхъ горъ не было видно. Тѣмъ не менѣе, плаваніе судовъ между льдами, среди такого густого тумана, который по выраженію матросовъ, хоть ножемъ рѣжь, было рискованно и экспедиція, рѣшившись отказаться отъ посѣщенія Новой Сибири, перемѣнила курсъ на болѣе южный.

Обманъ зрѣнія, производимый туманомъ въ странахъ, въ которыхъ величина предметовъ и разстояніе неизвѣстны, по истинѣ изумителенъ. „Во время одной поѣздки въ лодкѣ, на Шпицбергенѣ, разсказываетъ Норденшельдъ, мнѣ необходимо было черезъ пловучій ледъ пробраться къ острову, лежащему въ недалекомъ разстояніи. Мы выѣхали при ясномъ небѣ, но вдругъ упалъ туманъ и мы должны были грести на удачу. Мы смотрѣли во всѣ глаза, надѣясь различить желанный островъ. Вскорѣ на горизонтѣ показалась темная полоса, которую и приняли за очертаніе острова. Нѣсколько минутъ спустя по обѣ стороны воображаемой земли показались два снѣжныхъ поля и вдругъ все превратилось въ страшное морское чудовище величиною съ гору. Голова чудовища вскорѣ оживилась, стала двигаться и оказалось, что вся эта фантасмагорія была не что иное, какъ обыкновенный моржъ, поконвшійся на льдинѣ вблизи лодки.

Въ другой разъ на льду въ туманную погоду, мы выжидали приближенія медвѣдя, котораго всѣ видѣли очень хорошо, то-есть воображали, что видѣли. Вдругъ этотъ медвѣдь вспорхнулъ и улетѣлъ въ видѣ небольшой бѣлой чайки“.

23-го удалось наконецъ судамъ выбраться изъ лабиринта льдовъ и войти въ полую воду. При попутномъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, суда быстро пошли впередъ по совершенно чистому морю. На слѣдующій день, плывя вдоль береговъ, путешественники видѣли горы, не покрытыя снѣгомъ. Погода была ясная и въ морѣ плавали огромныя стада моржей. Глаза промышленниковъ, нахо-

дившихся въ числѣ команды, разгорались отъ удовольствія. Можно было впередъ сказать, что они непремѣнно воспользуются новооткрытымъ путемъ и придутъ сюда на промыслы.

Около полудня показался островъ Преображенія, лежащій при устьѣ рѣки Хотанги въ томъ мѣстѣ Таймурскаго полуострова, гдѣ берега, шедшіе на югъ, круто поворачиваютъ къ востоку. Норденшельдъ рѣшилъ оста-

Островъ Преображенія.

новиться тутъ для научныхъ наблюденій и суда бросили якорь.

Пробывъ здѣсь нѣсколько часовъ и осмотрѣвъ островъ, мореплаватели пошли далѣе вдоль побережья. 25-го, 26-го и 27-го августа погода стояла тихая, ясная, и море было совершенно свободно отъ льдовъ.

Достигнувъ устьевъ Лены, суда разстались. „Лена“*)

*) Такимъ образомъ, „Лена“, „Фразеръ“ и „Экспрессъ“ исполнили возложенныя на нихъ задачи.

пошла вверхъ по рѣкѣ къ Якутску; „Вега“ продолжала плаваніе на сѣверо-востокъ, по направленію къ Ново-Сибирскимъ островамъ.

Эти острова со времени своего открытія славились чрезвычайнымъ богатствомъ зубовъ и костей вымершаго арктическаго слона, извѣстнаго подъ названіемъ мамонта. Путешественникъ Геденстремъ видѣлъ здѣсь, на протяженіи одной версты 10 бивней, торчащихъ изъ земли. Эти остатки находятся обыкновенно въ берегахъ рѣкъ, размываемыхъ водою. Берегъ обваливается и обнажаетъ кости, а иногда и цѣлые трупы животныхъ съ мясомъ и кожею. Послѣднее, впрочемъ, очень рѣдко.

Вмѣстѣ съ костями мамонта на Ново-Сибирскихъ островахъ попадаются въ большомъ количествѣ части остововъ другихъ животныхъ, напр., носорога. Кромѣ того, Ново-Сибирскій архипелагъ замѣчателенъ такъ называемыми „деревянными горами“ весьма загадочнаго происхожденія. Эти горы, достигающія 64 метровъ въ вышину, состоятъ изъ перемежающихся слоевъ песчаника и пропитанныхъ горною смолою древесныхъ стволовъ. Бревна расположены въ нижней части холма лежа, а въ верхней — стоя.

Въ виду громаднаго научнаго интереса, представляемаго Ново-Сибирскими островами, Норденшельдъ намѣревался здѣсь остановиться, но этого ему не удалось сдѣлать. Подходя къ самымъ западнымъ изъ острововъ Семеновскому и Столбовому, „Вега“ встрѣтила многочисленныя мели и ходъ ея сильно затруднился. Только 30-го августа достигли путешественники западнаго берега острова Ляхова, бывшаго цѣлью ихъ поѣздки. Сѣверные и восточные берега острова не были обложены льдами, но вѣтры послѣднихъ дней согнали массу льда къ западному берегу. Кромѣ того, море было до того мелко, что на разстояніи 25 в. отъ земли глубина не превышала 8 метровъ.

Сильный штормъ на такомъ мелководномъ фарватерѣ могъ подвергнуть судно, стоящее на открытомъ рейдѣ на якорѣ, серьезной опасности.

Не считая себя вправѣ подвергать главную цѣль экспедиціи риску изъ за желанія побродить по интереснымъ островамъ, Норденшельдъ отказался отъ намѣренія сойти на берегъ острова Ляхова и „Вега“ взяла курсъ на югъ къ проливу, отдѣляющему островъ отъ материка. Островъ Ляховъ, по показанію землемѣра Хвойнова, по-

Лодки чукчей.

сѣтившаго островъ въ 1775 г., состоитъ изъ льда и песку, въ которомъ погребена масса костей и бивней мамонта, смѣшанныхъ съ черепами какой-то бычачьей породы и рогами носороговъ. Ляховъ открылъ этотъ островъ въ 1770 г., благодаря слѣдамъ оленей, шедшихъ съ сѣвера.

Руководствуясь вѣрнымъ заключеніемъ, что олени прибыли съ неизвѣстной земли, Ляховъ въ саняхъ, запряженныхъ собаками, по слѣдамъ достигъ двухъ самыхъ южныхъ острововъ Ново-Сибирскаго архипелага.

Императрица Екатерина II наградила открывателя исключительнымъ правомъ собирать слоновую кость на вновь открытой территоріи.

„Вега“ продолжала благополучно плыть на востокъ въ недалекомъ разстояніи отъ берега, встрѣчая лишь плавучія ледяныя поля изъ рыхлаго льда. Только 3-го сентября стали показываться за Святымъ Носомъ большія глыбы съ чистой ледяной подошвой, весьма опасныя для мореплавателей.

3-го сентября „Вега“ находилась въ виду Медвѣжьихъ острововъ. Шелъ такой сильный снѣгъ, что палуба корабля и вся видимая земля были имъ покрыты.

Разстояніе въ 630 в. между островами Ляхова и Медвѣжьими было пройдено „Вегою“ въ 3 дня; слѣдовательно, она дѣлала по 210 в. въ день. Принимая во вниманіе неизвѣстность фарватера, такая скорость можетъ считаться вполнѣ удовлетворительною. Впослѣдствіи однакоже, плаваніе сильно замедлилось; ночи сдѣлались темны и туманы усилились. 6-го сентября „Вега“ обогнула Шелагскій мысъ, плывя все время по безлёдной полосѣ вдоль берега.

Хотя плаваніе до сихъ поръ можно было назвать вполнѣ удачнымъ, но однообразіе окружающей природы начало сильно тяготить путешественниковъ. Начиная отъ Югорскаго Шара, они не видали людей, ни людскихъ жилищъ, если не считать полуразвалившихся лачугъ промышленниковъ.

Поэтому они были весьма пріятно поражены, увидавъ плывущія къ нимъ отъ Шелагскаго мыса двѣ лодки.

Всѣ живыя существа на „Вегѣ“, исключая повара, котораго ничто въ мірѣ не могло отвлечь отъ кастрюль и сковородъ, бросились на палубу. Кожанныя лодки были нагружены хохочущими и болтающими мужчинами, женщинами и дѣтьми, которые криками и знаками извѣщали,

Внутренній видъ чукотской юрты.
(По [illegible].)

что желаютъ посѣтить судно*). Машину остановили, спустили шлюпки и вскорѣ ватага людей, одѣтыхъ въ шкуры и съ непокрытыми головами полѣзла по трапу. Умѣнье взбираться на трапъ показывало, что эти люди не разъ бывали на судахъ. Они называли себя чукчами, но, къ сожалѣнію, никто не могъ объясняться съ ними иначе какъ знаками. Получивъ въ подарокъ табаку и маленькія глиняныя трубки, они остались очень довольны.

Распростившись съ гостями, „Вега“ пошла далѣе. Въ надеждѣ скоро выбраться изъ непривѣтливыхъ сѣверныхъ странъ въ болѣе южные, всѣ чувствовали сильный подъемъ духа.

Вдругъ 8-го сентября „Вегу“ неожиданно окружила такая масса льду, что она не могла двигаться впередъ и принуждена была причалить къ большой льдинѣ близъ берега. Когда туманъ немного разсѣялся и судно стало видимо съ берега, опять пріѣхали чукчи и знаками приглашали путешественниковъ посѣтить ихъ юрты. Такъ какъ невозможно было продолжать путь, то Норденшельдъ очень обрадовался представившемуся развлеченію и съ нѣсколькими товарищами съѣхалъ на берегъ.

Чукчи принимали гостей своихъ весьма радушно и усердно угощали ихъ. Запасы были обильны. Въ одномъ жилищѣ оленина варилась въ большомъ чугунномъ котлѣ; въ другомъ — разрубали двухъ убитыхъ оленей и вынимали внутренности; въ третьемъ — старуха опоражнивала желудки оленей, припрятывая зеленое содержимое ихъ, похожее на вареный шпинатъ, въ мѣшокъ изъ тюленьей кожи. Въ иныхъ юртахъ лежали распластанные тюлени. Норденшельдъ видѣлъ двѣ головы моржей съ великолѣпными бивнями. Тщетно упрашивалъ онъ чукчу продать эти головы, но тотъ продалъ только бивни, ни за что не согласившись разстаться съ головами. На этотъ

*) Во времена Беринга этихъ людей ничѣмъ нельзя было заманить на судно.

счетъ, вѣроятно, существуетъ у этихъ людей какой нибудь предразсудокъ.

Особенно понравились путешественникамъ здоровыя и рѣзвыя дѣти. Внутри юртъ они ходили почти нагими и нерѣдко въ такомъ видѣ выбѣгали на улицу. Старшіе обращались съ дѣтьми ласково и маленькихъ носили на плечахъ.

Чукотскія дѣти.

Чукотская кукла.

9-го сентября утромъ, „Вега“ попыталась продолжать путь, но вскорѣ, по причинѣ густого тумана, принуждена была снова причалить къ льдинѣ. Прибытіе судна, повидимому, чрезвычайно удивило туземцевъ; вѣсть объ этомъ замѣчательномъ событіи быстро стала распространяться между ними и цѣлыя партіи дикарей стали пріѣзжать на судно, не смотря на то, что въ окрестности шалашей не замѣчалось. Они привозили съ собой множе-

ство вещей для обмѣна, но къ сожалѣнію, Норденшельдъ не запасся интересными для нихъ предметами, а деньги въ ихъ глазахъ не имѣли цѣны. Удалось пустить въ ходъ нѣсколько просверленныхъ серебряныхъ монетъ для украшеній. Монеты носили изображеніе короля Оскара и, въ случаѣ несчастнаго исхода экспедиціи, могли служить для опредѣленія мѣстъ, которыя экспедиція посѣтила.

Въ назиданіе будущимъ путешественникамъ Норденшельдъ перечисляетъ предметы, самые пріятные для туземцевъ: иголки, котлы, ножи, топоры, пилы, буравы и другіе желѣзные инструменты, холщевыя и ситцевыя рубахи, платки, табакъ и сахаръ. Къ перечисленному еще слѣдуетъ прибавить водку, за которую можно получить все, что угодно. Въ настоящее время, впрочемъ, мѣновая торговля далеко не такъ выгодна, какъ прежде.

Въ былые годы 8 соболиныхъ шкурокъ вымѣнивались въ Камчаткѣ на одинъ ножъ; а за топоръ давали ихъ 18 и притомъ камчадалы еще смѣялись надъ простаками пришельцами, которые позволяли себя надуть. Въ Якутскѣ прежде за котелокъ платилось столько шкурокъ, сколько могло ихъ въ него помѣститься.

Ночью 10-го сентября поверхность моря покрылась довольно толстою корою молодого льда, который, однакоже, вскорѣ былъ разрушенъ плавучими льдинами. „Вега“ попыталась идти впередъ, лавируя между льдами, но скоро полоса крѣпкаго льда преградила ей путь. Проработавъ нѣсколько часовъ топорами и ломами, удалось наконецъ образовать каналъ и вывести судно на чистое мѣсто. Въ ночь на 11-ое сентября ледъ былъ въ сильномъ движеніи и „Вега“ должна была причалить къ почвенному льду. 12-го сентября она опять двинулась въ путь, но за Сѣвернымъ мысомъ ее затерли льды и она должна была пріютиться въ маленькой бухточкѣ, гдѣ и простояла до 18 сентября. Не случись этой задержки, „Вега“ достигла бы желаемой цѣли.

Мысъ Сѣверный получилъ наименованіе свое отъ Кука, посѣтившаго его въ 1777 г. Гораздо правильнѣе было бы сохранить ему чукотское названіе Иркайпій, извѣстное всей Сибири.

На косѣ, соединяющей Иркайпій съ материкомъ, находилось чукотское становище въ 16 шалашей. Здѣсь встрѣтились любопытные остатки жилищъ племени Онкилонъ, прогнанныхъ чукчами и ушедшихъ будто бы на острова, лежащіе далеко на сѣверъ. Во время вынужденной стоянки на якорѣ путешественники дѣлали раскопки и открыли нѣсколько каменныхъ орудій: топоровъ, наконечниковъ стрѣлъ и т. п.; кромѣ того массу костей разныхъ животныхъ и птицъ. Сохранились остатки старыхъ жилищъ, которыя служили современнымъ чукчамъ вмѣсто погребовъ для сохраненія ворвани.

Развѣдки, дѣлаемыя европейцами, не нравились туземцамъ. Особенно недоброжелательно поглядывалъ одинъ старикъ. Но убѣдившись, что пришельцы ворвани не воруютъ, а собираютъ разную дрянь, старикъ махнулъ рукой и отошелъ прочь.

Между путешественниками и туземцами возникли вскорѣ самыя добрыя отношенія. Одного высокаго красиваго чукчу, по фамиліи Чепурина, путешественники приняли за старшину; угощали его и одаривали. Это былъ франтъ большой руки, съ удовольствіемъ наряжавшійся въ подаренныя вещи. Онъ напяливалъ на себя нѣсколько рубашекъ, привѣшивалъ къ ушамъ цѣпи съ монетами и видимо важничалъ. Впослѣдствіи оказалось, что онъ вовсе не старшина и что у этой общины совсѣмъ старшины не было.

Не смотря на подобную анархію, всѣ жили, повидимому, въ ладу и въ дружбѣ. Особенно пріятно было смотрѣть на ласковое обращеніе этихъ дикарей съ дѣтьми. Стоило приласкать ребенка, чтобъ заслужить расположеніе чукчей. Женщины пользовались полной равноправностью; мужъ совѣтовался съ женою и нерѣдко, чтобы сговориться

съ мужемъ, надо было задобрить жену какимъ нибудь подаркомъ. Вещи, вымѣненныя мужемъ, поступали на сохраненіе женѣ.

Опечаленный остановкою хода экспедиціи, Норденшельдъ совершилъ экскурсію къ ближайшей горѣ и, взобравшись на нее, увидалъ море, сплошь покрытое плотно скученнымъ плавучимъ льдомъ. Только близъ материка тянулась открытая полоса, загороженная во многихъ мѣстахъ ледяными полями.

Восхожденіе на гору было очень затруднено ледянымъ налетомъ, покрывавшимъ камни. Этотъ налетъ, происходящій отъ охлажденія тумана, хорошо знакомъ мореплавателямъ. При сильномъ морозѣ въ зимнее время не только въ полярныхъ моряхъ, но и въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ случается, что морская вода на поверхности леденѣетъ. Каждая волна, окачивающая палубу, отъ сотрясенія, оставляетъ послѣ себя ледяное сало. Масса этого сала быстро увеличивается и превращается въ плотный ледъ. Всѣ попытки удалить эту ледяную броню напрасны. Въ нѣсколько часовъ судно принимаетъ видъ пловучей леданой глыбы, управлять которою нѣтъ никакой возможности. Несчастная команда, послѣ страшно утомительной работы, бываетъ принужена въ концѣ концовъ, предоставить судно на произволъ судьбы. Такое происшествіе случилось съ пароходомъ „Софія“ въ октябрѣ, близъ Медвѣжьяго острова во время шведской полярной экспедиціи 1868 года.

Оставаться далѣе на Иркайпіи, не рискуя зазимовать, было невозможно и 18-го сентября „Вега“ снялась съ якоря. Свободная полоса вдоль берега часто перегораживалась льдами, фарватеръ былъ очень мелокъ. На слѣдующій день „Вега“ набѣжала на подводную льдину, которую пришлось разбивать топорами и ломами. Попытки взорвать ледъ порохомъ не удались; динамитъ, вѣроятно, былъ бы дѣйствительнѣе.

До 27-го числа „Вега“ лавировала между льдами, но часто должна была останавливаться на болѣе или менѣе продолжительное время и посылать лодку на развѣдки. Наконецъ она достигла залива Колючина противъ острова того же имени. Около острова было большое скопленіе льдовъ и судно должно было сдѣлать большой обходъ, чтобы попасть въ бухту. Погода стояла ясная и между льдами плавали сотни тюленей, съ любопытствомъ слѣдившіе за кораблемъ. Птицы встрѣчались лишь изрѣдка; вѣроятно, онѣ уже переселились на югъ.

Судно причалило къ льдинѣ, путешественники вышли на берегъ и разложивъ огромный костеръ, расположились вокругъ него, весело болтая о предстоящемъ переходѣ въ южныя страны, отъ стужи къ зною. Никому не приходило въ голову, что этимъ мечтамъ еще не скоро предстоитъ осуществиться.

Вечеръ былъ восхитительный; небесный сводъ ясенъ и въ воздухѣ стояла такая тишь, что пламя и дымъ костра столбомъ поднимались къ небу. Черная водная гладь, покрытая ледяною пленкою, отражала свѣтъ костра въ видѣ огненной прямой линіи. На горизонтѣ виднѣлась ледяная кайма, неровности которой въ темнотѣ казались очертаніями отдаленныхъ горъ. Вслѣдствіе отсутствія малѣйшаго вѣтерка морозъ въ 2° казался нечувствительнымъ. Его было однакоже достаточно, чтобы покрыть море тонкимъ слоемъ льда, который на открытыхъ мѣстахъ хотя и не могъ задержать ходъ „Веги“, но зато такъ связалъ между собою пловучія льдины, что даже паровое судно могло съ трудомъ проложить себѣ путь.

На слѣдующій день 28-го сентября, „Вега“ попробовала плыть далѣе къ открытому морю, но льдины, скованныя ночнымъ морозомъ образовали такой плотный покровъ, что одолѣть его не было никакой возможности. „Вега“ снова причалила къ льдинѣ, въ надеждѣ, что первый порывъ вѣтра разгонитъ льды и откроетъ путь

въ Беринговъ проливъ, до котораго оставалось не болѣе 209 верстъ или одного дня пути.

Но надеждамъ этимъ не суждено было сбыться. Проходилъ день за днемъ, быстро надвигалась полярная зима и перезимовка — на порогѣ къ переходу изъ Ледовитаго въ Великій океанъ, становилась неизбѣжною. Горько упрекалъ себя Норденшельдъ въ излишней тратѣ времени на нѣкоторыхъ пунктахъ сибирскаго берега. Приди „Вега“ нѣсколькими днями раньше и путь былъ бы свободенъ. Впослѣдствіи онъ узналъ, что на разстояніи 70 верстъ отъ мѣста заточенія „Веги“ во льдахъ, море было чисто и по немъ плавали суда китолововъ.

Тяжело было покориться обстоятельствамъ, но другого исхода не было. На этотъ разъ природа побѣдила человѣка.

ГЛАВА III.

Зимовка у Колючина. Общеніе съ чукчами.

Положеніе судна было далеко не безопасно. „Вега“ стояла не въ гавани, а на открытомъ мѣстѣ; ее легко могли затереть и раздавить льды. Къ счастію скоро надвинулась ледяная гора и вслѣдствіе мелководности фарватера, осѣла на дно. она то и послужила защитою судну, ограждая его отъ напоровъ льда съ моря. Нечего было опасаться, что она раньше весны сдвинется съ мѣста. Уже 2-го Октября можно было съ осторожностью ходить по льду около судна, а 3-го чукчи пѣшкомъ пришли на „Вегу“.

Надъ палубой устроили изъ парусины палатку, въ которой днемъ работали матросы. Тутъ же поставлена

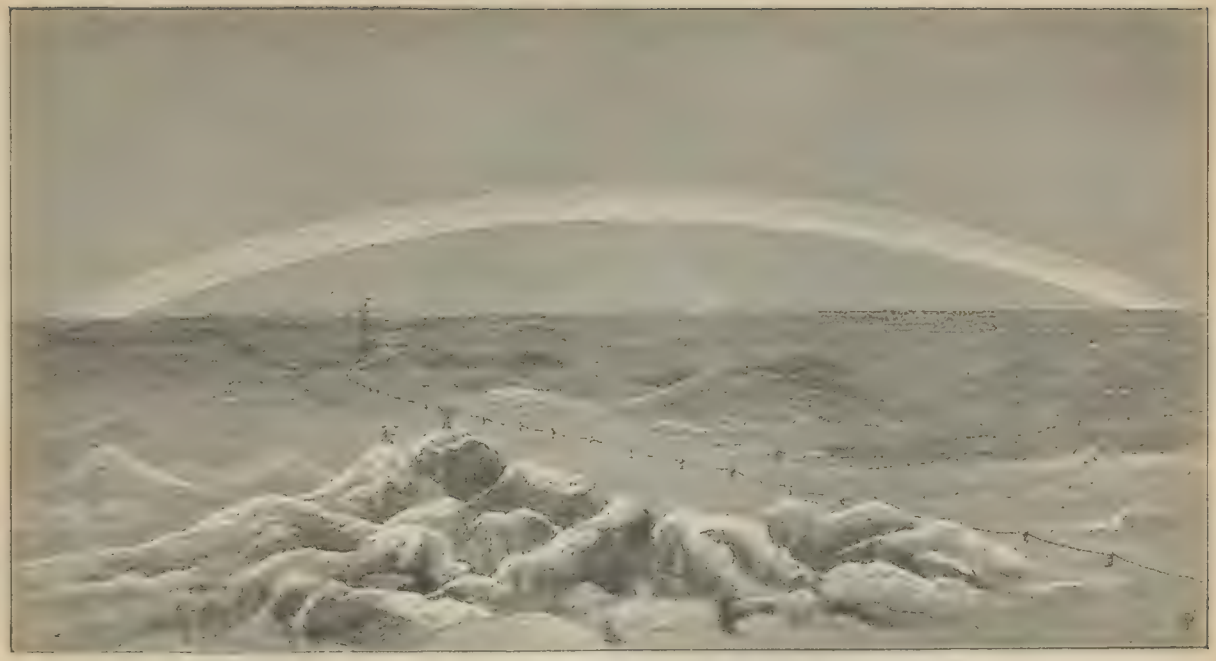
Вега на зимовкѣ.

была небольшая наковальня и чукчи съ большимъ любопытствомъ смотрѣли, какъ кузнецъ обработывалъ раскаленное желѣзо. Поваръ раздавалъ имъ остатки обѣда и нарочно испеченные для нихъ хлѣбцы. Палатка кромѣ того служила пріемною, въ которой женщинамъ дарили табакъ, а дѣтямъ сахаръ; иногда уставшаго звѣролова угощали водкой. Здѣсь же производился торгъ и заключались условія насчетъ поѣздокъ на собакахъ въ разныя стороны.

Во время бурь, особенно въ декабрѣ мѣсяцѣ, во льдахъ происходило сильное движеніе. По перемѣщающимся синимъ пятнамъ на горизонтѣ можно было заключать о передвиженіи льдовъ. Ледяную гору вмѣстѣ съ „Вегою“ придвинуло ближе къ берегу. По временамъ судно такъ трещало, что можно было за него опасаться. На всякій случай Норденшельдъ велѣлъ перенести провіантъ и припасы на берегъ. Они лежали покрытые брезентомъ, никто ихъ не караулилъ и чукчи, проѣзжая безпрестанно мимо, ни разу ничего не тронули.

На берегу, отстоявшемъ въ полутора верстѣ отъ судна, поставлена была магнитная обсерваторія. Наблюдатели должны были 4 раза въ сутки переходить это пространство и чтобы въ темныя ночи не сбиться съ пути, укрѣпили во льду столбы и протянули веревку. Пробовали было сначала поддерживать каналъ для сообщенія на лодкахъ, но скоро должны были отъ этого отказаться. Поддерживали только двѣ проруби: одну на случай пожара, а другую для научныхъ наблюденій. Къ одной изъ нихъ повадился небольшой тюлень и приплывалъ каждый день, пока для потѣхи не изловили его и не принесли на палубу. Здѣсь ему предлагали разныя лакомства, но онъ ничего не хотѣлъ принять. Наконецъ, надъ нимъ сжалились и снова опустили въ прорубь. Съ тѣхъ поръ онъ больше не показывался.

Обсерваторія выстроена была изъ глыбъ синяго про-



Облакновенное сѣверное сіяніе и путь, проложенный къ „Berlin“ съ берега.

зрачнаго льда. Чукчи называли ее „типтинярангa“, то есть ледяной домъ. При постройкѣ, вмѣсто цемента, употребляли снѣгъ, смѣшанный съ водой. Крышу сдѣлали изъ досокъ. Ледяной домъ оказался очень удобной и красивой обсерваторіей. Онъ имѣлъ только одинъ недостатокъ — въ немъ было холодно. Такъ какъ въ постройкѣ нельзя было употреблять желѣза, чтобъ не нарушить дѣйствія магнитовъ, то нельзя было устроить и очага. Попробовали было нагрѣвать помѣщеніе самоваромъ, но обсерваторъ чуть не умеръ отъ угара; пришлось помириться съ холодомъ.

Въ магнитныхъ и метеорологическихъ наблюденіяхъ принимали участіе 9 ученыхъ, сопровождавшихъ экспедицію. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою вахту въ 6 часовъ, изъ которыхъ пять проводилъ въ обсерваторіи. Послѣ 5-ти часового дежурства въ ледяномъ домѣ, идти $1^1/_2$ версты на морозѣ было очень тяжко, но этотъ моціонъ, а главное обязательный трудъ, благодѣтельно дѣйствовали на здоровье, подкрѣпляя душу и тѣло.

Впослѣдствіи, около обсерваторіи построили еще помѣщеніе изъ снѣга, на подобіе улья, для инструментовъ; тутъ же находился и складъ провіанта.

На суднѣ, въ отдѣльныхъ каютахъ и каютъ-компаніяхъ совсѣмъ не было такъ холодно, какъ можетъ быть полагаютъ многіе. Правда, стѣны въ иныхъ мѣстахъ промерзали и люки были покрыты толстымъ слоемъ льда, но на нѣкоторомъ разстояніи отъ стѣнъ термометръ показывалъ отъ +12° до +17°, температуру довольно сносную.

Состояніе здоровья на суднѣ въ продолженіи всей зимы было вполнѣ удовлетворительно; благодаря частымъ ваннамъ, большой опрятности и хорошему столу, цынга, этотъ бичъ полярныхъ странъ, не показывалась.

Норденшельду было извѣстно, что жители крайняго сѣвера считаютъ моронку прекраснымъ противуцынготнымъ средствомъ, а потому онъ постарался запастись этой

ягодой насколько было возможно. Два раза въ недѣлю подавалась она въ видѣ кашицы съ ромомъ и очень нравилась потребителямъ. Запасено было также множество консервовъ мяса и овощей; отъ туземцевъ получали свѣжую рыбу; иногда охота доставляла зайцевъ и бѣлыхъ куропатокъ. Кромѣ того, на „Вегѣ“ благополучно про-

Обсерваторія при Питлекаѣ.

живали взятыя съ собою двѣ свиньи, которыя зарѣзаны были къ Рождеству.

На многихъ льдинахъ, притертыхъ къ мѣсту стоянки судна, находились довольно глубокія скопленія прѣсной воды; ею пользовались для питья и для стирки. Въ декабрѣ эти скопленія промерзли и пришлось добывать воду, растапливая снѣгъ.

Зимою погода стояла необыкновенно бурная, нагоняв-

шая безпрестанно метель *) и вьюгу **). Въ нижнихъ слояхъ атмосферы вѣтеръ дулъ постоянно съ сѣверо-запада, но уже на значительной высотѣ господствовалъ почти всегда вѣтеръ юго-восточный. Причина этого понятна. Беринговъ проливъ, окруженный высокими горами, представляетъ собою какъ бы ворота изъ Ледовитаго моря въ Тихій океанъ. И подобно тому, какъ черезъ открытую дверь токъ холоднаго воздуха проникаетъ въ комнату близъ пола, а теплый выходитъ изъ комнаты у потолка, такъ и тутъ: холодный токъ воздуха стремится изъ Ледовитаго моря черезъ проливъ внизу, а изъ Тихаго океана — теплый проникаетъ на сѣверъ сверху. Ясно, что на нѣкоторой высотѣ два противоположныхъ теченія воздуха борются между собою, чѣмъ и объясняется поразительная скорость, съ которою небесный сводъ близъ Берингова пролива то покрывается тучами, то снова проясняется. Одинъ мореплаватель очень удачно сравнилъ это явленіе съ поднираніемъ и опусканіемъ театральнаго занавѣса.

Мѣсто, около котораго зимовала „Вега“, называлось Чукотскій полуостровъ. На берегу не въ дальнемъ разстояніи, находились два чукотскихъ становища: Питлекай и Инрентленъ. Число жителей въ каждомъ изъ нихъ трудно было опредѣлить, такъ какъ общительные чукчи постоянно гостятъ другъ у друга. Всѣхъ же ихъ въ обоихъ становищахъ было, по крайней мѣрѣ, душъ 300.

Когда „Вега“ остановилась у полуострова, чукчи сильно взволновались. Въ зрительную трубу видно было какъ мужчины, женщины и собаки бѣгали по берегу и суетились. Съ большими усиліями дотащили чукчи кожаный челнокъ до полыньи, идущей почти вплоть до судна и влѣзли въ него въ такомъ количествѣ, что челнокъ погрузился въ воду до краевъ. Въ виду судна они привѣт-

*) Метель—выпаденіе снѣга, сопровождаемое вѣтромъ.

**) Вьюга—сильный вѣтеръ, подымающій и крутящій снѣгъ въ воздухѣ.

Офицерская каюта на „Вегѣ“ во время зимовки.

ливо закричали: „аноай, аноай“ (здравствуй, здравствуй). Путешественникамъ стало ясно, что суетливость дикарей происходила не отъ страха, а изъ опасенія потерять выгодный случай къ мѣнѣ. Сразу же установились съ ними добрыя отношенія, которыя потомъ ни разу не нарушались.

Подъ палубу впрочемъ чукчи не допускались. Ихъ постоянно принимали въ палаткѣ, которая обратилась вскорѣ въ нѣчто вродѣ гостиницы.

Нѣсколько нартъ всегда стояли передъ лѣстницею на судно, построенной изъ льда и собаки терпѣливо выжидали своихъ хозяевъ. Вѣсть о прибытіи путешественниковъ быстро распространилась среди мѣстнаго населенія и чукчи изъ отдаленныхъ становищъ стали посѣщать „Вегу“.

Хотя чукчамъ дозволялось свободно расхаживать по палубѣ, заставленной множествомъ вещей, но ни разу не случилось замѣтить какой-нибудь пропажи. Въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ инородцевъ чукчи и лопари самые честные. При всей своей честности чукчи позволяли себѣ попрошайничать и слегка надувать непрактичныхъ европейцевъ. Отрубивъ, напримѣръ, голову и лапки у туши лисицы, они увѣряли, что это заяцъ и очень удивлялись, когда пріѣзжіе тотчасъ же распознавали обманъ.

Къ сожалѣнію, вначалѣ никто не могъ говорить съ ними; но одинъ изъ офицеровъ, Нордквистъ, принялся усердно изучать чукотскій языкъ и черезъ нѣсколько недѣль уже удовлетворительно объяснялся съ дикарями. Мало по малу и другіе члены экспедиціи выучили нѣсколько общеупотребительныхъ выраженій, а чукчи затвердили нѣсколько словъ на шведскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, сложилось особаго рода международное нарѣчіе, на которомъ объяснялись довольно сносно.

6-го декабря утромъ, путешественники увидали удивительный поѣздъ, направлявшійся къ „Вегѣ“ по льду. Множество чукчей тащили нарту, на которой лежалъ чело-

вѣкъ. Сначала путешественники подумали, что везутъ къ нимъ тяжко больного, въ надеждѣ найти врачебную помощь. Но когда вся толпа дошла до парохода, то мнимый больной бодро всталъ и полѣзъ на судно. Поднявшись на палубу, онъ перекрестился и съ важностью объявилъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, что онъ представитель русской власти на чукотскомъ полуостровѣ,

Типъ чукчи.

староста чукчей, оленеводъ Василій Менка. Чтобы сразу внушить надлежащее уваженіе къ своей персонѣ, онъ и прибылъ въ нартѣ, везомой не собаками, а его подчиненными.

Менку пригласили въ капитанскую каюту, угостили роскошно и осыпали вопросами. Онъ отвѣчалъ на ломаномъ русскомъ языкѣ, но все-таки это былъ первый человѣкъ, съ которымъ можно было вести настоящій разговоръ.

Менка былъ безграмотенъ, но онъ быстро ориентировался на положенной передъ нимъ картѣ и указалъ на ней нѣсколько замѣчательныхъ мѣстъ въ Восточной Сибири. О существованіи русскаго императора этотъ мѣстный начальникъ не имѣлъ и понятія; зато ему извѣстно было, что чрезвычайно важная особа живетъ въ Иркутскѣ. Членовъ экспедиціи онъ считалъ исправниками ближайшихъ городовъ. Сначала онъ усердно крестился передъ фотографіями и гравюрами, висѣвшими въ капитанской каютѣ, но замѣтивъ, что хозяева не обращаютъ вниманія на эти изображенія, тотчасъ же пересталъ молиться. Менку сопровождали два другихъ косоглазыхъ туземца, одѣтыхъ хуже его. Сначала, на „Вегѣ“ думали, что это слуги, но потомъ узнали, что они оленевладѣльцы, считающіе себя ничѣмъ не хуже Менки. Одинъ изъ нихъ даже смѣялся надъ притязаніями Менки разыгрывать роль начальника. Тѣмъ не менѣе, они относились къ нему очень почтительно и съ нѣкоторой торжественностью поднесли начальнику экспедиціи оленину, какъ привѣтственный даръ отъ Менки.

Узнавъ, что Менка ѣдетъ въ русское селеніе Марково на рѣкѣ Анадырь, члены экспедиціи написали письма на родину; Норденшельдъ составилъ донесеніе королю Оскару и все это, положенное между дощечками при письмѣ иркутскому губернатору, передано было Менкѣ для доставки русскимъ властямъ въ Марковѣ.

Съѣхавъ на берегъ, мудрый староста, для пущей важности, собравъ вокругъ себя чукчей, развернулъ бумагу и держа ее кверхъ ногами, сталъ читать рѣчи своей импровизаціи. Дикари почтительно слушали и дивились мудрости своего старосты.

На слѣдующее утро знаменитый Менка опять посѣтилъ „Вегу“. Его одарили, угостили и онъ такъ развеселился, что пустился даже въ плясъ къ общей потѣхѣ зрителей европейцевъ и чукчей.

Впослѣдствіи оказалось, что Менка добросовѣстно исполнилъ данное ему порученіе. Письма пришли въ Швецію какъ разъ въ то время, когда безпокойство о судьбѣ экспедиціи достигло сильной степени и серьезно обсуждался вопросъ о посылкѣ судовъ ей на выручку.

Во время долгой зимы, путешественники нѣсколько разъ дѣлали поѣздки въ далекія становища чукчей и

Василій Менка, староста оленныхъ чукчей.

пытались, было, проникнуть въ Марково, но чукчи не соглашались везти ихъ.

Изъ всѣхъ экскурсій, самая интересная была посѣщеніе чукчей-оленеводовъ. Путешественники имѣли случай видѣть здѣсь замѣчательную дрессировку оленей. Хозяину понадобилось осмотрѣть свое стадо. По его свисту особаго рода, большой дрессированный олень стрѣлой полетѣлъ въ тундру и черезъ нѣсколько времени привелъ стадо.

Олени шли плотно сомкнутою группою подъ предводительствомъ посланнаго за ними вожака. Подойдя къ хозяину, вожакъ поздоровался съ нимъ, любовно потирая свою морду о его руки. Остальные олени въ это время встали въ ряды и хозяинъ здоровался съ ними по очереди, дозволяя каждому потереть морду о свои руки. При этомъ онъ наклонялъ имъ голову и осматривалъ рога. По данному знаку хозяина, все стадо повернулось и пошло обратно на пастьбу опять сомкнутыми рядами, подъ предводительствомъ вожака. Эта сцена произвела чрезвычайно пріятное впечатлѣніе на путешественниковъ. Передъ ними былъ не свирѣпый дикарь, а добрый хозяинъ, сердечно относящійся къ своимъ животнымъ. Самъ хозяинъ былъ видный молодой мужчина чрезвычайно симпатичной наружности.

Много наслажденія доставляло путешественникамъ часто повторяющееся сѣверное сіяніе ночью, и свѣтовыя явленія днемъ. Проходя вдоль взморья можно было видѣть при каждомъ погруженіи ноги въ снѣгъ голубыя брызги словно отъ бенгальскаго огня. Свѣтъ былъ иногда такъ силенъ, что освѣщалъ всю нижнюю часть туловища. Свѣтъ этотъ происходитъ отъ маленькаго ракообразнаго животнаго, которое обладаетъ способностью свѣтить.

Нерѣдко приходилось любоваться на ложныя солнца, свѣтовые круги и фигуры, происходившія отъ преломленія солнечныхъ лучей въ воздухѣ, наполненномъ микроскопическими частицами иглистаго снѣга. Эти красивыя явленія природы отчасти замѣняли лѣтнее убранство земли.

ГЛАВА IV.

Препровожденіе времени на „Вегѣ". Рождественская елка. Отъѣздъ. Возвращеніе въ Стокгольмъ. Торжественная встрѣча.

Время проходило крайне однообразно; читали, гуляли, охотились; но добычи для охоты было мало. Больше всѣхъ увлекался охотою звѣроловъ Іенсенъ. Однажды онъ вернулся испуганный и сообщилъ, что видѣлъ въ тундрѣ убитаго чукча. Въ видѣ вещественныхъ доказательствъ онъ принесъ въ числѣ другихъ предметовъ, найденныхъ около мертвеца, довольно красивое копье съ золотой насѣчкой. Хорошо, что онъ пробрался черезъ становище чукчей не замѣченнымъ; иначе—худо бы ему было, такъ какъ онъ обобралъ мертвеца. Оказалось, что чукча вовсе не былъ убитъ, а по чукотскому обычаю похороненъ, то-есть по просту брошенъ въ тундру.

При утомительномъ однообразіи, путешественники рады были и чукчамъ, не пропускавшимъ ни одного дня безъ посѣщенія „Веги". Все же это были существа живыя. Но въ концѣ концовъ надоѣли и они. Чтобы чѣмъ нибудь развлечься, стали устраивать на кораблѣ разныя празднества. Праздновали тезоименитство русскаго Императора, королей Оскара, Христіана и Гумберта, а равно справляли дни рожденія каждаго участника экспедиціи.

Наконецъ наступило Рождество. Здѣсь, вдали отъ образованнаго міра, отъ родины, семьи и друзей, путешественники встрѣтили этотъ праздникъ въ тѣсномъ товарищескомъ кругу, согрѣваемые чувствами братской дружбы. Заранѣе подговоренные чукчи, съѣздили въ долины, лежащія за горами къ югу, и привезли ивовыхъ вѣтвей. Съ помощью послѣднихъ, выкинутое на берегъ бревно, было превращено въ прекрасное вѣтвистое дерево. Импровизированная елка была установлена на сред-

ней палубѣ въ мастерской команды. Восковыя свѣчи и около 200 подарковъ были развѣшаны на елкѣ. Въ 6 часовъ весь экипажъ собрался на средней палубѣ и по жребію получилъ подарки; потомъ угощались, пѣли, танцовали и бодрые тѣломъ и духомъ веселились отъ души.

Новый годъ былъ встрѣченъ стрѣльбою въ полночь изъ пушекъ и множествомъ ракетъ.

Около новаго года явилась, было, надежда на освобожденіе „Веги“ изъ заточенія. На горизонтѣ показалась большая синяя полоса, которая все увеличивалась. Даже чукчи встрепенулись и принялись справлять свои рыболовныя снасти. Но увы! синяя полоса стала вдругъ уменьшаться и скоро исчезла, а съ нею исчезла и надежда на скорое освобожденіе.

Чтобъ разнообразить развлеченія, придуманы были вечернія чтенія для команды и занятія музыкою, насколько позволяли имѣвшіеся на лицо инструменты.

20-го февраля остановились у „Веги“ три нагруженныя мѣхами нарты. Это были чукчи, ѣхавшіе на ярмарку въ Островное. Норденшельдъ далъ имъ письма на родину, за доставку которыхъ они получили три бутылки рому и угощеніе.

Въ мартѣ проѣзжало много чукчей обратно съ товаромъ, вымѣненнымъ въ Островномъ на мѣха. Они ѣхали для сбыта этихъ товаровъ къ Берингову проливу.

28-го апрѣля явились первые вѣстники весны, подорожники, которые весело щебетали, порхая по снѣгамъ и льдамъ. Вслѣдъ за ними прилетѣли чайки, гуси, гаги. Путешественники радостно встрѣтили пернатыхъ гостей.

Во льду стали появляться трещины; у береговъ выступила вода, затруднявшая сообщеніе съ берегомъ. Ледъ началъ приходить въ движеніе, трескаться, раздѣляться, напирать другъ на друга. Богъ вѣсть, что сталось бы съ „Вегой“, еслибъ Провидѣніе не послало ей въ защиту ледяной горы, способной противустоять напору льда.

Рождественскій сочельникъ на „Вегѣ".

Въ концѣ мая появились мухи; въ концѣ іюня земля начала одѣваться зеленью и цвѣтами. 17-го іюля ледъ отдѣлился отъ берега, образовавъ длинную полосу чистой воды; но за этой полосой ледъ былъ такъ плотенъ, что нельзя было и думать пуститься въ путь. Тѣмъ не менѣе, на „Вегѣ“ все уже было готово и стоило только развести пары. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали этой минуты.

На слѣдующій день, во время обѣда, путешественники почувствовали, что судно пошатнулось. Капитанъ бросился наверхъ и увидалъ, что ледъ тронулся. Мигомъ развели пары, и „Вега“ пошла вдоль берега по образовавшейся широкой полосѣ чистой воды. Завидѣвъ движеніе „огненной собаки“, такъ называли пароходъ чукчи, они высыпали на берегъ толпами и дружески привѣтствовали отъѣзжающихъ друзей-чужеземцевъ. Двое изъ нихъ поспѣшно сѣли въ лодку, чтобы хоть немного проводить своихъ гостей. Съ ними была общая любимица путешественниковъ, 12-ти лѣтняя дѣвочка, Рейтинакка, которую всѣ на кораблѣ ласкали и надѣляли подарками и лакомствами. Стоя въ лодкѣ, она махала рукой, посылая отъѣзжающимъ свой прощальный привѣтъ.

Миновавъ Беринговъ проливъ, „Вега“ останавливалась въ нѣсколькихъ пунктахъ, между прочимъ у Берингова острова, гдѣ одна американская компанія содержитъ двѣ значительныхъ станціи для торговли съ туземцами. Отсюда судно отправилось въ Японію и 2-го Сентября въ Іокогамѣ бросило якорь.

Кончились опасности и трудности полярнаго плаванія; цѣль была достигнута и на всемъ дальнѣйшемъ пути отважнымъ путешественникамъ предстояло только пожинать лавры.

Въ Іокогамѣ капитанъ „Веги“ приказалъ обшить подводную часть судна мѣдью, чтобы предохранить ее отъ встрѣчающихся въ тропическихъ моряхъ ракушекъ, которыя пристаютъ ко дну и портятъ дерево.

Во все время плаванія отъ Колючина до Японіи случилось только одно непріятное происшествіе. Молнія ударила въ большую мачту и расколола верхнюю ея часть. Люди почувствовали сильное сотрясеніе, но никто не пострадалъ.

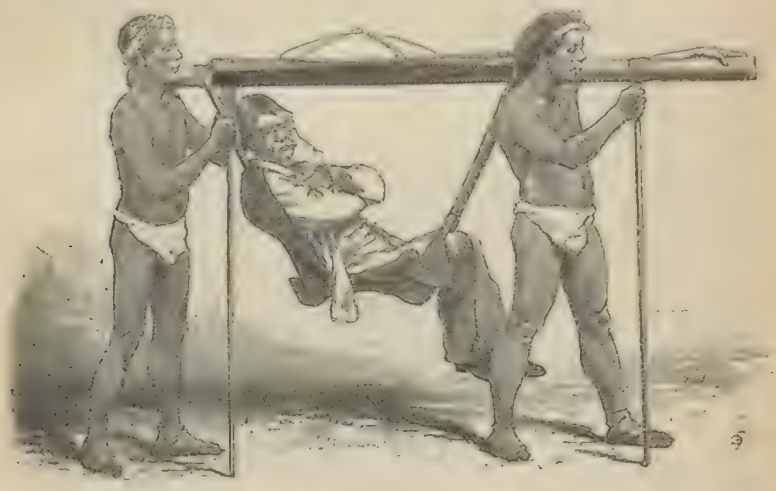
Какъ только въ Японіи распространилась вѣсть о прибытіи „Веги," къ Норденшельду стали являться съ

Груда льдинъ (торосовъ) близъ стоянки „Веги".

поздравленіями одна за другой разныя депутаціи, а затѣмъ начался рядъ празднествъ въ честь путешественниковъ. Между прочимъ, члены экспедиціи были приглашены въ лѣтній дворецъ, гдѣ ихъ принималъ и угощалъ имперскій принцъ. Дворецъ этотъ построенъ въ японскомъ стилѣ, но меблированъ по европейски. Его окружаетъ садъ, въ которомъ деревья, лужайки, дорожки и

мостики такъ миніатюрны, что напоминаютъ декораціи кукольнаго театра.

Путешественники удостоились чести быть принятыми микадо въ особой аудіенціи. Императоръ прочелъ имъ на японскомъ языкѣ привѣтственную рѣчь, которую толмачъ перевелъ по французски. Норденшельдъ отвѣчалъ на французскомъ языкѣ. Во все время, пока продолжалась аудіенція, микадо стоялъ такъ неподвижно, что его



Норденшельдъ въ японской носилкѣ.

можно было бы принять за статую, еслибъ онъ передъ тѣмъ не прочиталъ рѣчи.

Втеченіе полуторамѣсячнаго пребыванія въ Японіи, Норденшельдъ много путешествовалъ по странѣ и остался отъ нея въ восторгѣ. Репутація добродушія, веселости и вѣжливости японцевъ вполнѣ подтвердилась. Послѣдняя составляетъ отличительную черту характера этого народа, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ слояхъ общества.

18-го октября „Вега“ вышла изъ Іокогамы и спустя мѣсяцъ была у острова Борнео. Здѣсь, вмѣсто тощей

Прибытіе „Вега" въ Стокгольмъ.

травы и ползучихъ кустарниковъ полярныхъ странъ, путешественники увидѣли такую роскошную растительность, что во время плаванія въ лодкѣ по рѣчкамъ внутри страны, едва могли выбрать мѣсто для причала; вездѣ стояла стѣною исполинскій лѣсъ, переплетенный ползучими растеніями. Въ водѣ, на смѣну полярнымъ тюленямъ, царили аллигаторы.

15-го декабря „Вега“ остановилась у острова Цейлона и путешественники посѣтили знаменитые пріиски драгоцѣнныхъ камней.

Въ этотъ годъ путешественники праздновали рождественскій сочельникъ въ Индѣйскомъ океанѣ.

Матросы устроили маскарадъ. Переодѣвшись чукчами, они явились къ своимъ начальникамъ и на изобрѣтенномъ международномъ нарѣчіи, сказали привѣтствіе отъ сѣверныхъ друзей.

7-го января „Вега“ прибыла въ Аденъ, гдѣ итальянскій военный корабль привѣтствовалъ ее пушечными выстрѣлами и поднятымъ шведскимъ флагомъ.

Въ Неаполѣ, Норденшельда ожидала торжественная встрѣча, за которой послѣдовалъ рядъ тріумфовъ въ Лиссабонѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Фальмутѣ, Копенгагенѣ и наконецъ въ Стокгольмѣ, куда экспедиція прибыла 24-го Апрѣля.

Не доѣзжая Стокгольма, „Вега“ была встрѣчена множествомъ пароходовъ, которые послѣдовали за нею двумя длинными рядами къ гавани. Всѣ суда, стоявшія въ гавани, городъ и королевскій дворецъ, были великолѣпно иллюминованы. Едва успѣли путешественники ступить на родную землю, какъ несмѣтныя массы народа огласили воздухъ восторженными, долго неумолкавшими криками.

Путешествіе было кончено; великая задача рѣшена!

РУССКІЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ

КРУГОСВѢТНЫЕ.

КРУГОСВѢТНОЕ ПЛАВАНІЕ И. Ѳ. КРУЗЕНШТЕРНА.

Первое плаваніе русскихъ вокругъ свѣта подъ начальствомъ И. Ѳ. Крузенштерна въ 1803—1806 годахъ.

ГЛАВА I.

Біографическій очеркъ. Отплытіе изъ Кронштадта. Прибытіе на Нукавигу.

Отъ сѣвера обратимся къ югу и посмотримъ, что сдѣлали въ этой области русскіе мореплаватели.

Первое мѣсто здѣсь безспорно принадлежитъ Крузенштерну, съ легкой руки котораго начались плаванія русскихъ судовъ кругомъ свѣта. Починъ его въ этомъ дѣлѣ имѣлъ огромное значеніе для торговли и еще большее для флота, давъ возможность русскимъ морякамъ усовершенствовать себя практикою.

Иванъ Ѳедоровичъ Крузенштернъ*) родился 8-го ноября 1770 г. въ эстляндской губерніи, въ небогатой дворянской семьѣ. До 12-ти-лѣтняго возраста онъ учился дома, а потомъ три года посѣщалъ ревельскую церков-

*) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ біографіи, составленной Веселаго.

ную школу. Когда ему минуло 15 лѣтъ, кто-то посовѣтовалъ отдать его въ моряки и мальчика отвезли въ Кронштадтъ, гдѣ временно находился морской корпусъ. Это заведеніе въ то время было крайне запущено и, по типу, подходило, къ старинной бурсѣ. Чтобы не мерзнуть въ спальняхъ, ученикамъ приходилось подушками затыкать разбитыя окна и по ночамъ перелѣзать черезъ заборъ въ портовые склады, чтобы добывать дровъ для топки печей. Какова была администрація, таково было и ученье, а для поддержанія дисциплины существовала розга, которая царила въ полной силѣ.

И въ этой то суровой школѣ выросъ и образовался тотъ замѣчательный педагогъ, который, сдѣлавшись самъ директоромъ корпуса своими гуманными взглядами и отеческимъ обращеніемъ съ воспитанниками, на полстолѣтіе опередилъ свое время.

По случаю войны со шведами, Крузенштернъ былъ преждевременно выпущенъ изъ корпуса. На кораблѣ „Мстиславъ“ онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и въ томъ числѣ въ замѣчательной ревельской битвѣ, въ которой десять русскихъ кораблей, стоя на ревельскомъ рейдѣ подъ начальствомъ Чичагова, отразили нападеніе 30 шведскихъ кораблей и два изъ нихъ взяли въ плѣнъ. Послѣ этого дѣла Крузенштернъ былъ произведенъ въ лейтенанты, имѣя всего 20 лѣтъ отъ роду.

По окончаніи войны, Крузенштернъ остался жить въ Ревелѣ и занялся самообразованіемъ. Въ 1792 г. онъ былъ посланъ въ числѣ 12-ти лучшихъ морскихъ офицеровъ въ Англію для изученія морского дѣла. Англія въ это время была въ войнѣ съ Франціею и Крузенштерну, во время плаванія на судахъ англійскаго флота пришлось участвовать въ нѣсколькихъ сраженіяхъ.

Находясь почти постоянно въ плаваніи, Иванъ Ѳедоровичъ посѣтилъ Америку, Вестъ-Индію и многія другія земли. Находясь на мысѣ Доброй Надежды, онъ испросилъ

позволеніе своего начальства посѣтить Остъ-Индію. Корабль „Oiseau“, на которомъ ему предстояло отправиться, былъ такъ плохъ, что пассажиры, не надѣясь дойти на немъ до Калькутты, взяли свои вещи обратно. Когда пріѣхалъ за своимъ багажемъ Крузенштернъ, капитанъ встрѣтилъ его словами: „Какъ! и вы боитесь

Иванъ Ѳедоровичъ Крузенштернъ.

ѣхать со мною?“ Эти слова рѣшили участь молодого моряка. Онъ остался на фрегатѣ и благополучно прибылъ въ Калькутту.

Между тѣмъ пассажиры „Oiseau“ были дѣйствительно на волоскѣ отъ смерти. Когда по приходѣ въ портъ осмотрѣли корабль, то оказалось, что въ огромную про-

боину около киля засѣлъ камень, который и закрывалъ пробоину. Если бъ камень вывалился во время пути, то фрегатъ тотчасъ же пошелъ бы ко дну. Въ Калькутскомъ докѣ, куда фрегатъ былъ введенъ для исправленія, толпы любопытныхъ приходили смотрѣть на такую диковинку.

Изъ Калькутты Крузенштернъ проѣхалъ въ Кантонъ на кораблѣ Остъ-Индской компаніи; потомъ вернулся въ Англію и затѣмъ въ отечество, пробывъ въ отсутствіи 6 лѣтъ.

Не простымъ наблюдателемъ-туристомъ посѣщалъ Иванъ Ѳедоровичъ чужія страны; онъ изучалъ ихъ экономическія условія и собиралъ всѣ данныя для грандіознаго проекта, который давно имѣлъ въ виду.

По возвращеніи въ Россію, представилъ онъ въ морское министерство обширный проектъ кругосвѣтнаго плаванія, заключавшій въ себѣ два предмета первостепенной важности. Первое, возвышеніе русскаго флота посредствамъ отдаленныхъ плаваній до уровня лучшихъ иностранныхъ флотовъ; второе — широкое развитіе колоніальной торговли и выгоднѣйшее снабженіе нашихъ восточныхъ окраинъ всѣмъ необходимымъ.

Мы уже видѣли изъ путешествія Беринга, съ какимъ трудомъ доставлялись тяжести въ восточные порты. Тоже самое происходило съ пушными и другими товарами, идущими изъ восточныхъ портовъ въ Европу. По проекту Крузенштерна предполагалось организовать на русскихъ судахъ правильное морское сообщеніе между Россіею и р. американскими колоніями*). Все въ этомъ проектѣ было зрѣло обдумано и строго разсчитано и не смотря на то, онъ былъ отвергнутъ. Легко себѣ представить разочарованіе его творца.

*) Р. Америк. компанія основана была въ царствованіе Екатерины утверждена Павломъ въ 1799, даровавшимъ ей много преимуществъ, еще усиленныхъ Александромъ I.

Вскорѣ, однакоже, проектъ былъ пересмотрѣнъ снова и достоинства его не замедлили выясниться. Два государственныхъ мужа, графъ Румянцевъ и адмиралъ Мордвиновъ, заинтересовались имъ и доложили о немъ императору Александру Павловичу. Мечты Крузенштерна осуществились и ему самому предоставлено было начальство надъ судами первой русской кругосвѣтной экспедиціи.

Случись это назначеніе нѣсколько ранѣе, Крузенштернъ счелъ бы себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Теперь же обстоятельства измѣнились. Потерявъ всякую надежду на осуществленіе своего проекта, Крузенштернъ сталъ искать утѣшенія въ семейной жизни. Встрѣтивъ дѣвушку по сердцу, онъ женился. И вдругъ неожиданное назначеніе отрывало его отъ семейнаго очага на неопредѣленное время. Сознавая всю важность принятыхъ на себя обязанностей какъ семьянина, Крузенштернъ пробовалъ было отказаться отъ лестнаго порученія. Но адмиралъ Мордвиновъ объявилъ ему, что если онъ не согласится быть самъ исполнителемъ своего проекта, то проектъ этотъ будетъ совсѣмъ оставленъ. Не считая себя въ правѣ, изъ за личныхъ соображеній, лишить отечество тѣхъ выгодъ, которыя должно было принести ему предполагаемое плаваніе, Крузенштернъ рѣшился принести себя въ жертву.

Въ 1802 г., августа 7-го, Крузенштернъ назначенъ былъ начальникомъ двухъ кораблей, которыхъ въ дѣйствительности не существовало. Добыть ихъ въ Россіи не было возможности, а потому посланъ былъ въ Гамбургъ капитанъ-лейтенантъ Лисянскій съ порученіемъ купить тамъ два судна. Но и въ Гамбургѣ надежныхъ судовъ не оказалось; тогда Лисянскій поѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ и пріобрѣлъ за 22,000 фунтовъ стерл. два корабля, которые получили названіе: „Надежда“ и „Нева“.

5-го іюня 1803 г. прибыли купленные корабли въ

Кронштадтъ. Командованіе „Надеждой“ принялъ на себя Крузенштернъ; „Неву“ поручилъ Лисянскому. Кромѣ выполненія торговыхъ цѣлей, „Надежда“ должна была перевезти въ Японію русскаго посла Резанова, которому поручено было завязать съ этой страной торговыя сношенія. Для ученыхъ изслѣдованій во время путешествія приглашены были: астрономъ Горнеръ и естествоиспытатели Лангсдорфъ и Тилезіусъ.

Экипажъ „Надежды“ состоялъ изъ 70 человѣкъ, въ томъ числѣ пяти молодыхъ людей, ѣдущихъ волонтерами при Резановѣ. Американская компанія, которой предоставлено было право нагрузить суда товарами, такъ неумѣренно воспользовалась этимъ правомъ, что начальникъ экспедиціи счелъ нужнымъ донести графу Румянцеву объ опасности, которой подвергались такъ сильно нагруженныя суда. Корабль былъ до того набитъ товаромъ, что не только матросы, но и офицеры были стѣснены помѣщеніемъ. Въ виду этого, предложено было пяти волонтерамъ отказаться отъ плаванія. Но рвеніе этихъ молодыхъ людей было такъ велико, что они соглашались лишить себя всѣхъ удобствъ и быть наравнѣ съ матросами, лишь бы только имъ позволили оставаться на суднѣ. Разумѣется, подобное предложеніе не могло быть принято начальникомъ экспедиціи, и молодымъ людямъ пришлось распроститься съ своею мечтою.

Надо замѣтить, что весь экипажъ экспедиціи состоялъ изъ добровольцевъ, никогда не ходившихъ такъ далеко. Прежнія плаванія по Атлантическому океану не простирались дальше поворотнаго круга; теперь же предстояло отъ 60° сѣвер. широты перейти въ тотъ же градусъ южной, обойти бурный мысъ Горнъ и претерпѣть палящій зной равноденственной линіи.

Вѣроятныя опасности, удаленіе отъ отечества, продолжительная разлука съ близкими должны были, казалось, повліять на русскихъ болѣе чѣмъ на иностранцевъ

къ этому дѣлу привычныхъ; но выходило наоборотъ. Страсть къ путешествіямъ въ русскихъ людяхъ оказалась такъ сильна, что отъ желающихъ отбою не было. Если-бы брать всѣхъ являющихся, то можно было бы укомплектовать не два корабля, а двадцать.

Крузенштерну совѣтовали взять нѣсколько иностранныхъ матросовъ, но онъ, зная хорошо свойства русскихъ, на это не согласился. Кромѣ трехъ ученыхъ и одного доктора — иностранцевъ на судахъ не было.

7-го августа экспедиція начала плаваніе. Отъ Кронштадта до Бразиліи не случилось ничего замѣчательнаго. Русскіе матросы съ удивительной легкостью переносили перемѣну температуры и подъ экваторомъ спрашивали: „когда же будетъ жарко?“ Ноября 26-го русскіе суда впервые перешли экваторъ. У моряковъ всѣхъ странъ принято въ эту минуту совершать церемонію, извѣстную подъ названіемъ чествованія Нептуна, но русскіе объ этой церемоніи знали только по наслышкѣ и потому они удовольствовались, при 11-ти пушечныхъ выстрѣлахъ, заздравною чашею за Государя Императора, а одинъ изъ матросовъ, обладавшій даромъ слова, прицѣпилъ себѣ бороду и, вооружившись трезубцемъ, сказалъ приличную случаю рѣчь.

По пути въ Бразилію Крузенштерну удалось исправить нѣкоторыя неточности, вкравшіяся во французскія и португальскія карты.

Декабря 21-го стали на якорь противъ острова Екатерины, близъ бразильскаго берега, гдѣ морякамъ и бывшему съ ними посланнику оказанъ былъ губернаторомъ весьма радушный пріемъ. Крузенштернъ разсчитывалъ пробыть здѣсь не болѣе 10 дней, но судьба рѣшила иначе. Понадобилось перемѣнить мачту на „Невѣ“, и это обстоятельство задержало экспедицію у береговъ Бразиліи болѣе шести недѣль.

31-го января капитанъ-лейтенантъ Лисянскій донесъ

своему начальнику, что на „Невѣ“ все готово и 2-го февраля суда снялись съ якорей. Посланникъ, гостившій все время у губернатора, былъ провожаемъ на судно съ большимъ почетомъ при пушечной пальбѣ съ крѣпости. На это отвѣчено было выстрѣлами съ „Надежды“ при отбытіи губернатора съ судна.

Продолжительная остановка у бразильскихъ береговъ нарушила всѣ разсчеты начальника экспедиціи. Онъ разсчитывалъ обойти мысъ Горнъ въ январѣ мѣсяцѣ, теперь же это приходилось дѣлать въ мартѣ, въ эпоху сильныхъ бурь. Слѣдовало спѣшить, нигдѣ не останавливаясь. На случай, если бы буря разлучила корабли, Лисянскому назначено было нѣсколько пунктовъ, гдѣ онъ долженъ былъ ожидать „Надежду“.

Въ теченіе почти всего февраля не случилось ничего замѣчательнаго. Мореплаватели съ такою скоростію переходили изъ одной широты въ другую, что чувствовали безпрестанное измѣненіе въ температурѣ; жаръ смѣнялся довольно чувствительнымъ холодомъ и наоборотъ. 25-го числа увидали землю Штатовъ (Staten-Land), встрѣтившую ихъ весьма негостепріимно. 26-го поднялся сильный ю.-з. вѣтеръ съ порывами, а на 27-е превратился въ штормъ. Волненіе было такъ сильно, что волны, ударяя въ судно, выломали почти всѣ борты. Штормъ сопровождался дождемъ, снѣгомъ и градомъ. Если бы сила вѣтра не ослабѣла къ полудню, мореплаватели потеряли бы всѣ гребныя суда.

Наконецъ 3-го марта послѣ 4-хъ недѣльнаго плаванія отъ острова Св. Екатерины обойденъ былъ мысъ Гориъ. Едва ли кто либо совершалъ переходъ этотъ въ такое короткое время.

Погода стояла пасмурная и туманная, мѣшавшая дѣлать астрономическія наблюденія. Нѣсколько разъ „Надежда“ теряла изъ вида „Неву“, но не надолго; наконецъ потеряла ее совсѣмъ; на сигналы пушечными выстрѣлами

Подводные лѣса у мыса Горнъ.

отвѣта не получилось. Этой разлуки ожидалъ Крузенштернъ и она его не обезпокоила.

Дурная погода продолжалась цѣлый мѣсяцъ и только въ началѣ апрѣля небо прояснилось и снова можно было дѣлать наблюденія.

Неожиданныя проволочки заставили Крузенштерна отказаться отъ первоначальнаго плана продолжать путь къ западу, въ надеждѣ сдѣлать какія либо открытія въ Великомъ океанѣ. Интересы Сѣверо-Американской компаніи и окончаніе посольскихъ дѣлъ въ Японіи требовали перемѣны курса и командиръ рѣшился, не заходя на островъ Св. Пасхи, гдѣ могъ разсчитывать встрѣтиться съ Лисянскимъ, идти прямо въ Камчатку.

Апрѣля 17-го „Надежда“ перешла южный тропикъ въ долготѣ 104°, 30′. Установилась прекрасная погода, которая и продолжалась вплоть до прибытія экспедиціи къ острову Нукагивѣ, самому замѣчательному изъ всѣхъ Вашингтоновыхъ острововъ.

Группа Вашингтоновыхъ острововъ открыта въ маѣ 1791 г. капитаномъ американскаго купеческаго корабля Инграмомъ во время плаванія его къ с.-з. берегу Америки. Спустя нѣсколько недѣль открылъ эти острова французъ Солидъ; послѣ этого посѣщали ихъ многіе мореплаватели и американецъ Робертсъ въ 1793 г. назвалъ ихъ общимъ именемъ Вашингтоновыхъ. Въ настоящее время вся группа этихъ острововъ, соединенная подъ общимъ названіемъ Маркизскихъ, принадлежитъ Франціи.

ГЛАВА II.

Нукагива. Ея природа и жители.

Едва успѣло судно бросить якорь, какъ нѣсколько сотъ туземцевъ прибыли къ нему вплавь, предлагая кокосы, плоды хлѣбнаго дерева и бананы. За небольшой

кусокъ стараго желѣзнаго обруча съ бочки давали 5 кокосовъ или 3 — 4 плода хлѣбнаго дерева. Получивъ кусокъ желѣза, островитяне радовались какъ дѣти, смѣялись и съ торжествующимъ видомъ показывали этотъ хламъ другъ другу.

Въ 4 часа прибылъ на корабль король Тапега Кеттанове со свитою. Это былъ мужчина лѣтъ 35, сильный и благообразный. Всё тѣло его, темнаго цвѣта, и даже обритыя части головы испещрены были узорами. У него, какъ и у его подданныхъ, все одѣяніе состояло изъ небольшого куска ткани, обернутаго вокругъ бедръ.

Крузенштернъ подарилъ королю ножъ и аршиновъ 20 красной матеріи, которою онъ тотчасъ же и опоясался. Королевская свита, состоявшая изъ родственниковъ, также получила подарки. Командиръ показалъ королю все судно, и обратилъ его особое вниманіе на пушки, объяснивъ при этомъ ихъ дѣйствіе. Увидавъ на шканцахъ бразильскихъ попугаевъ, король долго любовался ими и получилъ одного въ подарокъ. Не желая оставаться въ долгу, онъ на другой день прислалъ Крузенштерну свинью, большую рѣдкость на Нукагивѣ.

На слѣдующій день приплыли опять островитяне съ плодами; одни, плывя на спинѣ, держали ихъ на груди, другіе—на головѣ. Лодками пользовались весьма немногіе, преимущественно лица изъ королевской свиты.

Короля и его родственниковъ Крузенштернъ повелъ въ каюту, гдѣ дикари съ большимъ любопытствомъ все разсматривали. Особенно понравился имъ портретъ жены Крузенштерна, писанный масляными красками. Долгое время смотрѣли на него дикари, знаками выражая свое удовольствіе. Увидавъ зеркало, они начали внимательно осматривать позади его стѣну, отыскивая тамъ человѣка. Король долго на себя любовался и потомъ, при каждомъ посѣщеніи, тотчасъ же проходилъ въ каюту и простаивалъ передъ зеркаломъ по нѣсколько часовъ.

Къ великому удивленію путешественниковъ, между дикарями оказалось два европейца: англичанинъ и французъ, давно поселившіеся на островѣ. О причинѣ своего поселенія они разсказывали много анекдотовъ, въ которыхъ трудно было отыскать истину; эти два субъекта постоянно враждовали между собою и усердно другъ на друга сплетничали. Одѣяніе ихъ было такое же какъ у туземцевъ и цвѣтъ кожи отъ вліянія солнца и воздуха сдѣлался почти также теменъ. Они были очень полезны путешественникамъ, какъ переводчики.

Вознамѣрясь ѣхать на берегъ, для отданія визита королю и не желая, чтобъ безъ хозяина посѣщали корабль гости, Крузенштернъ приказалъ сдѣлать пушечный выстрѣлъ, поднять красный флагъ и объявить корабль „Табу“ *). Послѣ этого никто не могъ осмѣлиться взойти на судно.

Въ 10 часовъ утра Крузенштернъ, посланникъ, офицеры и два дикихъ европейца на двухъ гребныхъ судахъ поѣхали на берегъ. Не смотря на кажущееся дружелюбіе туземцевъ, всѣ почли за лучшее основательно вооружиться.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ пріѣзжіе вышли на берегъ, собралось множество любопытныхъ.

Путешественники пошли къ дому короля, находившемуся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Въ 500 шагахъ отъ дома встрѣтилъ ихъ дядя короля съ жезломъ въ рукѣ, которымъ онъ тщетно старался удержать напиравшую толпу. Трудно было повѣрить, что этому дядѣ 75 лѣтъ; онъ былъ крѣпокъ, бодръ, энергія такъ и свѣтилась въ его черныхъ глазахъ. Онъ былъ, какъ оказалось, однимъ изъ величайшихъ воиновъ своего племени о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствовала глубокая рана на лбу. Взявъ Крузенштерна за руку, онъ ввелъ его въ длинное узкое

*) Значеніе этого слова будетъ объяснено ниже.

Воинъ съ острова Нукагива.

строеніе, гдѣ сидѣла королевская мать, окруженная всѣми родственниками. Король встрѣтилъ пріѣзжихъ на порогѣ и привѣтствовалъ ихъ очень радушно. Народъ на улицѣ скоро разсѣялся, такъ какъ королевское жилище есть „Табу“. Гостей посадили среди женщинъ королевской фамиліи, которыя съ большимъ любопытствомъ ихъ разсматривали, ощупывали и особенно любовались шитьемъ мундировъ, темляками и прочимъ. Крузенштернъ одарилъ ихъ пуговицами, ножами, ножницами и другими мелочами, но онѣ замѣтно интересовались путешественниками больше, чѣмъ ихъ подарками. Дочь и невѣстка короля были такъ хороши, что и въ Европѣ прослыли бы красавицами. Онѣ были закутаны въ желтую легкую ткань и не татуированы; только руки наколоты были мелкимъ желтымъ и чернымъ узоромъ такъ что казалось, будто онѣ въ перчаткахъ.

Татуировка женскихъ рукъ на Нукагивѣ.

Спустя нѣсколько времени, король повелъ своихъ гостей вмѣстѣ съ родственниками въ другое сосѣднее строеніе, предназначенное для обѣдовъ. Когда всѣ сѣли на разостланныя циновки, хозяева принялись усердно угощать гостей. Одинъ принесъ кокосы, другой бананы, третій воду. Иные сидѣли возлѣ и обмахивали гостей вѣерами. Всѣ были очень веселы. Пробывъ здѣсь около получаса, путешественники откланялись и пошли къ шлюпкамъ. Дядя короля проводилъ ихъ до того мѣста, гдѣ встрѣтилъ.

Въ тотъ же день, люди, посланные за водою на берегъ, разсказывали, что туземцы оказывали имъ большое со-

дѣйствіе: наливали бочки и переправляли ихъ вплавь черезъ буруны, что значительно облегчило работу и дало возможность сдѣлать въ день три конца.

Мая 10-го, экипажъ былъ обрадованъ прибытіемъ корабля „Невы“. Тщетно прождавъ товарищей у острова Пасхи, Лисянскій поспѣшилъ къ нимъ на Нукагиву.

Въ тотъ же день, экипажъ „Надежды“ видѣлъ, какъ на „Неву“ приплыли островитяне и самъ король; потомъ они замѣтили на берегу необычайное движеніе. Вскорѣ пришелъ отъ берега баркасъ „Невы“ съ офицеромъ, который разсказывалъ, что вслѣдствіе распространившагося на островѣ слуха, что король арестованъ, туземцы вооружились и произвели возмущеніе. Офицеру съ трудомъ удалось собрать своихъ людей и уѣхать.

Крузенштернъ не могъ объяснить себѣ причины такого явленія. Въ это самое утро король сидѣлъ у него довольно долго и былъ очень веселъ. При каждомъ посѣщеніи онъ получалъ подарки, а въ этотъ разъ, кромѣ того, былъ выбритъ не раковиной, по туземному, а острой бритвой и умытъ благовонною водою, чѣмъ остался чрезвычайно доволенъ. На слѣдующій день все объяснилось. Съ королемъ на „Невѣ“ случилось маленькое приключеніе. Когда онъ сидѣлъ на шканцахъ, мичманъ Берхъ уронилъ нечаянно ему на голову весло, отчего король упалъ и началъ корчиться какъ человѣкъ, получившій сильный ударъ. Мичманъ Берхъ, испугавшись, сталъ усердно ухаживать за раненымъ; какъ вдругъ мнимый раненый вскочилъ и расхохотался, показывая знаками, какъ онъ искусно умѣетъ притворяться. Вѣроятно, кто нибудь видѣлъ, какъ король упалъ и какъ офицеры около него суетились и пустилъ ложный слухъ въ народѣ. Крузенштернъ прямо подозрѣвалъ въ этой выходкѣ дикаго француза, разсердившагося на русскихъ за то, что они оказывали больше вниманія англичанину. Когда ко-

роль вернулся на берегъ и объяснилъ въ чемъ дѣло, возмущеніе тотчасъ же утихло.

Прежде чѣмъ все это разъяснилось, экипажъ принялъ мѣры предосторожности. Ночью выставлены были вооруженные часовые, а утромъ рано, Крузенштернъ съ офицерами и 20-ю хорошо вооруженными людьми отправился на берегъ. Съ такой свитой онъ не боялся нападенія и поѣхалъ съ цѣлію переговорить съ королемъ и если нужно попугать его. На берегу не было ни одного человѣка; всѣ куда то попрятались. Высадившись, путешественники пошли прямымъ путемъ къ дому короля по долинѣ, покрытой такой густой и высокой травою, что сквозь нея съ трудомъ можно было пробраться. Наконецъ они вышли на дорогу, идущую по опушкѣ дѣвственнаго лѣса. Кокосовыя пальмы и хлѣбныя деревья, обремененныя плодами, достигали на этой тучной и влажной почвѣ неимовѣрной вышины. Позади лѣса шли горы, съ которыхъ водопадами стремились потоки и, орошая долину, способствовали роскошной растительности. Около жилищъ виднѣлись хорошо воздѣланные огороды. Усадьбы и огороды обнесены были довольно краснымъ заборомъ изъ бѣлаго дерева. Прелестные виды до того очаровывали европейцевъ, что они нарочно замедляли путь.

Король встрѣтилъ гостей за нѣсколько сотъ шаговъ отъ своего жилища, привѣтствовалъ сердечно и повелъ въ домъ, гдѣ находилась вся королевская семья. Тутъ же и разъяснилась причина вчерашнихъ недоразумѣній. Оказалось, что дѣйствительно французъ былъ всему виною. Островитяне охотно повѣрили слуху объ арестѣ короля, такъ какъ бывшій здѣсь за 8 мѣсяцевъ передъ тѣмъ американскій капитанъ наложилъ оковы на королевскаго брата, желая вѣроятно, обезопасить себя заложникомъ.

Скоро возстановились прежнія пріятельскія отношенія подкрѣпленныя привезенными подарками. Королева получила маленькое зеркальце и была отъ него въ восторгѣ

Изъ разговоровъ съ туземцами Крузенштернъ узналъ, что Нукагива также какъ и другіе острова Вашингтоновы, раздѣлена между многими племенами, подъ управленіемъ старшинъ, носящихъ громкій титулъ королей. Племена эти постоянно воюютъ другъ съ другомъ, но стоитъ только королямъ породниться и война прекращается. Племя, у котораго гостили путешественники, еще въ недавнее время враждовало съ двумя другими племенами, живущими по сосѣдству. Безпрестанно сталкивались они и бились то на морѣ, то на сушѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ королевскій братъ женился на дочери одного владѣльца, а сынъ на дочери другого, война на морѣ прекратилась. Если же мужья будутъ такъ хорошо обращаться съ женами, что онѣ не уйдутъ отъ нихъ до самой смерти, то война прекратится навсегда. Понятно, что женщинѣ, принесшей съ собою пальмовую вѣтвь, народъ оказываетъ всяческій почетъ, признавая ее даже богинею, а дѣтей ея—божествами. Морякамъ показывали 10-ти мѣсячнаго божка—внучку короля, жившую въ отдѣльномъ домѣ, который для всѣхъ, кромѣ ближайшихъ родственниковъ, былъ „Табу“. Крузенштернъ очень удивился, узнавъ, что здѣсь матери очень рѣдко кормятъ дѣтей. Какъ только родится ребенокъ, ближайшія родственницы на перерывъ вызываются ходить за нимъ, уносятъ отъ матери и выкармливаютъ не молокомъ, а плодами и сырою рыбою. Не смотря на такое оригинальное вскармливаніе младенцевъ, нукагивцы рослы и здоровы.

По неотступной просьбѣ англичанина Робертса, жившаго на островѣ, моряки пошли къ нему. Домъ его, построенный по мѣстному образцу, стоялъ среди кокосоваго лѣса. Съ одной стороны журчалъ ручей, а съ другой струился между камнями минеральный источникъ. Все общество усѣлось въ тѣни кокосовыхъ деревьевъ и наслаждалось прохладою и сокомъ кокосовыхъ орѣховъ. Робертсъ былъ женатъ на королевской

родственницѣ и потому пользовался особыми преимуществами.

Слухъ о посѣщеніи короля иностранцами уже распространился по острову и туземцы снова появились съ своими товарами. Во второмъ часу дня путешественники вернулись на корабль.

Одинъ изъ офицеровъ, посланный для осмотра южнаго берега Нукагивы, донесъ начальнику, что онъ открылъ тамъ прекрасную гавань. Дня два спустя Крузенштернъ съ нѣсколькими офицерами отправился туда самъ. Эта мѣстность, называемая Шегуа, была еще прелестнѣе той, которую путешественники только что посѣтили. Обширная, населенная долина, окруженная лѣсистыми горами, орошалась прекраснымъ источникомъ, бѣгущимъ съ горъ. Все здѣсь дышало довольствомъ и изобиліемъ. Кромѣ природныхъ богатствъ въ видѣ плодовыхъ деревьевъ, на островѣ воздѣлывались во множествѣ таро и шелковица. Здѣсь могло бы процвѣтать скотоводство, если-бъ туземцы занялись этимъ дѣломъ. Но у нихъ было всего нѣсколько свиней, которыя береглись для принесетвъ и путешественникамъ ни одной не удалось купить. Король Шегуа, Бау-Тингъ, привелъ, было, одну для продажи, но никакъ не могъ съ нею разстаться; четыре раза онъ торговался, запрашивая все больше и больше, наконецъ заключилъ торгъ и получилъ плату. Кончилось же тѣмъ, что возвратилъ вещи и увелъ свинью обратно.

Туземцы чрезвычайно обрадовались прибытію иностранцевъ; они улыбались и всячески старались выказать свое удовольствіе, предлагая плоды для мѣны. Они не проявляли ни нахальства, ни назойливости.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ королевскаго дома путешественники замѣтили ровное мѣсто, передъ которымъ находился каменный помостъ около фута вышины и саженъ въ сто длины. Онъ былъ сдѣланъ такъ хорошо, что европейскіе каменьщики не могли бы сдѣлать лучше.

Кладбище на Нукагивѣ.

Робертсъ объяснилъ, что помостъ служитъ сидѣньемъ зрителямъ во время праздничныхъ игръ и плясокъ.

Игры и пиршества устраиваются здѣсь преимущественно при погребеніи важныхъ лицъ или близкихъ родственниковъ. Въ послѣднемъ случаѣ принято проявлять печаль очень бурно. Рыдая, родственники до крови царапаютъ себѣ тѣло зубами какого-либо животнаго или острою раковиною. Нерѣдко послѣ рыданія раздается хохотъ; такъ быстро происходитъ реакція у этихъ дѣтей природы. Оплакавъ умершаго, его относятъ на кладбище и ставятъ на возвышеніи, гдѣ онъ истлѣваетъ. При погребеніи жреца приносятся въ жертву три человѣка. Двоихъ вѣшаютъ на кладбищѣ и, когда кости спадутъ, ихъ сжигаютъ; а третьяго — разрѣзаютъ на части и съѣдаютъ; голова же его надѣвается на истуканъ, поставленный на могилѣ.

Такое варварское жертвоприношеніе практикуется, однакоже, не со своими соплеменниками, а съ людьми, украденными у сосѣдей, за что сосѣди воюютъ съ похитителями отъ 6 — 18 мѣсяцевъ. Продолжительность войны зависитъ отъ наслѣдника умершаго, который удаляется въ мѣсто неприкосновенное — Табу — и остается тамъ болѣе или менѣе продолжительное время. Въ этомъ заключеніи его всячески ублажаютъ, даютъ все, чего бы онъ ни пожелалъ, хотя бы то было человѣческое мясо. По возвращеніи его, война прекращается и начинаются пиршества и увеселенія.

Понятіе дикарей о высшемъ существѣ, которое они называютъ „Этуа“, очень сбивчиво. Этихъ Этуа у нихъ множество. Душа жреца, короля и его родственниковъ— Этуа; европейцы тоже Этуа. Нукагивцы думаютъ, что европейскіе корабли спускаются съ облаковъ и, когда они впервые услыхали пушечные выстрѣлы, то вообразили, что узнали происхожденіе грома. Можетъ быть, потому они и боятся пушечныхъ выстрѣловъ. Однажды,

во время посѣщенія „Надежды“ королевскимъ братомъ, Крузенштернъ приказалъ выпалить изъ пушки. Надо было видѣть испугъ дикаря. Онъ бросился на землю, уцѣпился за ноги англичанина и закричалъ: „Мате, Мате“.

Единственное благо, доставляемое дикарямъ религіею есть Табу. Никто, даже самъ король не можетъ нарушить Табу. Если кто хочетъ охранить свой домъ, поле или какую нибудь вещь, стоитъ только объявить ее Табу и она священна. Нарушитель Табу считается великимъ преступникомъ, ему даютъ названіе „Кикино“ и въ случаѣ войны перваго съѣдаютъ. Англичанинъ увѣрялъ, что онъ, какъ европеецъ, тоже Табу. Тѣмъ не менѣе онъ опасался, что если, въ случаѣ войны, онъ попадетъ въ плѣнъ, то его съѣдятъ. Очень можетъ быть, что вначалѣ его и считали Табу; но послѣ 7-ми-лѣтняго пребыванія между нукагивцами онъ потерялъ обаяніе и сдѣлался простымъ смертнымъ.

Нукагивцы вѣрятъ въ волшебство и особенно искусными считаютъ въ немъ жрецовъ, которые также, какъ и азіатскіе шаманы, ловко морочатъ темный людъ ради своей выгоды. Жрецъ, по мнѣнію туземцевъ, способенъ извести своего врага въ 20 дней, но врагъ имѣетъ возможность откупиться отъ смерти цѣннымъ подаркомъ.

Люди, находящіе удовольствіе въ пожираніи себѣ подобныхъ, не многимъ, конечно, отстали отъ животныхъ. Даже ихъ способъ веденія войны напоминаетъ пріемы хищныхъ звѣрей. Рѣдко нападаютъ они во множествѣ на непріятеля; чаще — подкарауливаютъ его и, убивъ, съѣдаютъ. Кто ловчѣе умѣетъ подкрасться къ врагу и напасть на него врасплохъ, тотъ и считается лучшимъ воиномъ. Кто долѣе можетъ лежать на брюхѣ безъ малѣйшаго движенія и почти безъ дыханія, кто скорѣе бѣгаетъ и искуснѣе прыгаетъ, тотъ пріобрѣтаетъ всеобщее уваженіе. Дикій французъ отличался во всѣхъ этихъ штукахъ.

Онъ хвастался своими побѣдами, но увѣрялъ, что никогда не ѣлъ человѣческаго мяса, а промѣнивалъ его на свиное.

Извѣстно, что даже хищныя животныя подпадаютъ вліянію музыки; не равнодушны къ ней и нукагивцы, но вкусы ихъ въ этомъ отношеніи соотвѣтствуютъ остальнымъ ихъ свойствамъ. Они не способны наслаждаться звуками свирѣли или флейты. Имъ нужны звуки пронзительные, рѣзкіе. Нукагивцы и безъ помощи музыкальныхъ инструментовъ умѣютъ услаждать свой слухъ. Прижимая одну руку крѣпко къ груди, они ударяютъ ладонью въ пространство между рукою и грудью, отчего происходитъ крайне пронзительный звукъ. Есть у нихъ, впрочемъ, огромные уродливые барабаны. Пѣніе и пляска дикарей подобны ихъ музыкѣ. Пляска состоитъ въ прыганіи на одномъ мѣстѣ, при чемъ танцоры безпрестанно поднимаютъ вверхъ руки и дѣлаютъ пальцами очень быстрыя движенія. О пѣніи ужъ и говорить нечего; оно напоминаетъ волчій вой.

Климатъ острова Нукагивы чрезвычайно здоровый. Туземцы не знаютъ заразныхъ болѣзней и почти не хвораютъ, если не считать хирургическихъ поврежденій и случайно полученныхъ ранъ. Нукагивцы рослы, стройны и чрезвычайно красивы. Цвѣтъ кожи у нихъ немного смуглѣе цвѣта кавказской расы, что въ особенности замѣтно на дѣтяхъ. Взрослые мужчины натираются темной краской, а женщины желтымъ кокосовымъ масломъ; уродливостей въ тѣлосложеніи совсѣмъ не встрѣчается. Между множествомъ красивыхъ мужчинъ, Крузенштернъ замѣтилъ двухъ, которые и въ Европѣ могли бы прослыть писаными красавцами. Это были: Бау-Тингъ, король Шегуа и Маугау, королевскій огнезажигатель — чинъ, соотвѣтствующій министру двора.

Почти всѣ нукагивцы — мужчины испещрены узорами. Для производства этихъ рисунковъ существуютъ особые

мастера, которые смѣло могутъ назваться художниками. Русскіе матросы задали этимъ артистамъ порядочно работы; каждый просилъ изобразить у себя на тѣлѣ какой нибудь рисунокъ на память.

На головѣ мужчины носятъ родъ шлема изъ черныхъ пѣтушьихъ перьевъ, женщины — тюрбанъ изъ бѣлой ткани, который онѣ надѣваютъ такъ ловко, что онъ прикрываетъ только темя, оставляя на виду спереди и сзади ихъ красивые волнистые волосы. Духовныя лица носятъ на головѣ разнаго рода бляхи и ожерелья.

Глядя на этихъ стройныхъ, красивыхъ людей, нелишенныхъ природнаго вкуса, трудно повѣрить, что они людоѣды. Между тѣмъ этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Помимо разсказовъ англичанина и француза, путешественники сами видѣли оружіе, убранное человѣческими волосами и домашнюю посуду, украшенную человѣческими костями. Сверхъ того дикари ежедневно предлагали имъ въ мѣну человѣческія головы и знаками показывали, что человѣческое мясо вкусно. Очень можетъ быть, что они скушали бы и гостей своихъ, если-бъ не боялись ихъ оружія. По словамъ англичанина, этой бѣды едва избѣжали нѣсколько американскихъ матросовъ, высадившихся на берегъ безъ оружія. Съ большимъ трудомъ удалось Робертсу спасти американцевъ, убѣдивъ туземцевъ, что за убійство пріѣзжихъ имъ не миновать жестокаго мщенія.

Жилища островитянъ состоятъ изъ длиннаго узкаго строенія, сдѣланнаго изъ бамбу (морского тростника) и изъ бревенъ дерева фау, переплетенныхъ кокосовыми листьями и травою. Кровля покрыта листьями хлѣбнаго дерева, наложенными одинъ на другой, толщиною до полуфута. Внутренность дома раздѣляется вдоль бревномъ, лежащимъ на землѣ. Передняя часть вымощена камнями, а задняя устлана рогожами, на которыхъ спитъ семейство. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома построенъ дру-

гой домъ, который служитъ столовою. Только король, его родственники, жрецы и немногіе зажиточные туземцы могутъ имѣть такія столовыя, гдѣ каждый кормитъ свое отдѣльное сообщество.

Сочлены этихъ сообществъ различаются особыми знаками, насѣченными на тѣлѣ; такъ, напр., принадлежащія сообществу короля, имѣютъ на груди четыреугольникъ. Сообщество, къ которому принадлежитъ Робертсъ, имѣетъ знакъ на глазу и т. д. Крузенштернъ не вѣритъ, чтобы людоѣды кормили такъ много народа безвозмездно, и думаетъ, что члены сообществъ платятъ за свое прокормленіе трудомъ или частью добычи.

Изъ мѣстныхъ блюдъ европейцамъ очень понравилось кислое тѣсто, приготовляемое изъ корня Таро и плода хлѣбнаго дерева. Вкусомъ оно похоже на сладкое яблочное пирожное и сохраняется очень долго. Жареное приготовляютъ туземцы на банановыхъ листьяхъ, которые служатъ имъ тарелками.

Посуда дѣлается изъ кокосовыхъ орѣховъ и изъ фигурныхъ тыквъ, растущихъ на деревѣ; украшаютъ посуду костями человѣческихъ рукъ и пальцевъ. Ѣдятъ нукагивцы очень грязно, но послѣ трапезы всегда моютъ руки.

Орудія и оружіе туземцевъ первобытны. Они еще употребляютъ каменные топоры и очень дорожатъ желѣзными. Каждый кусокъ желѣза они превращаютъ въ топоръ, натачивая его о камень.

Рыбу ловятъ совсѣмъ особымъ способомъ. Корень дурманъ толкутъ и туземецъ, ныряя, разбрасываютъ его по дну. Рыба пьянѣетъ и всплываетъ наверхъ. Ловятъ ее также сѣтями и удою.

Рыбною ловлею занимаются только бѣдняки. Зажиточные презираютъ это занятіе. Вообще нукагивцы проводятъ большую часть времени въ праздности, чему способствуетъ ихъ роскошная природа. Хлѣбныя, кокосо-

выя и банановыя деревья не требуютъ попеченія. Чтобъ развести ихъ, стоитъ только воткнуть вѣтвь въ землю; она укореняется очень скоро. Женщины работаютъ больше мужчинъ. Онѣ вьютъ веревки, дѣлаютъ украшенія для себя и для мужей, приготовляютъ ткани.

ГЛАВА III.

Сандвичевы острова.

Запасшись водою и дровами, суда 18-го Мая вышли въ море, увозя съ собою дикаго француза, не пожелавшаго остаться на островѣ. Въ надеждѣ сдѣлать новыя открытія, Крузенштернъ порывался идти въ Камчатку такимъ путемъ, какимъ не шелъ еще ни одинъ мореплаватель; но недостатокъ въ свѣжей провизіи заставилъ его отказаться отъ этого намѣренія и направиться къ островамъ Сандвичевымъ *).

Іюня 7-го показался островъ Овайги **), гдѣ мореплаватели разсчитывали запастись провизіей. Скоро дѣйствительно появились лодки съ туземцами, но у нихъ кромѣ плодовъ ничего не было. Въ обмѣнъ они требовали сукна, котораго на суднѣ не оказалось.

Плывя вдоль берега, мореплаватели любовались островомъ, который казался густо населеннымъ и хорошо воздѣланнымъ; въ тѣни кокосовыхъ рощъ и другихъ насажденій виднѣлись поселенія; множество лодокъ стояло у берега. Гора Маунъ-Лоа, въ 2,254 сажени вышины, господствуетъ надъ островомъ и придаетъ ему величественный видъ. Къ сожалѣнію, она вся или по частямъ

*) Нынѣ присоединенъ къ С. А. Штатамъ.

**) На нынѣшнихъ картахъ Гавайи.

закрыта облаками и въ обнаженномъ видѣ является весьма рѣдко.

Вторая попытка добыть провизіи у южной оконечности Овайги также не имѣла успѣха. Видно было, что туземцы избалованы пріѣзжающими къ нимъ иностранцами: въ желѣзѣ, такъ высоко цѣнимомъ другими островитянами, не нуждаются, а стремятся пріобрѣтать только предметы роскоши. Оставалось еще на западномъ берегу большое селеніе Каракакоа, о которомъ писалъ Кукъ (на нынѣшнихъ картахъ-Кеалакеакуа). Но обезкураженный испытанными неудачами, Крузенштернъ не пожелалъ идти въ Каракакоа, тѣмъ болѣе, что эта остановка задержала бы его не недѣлю, а ему слѣдовало спѣшить въ Японію, чтобы прибыть туда до наступленія с.-в. муссона, при которомъ плаваніе чрезвычайно затруднительно.

Капитану Лисянскому спѣшить было некуда и Крузенштернъ, предоставивъ ему зайти въ Каракакоа, распростился съ нимъ и пошелъ въ Камчатку, куда и прибылъ послѣ 35-ти дней благополучнаго плаванія отъ Овайги и $5^1/_2$ мѣсяцевъ отъ Бразиліи. Іюля 14-го (1804) „Надежда“ вошла въ Авачинскую губу и стала на якорь въ Петро-Павловской гавани.

Лисянскій былъ счастливѣе. Ему удалось запастись свѣжей провизіей и видѣть много интереснаго.

Іюня 11-го „Нева“ вошла въ губу Каракакоа и стала на якорь. Вскорѣ пріѣхалъ на лодкѣ англичанинъ Джонсонъ, жившій неподалеку оттуда. Онъ сообщилъ, что король Сандвичевыхъ острововъ проживаетъ съ своими приближенными, временно, на островѣ Вагу (на нынѣшнихъ картахъ-Оаху), гдѣ готовится къ войнѣ съ сосѣднимъ племенемъ и что Овагой управляетъ англичанинъ Юнгъ. Онъ увѣрялъ, что мореплаватели встрѣтятъ наилучшій пріемъ и получатъ все, что имъ нужно. Дѣйствительно, стали появляться одна за другой лодки съ туземцами, которые привозили свиней, поросятъ, куръ, плоды

Видъ Каракакоа на Овайги.
(По Кэку).

и овощи. Кромѣ припасовъ, офицеры и даже матросы пріобрѣли множество вещей мѣстнаго производства.

13-го числа Лисянскій съ офицерами поѣхалъ на берегъ. Миновавъ нѣсколько бѣдныхъ хижинъ, вошли они въ кокосовую аллею, гдѣ сопровождавшій ихъ старшина показывалъ на деревьяхъ слѣды англійскихъ пуль въ возмездіе за убійство Кука. „Много народу тогда погибло", прибавилъ онъ. Отдохнувъ въ жилищѣ старшины, путешественники пошли смотрѣть королевскій дворецъ, состоявшій изъ 6 строеній, ничѣмъ не отличавшихся отъ прочихъ хижинъ. Первое строеніе называлось королевская столовая; во второмъ—король угощалъ своихъ вельможъ и пріѣзжихъ иностранцевъ; 3-е и 4-е назначено было для женъ; 5-е и 6-е — занято кухнями. Всѣ постройки сдѣланы изъ шестовъ и покрыты древесными листьями.

Каждый домъ стоялъ на возвышенной каменной площадкѣ, обнесенной низкимъ полисадникомъ. Внутри зданій путешественники, кромѣ грязи, ничего не видали. Прежде чѣмъ войти во дворецъ, старшина снялъ шляпу, башмаки и кафтанъ, подаренные ему русскими офицерами и остался съ однимъ поясомъ, объясняя, что иначе ни одинъ туземецъ не имѣетъ право войти въ жилище короля.

Отъ дворца пошли въ королевскую молельню, устроенную внутри двора и обнесенную заборомъ. У входа и на дворѣ стояло много малыхъ и большихъ идоловъ. Въ самую молельню путешественниковъ не пустили. Затѣмъ они отправились къ главному храму, куда имѣютъ входъ только знатные вельможи и потому старшина остался позади. Передъ храмомъ, построеннымъ также на возвышенности, стояло 15 идоловъ, передъ которыми сдѣлано было нѣчто вродѣ помоста, куда вѣрующіе клали свои жертвы. Тутъ лежало нѣсколько кокосовъ, банановъ и . . . жареный поросенокъ. Путешественниковъ встрѣтилъ жрецъ, который черезъ переводчика объяснилъ имъ, что стоящіе впереди жертвенника идолы изображаютъ боговъ войны,

весны, осени и такъ далѣе. Онъ сообщилъ также, что передъ богомъ стоящимъ отдѣльно, туземцы во время жертвоприношенія пляшутъ. Должно быть отъ сотрясенія почвы, а можетъ быть и отъ ветхости, идолъ покривился и подпертъ коломъ.

Во все время прогулки, путешественники не видали туземцевъ. Чтобы избавить пріѣзжихъ отъ назойливости своихъ согражданъ, старшина догадался наложить на нихъ Табу. Зато на возвратномъ пути, ихъ высыпало человѣкъ до тысячи и всѣ смотрѣли на пріѣзжихъ съ большимъ любопытствомъ.

Утромъ 15-го числа пріѣхалъ Юнгъ и предложилъ посмотрѣть мѣстечко Товароа, гдѣ погибъ безсмертный Кукъ. Моряки видѣли камень, гдѣ онъ палъ и гору, на которой жгли его тѣло. Въ этой горѣ много пещеръ, замѣняющихъ гробницы; тутъ же находится мѣсто, гдѣ съ древнихъ временъ кладутся скелеты королей. Въ Товароа девять храмовъ, или вѣрнѣе огородовъ съ идолами.

На слѣдующій день Лисянскій простился съ новыми знакомыми, щедро одаривъ ихъ и снялся съ якоря. Онъ намѣренъ былъ идти къ острову Вагу, чтобъ посмотрѣть на военныя приготовленія сандвичанъ. Но узнавъ, что на этомъ островѣ открылась зараза, не пошелъ туда и направился къ острову Отуваю.

19-го числа мореплаватели увидѣли островъ Отувай и легли вдоль берега. Пріѣхали туземцы и привезли копья, которыя тотчасъ же были раскуплены офицерами. На долю командира досталось опахало изъ хвостовъ тропическихъ птицъ, за которое онъ далъ ножикъ. Сдѣлалось безвѣтріе и корабль чуть-чуть двигался теченіемъ между островами Оннгу и Отуваемъ. Передъ вечеромъ пожаловалъ на „Неву“ король этихъ острововъ Тамури. Онъ тотчасъ же заговорилъ по-англійски и показалъ свидѣтельство капитановъ кораблей, которыхъ онъ снабжалъ провизіей. Лисянскій съ своей стороны сталъ объяснять

ему, что иностранцы потому рѣдко къ нему заѣзжаютъ, что не считаютъ себя въ его владѣніяхъ въ безопасности и что ему гораздо выгоднѣе быть такимъ же добрымъ и честнымъ какъ король Овагп Камамеа*), къ которому ежегодно заходятъ отъ 10 — 18 кораблей.

Вмѣстѣ съ королемъ вошелъ на корабль человѣкъ съ опахаломъ, полотенцемъ и небольшою деревянною чашкою, украшенною множествомъ врѣзанныхъ человѣческихъ зубовъ. Онъ объяснилъ, что чашка служитъ плевательницей королю, а зубы принадлежатъ умершимъ его пріятелямъ. Однакоже, не смотря на присутствіе служителя съ чашкою, Тамури, во время своего пребыванія на суднѣ, безцеремонно плевалъ на полъ, а не въ чашку.

Одна изъ сопровождавшихъ короля лодокъ опрокинулась и вещи, бывшія въ ней, попадали въ море. Но двое гребцовъ съ той же лодки, быстро ее переворотили, и выловили всѣ вещи съ необыкновенною ловкостью.

20-го числа подулъ попутный вѣтеръ и „Нева“ пошла къ Алеутскимъ островамъ.

Острова Сандвичевы открыты Кукомъ въ 1778 году; до этого времени Европа не имѣла о нихъ понятія. Во время плаванія Крузенштерна — острова принадлежали двумъ владѣльцамъ, изъ которыхъ вышеупомянутый Камеамеа былъ человѣкъ замѣчательно способный и храбрый. Онъ съумѣлъ заслужить не только довѣріе европейцевъ, но и пріязнь. Пріѣзжая вторично, каждый привозилъ ему какой-нибудь подарокъ. Одинъ капитанъ подарилъ ему нѣсколько экземпляровъ рогатаго скота, но островитяне не съумѣли его уберечь. Скотъ разбѣжался и одичалъ. Зато онъ размножился такъ, что нерѣдко портилъ насажденія туземцевъ. Однажды съ горъ спустилось стадо быковъ, противъ которыхъ король послалъ цѣлое войско; но и войско не справилось; быки отстояли свою независимость.

*) Гаммамея, Тамеамеа, и Камеамеа — одно и тоже.

Военныя силы на островахъ довольно хорошо организованы, но гражданскихъ законовъ не существуетъ. Кто силенъ, тотъ и правъ. Наиболѣе сильные, короли и жрецы, всегда правы. У сандвичанъ также какъ и у нукагивцевъ строго соблюдается Табу. Однажды островитянинъ съѣлъ кокосъ во время Табу и долженъ былъ умереть. Одинъ изъ европейцевъ попробовалъ было, заступиться за преступника, убѣждая короля, что за такой маловажный проступокъ жестоко наказывать смертью. Король выслушалъ внимательно и съ твердостью отвѣчалъ, что Овага не Европа и маловажное въ послѣдней, можетъ быть очень важно въ первой. Другой примѣръ: въ округѣ, управляемомъ Юнгомъ, мужъ и жена поссорились и пожелали разойтись. У нихъ былъ малолѣтній сынъ, съ которымъ ни одинъ изъ супруговъ не желалъ разстаться. Такъ какъ соглашеніе оказывалось невозможнымъ, то отецъ взялъ мальчика одною рукою за шею, другой за ноги и переломилъ ему спину о свое колѣно, отчего мальчикъ умеръ. На такое варварство Юнгъ пожаловался королю, но тотъ отвѣчалъ, что отецъ вправѣ дѣлать съ сыномъ своимъ, что пожелаетъ.

Годъ у сандвичанъ начинается съ ноября и дѣлится на 12 мѣсяцевъ, въ каждомъ по 30 дней. Недѣлей нѣтъ и всѣ 30 дней имѣютъ разныя наименованія. Двѣнадцатый мѣсяцъ, Макашти, посвящается увеселеніямъ, которыя состоятъ въ играхъ, пляскахъ и примѣрныхъ сраженіяхъ. Это нѣчто вродѣ нашихъ святокъ. Король, гдѣ бы онъ ни находился, долженъ самъ открыть этотъ праздникъ. Передъ восхожденіемъ солнца, надѣваетъ онъ на себя богатый плащъ изъ перьевъ, который могъ бы служить украшеніемъ любой европейской сцены, и сѣвъ въ лодку, отъѣзжаетъ отъ берега на такое разстояніе, чтобы съ появленіемъ солнца снова выйти на берегъ. Здѣсь ожидаетъ его одинъ изъ лучшихъ ратниковъ. Выйдя на берегъ, король сбрасываетъ плащъ и ратникъ на разстоя-

ніи 30-ти шаговъ бросаетъ въ него копье, которое король обязанъ поймать. Если-жъ ему это не удастся, то онъ долженъ быть убитымъ. Кто то посовѣтовалъ Камеамеѣ отмѣнить этотъ обычай, чтобъ не подвергать опасности свою жизнь; но тотъ гордо отвѣчалъ, что онъ также искусно умѣетъ ловить копье, какъ его воины—метать и что ему не угрожаетъ ни малѣйшей опасности.

Изловивъ копье, король продѣваетъ его подъ мышку и шествуетъ въ „Геяву“ или главный храмъ. Это служитъ народу знакомъ къ открытію празднествъ. Повсюду начинаются примѣрныя битвы, для которыхъ копья заготовляются нарочно съ тупыми концами. Во время Макашти всякое наказаніе прекращается.

Послѣ смерти короля также приносятся человѣческія жертвы.

Скорбь по умершимъ выражается царапаньемъ тѣла до крови, остриженіемъ волосъ и выбиваніемъ переднихъ зубовъ одного или двухъ, смотря по рангу умершаго.

Волосы сандвичане не брѣютъ какъ нукагивцы, а стригутъ коротко, оставляя, мужчины — отъ лба до затылка гриву на подобіе римскаго шишака, а женщины — двѣ длинныя пряди на вискахъ. Какъ шишаки, такъ и пряди окрашиваютъ истолченными кораллами въ блѣдно-желтый цвѣтъ, отчего на первый взглядъ кажется, что у туземцевъ двухцвѣтные волосы.

Сандвичане смышлены, способны и не лишены природнаго вкуса. Всѣ дѣлаемыя ими вещи очень хороши, особенно ткань, которую выдѣлываютъ ихъ женщины. Кору дерева „morus papyrifera“ мочатъ, потомъ натягиваютъ на доску и колотятъ плоской лопаткой, отчего жилистыя частицы расплющиваются, сливаются и образуютъ тонкую ткань, которую окрашиваютъ сокомъ кореньевъ и ягодъ. Узоры разрисовываютъ бамбуковымъ прутикомъ съ расщепиной на подобіе пера. Иногда употребляютъ вальки съ нарѣзными узорами какъ на

европейскихъ фабрикахъ. Смѣшеніе цвѣтовъ и рисунки такъ хороши, что могли бы составить славу любого европейскаго фабриканта.

ГЛАВА IV.

Пребываніе въ Японіи и на островѣ Іеддо.

Въ Петропавловскѣ Крузенштернъ долженъ былъ пробыть шесть недѣль, чтобъ привести въ порядокъ свой корабль и запастись продовольствіемъ. Августа 30-го вышелъ онъ изъ Камчатки, вытерпѣлъ на пути сильнѣйшую бурю и октября 8-го прибылъ въ Нангасаки, единственную гавань, которая была въ то время открыта европейцамъ.

Оскорбительное недовѣріе тогдашнихъ японцевъ къ иностранцамъ, хорошо было извѣстно Крузенштерну, но онъ надѣялся, что, по крайней мѣрѣ, посланникъ, отправленный монархомъ могущественной сосѣдней націи съ дружественною цѣлію, удостоится благосклоннаго пріема, но вышло иначе. Русскимъ оказали не больше довѣрія, чѣмъ другимъ иностранцамъ и въ теченіе шести мѣсяцевъ держали ихъ какъ плѣнниковъ въ неволѣ.

Началось съ того, что японцы отобрали у пріѣзжихъ весь порохъ и ружья, даже офицерскія охотничьи, изъ которыхъ многія были дорогія. Только спустя 4 мѣсяца, позволено было выдать ружья для чистки и то по одиночкѣ. Впрочемъ офицерамъ оставлены были шпаги, а солдатамъ штыки, чего никогда не допускалось для голландцевъ. Посланникъ ни за что не хотѣлъ съѣхать на берегъ безъ своей почетной стражи, состоявшей изъ

8 солдатъ, а японцы ни за что не хотѣли допустить этого. Безпрестанно летали курьеры изъ Нангасаки въ Іеддо и наконецъ спустя мѣсяцъ посланнику было дано желаемое разрѣшеніе.

Но въ этомъ только русскіе и восторжествовали надъ японцами. Въ общемъ же, униженію и притѣсненіямъ не было конца. Моряки не только не могли съѣзжать на берегъ, но не имѣли даже права ѣздить на лодкахъ около корабля. Послѣ шестинедѣльныхъ переговоровъ, японцы рѣшились, и то только вслѣдствіе болѣзни посланника, отвести русскимъ на ближайшемъ берегу мѣсто для прогулокъ. Небольшое пространство на самомъ краю берега, огорожено было высокимъ частоколомъ и съ двухъ сторонъ приставлена стража. Голый каменистый берегъ, на которомъ не росла даже трава, никого не манилъ на прогулку. Онъ былъ полезенъ единственно для астрономическихъ наблюденій. Японцы неусыпно слѣдили за пріѣзжими. Лишь только гребное судно отдѣлялось отъ „Надежды“, чтобъ плыть къ обсерваторіи, цѣлый японскій флотъ изъ 10 — 15 судовъ снимался съ якоря и провожалъ моряковъ до берега и обратно.

Томясь въ бездѣйствіи, русскіе моряки очень желали познакомиться съ голландскими, находившимися въ такомъ же заключеніи на своихъ судахъ, но и этого имъ не было дозволено. Мало того, запрещено было даже съ отъѣзжающимъ голландскимъ судномъ послать письма на родину. Только посланнику разрѣшили написать краткое донесеніе императору о благополучномъ плаваніи и то губернаторъ Нангасаки потребовалъ, чтобъ это донесеніе прислали ему, онъ велѣлъ снять копію и отослалъ донесеніе на корабль при двухъ чиновникахъ, въ присутствіи которыхъ его и запечатали.

Когда отплывавшій голландскій корабль проходилъ мимо „Надежды“, то офицеры кричали ему разныя по-

Видъ Мегасаки, близъ города Нангасаки.
(По Куку).

желанія. Голландцы оставались нѣмы и глухи, потому что не смѣли отвѣчать.

Послѣ долгихъ проволочекъ, наконецъ, по настоянію посланника отведено ему было на берегу жилище, или вѣрнѣе тюрьма, называемая Мегасаки. Этотъ домъ стоялъ на мысу такъ близко къ морю, что во время прилива вода подходила подъ самыя окна, если можно назвать окнами отверстія въ квадратный футъ, загроможденныя толстыми желѣзными рѣшетками. Высокій заборъ съ воротами окружалъ строеніе. За первымъ заборомъ шелъ еще другой заборъ, простиравшійся въ море такъ далеко, какъ отходила вода во время отлива. Тутъ тоже были ворота. Ключи отъ обоихъ воротъ находились у японцевъ, жившихъ въ Мегасаки.

Береговая сторона охранялась точно также. Кромѣ того, по дорогѣ къ городу стояло нѣсколько пикетовъ, а на берегу поспѣшно выстроили три дома для офицеровъ, которые должны были наблюдать за русскими. Пріѣзжавшихъ съ корабля къ посланнику, всякій разъ, при высадкѣ, пересчитывали; тоже дѣлалось и при отправленіи ихъ на судно

Для починки гребныхъ судовъ японцы рѣшились отвести мѣсто на берегу, но также огородили его и приставили караулъ, не дозволявшій людямъ ни на шагъ выходить изъ ограды. Мѣсто отведено было такъ близко къ морю, что во время прилива приходилось останавливать работу.

Зато относительно доставки матеріаловъ и провизіи японцы вели себя безукоризненно. Матеріалъ давали, какой требовался и провизію прекраснаго качества.

Несмотря на всевозможныя притѣсненія, въѣздъ посланника въ Нангасаки былъ обставленъ очень торжественно. Видно было, что японцы поняли свои обязанности въ отношеніи представителя русскаго монарха. Присланная за посланникомъ яхта отличалась велико-

лѣпіемъ. Стѣны и перегородки каютъ были покрыты японскимъ лакомъ, лѣстницы изъ краснаго дерева отполированы какъ зеркало, полы устланы тонкими рогожами и дорогими коврами. Не только двери и окна, но и борты палубы по всему судну убраны были дорогими тканями. Только что прибылъ посланникъ на яхту, на ней взвился штандартъ русскаго императора. На укрѣпленіяхъ, мимо которыхъ проходила яхта, развѣвались флаги и куски пестрыхъ тканей. По стѣнамъ крѣпостей стояло войско, разодѣтое въ парадную форму. Множество судовъ сопровождало посланника до берега. Но едва онъ вошелъ въ отведенное ему помѣщеніе, ворота заперли на замокъ и ключи отослали къ губернатору.

На другой день пріѣхали на „Надежду“ два чиновника за подарками. Для большихъ зеркалъ скрѣпили два парома и сдѣлавъ настилку изъ досокъ, покрыли ее рогожками и краснымъ сукномъ. Узнавъ, что зеркала понесутъ въ Іеддо на рукахъ, Крузенштернъ выразилъ удивленіе, такъ какъ для каждаго зеркала требовалось, по крайней мѣрѣ 60 человѣкъ, которые должны были безпрестанно смѣняться. Ему отвѣтили, что для японскаго императора нѣтъ ничего невозможнаго и въ подтвержденіе разсказали, что два года тому назадъ китайскій императоръ подарилъ японскому живого слона, котораго перенесли на рукахъ изъ Нангасаки въ Іеддо.

Императорскимъ указомъ повелѣно было, чтобы всѣ иностранныя суда, остановившіяся у береговъ Японіи или сѣвшія на мель, приводимы были въ Нангасаки.

Случилось однажды, что сѣла на мель китайская джонка. Нѣсколько сотъ судовъ, посланныхъ для буксированія поврежденной джонки, работали 14 мѣсяцевъ, чтобъ снять ее съ мели и привести въ Нангасаки. Много было потрачено времени и денегъ; къ тому же суда въ открытомъ морѣ при крѣпкихъ вѣтрахъ постоянно под-

вергались опасности. Разломать, сжечь джонку и потомъ заплатить за нее, было бы гораздо проще и дешевле. Но это сочлось бы нарушеніемъ закона и потому не могло быть сдѣлано.

Декабря 22-го прибылъ курьеръ изъ Іеддо съ разрѣшеніемъ ввести русскій корабль во внутреннюю гавань. Когда это было исполнено, изъ „Надежды“ выгрузили балластъ и приступили къ ея починкѣ.

19-го февраля извѣстили посланника, что японскій императоръ отправилъ въ Нангасаки уполномоченнаго съ восемью вельможами для вступленія съ нимъ въ переговоры. Уполномоченный лицо такое знатное, говорили японцы, что находясь передъ своимъ монархомъ можетъ смотрѣть ему на ноги, тогда какъ всѣ остальные подданные микадо должны падать ницъ въ его присутствіи. Воззрѣть на лицо властителя не смѣетъ даже и уполномоченный. Все это означало, что посланникъ не будетъ допущенъ въ Іеддо, на что онъ сильно надѣялся. Прибытіе уполномоченнаго ожидалось черезъ 10—15 дней, послѣ чего можно было разсчитывать, что японцы постараются отдѣлаться отъ своихъ гостей. Въ виду этого, Крузенштернъ сталъ сильно торопиться съ приведеніемъ „Надежды“ въ порядокъ, чтобы при первой возможности уйти изъ негостепріимнаго края.

Марта 30-го пріѣхалъ въ Нангасаки уполномоченный и начались переговоры о церемоніяхъ. Посланникъ поставилъ условіемъ, чтобы привѣтствовать ему уполномоченнаго микадо по европейски, на что тотъ съ трудомъ согласился, объявивъ однако, что посланникъ долженъ, также какъ и онъ, сидѣть на полу съ протянутыми вбокъ ногами. Носилки дозволили только одному посланнику; сопровождавшіе его офицеры должны были идти пѣшкомъ.

Первая аудіенція состояла во взаимныхъ привѣтствіяхъ, сопровождаемыхъ безконечными церемоніями.

Судно, на которомъ русскій посланникъ переѣхалъ на берегъ.

Во вторую окончены были всѣ переговоры. Уполномоченный объявилъ, что микадо не принимаетъ ни подарковъ, ни письма русскаго государя и не принимаетъ ихъ потому, что долженъ былъ бы и самъ отдарить, причемъ пришлось бы съ подарками послать посольство, а японскій законъ запрещаетъ японцамъ оставлять отечество. Потомъ онъ поставилъ условіемъ, чтобы никогда русскіе корабли не приходили въ Японію, а если японскому судну случится разбиться у русскихъ береговъ, то чтобъ спасшихся японцевъ передавать голландцамъ для доставки на родину. Затѣмъ запрещено было что-либо покупать отъ японцевъ, или японцамъ что-либо дарить; что же касается матеріала для починки корабля и припасовъ, доставленныхъ на „Надежду“ втеченіе 7 мѣсяцевъ, то императорскимъ указомъ приняты они на его счетъ. Сверхъ того микадо приказалъ безвозмездно снабдить экипажъ провизіею на два мѣсяца и сдѣлать подарки: служителямъ 2000 мѣшковъ соли, офицерамъ 2000 капокъ, то-есть шелковыхъ ковриковъ и сто мѣшковъ рису въ $3^1/_2$ пуда каждый.

Такъ печально окончилась дипломатическая миссія посланника россійской державы. Оставаться долѣе было незачѣмъ; къ 16-му апрѣля (1805) на „Надеждѣ“ все было готово и она вышла изъ Нангасакской гавани.

Намѣреніе Крузенштерна плыть обратно между Японіею и азіатскимъ материкомъ не нравилось японскому правительству. Толмачи, отъ имени губернатора, старались всячески отговорить русскаго капитана отъ этого намѣренія. Они увѣряли, что проливъ Сангарскій усѣянъ подводными камнями и что онъ крайне опасенъ по причинѣ сильнаго теченія. Крузенштернъ не внялъ никакимъ резонамъ и пошелъ своимъ путемъ по Японскому морю, въ ту эпоху почти неизвѣстному мореплавателямъ. На этомъ пути онъ изслѣдовалъ часть западнаго берега Нипона и весь западный берегъ Іессо или Матсмая,

южный и половину восточнаго берега Сахалина и опредѣлилъ положеніе многихъ острововъ, лежащихъ близъ Кіузіу и Нипона.

Нипонъ и Іессо, вѣроятно, составляли въ давнія времена одно цѣлое. Мысы одного до того сходствуютъ съ заливами другого, что представляютъ нѣкоторое подобіе складной дѣтской картинки, гдѣ выпуклости и углубленія соотвѣтствуютъ другъ другу.

Островъ Іессо представляетъ разительную противоположность съ Японіей, несмотря на близкое ихъ сосѣдство. На сколько послѣдняя воздѣлана, на столько первый безплоденъ; во всю длину отъ сѣвера къ югу идутъ каменистыя горы съ покрытыми снѣгомъ вершинами.

Едва изъ за рифа на сѣверной сторонѣ острова показалось европейское судно, туземцы выѣхали къ нему на встрѣчу. На судно они, однакоже, не взошли и поплававъ вблизи, ушли обратно. Когда судно встало на якорь, они появились вновь и взойдя на шканцы встали на колѣни, поднимая обѣ руки на голову и проводя ими по лицу и тѣлу, причемъ кланялись очень низко. Они привезли цѣлую лодку очень вкусныхъ сельдей, за что получили подарки.

Съѣхавъ на берегъ, Крузенштернъ удивился, встрѣтивъ здѣсь запоздалую весну. Не смотря на половину мая, деревья едва распускались и во многихъ мѣстахъ лежалъ еще снѣгъ.

На слѣдующій день пріѣхали на плюпъ японцы съ офицеромъ, который казался очень встревоженнымъ прибытіемъ иностранцевъ и уговаривалъ командира немедленно удалиться. Въ противномъ же случаѣ угрожалъ прибытіемъ японскаго флота, который не замедлитъ разнести „Надежду“ на части. При этомъ офицеръ надувалъ щеки, пыхалъ, приговаривая „бумъ, бумъ“ и очень смѣшилъ моряковъ. Крузенштернъ обѣщалъ ему уйти тотчасъ, какъ только разсѣется туманъ и офицеръ успокоился.

Пріѣзжали на судно японскіе купцы и природныя жители Іессо, извѣстные подъ именемъ аиновъ. Первые привозили трубки, лакированныя чашки и тому подобныя мелочи; вторые — сельди, которыя они мѣняли на пуговицы, давая 50 — 100 сельдей за одну мѣдную пуговицу.

Отсюда „Надежда“ направилась на островъ Сахалинъ*), южная часть котораго принадлежала въ то время Японіи, и въ 4 часа 13-го числа бросила якорь въ заливѣ Анива, возлѣ стоящаго на якорѣ купеческаго судна.

На слѣдующій день командиръ съ посланникомъ отправились на японское судно и сверхъ чаянія были приняты очень хорошо. Замѣтно было однакоже, что японцы дѣйствуютъ осторожно и побаиваются офицеровъ, поселенныхъ на берегу съ цѣлію надзора за торговлею туземцевъ съ пріѣзжими японскими купцами.

Распростившись съ японцами, путешественники поѣхали на берегъ, но сильный бурунъ не допускалъ ихъ высадиться. Они готовы были уже вернуться, какъ вдругъ отъ берега отдѣлилась небольшая лодка съ однимъ человѣкомъ, который и перевезъ всѣхъ моряковъ черезъ бурунъ по двое. Селеніе, расположенное по берегамъ небольшой рѣчки, состояло изъ нѣсколькихъ домовъ и восьми амбаровъ, наполненныхъ рыбою, солью и рисомъ. Жившіе на берегу японскіе офицеры страшно испугались, увидавъ иностранцевъ, но когда узнали, что они не имѣютъ воинственныхъ намѣреній, то мало по малу успокоились.

Въ заливѣ Анива, извѣстномъ по обилію лососей, путешественники встрѣтили такое же явленіе, какъ и въ Камчаткѣ: воды до того кишѣли рыбою, что трудно было грести. Здѣсь не ловили рыбу, а при отливѣ, просто черпали ведрами. Кромѣ того, вокругъ судна постоянно

*) У японцевъ Кауафуто.

плавали киты и кашелоты, а у береговъ ютилось множество раковъ и устрицъ.

Коренные жители южнаго Сахалина тѣ же аины, что и на Іеддо. По добродушію, честности и скромности они произвели на Крузенштерна очень хорошее впечатлѣніе. Когда за доставленную рыбу имъ давали подарки, они брали ихъ въ руки, любовались ими и потомъ возвращали. Съ трудомъ удавалось втолковать имъ, что эти вещи ихъ собственность.

Типы аиновъ.

По одеждѣ и устройству жилищъ аины напоминали отчасти японцевъ, отчасти сибирскихъ инородцевъ. Они носили мѣховыя малицы и въ тоже время японскія конусообразныя шляпы.

Одна особенность чрезвычайно поразила путешественниковъ: въ каждомъ жилищѣ былъ медвѣжонокъ, который помѣщался въ жилой избѣ вмѣстѣ съ хозяевами. Одному изъ офицеровъ захотѣлось купить медвѣжонка, но никто ни за какую цѣну не пожелалъ его продать.

Держали ли туземцы звѣря ради какого нибудь предразсудка, или былъ онъ у нихъ божествомъ — путешественникамъ не удалось узнать.

Въ старинныхъ описаніяхъ острова Іессо говорится, что аины мохнаты. По китайскимъ источникамъ у нихъ все тѣло сплошь покрыто волосами и бороды такъ длины, что достигаютъ до земли. Все это оказалось вздоромъ. Крузенштернъ освидѣтельствовалъ многихъ аиновъ и нашелъ, что волосъ у нихъ на тѣлѣ не больше какъ и у иныхъ европейцевъ, а бороды у большинства дѣйствительно густы, но длины самой обыкновенной.

ГЛАВА V.

Островъ Сахалинъ. Прибытіе въ Китай. Обратное плаваніе на родину.

Въ 6 часовъ утра 16-го мая „Надежда“ вышла изъ залива лососей и послѣ 48-дневнаго плаванія благополучно прибыла въ Камчатку. Сдавъ посланника и окончивъ дѣла, Крузенштернъ 4-го іюля вышелъ изъ Петропавловска съ намѣреніемъ окончить изслѣдованіе восточнаго берега Сахалина*), никѣмъ еще изъ европейскихъ мореплавателей не посѣщеннаго. Втеченіе нѣсколькихъ недѣль „Надежда“ крейсировала вдоль береговъ, то приближаясь, то удаляясь, смотря по силѣ и направленію вѣтра. На всемъ осмотрѣнномъ пространствѣ, островъ казался пустыннымъ, хотя природа его благопріятствовала заселенію. Въ иныхъ мѣстахъ видиѣлись груды головешекъ, оставленныя, вѣроятно, промышленниками, временно по-

*) Сѣверная часть острова Сахалина, вмѣстѣ съ устьемъ Амура присоединена къ Россіи адмираломъ Невельскимъ въ 1853 году. См. II часть „Мореплавателей“, изданіе Девріена.

Селеніе аиновъ.

сѣщавшими островъ. Только 9-го августа, послѣ четырехнедѣльнаго однообразнаго плаванія, моряки увидали на берегу одного залива селеніе, въ которомъ насчитали 27 домовъ.

Лейтенантъ Левенштернъ и гг. Горнеръ и Тилезіусъ отправились на берегъ. Туземцы встрѣтили пріѣзжихъ не враждебно, но и не дружественно. Три человѣка, повидимому, начальники, выступили впередъ и размахивая лисьими шкурами, которыя они держали въ рукахъ, такъ громко кричали, что на кораблѣ было слышно. Когда пріѣзжіе вышли на берегъ, эти люди принялись обнимать ихъ, стараясь въ тоже время оттиснуть къ морю. Понемногу стали подходить остальные туземцы, вооруженные кинжалами и саблями. Такое наступленіе, не смотря на объятія начальниковъ, показалось русскимъ подозрительнымъ и они поспѣшили ретироваться. Видѣнные ими люди, совсѣмъ не походили на айновъ. На начальникахъ было пестрое шелковое платье, на остальныхъ — тюленьи парки; типы тоже были совсѣмъ другіе. По этимъ признакамъ моряки заключили, что обитатели этой части Сахалина — татары, отнявшіе территорію у туземцевъ. Желая провѣрить это предположеніе, Крузенштернъ рѣшился пристать къ острову, но сильное теченіе долго не допускало судно подойти къ берегу; наконецъ, 14-го августа „Надежда“ вошла въ небольшой заливъ и въ виду селенія бросила якорь.

Вечеромъ ѣхать на берегъ было уже поздно и командиръ послалъ гребное судно для ловли рыбы. Въ короткое время наловили столько лососей, что всему экипажу хватило на три дня. На слѣдующій день Крузенштернъ почти со всѣми офицерами поѣхалъ на берегъ. Чувствуя потребность въ прогулкѣ по твердой землѣ, моряки высадились подальше отъ селенія, чтобъ идти къ нему пѣшкомъ; но туземцы ихъ увидали и приплыли къ нимъ на большой лодкѣ. Опять они махали лисьими шкурами и

что то кричали. Выйдя на берегъ обнимались съ пріѣзжими и въ то же время задерживали ихъ движеніе. Замѣтивъ, что ничего не помогаетъ и пріѣзжіе намѣрены идти въ селеніе, туземцы бросились въ лодку и принялись усиленно грести, чтобы опередить пришельцевъ. Шагахъ въ 20-ти отъ деревни встрѣтило ихъ человѣкъ 20 съ начальникомъ впереди, одѣтымъ въ пестрое шелковое платье китайскаго покроя. Крузенштернъ подарилъ начальнику кусокъ оранжеваго сукна, а прочимъ различныя мелочи, и знаками старался втолковать, что онъ съ товарищами не имѣетъ враждебныхъ намѣреній, что они даже не войдутъ въ дома, а только посмотрятъ селеніе. Въ доказательство своего дружелюбія онъ снялъ шпагу. Посовѣтовавшись другъ съ другомъ, туземцы, повидимому, рѣшились не удерживать болѣе путешественниковъ, но Крузенштерну показалось страннымъ, что встрѣтившіе ихъ люди не идутъ съ ними, а остаются позади. У него невольно явилось подозрѣніе, не замышляютъ ли они истребить катеръ и потомъ расправиться съ чужеземцами. Первое было сдѣлать не трудно, такъ какъ катеръ, по причинѣ сильнаго буруна, былъ вытащенъ на берегъ и оставался подъ охраною только двухъ матросовъ.

Чтобъ оградить себя, моряки изъявили твердое намѣреніе идти впередъ не иначе, какъ въ сопровожденіи встрѣтившихъ ихъ людей, на что тѣ волей-неволей должны были согласиться. Рука въ руку начальники, татарскій и русскій, пошли впередъ. Шагахъ въ 50 отъ селенія, первый остановился и сталъ знаками убѣдительно просить путешественниковъ вернуться. Новый подарокъ сломилъ его сопротивленіе. Наконецъ подошли къ селенію. Остановившись противъ одного дома, начальникъ объявилъ, что это его домъ. У дверей стояли два сильныхъ молодыхъ человѣка и знаками показывали, что ни за что не впустятъ чужихъ. Не желая раздражать туземцевъ, путешественники не подали вида, что имъ хочется

заглянуть внутрь и пошли на другой конецъ селенія по тропинкѣ, едва замѣтной среди густой травы. Начальникъ, нехотя сопровождавшій ихъ, нѣсколько разъ останавливался и убѣждалъ воротиться, но смягченный новымъ подаркомъ, двигался далѣе.

Дома туземцевъ довольно велики и построены на сваяхъ, вышиною отъ 4 — 5 футовъ. Подъ домами живутъ собаки, по количеству которыхъ можно заключить, что онѣ служатъ для ѣзды зимою. Въ дома входятъ по крыльцу въ 7 — 8 ступеней. Опасаясь, вѣроятно, чтобы чужеземцы не увидали женщинъ, которыя, по мусульманскому обычаю должны скрываться отъ глазъ постороннихъ, туземцы наскоро заколотили окна и двери. Обойдя селеніе, путешественники возвратились къ дому начальника, гдѣ собрались обыватели съ вещами для мѣны. За 5 арш. сукна Крузенштернъ вымѣнялъ у начальника его шелковое платье, причемъ послѣдній, желая, вѣроятно, похвастать своимъ богатствомъ, пошелъ къ себѣ и явился въ новой одеждѣ, красной съ затканными золотыми цвѣтами. Туземцы, при обмѣнѣ, сукно и табакъ цѣнили всего дороже, въ особенности послѣдній, которымъ, къ сожалѣнію, моряки не запаслись въ надлежащемъ количествѣ. Матросы, имѣвшіе табакъ, вымѣнивали на него довольно цѣнныя вещи, только что полученныя туземцами отъ европейцевъ.

Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что этотъ народъ — татары, пришедшіе съ Амура и вытѣснившіе кроткихъ и смирныхъ айновъ. Удостовѣрившись въ этомъ, Крузенштернъ съ товарищами возвратился на корабль и снялся съ якоря.

Провѣривъ географическое положеніе нѣкоторыхъ Курильскихъ острововъ и сдѣлавъ съемку нѣсколькихъ пунктовъ на Камчатскомъ берегу, Крузенштернъ направился въ Авачинскую губу и 30-го августа сталъ на якорь въ Петропавловской гавани, послѣ двухмѣсячнаго отсутствія.

Главный начальникъ татарскаго селенія на сѣверномъ берегу Сахалина.

„Нева“ еще не приходила и извѣстія о ней были тревожнаго свойства. Разсказывали, что она выдержала на Ситхѣ сраженіе съ дикими, причемъ потеряла нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными.

Съ большимъ вѣроятіемъ можно было разсчитывать встрѣтиться съ „Невою“ у Макао и потому Крузенштернъ, исправивъ „Надежду“ и запасшись провизіею, вышелъ изъ Авачинской губы 9-го октября и пошелъ къ берегамъ Китая. Не смотря на позднее время года, онъ намѣревался изслѣдовать, по пути, тѣ мѣста, гдѣ по древнимъ картамъ полагались острова, существованіе которыхъ новѣйшими географами считалось сомнительнымъ. Многихъ изъ показанныхъ острововъ дѣйствительно не оказалось; другіе нанесены были на карту невѣрно. Проплававъ въ Китайскомъ морѣ болѣе мѣсяца и выдержавъ нѣсколько штормовъ, Крузенштернъ 20-го ноября пришелъ въ Макао.

Передъ входомъ въ гавань моряки увидали флотилію судовъ въ 300, стоявшую на якорѣ. Предполагая, что это суда рыбачьи, мореплаватели прошли мимо, ни мало не безпокоясь. Уже въ Макао узнали они, что это была флотилія морскихъ разбойниковъ, упражнявшихся въ своемъ промыслѣ у южныхъ береговъ Китая уже три года и нападавшихъ на всякій плохо вооруженный корабль. Незадолго передъ тѣмъ они овладѣли однимъ американскимъ судномъ и двумя португальскими. На одномъ изъ послѣднихъ всѣ люди, непожелавшіе вступить въ сообщество съ разбойниками, были перерѣзаны. Нѣкоторые, изъ поступившихъ къ нимъ на службу, бѣжали и потомъ разсказывали, что разбойники всѣ взятыя суда сжигали. Число разбойниковъ, по ихъ мнѣнію, простиралось до 20,000. Эти пираты могли бы быть еще опаснѣе, еслибъ обладали большимъ искусствомъ въ военномъ и морскомъ дѣлѣ. Когда случалось имъ сойтись на абордажъ съ судномъ болѣе усовершенствованнымъ, они неминуемо дѣлались его добычею. Между Макао и

Видъ Петропавловской гавани въ Камчаткѣ.

(По Гр. Литке).

Кантономъ англійскія суда ходили не иначе, какъ подъ конвоемъ нѣсколькихъ гребныхъ вооруженныхъ судовъ стоявшей въ этихъ водахъ англійской эскадры. Незадолго передъ прибытіемъ „Надежды“ два вооруженныхъ португальскихъ корабля пробили себѣ путь, отражая нападеніе 80-ти разбойничьихъ крейсеровъ. Не миновать бы этого и „Надеждѣ“, еслибъ крѣпкій вѣтеръ не удерживалъ разбойниковъ на якорѣ. Въ случаѣ нападенія, „Надежда“ легко могла бы сдѣлаться ихъ добычею, потому что она шла безъ малѣйшаго подозрѣнія, не подготовленная къ бою.

Крузенштернъ крайне удивился, узнавъ, что „Нева“ не приходила. По его разсчету она еще въ октябрѣ мѣсяцѣ должна была придти отъ Кадьяка съ грузомъ мѣховъ и здѣсь, продавъ ихъ, купить китайскихъ товаровъ, чтобъ нагрузить оба корабля. Отсутствіе „Невы“ ставило командира въ большое затрудненіе. Онъ долженъ былъ непремѣнно ее дождаться, опасаясь въ тоже время большихъ придирокъ со стороны китайцевъ.

Все устроилось, однакоже, вполнѣ благополучно, благодаря любезности португальскаго губернатора и президента англійской факторіи Друммонда. Послѣдній, хотя и былъ въ отсутствіи, но узнавъ о прибытіи Крузенштерна, съ которымъ раньше былъ знакомъ, предоставилъ въ его распоряженіе свой роскошный домъ съ замѣчательнымъ садомъ, а для офицеровъ велѣлъ очистить одинъ изъ домовъ остъ-индской компаніи. Такимъ образомъ, сверхъ чаянія, моряки весьма пріятно провели время въ тѣ двѣ недѣли, въ которыя пришлось имъ ожидать „Невы“.

Декабря 3-го прибыла наконецъ „Нева“ съ богатымъ грузомъ пушныхъ товаровъ, который былъ проданъ китайцамъ за 190,000 піастровъ. Самыхъ дорогихъ бобровъ оставили при себѣ, чтобы выгоднѣе продать ихъ въ Москвѣ. На часть вырученныхъ денегъ купили чаю и другихъ китайскихъ товаровъ.

Когда все было кончено и нагруженныя суда приготовились къ отходу, послѣдовала неожиданная задержка со стороны китайскаго правительства. Предлогомъ къ задержкѣ послужила смѣна намѣстника. Послѣ безконечной переписки, личныхъ переговоровъ, угрозъ и просьбъ, а главное благодаря энергическому содѣйствію г. Друммонда, хорошо знакомаго съ характеромъ китайцевъ, русскимъ удалось получить свободу и февраля 9-го „Надежда“ и „Нева“ снялись съ якоря*).

Спустившись на югъ и пройдя между Явою и Суматрой мало изслѣдованнымъ Зондскимъ проливомъ, суда направились къ острову св. Елены.

Апрѣля 16-го былъ день достопримѣчательный для мореплавателей: они прошли черезъ Петербургскій меридіанъ; слѣдовательно — совершили обходъ вокругъ земного шара.

26-го апрѣля суда, обогнувъ мысъ Доброй Надежды, разстались и свидѣлись уже въ Кронштадтѣ, куда „Нева“, какъ болѣе быстроходное судно, пришла раньше.

4-го мая „Надежда“ бросила якорь у острова св. Елены, совершивъ плаваніе отъ Зондскаго пролива въ 58, а отъ Макао въ 79 дней. Здѣсь моряки узнали о начавшейся войнѣ между Россіей и Франціей и очень пожалѣли о разлукѣ съ „Невою“, оказавшейся теперь совсѣмъ несвоевременною. Одиночество въ данную минуту было для каждаго судна далеко не безопасно. Хотя французское правительство и снабдило русскихъ моряковъ паспортами, ограждавшими ихъ отъ непріязненныхъ дѣйствій военныхъ кораблей, но оно не могло защитить ихъ отъ нападенія французскихъ каперовъ, не принимавшихъ въ разсчетъ взглядовъ своего правительства. Много было

*) Уже по пріѣздѣ въ Петербургъ, Крузенштернъ получилъ изъ Кантона извѣстіе, что спустя сутки по отходѣ судовъ, прислано было изъ Пекина предписаніе задержать ихъ. Подобная мѣра могла-бы имѣть для мореплавателей весьма печальныя послѣдствія.

случаевъ, доказавшихъ, что капера дѣйствуютъ на свой рискъ и, по просту разбойничаютъ, прикрываясь политическими цѣлями.

Сообразивъ все это, Крузенштернъ не счелъ удобнымъ идти англійскимъ каналомъ, около котораго, по слухамъ, крейсировали французскіе капера, а направился въ обходъ Азорскихъ острововъ къ сѣверной оконечности Шотландіи для того, чтобы, проплывъ между нею и Оркадскими островами, войти въ Сѣверное море. Этотъ путь былъ гораздо длиннѣе, но зато безопаснѣе.

Мая 8-го „Надежда“ ушла съ острова св. Елены и мая 21-го пересѣкла экваторъ, 29-го вошла въ полосу пассата, а 9-го іюня перешла сѣверный тропикъ.

Противные вѣтры и безвѣтріе задержали „Надежду“ въ Скагерракѣ и Каттегатѣ цѣлыхъ 10 дней. Такая проволочка крайне досаждала морякамъ, жаждавшимъ ступить на родную почву. Наконецъ 2-го августа они пришли въ Копенгагенъ. Плаваніе отъ Китая до Копенгагена продолжалось 5 мѣсяцевъ и 24 дня при одной четырехдневной остановкѣ у острова св. Елены.

Августа 6-го „Надежда“ вышла изъ Копенгагена и только 19-го прибыла въ Кронштадтъ. Легко представить себѣ радость путниковъ, возвратившихся въ отечество послѣ трехлѣтняго отсутствія.

Путешествіе Крузенштерна обогатило науку свѣдѣніями о странахъ мало извѣстныхъ и доказало неоспоримымъ образомъ способность русскихъ людей къ дальнимъ океанскимъ плаваніямъ. Съ этого времени начинается непрерывный рядъ русскихъ кругосвѣтныхъ плаваній, образовавшихъ многихъ отличныхъ моряковъ. Снабженіе отдаленныхъ колоній всѣмъ необходимымъ стало производиться морскимъ путемъ и колоніальная торговля получила значительное развитіе.

Заботливость Ивана Ѳедоровича о своей командѣ выразилась небывалыми результатами. Впродолженіе

трехлѣтняго плаванія, несмотря на штормы и самыя разнообразныя климатическія условія, на „Надеждѣ“ не только никто не умеръ, но и больные были большою рѣдкостью.

Государь Императоръ щедро наградилъ Крузенштерна, Лисянскаго и всѣхъ, участвовавшихъ въ плаваніи. Описаніе путешествія было издано на суммы Кабинета и переведено на многіе иностранные языки.

Со вступленіемъ на престолъ Императора Николая, Крузенштернъ былъ назначенъ въ 1827 г. директоромъ морского корпуса. Хорошо знакомый съ недостатками этого заведенія, онъ приступилъ къ коренному его преобразованію.

При строгой справедливости и полномъ безпристрастіи, Крузенштернъ былъ чрезвычайно добродушенъ и привѣтливъ. Не смотря на свои лѣта и положеніе, онъ умѣлъ снисходить до теплаго сочувствія радостямъ и горестямъ не только юноши-мичмана, но и маленькаго кадета. Съ первымъ онъ пресерьезно разсуждалъ о его частныхъ дѣлахъ, съ послѣднимъ — горевалъ о дурномъ баллѣ и всегда того и другого умѣлъ утѣшить и ободрить.

Впродолженіе 16-тилѣтняго его директорства изъ морского корпуса выпущено до тысячи офицеровъ, несомнѣнно содѣйствовавшихъ процвѣтанію русскаго флота. Ему же обязаны своимъ существованіемъ офицерскіе морскіе классы*), въ которыхъ лучшіе изъ выпущенныхъ офицеровъ пополняли свое образованіе.

Крузенштернъ умеръ въ чинѣ полнаго адмирала въ 1846 году, имѣя отъ роду 76 лѣтъ.

*) Переименованные въ Николаевскую Морскую Академію.

КРУГОСВѢТНОЕ ПЛАВАНІЕ Ѳ. Ѳ. БЕЛЛИНГСГАУЗЕНА.

Двукратныя изысканія въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ и плаваніе вокругъ свѣта капитанъ-лейтенанта Беллингсгаузена.

ГЛАВА I.

Краткій біографическій очеркъ. Отплытіе изъ Кронштадта. Южный Ледовитый океанъ.

Съ того времени какъ Крузенштернъ, первый изъ русскихъ мореплавателей, совершилъ кругосвѣтное плаваніе, многіе суда отправляемы были въ Камчатку и къ американскимъ берегамъ ради торговыхъ и научныхъ цѣлей. Командиры ихъ, какъ и подобаетъ представителямъ власти, вездѣ поддерживали достоинство русскаго имени. Но всѣ они шли по слѣдамъ Крузенштерна, и только Беллингсгаузенъ проникъ въ области, никѣмъ до той поры неизслѣдованныя и, такимъ образомъ, вплелъ новую вѣтвь въ неувядаемый вѣнокъ русскихъ мореплавателей.

Кругосвѣтное плаваніе Беллинсгаузена считается однимъ изъ самыхъ важныхъ и самыхъ трудныхъ, когда либо совершенныхъ плаваній.

Знаменитый Кукъ въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія первый достигъ южныхъ полярныхъ морей и встрѣтивъ

Ѳаддей Ѳаддеевичъ Беллинсгаузенъ.

сплошной ледъ, объявилъ, что дальше идти невозможно. Ему повѣрили и втеченіе 45 лѣтъ не было въ той области изслѣдованій. Беллинсгаузенъ доказалъ, что мнѣніе Кука ошибочно и сдѣлалъ чрезвычайно много для изученія южнаго полярнаго моря, хотя имѣлъ въ своемъ

распоряженіи суда парусныя, небольшія, къ плаванію во льдахъ неприспособленныя.

Ѳаддей Ѳаддеевичъ Беллинсгаузенъ родился въ 1779 г. на островѣ Эзелѣ, входящемъ въ составъ Лифляндской губерніи, воспитывался въ морскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ мичманомъ на 19 году. Онъ съ ранняго дѣтства мечталъ быть морякомъ и всегда говорилъ о себѣ: „я родился среди моря; какъ рыба не можетъ жить безъ воды, такъ и я не могу жить безъ моря".

Шесть лѣтъ спустя, еще въ чинѣ мичмана, Беллинсгаузенъ принималъ участіе въ экспедиціи Крузенштерна. Попавъ въ такую хорошую школу, онъ имѣлъ возможность усовершенствовать себя практикою, чѣмъ вполнѣ и воспользовался. Вернувшись изъ кругосвѣтнаго плаванія, онъ постоянно командовалъ различными судами въ Балтійскомъ и потомъ въ Черномъ моряхъ. Когда же, въ 1819 г. императоръ Александръ I повелѣлъ отправить двѣ экспедиціи, одну—для изученія сѣвернаго, другую—южнаго океана, Беллинсгаузенъ былъ назначенъ начальникомъ послѣдней. Ему предписано было осмотрѣть тѣ части Ю. Океана, въ которыхъ никто еще не бывалъ и провѣрить положеніе нѣкоторыхъ острововъ, непосѣщенныхъ прежними мореплавателями.

Получивъ въ свое распоряженіе шлюпы „Востокъ" и „Мирный" Беллинсгаузенъ принялъ командованіе надъ первымъ, поручивъ послѣдній лейтенанту Лазареву.

Іюля 4-го въ 6 ч. вечера экспедиція вышла изъ Кронштадта, напутствуемая добрыми пожеланіями своихъ соотечественниковъ, оглашавшихъ воздухъ громкими криками „ура!". Моряки прокричали „ура!" въ отвѣтъ, отсалютовали крѣпости и скрылись изъ вида.

Въ Копенгагенѣ Беллинсгаузенъ долженъ былъ принять на судно двухъ натуралистовъ Мертенса и Кунца, но послѣдніе, не имѣя достаточно времени для приготовленій, отказались. Такимъ образомъ экспедиція лиши-

лась возможности дѣлать естественно-научныя наблюденія и должна была довольствоваться собираніемъ матеріаловъ по-любительски, разсчитывая, по возвращеніи, предоставить свои коллекціи людямъ знающимъ, для приведенія ихъ въ надлежащій порядокъ. Не разъ пожалѣлъ Беллинсгаузенъ, что ему не дозволили взять двухъ русскихъ студентовъ-естественниковъ, просившихся въ экспедицію; но тогда мода была на все иностранное и русская наука не успѣла еще завоевать себѣ подобающее мѣсто.

19 іюля вышло изъ Копенгагена вмѣстѣ съ экспедиціею множество судовъ съ публикой, которая отправлялась на островъ Венъ, гдѣ была когда то первая обсерваторія извѣстнаго Тихо-де-Браге. Въ память великаго ученаго датчане построили маленькій домикъ на островѣ, гдѣ и устраиваютъ ежегодно 19 іюля, гулянье.

Прибывъ въ Портсмутъ, моряки неожиданно встрѣтились съ шлюпомъ „Камчаткой“ подъ командой Головнина, который возвращался изъ С. З. Америки. Эта нечаянная встрѣча очень обрадовала моряковъ, тѣмъ болѣе, что она случилась за границею, гдѣ каждый русскій еще горячѣе чувствуетъ привязанность къ соотечественнику.

Оживленіе, господствовавшее въ портсмутскомъ портѣ во время войны англичанъ съ французами, смѣнилось покоемъ. Военные корабли, разоруженные, стояли на рейдѣ, выкрашенные бѣлой краской, чтобы дерево отъ жара не трескалось. Суда и экипажъ покоились на лаврахъ. Вдругъ неожиданно прибылъ принцъ-регентъ на своей богато вызолоченной яхтѣ. Мгновенно все пришло въ движеніе. Боевые великаны въ бѣлой одеждѣ окружили яхту, маневрируя вмѣстѣ съ нею. Русское судно салютовало 21 выстрѣломъ и каждый разъ, когда яхта проходила мимо „Востока“, матросы разбѣгались по реямъ и кричали „ура!“

Нѣкоторый ремонтъ на судахъ задержалъ экспедицію въ Портсмутѣ довольно долго. Начальники шлюповъ съѣздили въ Лондонъ, чтобъ пополнить коллекцію астрономическихъ инструментовъ; а 20 августа имѣли удовольствіе свидѣться съ другими соотечественниками, вернувшимися изъ кругосвѣтнаго плаванія на суднѣ русско-американской компаніи подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Гагемейстера.

Наконецъ все было готово на шлюпахъ и 26 августа въ 5 ч. пополудни они вышли въ море. При выходѣ въ Атлантическій океанъ, начальникъ экспедиціи раздѣлилъ команду на 3 вахты и установилъ распредѣленіе времени. Служители обѣдали около полудня, ужинали около 6 часовъ, а отъ 6—8, пока провѣтривалась палуба, увеселяли себя какъ могли: пѣли, разсказывали сказки, играли въ чехарду и плитку, плясали. Убѣжденный, что чистота и бодрость духа лучшіе охранители здоровья экипажа, начальникъ экспедиціи неусыпно слѣдилъ за поддержаніемъ того и другого.

Еще во время стоянки судовъ въ Кронштадтѣ, каждый морской офицеръ могъ видѣть, что шлюпъ „Мирный“ не соотвѣтствуетъ „Востоку“ и непремѣнно будетъ задерживать его ходъ. Такъ оно и случилось. Во все время плаванія, „Востокъ“, чтобы не потерять товарища, долженъ былъ нести мало парусовъ и такимъ образомъ замедлять плаваніе.

Погода благопріятствовала мореплавателямъ; 15 сентября они прибыли къ острову Тенерифу и противъ города Санта-Круцъ бросили якорь.

Видъ съ рейда Санта-Круцъ представляетъ зрителю островъ Тенерифъ въ непривлекательномъ видѣ. Горы, окружающія городъ, голы; нѣкоторыя изъ нихъ остроконечны и раздѣлены узкими мрачными ущельями. Только исполинскій съ серебристою вершиною Пикъ придаетъ пейзажу величественный видъ; но этотъ пикъ бываетъ

по большей части затянутъ облаками и для взора временнаго посѣтителя, какъ бы не существуетъ.

Офицеры, ѣздившіе внутрь страны, вынесли совсѣмъ иное впечатлѣніе. Аратавская долина, которую они

Летучія рыбы.

посѣтили, показалась имъ очаровательною. Они имѣли удовольствіе видѣть то мѣсто, которое нѣкогда принадлежало завоевателю Тенерифа — Іоанну Бетанкуру, и потомъ перешло къ его потомкамъ. Полюбовались Драконовымъ деревомъ, имѣющимъ 36 футовъ въ окружности,

при чемъ вспомнили свой отечественный такой же толщины дубъ, въ тѣни котораго императрица Екатерина II, во время путешествія по Крыму, угощала завтракомъ императора Іосифа.

Запасшись провизіею и водою, экспедиція 19-го сентября ушла съ Тенерифа, 22-го числа перешла тропикъ и вступила въ такъ называемый жаркій поясъ.

24-го числа показались рыбы бониты, которыя старались опередить судно. Въ надеждѣ полакомиться хорошею ухою, въ стаю бросили острогу и ранили одну изъ рыбъ. Къ сожалѣнію, она сорвалась и ушла, а за нею ушла вся стая. Вскорѣ показались летучія рыбы, но отъ нихъ не было никакой пользы.

Судьба этихъ рыбъ очень печальна. Въ водѣ ихъ преслѣдуютъ бониты, подскакивая довольно высоко, чтобы схватить добычу; но лишь рыба, спасая свою жизнь, взлетитъ на воздухъ, на нее бросаются птицы. Матросамъ случалось находить эту рыбу, запутавшеюся въ снастяхъ, гдѣ она, бѣдняжка, старалась укрыться отъ преслѣдованія своихъ пернатыхъ враговъ.

30-го числа поймали на уду прожору, и приставшую къ ней прилипалу (Echeneis remora). Послѣднія всегда держатся около первыхъ, пользуются остатками ихъ добычи, къ нимъ присасываются и около нихъ ищутъ спасенія. Прожоры такъ великодушны, что, не смотря на свою жадность, никогда не трогаютъ ищущихъ у нихъ защиты.

Погода стояла прекрасная; жаровъ сильныхъ не было, по временамъ перепадали дожди, которыми пользовались, чтобъ собрать побольше воды для стирки бѣлья и для питья животнымъ и птицамъ. Особенно восхитительны были ночи. На небѣ ярко сіяли міріады звѣздъ, а море искрилось фосфорическимъ свѣтомъ до того сильнымъ, что по пути, пройденному шлюпомъ, струилась какъ бы огненная рѣка. Тѣ изъ моряковъ, которые не видали

этого зрѣлища, приходили отъ него въ восторгъ. Извѣстно, что этотъ свѣтъ происходитъ отъ особаго рода моллюсковъ, изъ которыхъ одни — величиною въ пылинку, другіе — равняются 1—1½ дюймамъ. Нѣсколько разъ, вмѣстѣ съ морской водою, вытаскивали этихъ животныхъ на судно и разсматривали ихъ. Лежа въ спокойной водѣ, моллюскъ кажется стекляннымъ и не свѣтится, но чуть только вода приходитъ въ движеніе, онъ начинаетъ свѣтиться, сперва немного, потомъ ярче и ярче и наконецъ вся вода въ окружности дѣлается похожею на пламя. Мертвое животное не свѣтитъ.

Впродолженіе всего плаванія сѣтка для ловли этихъ маллюсковъ висѣла за кормою. Днемъ они никогда не попадались и начинали ловиться только съ сумерекъ. Вѣроятно, свѣтящіяся животныя не выносятъ солнечнаго свѣта и днемъ скрываются на днѣ моря.

Октября 5-го, вдали показался смерчъ, въ который выстрѣлили и онъ разсѣялся; видѣлись фонтаны, пускаемые дельфинами.

Во время штилей, господствовавшихъ довольно долго подъ экваторомъ, сдѣлано было нѣсколько опытовъ съ бутылкою. Закупоренная хорошею пробкою и опущенная вмѣстѣ съ лотомъ на глубину отъ 30—40 саженъ бутылка возвращалась наполненная водою и плотно закупоренная, только пробка была обращена нижнимъ концомъ кверху.

Сдѣлали еще опытъ. Плотно закупоренную пустую бутылку опустили на глубину въ 200 саж., предварительно проклеймивъ пробку и обвязавъ ее кускомъ парусины и веревкой. Когда вытащили бутылку обратно, она была наполнена водою, холстина сверху прорвана, а пробка на мѣстѣ, но клеймомъ обращена книзу и такъ плотно вбита, что ее едва могли вытащить пробочникомъ. Доискиваясь причины такого страннаго явленія, моряки пришли къ заключенію, что теплый воздухъ, находящійся

въ бутылкѣ, достигнувъ извѣстной глубины, гдѣ вода холоднѣе, сжимается и всасываетъ пробку внутрь. Когда же бутылка, наполненная водою идетъ кверху, холодная въ ней вода нагрѣвается и, расширяясь, выпираетъ пробку; а такъ какъ нижній конецъ ея тоньше верхняго, то естественно, что онъ легче попадаетъ въ горло бутылки. При повтореніи опытовъ оказалось, что на глубинѣ менѣе 30 саж. такихъ явленій не бываетъ.

Очень часто пролетали мимо корабля „буревѣстники", названные такъ потому, что появленіе ихъ, будто бы, предсказываетъ бурю. Но въ данномъ случаѣ эта примѣта не оправдалась; напротивъ того, безвѣтріе продолжалось и приходилось на палубахъ разводить огонь. Эта мѣра необходима подъ экваторомъ во время штилей, когда сырость бываетъ такъ велика, что обувь, хранящаяся на палубѣ и въ каютахъ въ два дня покрывается плѣсенью.

Штили, жары, дожди и грозы сильно наскучили путешественникамъ и они очень обрадовались, встрѣтивъ 15 октября южный пассатный вѣтеръ, который освѣжилъ атмосферу. 18-го числа въ 10 ч. утра перешли экваторъ при обычной церемоніи. Начальникъ экспедиціи покропилъ офицеровъ водою, почерпнутою изъ южнаго полушарія, а комиссаръ сдѣлалъ тоже съ командою, съ тою только разницею, что вмѣсто нѣсколькихъ капель, онъ выливалъ имъ на голову цѣлую кружку. Всѣ охотно поддавались этому крещенію и въ ознаменованіе событія получили по стакану пунша, который пили за здоровье Государя Императора при пушечныхъ выстрѣлахъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что самый большой жаръ бываетъ не на самомъ экваторѣ, гдѣ южный пассатный вѣтеръ прохлаждаетъ воздухъ, а въ полосѣ штилей, между сѣверными и южными пассатными вѣтрами.

Ноября 2-го экспедиція прибыла въ Бразилію, гдѣ господствовало еще невольничество, возмущавшее русскихъ офицеровъ до глубины души.

Смерть.

„Здѣсь находится много лавокъ, въ которыхъ продаются негры, пишетъ Беллинсгаузенъ. Несчастные сидятъ скорчившись, понуря голову, въ ожиданіи своей участи. Тутъ же стоитъ надзиратель, обязанный представлять покупателю товаръ въ лучшемъ видѣ. Онъ держитъ въ рукѣ плеть или трость. По данному знаку, невольники встаютъ и скачутъ съ ноги на ногу, припѣвая. Кто не выказываетъ достаточно живости, тому надзиратель подбавляетъ ее плетью. Покупщикъ, сдѣлавъ выборъ, выводитъ товаръ изъ рядовъ, осматриваетъ его, поколачиваетъ по разнымъ частямъ тѣла, заглядываетъ въ ротъ, словомъ, поступаетъ точно также, какъ при покупкѣ какого-нибудь животнаго. Смотря потому, насколько покупатель удовлетворенъ товаромъ, назначается ему цѣна“.

Желая хоть отчасти познакомиться съ внутренностью страны, мореплаватели съ удовольствіемъ приняли предложеніе русскаго вицеконсула, г. Кильхена, посѣтить извѣстный водопадъ въ 16-ти миляхъ отъ Рio-Жанейро. Съ утра верховыя лошади и кареты ожидали русскихъ путешественниковъ и нѣкоторыхъ изъ знакомыхъ Кильхена. Дорога шла сперва по обработанной мѣстности, потомъ стала подниматься въ горы и огибать пропасти. За 5 — 6 миль до водопада дороги уже не было и приходилось бросить лошадей, экипажи и идти пѣшкомъ. Крайне трудный путь при сильномъ зноѣ такъ утомилъ туристовъ, что они раскаялись въ своемъ любопытствѣ. Едва дотащившись до ресторана на вершинѣ горы и освѣживъ себя лимонадомъ, они поплелись далѣе. До водопада оставалось еще $^1/_2$ мили и шумъ его былъ уже слышенъ. Загороженный высокими скалами, онъ открылся передъ путешественниками, когда они уже были возлѣ него. Величественное зрѣлище вполнѣ вознаградило ихъ за перенесенную усталость. Водопадъ бѣжалъ по крутымъ каменнымъ уступамъ, развѣтвляясь по лож-

Буревѣстники.

бинамъ нѣсколькими рукавами и, стекая въ равнину, бурнымъ потокомъ стремился къ синѣющему вдали океану.

Принесенный на плечахъ негровъ обѣдъ, заказанный г. Кильхеномъ, подкрѣпилъ силы туристовъ и всѣ развеселились. Принимавшій участіе въ прогулкѣ живописецъ снялъ виды водопада.

Въ 6 часовъ утра, 22 ноября, суда снялись съ якорей и пошли далѣе. Со шлюпа „Мирнаго“ пріѣхалъ командиръ Лазаревъ съ священникомъ, который отслужилъ молебствіе и благословилъ судно на дальнѣйшее плаваніе. Послѣ молебна начальникъ экспедиціи передалъ г. Лазареву жалованье командѣ на шлюпѣ „Мирный“ и порціонныя деньги, чтобы обезпечить экипажъ на случай какого либо несчастія съ „Востокомъ“. При этомъ онъ далъ ему инструкцію какъ поступать, если бы суда неожиданно потеряли другъ друга.

Въ полдень, 2-го декабря вахтенный лейтенантъ донесъ начальнику, что видѣнъ бурунъ. Полагая поэтому, что берегъ близко, командиръ велѣлъ держать къ буруну. Подойдя ближе увидали, что бурунъ былъ ничто иное какъ мертвый китъ, о который били волны. Множество птицъ летало, плавало и сидѣло на спинѣ умершаго великана. Два офицера отправились на яликѣ, чтобъ застрѣлить нѣсколькихъ птицъ и имъ удалось убить великолѣпнаго альбатроса, длиною въ 2 ф. слишкомъ, шириною въ размахѣ крыльевъ въ $7^1/_2$ ф. и вѣсомъ въ 31 фунтъ.

Въ 2 часа проплыло мимо шлюпа большое стадо дельфиновъ, а на поверхности моря безпрестанно появлялись фонтаны, пускаемые китами.

Нѣкоторымъ морякамъ, глядя съ судна, казалось, что птицы садятся на волны и подкидываются вмѣстѣ съ ними, непогружаясь въ воду, подобно голенастымъ. Это явленіе удивляло ихъ, пока они не разсмотрѣли, что

птицы сидятъ на плавающихъ островахъ перепутанной морской травы, вмѣстѣ съ которой несутся по волнамъ. Одну такую плетушку подняли на шлюпъ и распутывая, растянули во всю длину шлюпа. Отъ одного общаго стебля шли длинные отростки съ большими зубчатыми листьями. Въ сплетеніяхъ запуталось множество ракушекъ.

Эта трава и множество прилетавшихъ птицъ заставляли предполагать близость земли. Въ это время судно какъ разъ пересѣкало параллель 45°, на которой полагался островъ Гранде, открытый ла-Рошемъ. Тщетно искали его мореплаватели до Беллинсгаузена; не нашелъ его и онъ; зато ему посчастливилось нѣсколько дней спустя недалеко отъ острова Св. Георгія открыть новый островокъ, который онъ и назвалъ въ честь одного изъ офицеровъ Анненковымъ.

Погода въ южномъ Ледовитомъ океанѣ стояла все время пасмурная и несмотря на это Беллинсгаузену удалось сдѣлать довольно подробную опись острова Св. Георгія.

Термометръ стоялъ постоянно ниже нуля, часто шелъ снѣгъ и попадались довольно большія плавучія льдины. Взявъ курсъ на Сандвичевы острова*), Беллинсгаузенъ открылъ еще три острова и назвалъ ихъ: Высокій, Лѣскова и Завадовскаго, а всѣ вмѣстѣ островами маркиза де-Траверсе, бывшаго тогда министромъ. На одномъ изъ острововъ горѣла сопка, выбрасывая черный смрадный дымъ. Желая воспользоваться встрѣчающимся льдомъ, командиръ отправилъ на яликѣ къ одной большой льдинѣ людей, которые нарубили много льду и наполнили имъ пустыя бочки. Заваренный на растаявшемъ льду чай оказался очень вкуснымъ. Въ водѣ не было ни горечи, ни соли.

---

*) Близъ 60° ю. ш.; не смѣшивать съ группой одинаковаго названія въ Полинезіи.

25-го декабря экспедиція праздновала Рождество Христово. Командиръ и офицеры съ „Мирнаго“ приглашены были къ обѣду на „Востокъ“; матросы угощены пуншемъ; всѣ были веселы, какъ будто находились не въ южномъ Ледовитомъ океанѣ, а у себя дома.

Отъ Рождества до Новаго года продолжалась очень холодная погода, шелъ сильный снѣгъ и снасти леденѣли такъ, что ихъ приходилось безпрестанно околачивать. Суда съ трудомъ пробирались среди плавучихъ льдовъ и ледяныхъ полей, изслѣдуя острова, открытые Кукомъ. Наконецъ достигли острововъ Тюле и Монтегю, о которыхъ Кукъ писалъ, что они южнѣе всѣхъ прочихъ земель, въ южномъ полушаріи существующихъ.

Продолжая идти къ юго-западу и лавируя между большими и малыми льдинами и высокими торосами, мореплаватели встрѣчали множество ледяныхъ острововъ, на которыхъ гнѣздились стаи пингвиновъ. Иногда, для развлеченія, офицеры садились въ яликъ, причаливали къ какому нибудь острову и охотились. Пингвины, ненапуганные человѣкомъ, давались легко. Многихъ изъ нихъ просто брали руками и клали въ мѣшокъ. Ихъ мясо, вымоченное нѣсколько дней въ уксусѣ и зажаренное, весьма не дурно на вкусъ. Офицеры первые попробовали употребить его въ пищу, а ихъ примѣру послѣдовала и команда. Оставленныя живыми птицы не вынесли неволи и скоро околѣли.

Со времени вступленія судовъ въ большія южныя широты погода была по большей части пасмурная и холодная. Несмотря на это и на спиравшіе суда льды, производившіе не мало поврежденій, Беллингсгаузенъ рѣшился идти на югъ до совершенной невозможности проникнуть далѣе.

Такъ продолжалъ онъ двигаться до 21 Января, когда обнаружилось, что дальнѣйшее плаваніе невозможно. На востокѣ, югѣ и западѣ, куда могъ только достичь взоръ,

Пингвины.

ничего не было видно, кромѣ сплошныхъ ледяныхъ полей, торосовъ и острововъ. Суда находились въ широтѣ южной 69°, 25′, долготѣ 1°, 11′ западной. Поворотивъ на сѣв.-вост., суда встрѣтили сѣверный вѣтеръ, разогнавшій облака.

Хотя въ палубѣ, гдѣ жили офицеры, служителя ежедневно топили печи и обтирали три раза въ сутки потолокъ, на которомъ скоплялись капли, а платье при малѣйшей возможности просушивали наверху, но постоянные туманы и сырость всетаки проникали въ помѣщеніе и потому офицеры, обрадовавшись хорошей погодѣ, велѣли открыть всѣ люки, чтобы провѣтрить палубу.

Вплоть до 2-го февраля суда продолжали идти на сѣв.-вост. и давно уже миновали полосу льдовъ. Разсчитавъ, что много пройдено къ востоку, Беллинсгаузенъ повернулъ опять на югъ, чтобы испытать далеко-ли его допустятъ льды.

5-го числа увидѣли опять буревѣстниковъ и затѣмъ плавучіе льды. Въ 10 часовъ вечера „Востокъ“ въ третій разъ пересѣкъ южный полярный кругъ.

Втеченіе трехъ мѣсяцевъ слишкомъ, считая отъ стоянки у береговъ Бразиліи, Беллинсгаузенъ упорно стремился на югъ, намѣреваясь обозрѣть ту часть южнаго Ледовитаго океана, въ которой никто еще не бывалъ. Затертый льдами, онъ поворачивалъ на сѣверъ, на востокъ и потомъ опять спускался къ югу. Однообразіе этого плаванія было до нельзя утомительно. Изрѣдка только нарушалось оно прекрасными южными сіяніями, не такъ величественными какъ сѣверныя, но за то болѣе разнообразными.

Одинъ только разъ сіяніе совсѣмъ походило на сѣверное и было такъ ярко, что позволяло читать самую мелкую печать. Однажды ночью шелъ густой снѣгъ при порывистомъ вѣтрѣ; но только что снѣгъ пересталъ, какъ

открылось великолѣпное, южное сіяніе, совершенно отличное отъ того, которое прежде видѣли: весь небесный сводъ покрытъ былъ радужными полосами, которыя, извиваясь и переливаясь всѣми цвѣтами, перебѣгали съ быстротою молніи съ южнаго конца горизонта на сѣверный. Матросы, благоговѣйно крестясь, шептали: „небо горитъ; свѣтопреставленіе!“ Эти сіянія для мореплавателей, окруженныхъ льдами, чрезвычайно полезны. Освѣщая пространство на 5—6 миль въ окружности, они даютъ возможность опредѣлить безопаснѣйшій курсъ.

Марта 4-го начальникъ экспедиціи вытребовалъ къ себѣ Лазарева и объявилъ ему, что они должны на время разстаться. Суда находились у предѣльной черты плаванія капитана Кука и должны были каждое идти своимъ путемъ, чтобы имѣть возможность обозрѣть большее пространство, никому пока неизвѣстное. Въ портѣ Жаксонъ предстояло соединиться.

На слѣдующій день суда разстались, отсалютовавъ другъ другу 20-ю выстрѣлами.

Съ 22-го числа стали прилетать береговыя птицы и безпрестанно попадаться плавучая трава; все предвѣщало близость Вандименовой Земли. 24-го въ третьемъ часу дня вахтенный закричалъ: „берегъ видѣнъ!“ Берегъ, берегъ видѣнъ! перебѣгало изъ устъ въ уста и всѣ лица сіяли отъ удовольствія. Взяли курсъ параллельно южному берегу Вандименовой Земли (Тасманіи) и рано утромъ 27 числа увидали берега Новой Голландіи*). Это было какъ разъ въ день Св. Пасхи.

Температура быстро измѣнилась. Барометръ поднялся, небо прояснилось и всѣ высыпали наверхъ, куда незадолго передъ этимъ никто, безъ крайней надобности, не показывался. Продолжительная сырость и холода надоѣли путешественникамъ, разстроили ихъ нервы, а теперь они

*) Материкъ Австраліи.

чувствовали приливъ бодрости, выносили на верхъ платье, книги, инструменты; все чистили и просушивали.

Море, какъ нарочно, дразнило путешественниковъ, стремившихся поскорѣй съ нимъ разстаться и ступить на твердую землю. Втеченіе двухъ дней противные вѣтры угоняли судно отъ береговъ и только 29-го числа оно могло войти въ портъ Жаксонъ, гдѣ Беллинсгаузенъ надѣялся встрѣтить шлюпъ „Мирный“. Оказалось, что онъ еще не приходилъ, а такъ какъ путь „Мирнаго“ былъ короче и шелъ внѣ линіи льдовъ, то отсутствіе его сильно обезпокоило начальника экспедиціи.

Зеленѣющіе берега залива, обросшіе лѣсомъ, красивыя долины съ разбросанными по нимъ дачами и фермами, послѣ продолжительнаго однообразнаго путешествія между моремъ, покрытымъ льдами и небомъ, затянутымъ тучами, показались морякамъ восхитительными. 30-го марта въ 11 часовъ утра, противъ города Сиднея „Востокъ“ бросилъ якорь, пробывъ 131 день подъ парусами, со времени выхода изъ Ріо-Жанейро.

Во все время плаванія, весь экипажъ пользовался прекраснымъ здоровьемъ; только подъ конецъ заболѣли цынгою два матроса и нѣсколько свиней и барановъ. У послѣднихъ посинѣли и распухли десны и они не могли, по прибытіи въ портъ Жаксонъ, жевать свѣжей травы.

ГЛАВА II.

Австралія. Новая-Зеландія. Островъ Опаро.

Около полудня на грязной лодкѣ прибыло на судно семейство туземцевъ съ сѣвернаго берега. Они объяснялись на ломаномъ англійскомъ языкѣ и кланялись очень низко, кривляясь и дѣлая гримасы. Костюмъ ихъ состоялъ

изъ смѣси національной наготы съ европейскими лохмотьями. Глава семьи носилъ брюки англійскаго матроса, на лбу повязку изъ красныхъ шнурковъ, а на шеѣ мѣдную, въ формѣ полумѣсяца, бляху съ надписью: „Бонгари, вождь брокенбайскаго племени“. Этотъ субъектъ держалъ себя важно и, указывая на своихъ товарищей, говорилъ: „мой народъ“, а на берегъ — „мой берегъ“. Съ нимъ пріѣхала его жена, по имени Матора, закутанная въ англійское байковое одѣяло. Голова ея была украшена зубами кенгуру. Эту пару, сопровождавшихъ ее сына и дочь и ихъ товарищей Беллинсгаузенъ велѣлъ угостить грогомъ и сухарями. Видя такую щедрость, посѣтители стали выпрашивать себѣ табаку, стараго платья, денегъ, но Беллинсгаузенъ объявилъ имъ, что все это они получатъ тогда, когда будутъ доставлять рыбу, птицъ, кенгуру и другихъ животныхъ, на что они отвѣчали: „есть, есть“!

Приведя все въ порядокъ, Беллинсгаузенъ съ офицеромъ Демидовымъ поѣхалъ на берегъ къ начальнику порта Пайперу и съ нимъ вмѣстѣ всѣ пошли къ дому губернатора, генерала Макварія. Губернаторъ принялъ русскаго капитана очень любезно и обѣщалъ оказывать всяческое содѣйствіе.

На другой же день приступлено было къ устройству на берегу обсерваторіи, около которой поставили еще двѣ палатки: одну для караульныхъ, другую для бани. Послѣдняя показалась матросамъ настоящимъ раемъ; она же служила и прачешною.

1 апрѣля губернаторъ и вице-губернаторъ отдали визитъ Беллинсгаузену и встрѣчены были по морскому уставу. Вышедшій во фронтъ караулъ при офицерѣ отдалъ честь, при чемъ барабанщикъ билъ дробь. При отъѣздѣ повторилось тоже самое. По отданіи чести матросы разбѣжались во фронтъ по реямъ, откуда по командѣ прокричали три раза „ура!“, а когда отвалилъ

губернаторскій катеръ, раздались 7 пушечныхъ выстрѣловъ.

7 апрѣля командиръ „Востока“ со всѣми офицерами былъ приглашенъ къ губернатору. Послѣ завтрака губернаторъ предложилъ гостямъ своимъ осмотрѣть новопостроенный маякъ. Офицеры поѣхали на катерѣ моремъ, губернаторъ и Беллинсгаузенъ въ каретѣ берегомъ. Минутъ черезъ 50 ѣзды по хорошей дорогѣ пріѣхали къ маяку, съ котораго Беллинсгаузенъ имѣлъ удовольствіе видѣть входящій въ заливъ шлюпъ „Мирный“.

Маякъ построенъ на высокомъ берегу; отъ поверхности моря до вершины его 427 футовъ. Верхняя часть, въ которой находятся лампы съ реверберами, постоянно вращается, что даетъ возможность мореплавателямъ не смѣшивать свѣта маяка съ береговыми огнями, которые безпрестанно разводятся туземцами.

Возвратившись на свое судно, офицеры поздоровались съ товарищами, пріѣхавшими съ шлюпа „Мирный“ и съ удовольствіемъ узнали, что на обоихъ судахъ все благополучно.

По разсчету Беллинсгаузена, экспедиціи приходилось простоять у береговъ Австраліи не менѣе мѣсяца; нужно было починить суда и запастись провизіей. Въ это время моряки имѣли возможность познакомиться съ краемъ и его жителями, чему много способствовалъ привѣтливый и гостепріимный губернаторъ Макварій.

16-го апрѣля пригласилъ г. Макварій двухъ командировъ и лейтенанта Завадовскаго проѣхаться съ нимъ въ городъ Парамату, отстоящую отъ Сиднея на 15 миль.

Дорога была прекрасная; ѣхали лѣсомъ, гдѣ губернаторъ показывалъ своимъ гостямъ слѣды прежнихъ ужасныхъ дорогъ, причемъ сообщалъ, что ему удалось привести въ порядокъ почти всѣ пути сообщенія въ колоніяхъ, что значительно оживило торговлю и промышленность. Благодаря хорошимъ дорогамъ, фермеры

имѣютъ возможность привозить свои продукты въ Сидней, гдѣ всегда находятъ для нихъ сбытъ.

Хорошенькій городокъ Парамата лежитъ на рѣкѣ того же имени. Улицы прямы, чисты, домики утопаютъ въ зелени. Въ концѣ города — губернаторская дача, гдѣ втеченіе трехъ дней морякамъ оказано было самое радушное гостепріимство. Вокругъ губернаторскаго дома, у подножія лѣсистаго холма, разбиты сады, англійскій и фруктовый, съ разнообразными породами деревьевъ. Прогуливаясь по извилистымъ дорожкамъ и любуясь на роскошную растительность, путешественники изнемогали отъ жары и невольно вздыхали по милому сѣверу.

Извѣстно, что туристы добровольные мученики, да иначе имъ и быть нельзя. Если они, подобно мѣстнымъ жителямъ, будутъ сидѣть днемъ въ комнатахъ за спущенными жалюзи, то ничего не увидятъ и не обогатятъ свой умъ познаніями.

Не смотря на палящій зной, путешественники успѣли осмотрѣть факторію, въ которой женщины ткутъ сукна, и училище для дѣтей туземцевъ. Все было въ прекрасномъ состояніи. На рѣкѣ Парматѣ любовались плотиной, препятствующей, при приливѣ, морской водѣ смѣшиваться съ рѣчною, которую пьютъ обыватели. Вездѣ приходилось слышать похвалы губернатору за его энергію, распорядительность и человѣколюбіе.

На слѣдующее утро, послѣ завтрака, гостей ожидали верховыя лошади. При утренней прохладѣ прогулка была очень пріятна. Путешественники ѣхали по прекрасной дорогѣ среди воздѣланныхъ полей, благоухающихъ лѣсовъ, гдѣ съ дерева на дерево, пересѣкая дорогу, перелетали бѣлые какаду, порхали красные лори, а красивые синегорскіе попугаи попарно сидѣли на вѣткахъ. Проѣхавъ 7 миль, губернаторъ, замѣтя усталость непривыкшихъ къ верховой ѣздѣ моряковъ, предложилъ вернуться.

19-го числа путешественники распростились съ губернаторомъ и, поблагодаривъ его за гостепріимство, вернулись на шлюпы.

Ежедневно ѣздили они на сѣверный берегъ, гдѣ была обсерваторія и прогуливаясь по окрестнымъ мѣстамъ, знакомились съ туземцами; иногда заходили къ Бонгари, расположившемуся съ своимъ семействомъ въ сосѣднемъ лѣсу.

Губернаторъ Макварій, стараясь всѣми мѣрами пріучить туземцевъ къ осѣдлости, подарилъ Бонгари хорошенькій домикъ съ садомъ, узаконилъ его титулъ начальника и повѣсилъ ему на шею бляху. Но ни удобства жилища, ни почетъ не могли удержать дикаря на мѣстѣ; скитаніе по лѣсу и жизнь въ полупрозрачномъ шалашѣ онъ предпочелъ всѣмъ прелестямъ осѣдлой жизни.

Природные австралійцы роста средняго, худощавы; особенно сухи у нихъ руки и ноги; голова несоразмѣрно велика, цвѣтъ тѣла нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у негровъ, волосы курчавые, носы широкіе, книзу загнутые, ротъ большой и губы толстые. У многихъ отрѣзаны мизинцы на лѣвой рукѣ. На вопросъ, откуда происходитъ этотъ странный обычай, туземцы отвѣчали, что мизинецъ мѣшаетъ имъ наматывать уду и потому его въ дѣтствѣ отрѣзаютъ. Тѣло ихъ, въ иныхъ мѣстахъ, татуировано красной краскою; по лицу и тѣлу проходятъ бѣлыя полосы; въ носовой хрящъ продѣта палочка. Оружіе у туземцевъ первобытное: щитъ, копье и трезубецъ для битья рыбы. Въ этомъ они сильно отстали отъ прочихъ островитянъ южнаго моря.

Питаются туземцы преимущественно рыбою, которую жарятъ и ѣдятъ со всѣми внутренностями; кромѣ того, употребляютъ въ пищу раковъ, ракушекъ, разныхъ животныхъ, птицъ, змѣй и гадовъ; словомъ все, что попадется подъ руку.

Къ окончанію работъ на шлюпахъ поправились и

больные матросы. Свиньи и бараны также выздоровѣли; опухоли на ногахъ у нихъ прошли и они сдѣлались такъ рѣзвы, что приходилось держать ихъ на привязи, чтобъ не убѣжали въ лѣсъ.

Мая 8-го суда снялись съ якоря и вышли изъ залива. Беллингсгаузенъ вознамѣрился идти сѣвернѣе Новой Зеландіи къ острову Опаро, открытому Ванкувером, располагая проплыть между „Сердитымъ“ моремъ и „Опаснымъ Архипелагомъ“, найденнымъ Бугенвилемъ. Такъ какъ подобныя названія, непріятныя для слуха мореплавателей, отдаляютъ ихъ отъ этихъ мѣстъ, то Беллингсгаузенъ разсчитывалъ найти здѣсь что-нибудь новенькое, въ видѣ неизслѣдованныхъ острововъ или мелей.

Рано утромъ, 24-го числа, суда находились въ виду ново-зеландскаго берега. Хотя величественную гору Эгмонтъ можно было легко разсмотрѣть, но вершина ея была покрыта облаками, ниже которыхъ лежалъ снѣгъ. Отлогій берегъ у подножія южнаго исполина поросъ лѣсомъ и кустарникомъ. Утренняя роса разстилалась въ долинахъ; по мѣстамъ виднѣлся дымокъ, признакъ существованія человѣка.

Три дня шлюпы лавировали вдоль берега; 26-го числа гора Эгмонтъ совершенно очистилась отъ облаковъ и моряки увидали серебристую ея главу. Прилетѣли на „Востокъ“ два великолѣпныхъ зеленыхъ попугая, потомъ перелетѣли на шлюпъ „Мирный“. Полетавъ на шлюпахъ, попугаи не дались никому въ руки и возвратились на берегъ.

28-го установился благопріятный вѣтеръ и суда бросили якорь. Вскорѣ отъ берега отдѣлились двѣ лодки, украшенныя на носу рѣзьбою темно-краснаго цвѣта. Въ одной лодкѣ насчитывалось 23 человѣка, въ другой—16. Когда лодки подошли поближе, моряки увидали, что рѣзьба была сдѣлана довольно искусно. Она изображала

человѣческую голову съ высунутымъ языкомъ и глазами изъ зеленой раковины.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ шлюпа лодки остановились. Одинъ человѣкъ всталъ и началъ говорить что-то въ родѣ рѣчи, размахивая руками. Но такъ какъ никто его словъ не понималъ, то Беллинсгаузенъ отвѣтилъ общепонятной пантомимой; распустивъ бѣлый платокъ, онъ сталъ манить пріѣзжихъ къ себѣ. Посовѣтовавшись другъ съ другомъ, островитяне пристали къ судну. Командиръ подозвалъ старика, говорившаго рѣчь и замѣтивъ, что онъ дрожитъ отъ страха, обласкалъ его и подарилъ ему бисеру, зеркало и ножикъ. Потомъ онъ объяснилъ, что желаетъ получить рыбы, назвавъ это слово на ново-зеландскомъ языкѣ „гійка“. Старикъ тотчасъ понялъ и видимо обрадовался. Смѣясь, онъ говорилъ товарищамъ „гійка“, и они со смѣхомъ повторяли: „гійка, гійка“, выказывая знаками готовность доставить желаемое.

На пріѣзжихъ была короткая изъ ново-зеландскаго льна рубашка, застегнутая на груди базальтомъ и подпоясанная веревкою; на плечахъ — кусокъ ткани на подобіе плаща. Лица испещрены правильными фигурами темносиняго цвѣта.

Зная коварный нравъ дикарей, командиръ приказалъ матросамъ, стоящимъ на вахтѣ, постоянно имѣть при себѣ заряженныя ружья. Мѣсто стоянки оказалось неудобнымъ и на слѣдующій день оба судна перешли за островъ Мотуаръ и стали на якорь въ заливѣ Королевы Шарлотты (въ проливѣ Кука). Пріѣхали вчерашніе туземцы и привезли 7 пудовъ рыбы, за которую получили бисеру, гвоздей, зеркальце и т. п. мелочи.

Старикъ, бывшій очевидно начальникомъ, принятъ былъ командиромъ „Востока“ съ большимъ радушіемъ. Оба начальника поздоровались по ново-зеландской модѣ, обнявшись и потершись носами. Затѣмъ старика пригласили въ каюту къ офицерскому столу. Онъ всю

сервировку перебиралъ руками и съ удивленіемъ разсматривалъ, но ѣсть не принимался, пока другіе не показали примѣра; тогда осторожно и очень неловко началъ онъ класть вилкою кушанье въ ротъ. Вино пилъ неохотно. Во время обѣда Беллинсгаузенъ и его гость обмѣнивались увѣреніями дружбы, отчасти посредствомъ знаковъ и отчасти посредствомъ нѣсколькихъ знакомыхъ командиру новозеландскихъ словъ. Какъ вещественное доказательство дружбы, Беллинсгаузенъ подарилъ старику выполированный прекрасный топоръ, которому старикъ такъ обрадовался, что не усидѣлъ за столомъ, выбѣжалъ на палубу и показывая топоръ землякамъ восклицалъ: „токи! токи!“, порывисто обнимая командира.

Прочихъ зеландцевъ угощали на шканцахъ сухарями, масломъ, кашею и ромомъ. Они ѣли охотно, но пили мало, что служило лучшимъ доказательствомъ рѣдкаго посѣщенія этихъ странъ европейцами.

Послѣ обѣда дикари сѣли въ два ряда другъ противъ друга и начали пѣть довольно мелодично и согласно. Одинъ запѣвалъ, другіе подхватывали, оканчивая громко и обрывисто. Нѣсколько разъ повторялось тоже самое и все вмѣстѣ очень напоминало наше крестьянское пѣніе.

Пробывъ на шлюпѣ довольно долго, зеландцы уѣхали, усердно приглашая моряковъ посѣтить ихъ.

Вечеромъ, Беллинсгаузенъ приказалъ выстрѣлить изъ нѣсколькихъ пушекъ и пустить ракеты, чтобы увѣдомить жителей другихъ острововъ о прибытіи кораблей.

На слѣдующій день опять пріѣзжали туземцы на „Мирный“ и на „Востокъ“ и добровольно помогали въ судовыхъ работахъ; когда, вытягивая веревки, они отъ напряженія падали, то громко смѣялись. Послѣ обѣда, которымъ ихъ угостили, они принялись плясать, причемъ громко пѣли, топали ногами и махали руками. Лица искривляли и глаза такъ подкатывали подъ лобъ, что

непріятно было смотрѣть. Повидимому, это была воинственная пляска.

Въ этотъ день офицеры съ командиромъ ѣздили на берегъ, чтобъ отыскать прѣсную воду. Нашли быструю рѣчку, текущую съ горъ черезъ дѣвственный лѣсъ, въ который пробраться безъ топоровъ не было никакой возможности. Ліаны, толщиною въ руку, обвивались вокругъ могучихъ деревьевъ; достигнувъ вершины, онѣ спускались внизъ и вростая въ землю, снова поднимались, перекидывались съ дерева на дерево, образуя такимъ образомъ непрерывную сѣть. Птицы, во множествѣ населяющія лѣса, услаждали слухъ путешественниковъ своимъ пѣніемъ, которое было много музыкальнѣе пѣнія туземцевъ. Оставшійся на суднѣ Завадовскій разсказывалъ, что онъ хотѣлъ купить у пріѣзжавшаго зеландца орудіе вродѣ лопатки изъ зеленаго базальта, но дикарь потребовалъ за эту вещь ни болѣе, ни менѣе какъ офицерскую шинель и, разумѣется, торгъ не состоялся.

По утру 31-го мая, Беллингсгаузенъ, Лазаревъ и нѣсколько офицеровъ съ обоихъ шлюповъ поѣхали на берегъ и остановились у одного селенія, огороженнаго отъ моря высокимъ частоколомъ. Сначала жители разбѣжались, но любопытство превозмогло страхъ и мало по малу они стали сходиться, сперва мужчины, а потомъ и женщины. Обласкавъ и одаривъ начальника и его семью, моряки поѣхали далѣе къ своему знакомцу старику. Обнялись, потерлись носами и пошли осматривать селеніе. Между жилищами, разбросанными неправильно, вилась рѣчка, берега которой были вымощены булыжникомъ. По внѣшности, дома туземцевъ напоминали нукагивскіе, но внутри они были отдѣланы старательнѣе. Вездѣ виднѣлись излюбленныя туземцами рѣзныя фигуры, выкрашенныя въ красный цвѣтъ. Въ домѣ начальника, по стѣнамъ, обтянутымъ циновками, висѣло туземное оружіе и множество рѣзныхъ человѣческихъ изображеній. Мо-

Военная пляска туземцевъ Новой Зеландіи въ заливѣ королевы Шарлоты.
(Рисунокъ очевидца Н. Михайлова.)

ряки полагали, что это ново-зеландскіе божки, но провѣрить этого предположенія имъ не удалось. Въ лѣсу, на толстомъ деревѣ, на высотѣ 20-ти футовъ отъ земли видѣли они шалашъ, подъ которымъ развѣшана была шкура альбатроса и пучки перьевъ, связанныхъ на подобіе султановъ. Вѣроятно, это была могила какого нибудь мѣстнаго вождя или святого.

При прощаньѣ, старикъ велѣлъ принести жезлъ, вырѣзанный въ видѣ алебарды и украшенный раковыми глазами. Принимая подаваемый ему жезлъ, Беллинсгаузенъ вообразилъ, что старикъ его даритъ и велѣлъ, было, матросу отнести подарокъ на судно; но старикъ закричалъ благимъ матомъ и уцѣпился за жезлъ. Тогда командиръ понялъ, что онъ желаетъ продать эту вещь и далъ ему два аршина краснаго сукна. Старикъ очень обрадовался и съ торжествомъ показывалъ землякамъ свое пріобрѣтеніе.

Возвращаясь на шлюпы, моряки проходили мимо обработанныхъ участковъ и видѣли большія корзины, наполненныя только что вырытымъ картофелемъ. Они взяли нѣсколько клубней и нашли, что они очень вкусны. Далѣе, набрали столько дикой капусты и сельдерея, что хватило на офицеровъ и всю команду на одну варку щей.

На слѣдующій день Лазаревъ и Завадовскій, съѣхавъ на берегъ, попробовали было погулять по лѣсу, но за невозможностью въ него пробраться, должны были повернуть обратно. Птицы, непапуганныя человѣкомъ, пролетали такъ близко, что крыльями задѣвали гуляющихъ. Поймали небольшую черную птичку съ просѣдью на шеѣ и двумя курчавыми перышками на груди. Она высвитывала какъ нашъ соловей.

1-го іюня офицеръ, ѣздившій на берегъ за водою, былъ на обратномъ пути застигнутъ бурею; баркасъ залило водою и офицеръ долженъ былъ выбросить за бортъ 15 бочекъ. Буря продолжалась двое сутокъ при

порывистомъ вѣтрѣ, громѣ и молніи. Раскаты грома, повторяемые эхомъ, были ужасны. Когда буря миновала, люди поѣхали искать выброшенныя бочки. Туземцы успѣли уже изловить нѣкоторыя изъ нихъ и занимались сниманіемъ обруча; при первомъ же требованіи, они безпрекословно отдали бочки матросамъ.

Во время недѣльной стоянки шлюповъ въ заливѣ Королевы Шарлоты, не проходило дня, чтобы туземцы не привозили разныхъ предметовъ для мѣны. Искусство ихъ въ рѣзьбѣ дерева и камня поражало путешественниковъ тѣмъ болѣе, что почти вся работа производилась крайне несовершенными орудіями. Неудивительно, что дикари дорожили каждымъ гвоздемъ и давали за него прехорошенькія вещи.

Старый начальникъ почти ежедневно обѣдалъ у Беллинсгаузена. Однажды послѣдній спросилъ его, ѣстъ ли онъ человѣческое мясо и получилъ въ отвѣтъ, что очень охотно. Такимъ образомъ подтвердились показанія многихъ мореплавателей, что новозеландцы — людоѣды. Въ концѣ XVIII столѣтія англійскій морякъ Рове съ судна „Адвенчюръ“, съѣхавъ съ 10-ю матросами на берегъ за что-то поссорился съ туземцами и былъ ими съѣденъ. Товарищи, не дождавшись возвращенія отправившихся на берегъ, послали другую шлюпку и посланные нашли на берегу только платье, головы и кости товарищей. Тоже самое, незадолго передъ этимъ, случилось съ французами.

Іюня 4-го шлюпы были совсѣмъ готовы къ отплытію. Зеландцы, пріѣхавшіе проститься, выражали непритворную горесть. Старикъ все обнималъ Беллинсгаузена и печально приговаривалъ „э-э-э“. Одинъ молодой островитянинъ хотѣлъ непремѣнно, чтобы русскіе взяли его съ собою, но земляки принялись упрашивать его остаться и онъ уступилъ ихъ просьбамъ.

Съ 4-го по 29-е іюня шлюпы находились подъ пару-

сами и нигдѣ не останавливались. Офицеры развлекали себя чтеніемъ, наблюденіями; матросы, въ свободное отъ занятій время пѣли пѣсни, играли, забавлялись русскою, казацкою и цыганскою плясками; иные танцовали даже кадрили. Командиръ поощрялъ эти увеселенія, находя, что веселость и бодрость духа самые лучшіе пособники здоровья.

На пути отъ Новой Зеландіи къ островамъ Товарищества лежитъ островъ Опаро, открытый Ванкувером въ 1791 году. Іюня 29-го „Востокъ“ и „Мирный“ находились въ виду его береговъ, откуда тотчасъ же приплыли лодки съ туземцами. Беллинсгаузенъ поманилъ дикарей, показавъ нѣкоторыя вещи и они рѣшились войти на шлюпъ. Пока командиръ здоровался съ старшиной прикосновеніемъ носа, его свита старалась что-нибудь стащить. Одинъ дикарь схватилъ спинку стула и бросился съ нею въ воду, но часовой прицѣлился въ него ружьемъ и онъ возвратилъ украденное. Когда со шлюпа „Мирный“ выпалили изъ пушки, островитяне бросились за бортъ прямо въ море.

На слѣдующій день суда подошли ближе къ берегу и туземцы пріѣхали опять. Хоть наканунѣ и было заказано имъ привезти живности, но они привезли только немного раковъ и таро. Дикари съ любопытствомъ осматривали всѣ предметы и удивлялись величинѣ судна. Одинъ мѣрилъ маховыми саженями длину шлюпа, по верхней палубѣ, ложась при каждомъ разѣ на палубу, и раскидывая руки.

Уѣзжая туземцы не сходили по трапу, а прямо бросались въ воду, что дѣлали, впрочемъ, почти всѣ дикари раньше посѣщенныхъ земель. Побывавъ на шлюпѣ „Востокъ“ и получивъ подарки, они плыли на шлюпъ „Мирный“ и знаками показывали, что ничего не получили. Попользовавшись на „Мирномъ“, они продѣлывали тѣ же штуки, возвращаясь на „Востокъ“.

Открытіе острова Молнера.
(Рисунокъ отечества И. Михайлова.

По честности, опарцы далеко уступали другимъ островитянамъ; они постоянно норовили стащить что-нибудь. На „Мирномъ“ разыгралась забавная сцена. Улучивъ минуту, когда матросы были заняты, опарецъ схватилъ одинъ корабельный инструментъ и бросился съ нимъ въ воду. За нимъ побросались и остальные, кромѣ старика старшины. Замѣтивъ пропажу, Лазаревъ велѣлъ задержать старика и знаками объяснилъ дикарямъ, что онъ не выпуститъ начальника до тѣхъ поръ, пока не будетъ возвращена вещь. Указанную матросами лодку подозвали поближе и старикъ, переговоривъ съ гребцами объявилъ Лазареву, что на лодкѣ нѣтъ ничего украденнаго. Но такъ какъ Лазаревъ продолжалъ угрожать, то обвиняемые принялись шарить въ лодкѣ, вытаскивая, то поломанную корзину, то куски камыша; потомъ поднявъ руки и раскрывъ ладони показывали, что въ лодкѣ ничего нѣтъ. Тогда Лазаревъ велѣлъ матросамъ прицѣлиться. Дикари громко закричали: одинъ изъ нихъ вытащилъ украденный инструментъ и, подъѣхавъ къ шлюпу, возвратилъ его.

Продолжая путь къ востоку, Беллинсгаузенъ изслѣдовалъ положеніе нѣсколькихъ острововъ, неправильно нанесенныхъ на карту и сдѣлалъ соотвѣтственныя поправки.

Время стояло прекрасное; экипажъ наслаждался чудными тропическими вечерами; ночи были ясныя; довольно часто пролетали метеоры.

Іюля 5-го открылся островъ, который по наружному виду напоминалъ островъ принца Генриха или Кумберлэнда, но по широтѣ и долготѣ не подходилъ къ нимъ. Беллинсгаузенъ назвалъ островъ этотъ именемъ адмирала Моллера.

Жители острова, повидимому, никогда не видали иностранцевъ и боялись ихъ. Когда офицеры на двухъ гребныхъ судахъ направились къ берегу, человѣкъ до

60 мужчинъ, вооруженныхъ пиками и деревянными лопатками, столпившись на берегу, кричали и угрожали пріѣзжимъ. Эти люди были мѣдно-краснаго цвѣта; нѣкоторые—съ бородами. Поодаль отъ нихъ стояли женщины, тоже вооруженныя пиками и дубинами. Путешественники, стараясь ободрить дикарей, бросали имъ подарки; дикари подарки брали, но непріязненныхъ дѣйствій не прекращали. Беллинсгаузенъ велѣлъ выстрѣлить изъ ружей холостымъ зарядомъ. Туземцы присѣли, иные убѣжали. При второмъ выстрѣлѣ они опять присѣли и стали со смѣхомъ мочить себя водою. Замѣтивъ ружейный огонь, они, вѣроятно, вообразили, что пришельцы хотятъ ихъ обжечь и видя, что это имъ не удается, смѣялись. Конечно, дробью можно было бы ихъ всѣхъ разогнать, но Беллинсгаузенъ не счелъ нужнымъ прибѣгать къ этому средству и предпочелъ уйти отъ негостепріимнаго острова.

ГЛАВА III.

Островъ Отаити *). Его природа и жители.

Плаваніе отъ Новой Зеландіи къ острову Отаити было чрезвычайно богато результатами. Беллинсгаузенъ открылъ и описалъ цѣлый архипелагъ острововъ, изъ которыхъ только немногіе были извѣстны Куку. Открытые острова онъ назвалъ именами извѣстныхъ русскихъ дѣятелей: графа Аракчеева, князя Волконскаго, генерала Ермолова, графа Милорадовича, Голенищева-Кутузова, Остенъ-Сакена, адмираловъ Чичагова, Крузенштерна и Грейга. Нѣкоторые изъ этихъ острововъ были обитаемы,

*) На нынѣшнихъ картахъ Таити.

на иныхъ виднѣлись кучки людей, прибывшихъ на промыслы; самые меньшіе были совершенно пустынны. Не на всѣхъ островахъ туземцы встрѣчали мореплавателей одинаково. Иные выказывали прямо враждебныя намѣренія и по дикости ихъ видно было, что они никогда не видали иностранцевъ. Другіе, напротивъ, смѣло являлись на суда и привозили предметы для мѣны. Такіе — всегда получали подарки. Одного дикаря одѣли въ красный гусарскій мундиръ и на шею повѣсили медаль. Радости его не было конца; онъ скакалъ и прыгалъ какъ ребенокъ. Съ одного острова пріѣхала флотилія съ людьми, вооруженными пиками, алебардами и арканами. Они, очевидно, хотѣли сдѣлать нападеніе. Но пущенныя съ судовъ нѣсколько ракетъ, разсыпавшихся въ воздухѣ, страшно перепугали дикарей и они поспѣшили удалиться.

Иногда офицеры съѣзжали на берегъ, преимущественно на острова необитаемые. Каждый разъ, въ такихъ случаяхъ, Беллинсгаузенъ жалѣлъ, что натуралисты отказались отъ поѣздки тогда, когда уже было поздно искать другихъ. Никакія ученыя сочиненія не могли замѣнить имъ тотъ матеріалъ, которымъ бы они воспользовались на практикѣ.

Но и не будучи натуралистомъ, нельзя было не интересоваться окружающею природою. Офицеры собирали кораллы, раковины, плоды, по большей части имъ неизвѣстные, стрѣляли птицъ и ловили ихъ живьемъ. Однажды застрѣлили крошечнаго попугая, величиной съ воробья, у котораго перья были прекраснаго синяго цвѣта, ноги и клювъ красные какъ сафьянъ. На одномъ изъ острововъ напали на дичь совершенно неожиданную: нашли четырехъ мальчиковъ и привезли ихъ съ собою.

Съ помощью знаковъ и нѣсколькихъ общеупотребительныхъ въ Южномъ океанѣ словъ удалось узнать отъ старшаго мальчика, что ихъ племя, въ войнѣ съ сосѣдями, все перебито и съѣдено и что имъ четверымъ удалось

спрятаться въ кустахъ и остаться на островѣ. Благодаря обилію плодовъ хлѣбнаго дерева и кокосовъ, новые Робинзоны не голодали; съ ними были чашки изъ кокосовыхъ орѣховъ и удочки.

Мальчиковъ вымыли, остригли и одѣли въ куртку и штаны изъ полосатаго тика. Они были очень довольны, только башмаки ихъ стѣсняли и они предпочитали ходить боспкомъ.

Всѣ вышеупомянутые острова коралловаго образованія. Такъ какъ большинство изъ нихъ открыто и описано русскими мореплавателями, то Беллинсгаузенъ счелъ себя въ полномъ правѣ назвать этотъ архипелагъ островами Россіянъ.

Вечеромъ, 21-го іюля, моряки увидали очертанія острова Отаити. Ночь была темная; густыя черныя облака висѣли на вершинахъ горъ; у взморья сверкали огни. Волны, отливая фосфорическимъ свѣтомъ, перекатывались по черному морю. Въ разныхъ направленіяхъ появлялись и исчезали огненныя струи послѣ проплывающихъ рыбъ. Картина была очаровательная.

Съ восходомъ солнца открылась еще болѣе великолѣпная панорама. Высокія горы, покрытыя лѣсами, глубокія ущелья, крутыя скалы, зеленѣющія равнины, съ кокосовыми, банановыми и хлѣбными деревьями, опрятные домики жителей, желтѣющее взморье, катящіеся съ горъ ручейки, плывущія лодки, двигающіеся по берегу туземцы, все вмѣстѣ пріятно ласкало взоръ и заставляло съ удовольствіемъ думать о ближайшемъ знакомствѣ съ островомъ, жителей котораго такъ расхваливалъ Кукъ.

Вскорѣ къ шлюпу прибылъ яликъ, европейской конструкціи. Изъ него вышелъ человѣкъ высокаго роста, весь окутанный бѣлымъ коленкоромъ. Волосы его были спереди коротко острижены, а сзади завиты въ одинъ большой локонъ. Онъ привезъ отъ отаитскаго короля, Помари, письмо на англійскомъ языкѣ, въ которомъ ко-

роль привѣтствовалъ начальника экспедиціи и посылалъ ему лоцмановъ, чтобы проводить суда въ гавань. Высокій человѣкъ и былъ одинъ изъ лоцмановъ.

Лоцмана помѣстились на шлюпы и минуя мысъ Венеры и коралловый рифъ, служащій прекраснымъ огражденіемъ отъ моря, ввели суда въ Матавайскій заливъ. На этомъ самомъ мѣстѣ въ 1767 году, капитанъ Валлисъ имѣлъ сраженіе съ островитянами, а два года спустя капитанъ Кукъ и сэръ Джозефъ Банксъ были очень дружелюбно приняты тѣми же туземцами.

Наслажденіе, которое испытывали мореплаватели, остановившись въ роскошной мѣстности послѣ продолжительныхъ странствованій между небомъ и землей, не поддается описанію. Только тотъ, кто испыталъ это чувство, можетъ его понять.

Суда стояли въ прекрасной гавани и такъ близко къ берегу, что экипажъ свободно могъ любоваться очаровательнымъ пейзажемъ. Не успѣли еще моряки убраться съ парусами, какъ отаитяне на лодкахъ, нагруженныхъ плодами, окружили шлюпы со всѣхъ сторонъ. Другъ передъ другомъ предлагали они апельсины, лимоны, кокосовые орѣхи, ананасы, бананы, куръ и яйца. Пріятныя лица и деликатные вѣжливые пріемы туземцевъ сразу расположили къ нимъ путешественниковъ. Командиръ приказалъ брать все, что привозилось; плодовъ лежало на палубѣ цѣлыя груды и матросы ѣли ихъ до отвалу.

Съ туземцами пріѣхали два матроса европейца, поселившіеся на островѣ. Одинъ изъ нихъ, американецъ Вильямсъ, долго служилъ въ россійско-американской компаніи и порядочно выучился говорить по русски. Бывши съ американскимъ судномъ на Нукагивѣ, онъ женился на нукагивкѣ и привезъ ее на Отаити. Король Помари ласково принялъ его, отвелъ ему мѣсто для постройки дома и Вильямсъ блаженствовалъ. Беллинсгаузенъ взялъ его на „Востокъ“ переводчикомъ. Другой

матросъ, англичанинъ, поступилъ переводчикомъ на шлюпъ „Мирный“. Оба матроса сообщили, что жители острова миролюбивы, благонравны и всѣ приняли христіанскую вѣру.

Подходя къ острову, моряки, на всякій случай, привели суда въ боевое состояніе: зарядили пушки и ружья, усилили караулъ, чтобы никто изъ туземцевъ не смѣлъ взойти на судно безъ разрѣшенія. Вскорѣ убѣдились они, что предосторожности эти излишни и туземцы получили разрѣшеніе являться на суда во всякое время и разгуливать по нимъ совершенно свободно. Не рѣдко съ мужьями пріѣзжали и жены.

„Король ѣдетъ! король ѣдетъ!“ раздалось на шлюпѣ около полудня. Всѣ бросились къ борту. Медленно подплывала лодка, на носу которой, на возвышенномъ помостѣ, сидѣлъ король. На кормѣ, подъ навѣсомъ, вродѣ кибитки, помѣщалась королева, ея десятилѣтняя дочь, сестра и нѣсколько красивыхъ женщинъ. На королѣ была коленкоровая рубаха, а поверхъ ея — бѣлая полоса вродѣ эпитрахили съ прорѣзомъ для головы. Низъ тѣла обернутъ коленкоромъ до пятъ. Волосы спереди острижены, а сзади завиты въ большой локонъ. Выразительное смуглое лицо, огненные глаза съ густыми нависшими бровями, толстыя губы, прикрытыя черными усами и колоссальный ростъ придавали ему истинно величественный видъ.

Королева Тире-Вагине, молодая женщина, очень пріятной наружности, одѣта была почти также какъ и король; только волосы ея были совсѣмъ острижены и прикрыты навѣсомъ изъ свѣжихъ кокосовыхъ листьевъ на подобіе зонтика, употребляемаго у насъ для больныхъ глазами. Немного ранѣе короля пріѣхалъ г. Нотъ, англійскій миссіонеръ, безотлучно жившій на островѣ съ 1797 г. и поучавшій жителей правиламъ христіанской вѣры. Онъ отлично зналъ отаитскій языкъ и Беллинге-

гаузенъ попросилъ его быть переводчикомъ во время бесѣды съ королемъ.

Взойдя на судно, король протянулъ командиру руку и всталъ у трапа, по которому поднималось его семейство. На сестрѣ королевы былъ туземный костюмъ, а на дочери европейское ситцевое платье. Свита королевы состояла изъ нѣсколькихъ красивыхъ дѣвушекъ, закутанныхъ въ бѣлыя и желтыя ткани съ узорами. Беллингсгаузенъ пригласилъ короля и его семейство въ каюту, но сестра отказалась и осталась на палубѣ нянчить королевскаго наслѣдника.

За обѣдомъ гости сидѣли по чинамъ: на первомъ мѣстѣ — Помари; по правую его руку королева, Нотъ и Лазаревъ; по лѣвую — королевская дочь и Беллингсгаузенъ. Гости ѣли и пили исправно, при чемъ король чокался, приговаривая: Рушень, т. е. за русскихъ, Александръ! Однажды онъ упомянулъ имя Наполеона, давая этимъ знать, что ему не чужды европейскія дѣла.

Отобѣдавъ, онъ спросилъ сигару, курилъ и пилъ кофе. Замѣтивъ, что художникъ втихомолку срисовываетъ его, онъ взялъ портретъ командира и выразилъ желаніе быть срисованнымъ съ этимъ портретомъ. Тогда Беллингсгаузенъ предложилъ ему предметъ болѣе подходящій — серебряную медаль съ изображеніемъ Императора и Помари остался очень доволенъ.

Командиръ повелъ короля на палубу, показалъ ему все устройство и велѣлъ салютовать его 15-ю выстрѣлами, что видимо ему очень польстило.

Въ 5 часовъ прибыла лодка съ королевскими подарками. Тутъ были четыре свиньи, множество кокосовыхъ орѣховъ, толченыя ядра этихъ орѣховъ, завернутыя въ банановые листья, хлѣбные плоды, сырые и печеные, коренья таро, бананы, яблоки и нѣсколько сахарнаго тростника. Не имѣя въ теченіе долгаго времени ничего свѣжаго, кромѣ тощихъ безобразныхъ курицъ, выщи-

павшихъ другъ у друга хвосты, моряки вдругъ окунулись въ изобиліе. Къ массѣ вымѣненныхъ продуктовъ прибавились еще щедрые подарки отъ короля. Матросы были въ восторгѣ и находили, что лучше отаитянъ нѣтъ народа на свѣтѣ. Они братались съ ними, приговаривая „юрана, юрана!“ — что на мѣстномъ языкѣ означаетъ привѣтствіе.

Въ 6 часовъ вечера, король отправилъ королеву со свитою на берегъ, а самъ остался. Когда онъ пожелалъ возвратиться, его ожидалъ уже катеръ, подъ управленіемъ мичмана Демидова. Во все время пути, на катерѣ жгли фалшфейеры, а съ шлюпа пускали ракеты. Король былъ въ восхищеніи, и когда катеръ присталъ къ берегу, у самаго его дворца, онъ выслалъ офицеру и гребцамъ въ подарокъ по 4 сажени отаитской матеріи, сдѣланной изъ коры хлѣбнаго дерева.

На слѣдующее утро, въ 8 часовъ, Беллинсгаузенъ и Лазаревъ поѣхали отдать визитъ королю и Ноту. Послѣдняго они застали дома и познакомились съ его женой. Оба супруга чувствовали себя очень хорошо на Отаити и не желали возвратиться на родину. Въ сопровожденіи Нота, моряки отправились къ королю. Короля застали на дворѣ за завтракомъ, въ кругу его семейства. Всѣ сидѣли въ кружокъ на матахъ и ѣли поросячье мясо, обмакивая его въ морскую воду, стоявшую въ полированныхъ кокосовыхъ чашечкахъ. Мясо передавали другъ другу и ѣли съ большимъ удовольствіемъ, обсасывая пальцы. Вмѣсто питья употребляли молоко кокосовыхъ орѣховъ, искусно отрубая топорикомъ головки.

Король, пожавъ гостямъ руки, сказалъ: „юрана“. По его приказанію, принесли низкія скамейки и подали свѣжаго кокосоваго молока. Этотъ напитокъ, прохладительный и вкусный, путешественники пили съ удовольствіемъ. Изъ за низкаго забора, окружавшаго королевское жилище выглядывало множество мужчинъ и женщинъ. Послѣднія

перешептывались между собою и смѣялись. Послѣ завтрака, король вымылъ руки и пригласилъ Беллинсгаузена слѣдовать за нимъ. Онъ повелъ его въ маленькій домикъ, разгороженный на двое. Въ одной половинѣ была опочивальня, въ другой — кабинетъ. Здѣсь, на полкахъ лежали англійскія книги, карты, тетради, въ которыхъ Помари дѣлалъ геометрическія чертежи, изучая геометрію по англійскимъ книгамъ.

Простившись съ королемъ, моряки, въ сопровожденіи Нота, пошли по извилистой тропинкѣ въ тѣни лимонной и апельсинной рощи гулять по острову, заходили въ жилища туземцевъ, гдѣ кромѣ низкихъ скамеекъ и большой кровати по европейскому образцу никакой мебели не было. Посѣтили церковь, по внѣшности, похожую на туземныя жилища, а по внутренности на реформатскую молельню. Отъ церкви пошли на взморье къ дому королевскаго секретаря Паофая, котораго не застали дома. Жена его сидѣла на постланныхъ матахъ и кормила ребенка; ее окружали подруги, одѣтыя очень опрятно, у всѣхъ за ушами заткнуты были цвѣты. Хозяйка показала гостямъ внутреннее устройство жилища, расположеніе котораго, отъ короля до послѣдняго простолюдина, вездѣ почти одинаково. Въ спальнѣ, около кровати стояла шкатулка, которую хозяйка по желанію гостей открыла и показала находившуюся въ ней книгу, куда Паофай записывалъ всѣ замѣчательныя событія на Отаити, собирая такимъ образомъ драгоцѣнный матеріалъ для будущей исторіи острова. На прощанье Беллинсгаузенъ подарилъ женщинамъ сережки, чѣмъ онѣ остались очень довольны.

Въ обратный путь пошли кратчайшею дорогою и встрѣтили рѣчку, черезъ которую переправились на спинахъ туземцевъ. Отдохнувъ въ домѣ Нота и освѣжившись кокосовымъ молокомъ, пошли на мысъ Венеры, гдѣ астрономъ „Востока“ Симоновъ дѣлалъ наблюденія и провѣрялъ хронометры. На этомъ же самомъ мѣстѣ,

Завтракъ у отаитскаго короля Помари.
(Рисунокъ отечества И. Михайлова).

51 годъ тому назадъ, Кукъ наблюдалъ прохожденіе Венеры и съ большой точностью опредѣлилъ долготу этого мыса.

Вернувшись на катеръ, моряки снова принимали короля и его семейство. Командиръ представилъ королю мальчиковъ, привезенныхъ съ острова Анны; король разспрашивалъ ихъ и смѣялся, когда они съ ужасомъ разсказывали, какъ непріятели поѣдали ихъ земляковъ. Замѣтивъ, что мальчики желаютъ остаться на Отаити, Беллинсгаузенъ передалъ ихъ Паофаю и его брату, военному начальнику, заручившись ихъ обѣщаніемъ принять въ этихъ дѣтяхъ участіе. Мальчики нашли на Отаити своихъ земляковъ и очень имъ обрадовались. Старшій мальчикъ привелъ одного изъ нихъ къ Беллинсгаузену и въ доказательство принадлежности его къ тому же племени показалъ татуированные знаки, которые у каждаго племени имѣютъ свои особенности.

Чтобъ занять гостей, командиръ приказалъ, когда стемнѣло, пускать ракеты. Помари восклицаніями изъявлялъ удовольствіе, но при взлетѣ каждой ракеты прятался за чью нибудь спину. Всѣ разъѣхались очень довольные и при прощаніи повторяли: юрана! юрана!

На слѣдующій день оба командира и Нотъ, гуляя по острову, зашли въ королевскую церковь, по объему больше той, которую они раньше видѣли. Эта церковь, также какъ и другіе отаитскіе дома построена безъ малѣйшаго участія желѣза. Всѣ скрѣпленія сдѣланы изъ кокосовыхъ веревокъ, выкрашенныхъ въ яркіе цвѣта. Внутренность зданія драпирована разноцвѣтными тканями; все вмѣстѣ — чрезвычайно оригинально и красиво.

Отъ церкви пошли черезъ рощу кокосовыхъ и душистыхъ деревьевъ хлѣбнаго плода и зашли навѣстить Меноно, перваго вельможу послѣ короля. Въ открытомъ шалашикѣ, на чистыхъ рогожахъ, въ одеждѣ бѣлой, какъ снѣгъ, сидѣлъ старикъ, весьма почтенной наруж-

ности. Блѣдное лицо, потухшіе глаза и впалыя щеки свидѣтельствовали о серьезной его болѣзни. Около него сидѣли его дѣти, дѣвочка и мальчикъ, на которыхъ онъ смотрѣлъ съ большой нѣжностью. Нотъ рекомендовалъ ему моряковъ и сообщилъ, что по повелѣнію Россійскаго Императора Александра они путешествуютъ по Южному океану для обрѣтенія неизвѣстныхъ странъ. Меноно спросилъ, не желаютъ ли путешественники послѣ прогулки подкрѣпиться пищею и когда они отказались, онъ велѣлъ принести кокосовыхъ орѣховъ, чтобъ они могли освѣжиться ихъ сокомъ. На прощанье Беллинсгаузенъ сдѣлалъ дѣтямъ подарки, что видимо обрадовало старика. Онъ очень сердечно простился съ путешественниками и просилъ посѣщать его.

Пока командиры были у Меноно, Завадовскій зашелъ къ Паофаю, гдѣ засталъ всѣхъ домашнихъ за рукодѣліемъ. Одни красили ткани, другіе ихъ чинили, подкладывая куски той же ткани, третьи приготовляли красную краску. Выжавъ сокъ изъ маленькихъ желтыхъ ягодъ на древесный листъ, все вмѣстѣ мяли руками и въ самое короткое время получали красную краску. Ткани склеивались крахмаломъ изъ арорута и потомъ расколачивались такъ искусно, что мѣста спаевъ нигдѣ не были замѣтны.

Наплывъ туземцевъ на шлюпы начинался обыкновенно съ ранняго утра и потому, въ воскресенье, моряки очень удивились, не видя у себя гостей. Вильямсъ объяснилъ имъ, что всѣ островитяне въ церкви. Желая посмотрѣть туземцевъ въ сборѣ, офицеры поѣхали на берегъ и высадившись, отправились въ церковь. Когда они вошли, церковь была уже полна. Островитяне въ своихъ праздничныхъ бѣлыхъ и желтыхъ одеждахъ, женщины съ заткнутыми за уши цвѣтами были очень эффектны. Увидавъ офицеровъ, королева подвинулась и дала мѣсто возлѣ себя командиру. Всѣ присутствующіе слушали со

вниманіемъ поученіе Нота, который говорилъ съ большимъ чувствомъ.

Послѣ службы офицеры посѣщали туземцевъ и, по обыкновенію, одаривали ихъ; но никто въ этотъ день не принималъ подарковъ. Такое воздержаніе было очень симпатично, особенно, если принять во вниманіе, что честные отаитцы были очень падки на подарки и ради нихъ не рѣдко прибѣгали къ лести. Улучивъ минуту, когда они оставались наединѣ съ кѣмъ нибудь изъ офицеровъ, они тотчасъ же пускали въ ходъ двѣ заученныя англійскія фразы: you—my friend, и „give me handkerchief“ *).

Выпрашиваніемъ заражены были всѣ, отъ королевскаго семейства и сановниковъ до послѣдняго простолюдина включительно. Но это выпрашиваніе было почти единственнымъ недостаткомъ отаитцевъ; они отличались честностью, добродушіемъ и услужливостью. Когда служители ѣздили на берегъ за водою, то туземцы отъ мала до велика наперерывъ старались услужить имъ и на этотъ разъ безвозмездно, зная, что отъ бѣдняковъ матросовъ они многимъ поживиться не могутъ.

Независимо отъ разныхъ бездѣлицъ, которыя изъ любезности дарились королю въ каждое его посѣщеніе, для него были припасены подарки болѣе цѣнные: красное сукно, нѣсколько байковыхъ одѣялъ, полотно, полосатый тикъ, пестрые платки, разные ситцы, зеркала, ножи, топоры, буравы и стеклянная посуда. Всякій разъ король разсматривалъ эти вещи и просилъ прислать ему ихъ, когда стемнѣетъ, опасаясь, вѣроятно, выпрашиванія со стороны своихъ сановниковъ. Всего болѣе Помари нуждался въ бѣломъ миткалѣ, такъ какъ его одежда состояла единственно изъ этой ткани. За неимѣніемъ миткаля Беллинсгаузенъ подарилъ ему нѣсколько прос-

*) Вы мой другъ, подарите мнѣ платокъ.

тынь, и Помари имъ обрадовался едва ли не болѣе всего прочаго.

Узнавъ, что суда уже готовы къ отходу, Помари сталъ упрашивать командира остаться еще на нѣсколько дней. Убѣдившись, что это невозможно, онъ выказалъ непритворное сожалѣніе. Въ одинъ изъ послѣднихъ визитовъ онъ привезъ посылку Государю Императору. „Хотя въ Россіи есть много лучшихъ вещей, сказалъ онъ, но этотъ большой матъ—работа моихъ подданныхъ, и потому я его посылаю".

Всѣхъ офицеровъ онъ одарилъ тканями, а Завадовскому сверхъ того положилъ въ карманъ двѣ жемчужины. Каждый съ своей стороны старался отдарить короля.

По просьбѣ командира, Помари прислалъ на шлюпы шесть свиней и множество плодовъ и кореньевъ. Апельсиновъ и лимоновъ набралось столько, что ихъ насолили по 10 бочекъ на каждый шлюпъ. Беллинсгаузенъ считалъ ихъ прекраснымъ противуцынготнымъ средствомъ. Кромѣ того люди ѣли ихъ въ свѣжемъ видѣ, сколько кому хотѣлось.

Въ день отъѣзда всѣ начальники пріѣхали проститься съ командиромъ. Каждый подарилъ ему по куску ткани, получивъ взамѣнъ ситецъ, стеклянную посуду, чугунные котлы и т. под. Сверхъ того, командиръ далъ чиновникамъ серебряныя, а простымъ островитянамъ бронзовыя медали съ изображеніемъ на одной сторонѣ Императора, а на другой — шлюповъ. Хотя островитяне обѣщали хранить медали, но тутъ же промѣнивали ихъ у матросовъ на платки.

Пріѣхавшія съ королевой молодыя дѣвушки пѣли псалмы и молитвы. По словамъ Нота, отаитцы сами пожелали оставить прежнія пѣсни, напоминавшія имъ языческіе обряды.

Прощаніе съ королемъ имѣло сердечный характеръ. Помари долго жалъ руку Беллинсгаузену и просилъ не

забывать его. Сойдя въ лодку, онъ нѣкоторое время стоялъ съ опущенной головой и что-то шепталъ, вѣроятно, молитвы. Когда же лодка отвалила, онъ долго кивалъ головою и дѣлалъ рукой привѣтственные знаки.

Многіе островитяне желали ѣхать въ Россію, но командиръ всѣмъ отказалъ, исполняя просьбу короля, который убѣдительно просилъ не увозить его подданныхъ.

Островъ Отаити состоитъ собственно изъ двухъ острововъ, соединенныхъ узкимъ перешейкомъ. Онъ былъ открытъ испанцемъ Квиросомъ въ 1606 г. Послѣ того посѣщали его многіе мореплаватели и давали ему разныя названія. Только со временъ Кука укрѣпилось за нимъ туземное названіе Отаити.

О жителяхъ можно сказать, что они ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы и Господь Богъ питаетъ ихъ. Множество плодовыхъ деревьевъ и питательныхъ клубней растетъ по волѣ Божіей безъ всякаго старанія со стороны человѣка.

На первомъ мѣстѣ нужно поставить хлѣбное дерево, достигающее значительной вышины и толщины. Все въ немъ идетъ въ дѣло: стволы — на постройку, смола для осмоленія лодокъ, кора для выработки тканей. Плоды островитяне пекутъ и питаются ими цѣлый годъ. Срубленное дерево начинаетъ вновь расти отъ корня и года черезъ 4 опять приноситъ плодъ.

Затѣмъ идетъ кокосовая пальма, дающая прохладительный напитокъ и ядро, которое ѣдятъ въ натуральномъ видѣ, или толкутъ; изъ него же добываютъ масло; выжимками кормятъ куръ и свиней. Выполированная кокосовая скорлупа употребляется вмѣсто посуды; изъ волоконъ плетутъ веревки; изъ зеленыхъ листьевъ дѣлаютъ шляпы въ видѣ зонтиковъ, которыя носятъ мужчины и женщины.

Яблоки отаитскія очень вкусны, но только наружные ихъ слои; внутри они тверды.

Изъ коры шелковицы туземцы приготовляютъ самыя тонкія ткани.

Бананы даютъ очень вкусные плоды; вареные молодые отростки, по вкусу, нельзя отличить отъ спаржи. Толстые листья фаро употребляются для покрышки домовъ.

Изъ крѣпкаго дерева айто туземцы дѣлаютъ пики, топоры, колотушки для разбиванія коры на ткани.

Бамбу, — родъ тростника, толщиною въ діаметрѣ отъ 2 — 3 дюймовъ, употребляется вмѣсто бутылокъ для храненія кокосоваго масла.

На островѣ водится виноградъ и хлопчатникъ, но въ небольшомъ количествѣ; фиговыя, каштановыя, лимонныя и апельсиновыя деревья разведены европейцами.

Изъ огородныхъ овощей ростутъ во множествѣ: ямсъ, таро, картофель, имбирь, ананасы, арбузы, тыквы, капуста, огурцы, перецъ и табакъ. Вообще растительность на островѣ такъ богата, что всѣхъ разновидностей перечислить нѣтъ возможности.

Климатическія условія великолѣпны. Благодаря морю и высокимъ горамъ островъ рѣдко страдаетъ отъ засухи.

Этотъ райскій уголокъ не всегда, впрочемъ, пользовался такимъ благоустройствомъ, какое засталъ въ немъ Беллинсгаузенъ. Въ 1809 году, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Помари, возгорѣлась между жителями острововъ междоусобная война. Миссіонеры удалились на острова Гуагейнъ и Айміо; туда же переѣхалъ и король. Два года островъ оставался отъ него независимымъ; когда король въ 1811 г. принялъ христіанскую вѣру, сосѣдніе островитяне также окрестившіеся, тотчасъ прислали ему подкрѣпленіе. Помари съ союзниками напалъ на отаитянъ, но потерпѣлъ пораженіе и только въ 1815 г., напавъ вторично, покорилъ островъ. Эта окончательная битва продолжалась нѣсколько дней. Когда наступило

воскресенье, король остановился и попросилъ бывшихъ съ нимъ миссіонеровъ совершить богослуженіе. Миссіонеры предупредили его, что непріятели могутъ этой остановкой воспользоваться, чтобъ на него напасть, но Помари оставался непреклоннымъ. Во время богослуженія, дѣйствительно показались непріятели, но увидавъ колѣнопреклоненное войско, остановились въ недоумѣніи. Окончивъ молитву, Помари вступилъ въ бой и остался побѣдителемъ. При этомъ онъ велѣлъ щадить побѣжденныхъ. Такое неслыханное великодушіе сильно поразило отаитянъ и было поводомъ къ принятію ими христіанской вѣры.

Когда все успокоилось, король собралъ народъ въ новопостроенную церковь и послѣ молитвы, взойдя на каѳедру, сталъ объяснять необходимость законодательства для огражденія жизни и собственности каждаго. Выслушавъ внимательно мудрую рѣчь короля, народъ въ знакъ согласія поднялъ вверхъ руки. Учрежденъ былъ совѣтъ изъ 12 сановниковъ подъ предсѣдательствомъ короля, выработано нѣсколько простѣйшихъ законовъ и съ тѣхъ поръ отаитяне благоденствуютъ.

Миссіонеры имѣютъ благотворное вліяніе не только на нравственность островитянъ, но и на общее ихъ развитіе. Многіе туземцы читаютъ и пишутъ по составленной для нихъ азбукѣ. Прежде на островѣ изъ корня „ти“ выдѣлывали ромъ, но по внушенію миссіонеровъ, король запретилъ его дѣлать, что не мало способствовало улучшенію нравственности.

Кратковременное пребываніе шлюповъ у Отаити принесло не малую пользу для науки. Географическое положеніе многихъ острововъ „опаснаго Архипелага“ было точно опредѣлено, что представляло значительныя выгоды для будущихъ мореплавателей.

Благотворно отразилось оно и на здоровьѣ тѣхъ матросовъ, у которыхъ были признаки цынготной бо-

лѣзни. Синія пятна въ три дня исчезли и силы больныхъ возстановились.

Въ 6 часовъ утра, 27-го іюля, суда снялись съ якоря и стали удаляться отъ острова, окруженныя лодками туземцевъ, провожавшихъ своихъ гостей. Постепенно отставая, лодки одна за одной скрылись, и вечеромъ только мелькавшіе вдали огоньки указывали положеніе гостепріимнаго острова. На утро, тишина и безмолвіе напомнили путешественникамъ, что они снова удалены отъ человѣческаго общества. Съ удовольствіемъ вспоминали они оживленіе послѣднихъ дней, хотя сутолока и постоянный шумъ отъ посѣтителей, въ то время, порядочно надоѣдали имъ.

Направляясь въ портъ Жаксонъ, Беллинсгаузенъ нарочно пошелъ между путями Кука и Лаперуза, чтобы послѣдовать эту мѣстность.

ГЛАВА IV.

Южный Ледовитый океанъ.

Августа 6-го показался довольно большой островъ и шлюпы легли въ дрейфъ на столько близко отъ берега, что можно было разсмотрѣть туземцевъ, бѣгавшихъ по берегу въ природномъ одѣяніи, если не считать одеждою узкую повязку вокругъ бедръ. Всѣ, даже женщины, были вооружены пиками. Увидавъ шлюпы, туземцы бросились въ лодки, человѣкъ по 6 — 10 въ каждой и принялись сильно грести. Изящная отдѣлка лодокъ поразила моряковъ. Носъ и корма были приподняты и украшены искусно врѣзанными жемчужными раковинами. Прическа дикарей отличалась оригинальностью: длинные волосы ихъ, раздѣленные на пучки, перевязаны были у корня

снуркомъ, а концы расчесаны, что придавало всей прическѣ видъ парика. На шеѣ у каждаго, вмѣстѣ съ ожерельемъ изъ выдѣланныхъ жемчужныхъ раковинъ висѣлъ обручъ, который, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказался забраломъ. Это забрало состояло изъ нѣсколькихъ обручей, соединенныхъ такъ ловко, что въ случаѣ битвы, стоило только раздвинуть ихъ и натянуть на лицо.

Втеченіе двухъ дней шлюпы держались въ дрейфѣ и островитяне нѣсколько разъ пріѣзжали на своихъ лодкахъ, привозя различные предметы для мѣны. На шлюпы они не всходили и мѣну производили на лодкахъ. Хотя они держали въ рукѣ пальмовую вѣтвь — знакъ мира, но вели себя вѣроломно. Замѣтивъ кого либо въ окнѣ каюты, они направляли въ него свои пики и наконецъ принялись бросать на шлюпъ куски коралловъ, слегка поранившихъ нѣсколькихъ матросовъ. Чтобъ проучить дикарей, Беллинсгаузенъ приказалъ сдѣлать залпъ холостымъ зарядомъ и дикари, испуганные, поспѣшили удалиться.

Лазаревъ разсказывалъ, что ему удалось заманить одного на шлюпъ „Мирный“. Взойдя на судно, дикарь съ любопытствомъ сталъ все осматривать и выражая свое удивленіе, вылъ какъ дикій звѣрь. Лазаревъ, одаривъ его, отпустилъ.

Этотъ островъ, нигдѣ на картѣ не обозначенный, Беллинсгаузенъ назвалъ именемъ Великаго Князя Александра.

Августа 19-го онъ открылъ еще два острова, давъ одному имя бывшаго въ экспедиціи художника Михайлова, а другому — астронома Симонова. На слѣдующій день мореплаватели увидали большой населенный островъ и легли въ дрейфъ, поджидая островитянъ. Вскорѣ пріѣхала лодка и въ ней 3 человѣка. Пока двое всходили по трапу, лодка опрокинулась и третій, вѣроятно, уто-

нулъ бы, если бы командиръ не поспѣшилъ послать къ нему на помощь яликъ съ матросами. Двое другихъ преспокойно смотрѣли со шлюпа какъ ихъ товарищъ боролся съ волнами, и только смѣялись.

Мало по малу стали подъѣзжать туземцы и наконецъ набралось ихъ множество. Командиръ щедро одаривалъ пріѣзжихъ, а двумъ сыновьямъ короля подарилъ сверхъ прочаго по лоскуту краснаго сукна и нѣсколько столярныхъ инструментовъ.

Вскорѣ пріѣхалъ король Фіо, сильный мужчина, лѣтъ 50-ти, обвязанный вокругъ тѣла узкимъ полотенцемъ, какъ всѣ островитяне южнаго моря. Смуглая кожа его была не татуирована; только суставы пальцевъ украшались звѣздочками.

Взойдя на шлюпъ, король привѣтствовалъ командира прикосновеніемъ носа и усѣвшись въ кружокъ на полу вмѣстѣ съ своимъ приближеннымъ Паулемъ и двумя пожилыми островитянами, знаками пригласилъ Беллингсгаузена и Завадовскаго сѣсть тоже. Когда офицеры сѣли, Фіо приказалъ принести изъ своей лодки кокосовую вѣтвь съ двумя зелеными орѣхами и передалъ ее Паулю. Взявъ вѣтвь, Пауль приподнялъ ее и началъ пѣть. Другіе два островитянина подпѣвали, а остальные хлопали въ ладоши и по своимъ ляжкамъ. Потомъ Пауль началъ надламывать каждый отростокъ вѣтви и прижимать его къ стволу, приговаривая, на распѣвъ, какія-то слова, послѣ чего всѣ запѣли и забили въ ладоши и по ляжкамъ. Вѣроятно это была пѣснь дружбы, такъ какъ островитяне всячески старались выражать свою пріязнь. Командиръ повелъ Фіо въ каюту, угостилъ его чаемъ и щедро одарилъ. По любопытству, съ которымъ король все разсматривалъ, видно было, что европейцы въ этихъ краяхъ рѣдкіе, если не первые гости. Съ приближеніемъ ночи островитяне уѣхали, а король, ожидая свою лодку, остался съ Паулемъ и еще однимъ старикомъ на шлюпѣ.

Во время ужина дикари подражали во всемъ хозяевамъ и не сдѣлали никакой неловкости. Послѣ ужина, чтобъ ихъ потѣшить, спустили нѣсколько ракетъ. Сначала дикари испугались, но увидавъ, что ракеты безвредны, стали выражать восхищеніе странными звуками съ трелью, часто ударяя пальцами по губамъ. Болѣе всего занималъ ихъ искусственный магнитъ и они очень смѣялись, когда положенная на листъ бумаги иголка бѣгала за магнитомъ, которымъ водили подъ листомъ. Въ капитанской каютѣ приготовили гостямъ постели въ повалку, но они спали безпокойно и безпрестанно выбѣгали наверхъ.

Моряки вымѣняли у туземцевъ множество интересныхъ вещей. Пики, палицы, кистени, булавы, все это было искусно обдѣлано рѣзьбою. Кромѣ оружія вымѣняли ткани, зарукавья, гребни, шпильки, разныя украшенія изъ ракушекъ, шнурки изъ человѣчьихъ волосъ и проч.

Наружностью островитяне напоминали отаитянъ. Но одежды у нихъ не было, если не считать поясовъ и неизбѣжныхъ ожерельевъ изъ ракушекъ, которыми украшены были всѣ. Иные, вмѣсто ожерелья, носили на шеѣ плетушку изъ человѣчьихъ волосъ, а на рукахъ браслеты выше локтя. У многихъ въ правое ухо вставленъ былъ довольно толстый обрубокъ, отчего ухо отвисало почти до плеча; а у иныхъ не хватало мизинца; по справкамъ оказалось, что они отрублены въ знакъ горести по умершимъ родственникамъ.

По географическому положенію острова, Беллинсгаузенъ заключилъ, что это островъ Фейсе, описанный Кукомъ. Всѣ признаки о жителяхъ были одни и тѣже. Туземцы, однакоже, называли его „Оно“ и утверждали, что на С.З. есть острова еще больше Оно. Островитяне усиленно приглашали моряковъ къ себѣ, но по разсчету времени сдѣлать этого было нельзя. 22-го

августа въ 9 часовъ утра, моряки простились съ Фіо и его подданными и пошли далѣе.

Островъ Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ малыхъ гористыхъ острововъ, окруженныхъ подводною коралловою стѣною, о которую постоянно бьетъ бурунъ. Въ иныхъ мѣстахъ стѣна эта возвышается надъ водою и прерывается только съ сѣвера, откуда и выѣзжаютъ лодки. Пологія мѣста острова обработаны и покрыты плодовыми деревьями, въ тѣни которыхъ ютятся хижины.

На пути, которымъ шли шлюпы, можно было надѣяться сдѣлать еще нѣсколько открытій, но какъ ни заманчивы открытія для мореплавателей, благоразуміе заставляло Беллинсгаузена спѣшить. Внявъ голосу разсудка, онъ взялъ курсъ къ Портъ-Жаксону, куда и прибылъ 9-го сентября.

Для ремонта „Надежды“ не нашлось готоваго лѣса и хотя губернаторъ тотчасъ же распорядился доставкою его, но рубка, возка и работа заняли почти два мѣсяца и суда могли пуститься въ плаваніе не раньше конца октября.

Неожиданная проволочка нѣсколько нарушила выработанный планъ путешествія, но во всемъ остальномъ, она была очень пріятна. Утомленные моряки подкрѣпляли свои силы въ благорастворенномъ климатѣ и провели время очень весело. Для нихъ устраивали вечера, обѣды; отъ приглашеній отбоя не было. 30-го октября шлюпъ „Востокъ“ былъ совершенно готовъ и 31-го оба шлюпа снялись съ якоря.

Новая Голландія или Австралія открыта извѣстнымъ голландскимъ мореплавателемъ Тасманомъ въ 1642 г. Островъ, лежащій къ югу, названъ Тасманомъ Вандименовой землей по имени генералъ-губернатора голландскихъ владѣній въ Остъ-Индіи. Послѣ Тасмана капитанъ

Кукъ въ 1772 году описалъ и привелъ въ извѣстность восточный берегъ, назвавъ его Новымъ Южнымъ Валлисомъ. Здѣсь англичане основали свою колонію.

Австралія страна чрезвычайно плодородная, особенно Вандименова земля, которая вполнѣ можетъ назваться житницей англійскихъ колоній.

Въ первые дни по выходѣ изъ Портъ-Жаксона погода стояла прекрасная. Офицеры каждый день выносили на шканцы взятыхъ съ собою птицъ и забавлялись ими. Тутъ были: бѣлые и одинъ черный какаду весьма рѣдкій, лоріи, королевскіе и синегорскіе попугаи, замѣчательные тѣмъ, что въ молодомъ возрастѣ, они всѣ зеленые, а потомъ, на головѣ, груди и шеѣ зеленыя перья выпадаютъ и вмѣсто нихъ выростаютъ красныя. Всѣхъ птицъ на „Востокѣ“ насчитывалось 84. Какъ только южныя голосистыя птицы появлялись въ шканцахъ, онѣ поднимали крикъ, свистъ, а какаду разговаривали по англійски. Былъ еще на шлюпѣ ручной кенгуру; онъ бѣгалъ на волѣ, игралъ съ матросами и ѣлъ все, что ему давали.

По мѣрѣ движенія къ полюсу, холодъ увеличивался и морякамъ пришлось одѣться въ суконное платье. 17-го ноября подошли они къ острову Маквари и крайне удивились, увидавъ его покрытымъ зеленью, вмѣсто снѣговъ и льдовъ, которые ожидали здѣсь встрѣтить.

Завадовскій и нѣсколько офицеровъ, съѣхавъ на берегъ, нашли взморье, покрытое морскими котами и пингвинами. Морскія птицы во множествѣ летали надъ берегомъ.

Выстрѣлъ, сдѣланный г. Завадовскимъ въ одного изъ морскихъ звѣрей, разбудилъ всѣхъ, но они только открыли глаза, замычали и опять заснули. Одинъ приподнялся на переднихъ ластахъ, разинулъ пасть и заревѣлъ. Завадовскій выстрѣлилъ въ него картечью на близкомъ разстояніи, но звѣрь не свалился; только попятился задомъ въ море и уплылъ.

Гуляя по берегу, офицеры встрѣтили множество пингвиновъ, которые не уступали дороги; приходилось ихъ

Морскіе коты.

расталкивать. Оказалось, что птицы сидѣли такъ крѣпко потому, что были на яицахъ, или вѣрнѣе на яйцѣ, такъ какъ у каждой птицы было ихъ по одному. Онѣ при-

держивали яйца лапами, прижимая къживоту. Въ такомъ положеніи птицы перемѣняютъ мѣсто, но не бѣгаютъ, а скачутъ, не выпуская яйца изъ лапъ. Г. Завадовскій взялъ съ собою нѣсколько пингвиновъ и ихъ яйца, пастрѣлялъ эгмонтскихъ куръ, разныхъ чаекъ и одного попугая.

На берегу офицеры встрѣтили партію промышленниковъ изъ Сиднея, пріѣхавшихъ на промыслъ тюленьяго жира. Эти люди жили въ землянкахъ, которыя за неимѣніемъ дровъ отапливались жиромъ.

Двигаясь тихо вдоль берега, экипажъ „Востока“ почувствовалъ вдругъ два довольно сильныхъ толчка. Бросивъ лотъ и убѣдившись, что нѣтъ никакой мели, командиръ предположилъ, что судно наткнулось на спящаго кита. Вскорѣ прибылъ съ „Мирнаго“ лейтенантъ Анненковъ съ сообщеніемъ, что они ощутили такіе же два толчка. Явилось предположеніе, что удары послѣдовали отъ землетрясенія, что и подтвердилось на слѣдующій день, когда офицеры снова съѣздили на берегъ и поговорили съ промышленниками.

Островъ Маквари, по словамъ промышленниковъ, открытъ однимъ австрійцемъ и принадлежитъ къ продолженію подводнаго хребта, котораго разныя вершины составляютъ гряды острововъ: Новыхъ Гебридъ, Новой Каледоніи, острововъ Норфолькъ, Новой Зеландіи и острова лорда Аукланда.

Ноября 27-го суда прошли 60-й градусъ южной широты, тотъ самый, на которомъ, въ сѣверномъ полушаріи лежитъ Петербургъ. По этому поводу вспоминали дорогую столицу и пили за здоровье родныхъ и друзей. Какъ будто нарочно, чтобъ напомнить объ отдаленной родинѣ, термометръ показывалъ 3° мороза и шелъ снѣгъ. Мореплаватели входили въ Южный Ледовитый океанъ, гдѣ уже начали встрѣчаться большія льдины и торосы.

На слѣдующій день суда наткнулись на неподвижный

ледъ и повернули къ востоку, въ надеждѣ обогнуть эту преграду и идти опять къ югу. Четверо сутокъ шли вдоль ледянаго поля, не видя ему конца. Съ открытаго моря наносило пловучій ледъ и большіе ледяные острова. 1-го декабря суда едва не затерло пловучимъ льдомъ. Опасность была очевидна и Беллинсгаузенъ повернулъ на сѣверъ съ тѣмъ, чтобы при первой возможности идти опять къ югу.

2-го декабря бушевала сильная буря. За густымъ снѣгомъ и мракомъ, суда каждую минуту рисковали разбиться о ледяную гору. Безпрестанно ударялись о льдины и если ударъ приходился сбоку, судно накренялось и бортомъ погружалось въ воду. Паруса и стоячій такелажъ покрыты были толстымъ слоемъ льда; при малѣйшемъ движеніи шлюпа, ледъ падалъ кусками сверху. Втеченіе цѣлаго дня суда не видали другъ друга и не слыхали обоюдныхъ сигналовъ. Экипажъ имѣлъ полное основаніе ожидать гибели. Наконецъ вѣтеръ смягчился, небо прояснилось и моряки, къ великому счастью своему, удостовѣрились, что на сей разъ они спасены, хотя суда ихъ сильно пострадали.

Пострадалъ еще одинъ изъ пассажировъ шлюпа „Востокъ“; черный какаду не вынесъ качки и умеръ въ страшныхъ судорогахъ.

Когда небо прояснилось и показалось солнце, началъ падать дождь съ парусовъ и снастей отъ таявшаго на нихъ льда. Крупныя капли, падая съ высоты, были довольно таки чувствительны.

Если полярныя моря обоихъ полушарій не благопріятствуютъ человѣку, то изъ этого не слѣдуетъ, что они мертвы. Помимо низшихъ организмовъ, въ нихъ обитаютъ животныя высшей организаціи, каковы: моржи, тюлени, сивучи въ Сѣверномъ, киты и несмѣтныя стаи птицъ въ Южномъ Ледовитомъ морѣ. Число послѣднихъ поражало моряковъ. Птицы сидѣли на каждой болѣе или

менѣе объемистой льдинѣ; иной ледяной островъ покрывали сплошь. При проходѣ шлюповъ, онѣ стаями вились около нихъ, словно радуясь неожиданному развлеченію. Почти у всѣхъ застрѣленныхъ птицъ было на брюхѣ выдавленное голое мѣсто, изъ чего можно было заключить, что слишкомъ низкая температура не позволяетъ имъ оставлять насиженнаго яйца и онѣ, подобно пингвинамъ таскаютъ его съ собою.

При хорошемъ вѣтрѣ съ юго-запада шлюпы шли къ востоку, склоняясь нѣсколько къ югу, пролагая путь между ледяными островами и мелкимъ плавающимъ льдомъ. Нѣкоторыя льдины до того походили на различныя постройки, обелиски, башни и т. п., что издали производили полнѣйшую иллюзію. Иногда со шлюповъ спускали гребное судно, чтобъ наколоть льду, который всегда давалъ прѣсную воду. Только рыхлый ледъ давалъ воду солоновато-горькую; когда же его предварительно клали въ мѣшокъ и давали проникшей въ него морской водѣ стечь, онъ давалъ воду вполнѣ годную для варки на ней пищи.

Декабря 13-го въ 8 часовъ вечера, мореплаватели въ 4-й разъ пересѣкали южный полярный кругъ и въ тотъ же день имѣли возможность любоваться полуночнымъ солнцемъ, освѣтившимъ горизонтъ. На слѣдующій день убили тюленя, спавшаго на льдинѣ.

Пробираясь между грядами ледяныхъ полей, моряки не теряли надежды, что они скоро кончатся; между тѣмъ поля болѣе и болѣе сжимались, и наконецъ 14-го декабря, въ 3 часа пополудня ледяныя поля сомкнулись совершенно и преградили путь во всѣ стороны, кромѣ сѣвера. Далѣе къ югу и востоку не было возможности податься на полмили.

Поворотивъ къ сѣверу, Беллинсгаузенъ при первой возможности опять сворачивалъ на югъ, ежеминутно мѣняя курсъ; то выходилъ изъ льдовъ, то снова врѣзы-

вался въ нихъ. Не смотря на бдительность вахтеннаго, суда не избѣгли нѣсколькихъ сильныхъ ударовъ, которые попортили у нихъ кормовую часть. Особенно было плохо во время тумановъ. Ледяныхъ острововъ не было видно; приходилось руководствоваться только слухомъ. Въ подобныя минуты шлюпы теряли другъ друга и зачастую не слыхали даже сигнальныхъ пушечныхъ выстрѣловъ; между тѣмъ выстрѣлы разрушительно дѣйствовали на льдины, сокрушая ихъ силою сжатаго воздуха. Такое разрушеніе могло быть гибельно для шлюповъ, если бы оно произошло поближе.

Однажды, во время тумана, послѣ выстрѣла, сдѣланнаго съ „Востока“ вдругъ, въ сторонѣ „Мирнаго“, послышался страшный трескъ; рушилась ледяная гора. Страшно перепуганные, моряки съ трепетомъ ожидали развязки. Мысль, что ихъ сигнальный выстрѣлъ, разрушившій льдину, могъ погубить товарищей, была въ головѣ у каждаго. Стрѣлять еще — не посмѣли. Когда, спустя нѣсколько часовъ, туманъ разсѣялся и шлюпъ „Мирный“ показался въ отдаленіи цѣлъ и невредимъ, всѣ свободно вздохнули.

Плаваніе продолжалось въ безпрестанной борьбѣ со льдами. 20-го декабря, офицеры, сидѣвшіе за обѣдомъ, почувствовали, что шлюпъ „Востокъ“ качнуло и паруса обезвѣтрились. Всѣ выбѣжали наверхъ и ужаснулись. Передъ судномъ лежалъ узкій каналъ между ледяными громадами, которыя были такъ высоки, что отняли вѣтеръ у самыхъ верхнихъ парусовъ. По счастію ходъ шлюпа былъ скорый и онъ быстро миновалъ льдину саженъ въ 200 длины, послѣ чего вершина ея съ страшнымъ трескомъ свалилась въ море. Тогда прибавили парусовъ, чтобы какъ можно скорѣе выйти изъ опаснаго мѣста. Вскорѣ показалась зыбь, что предвѣщало близость открытаго моря.

25-го декабря, въ то самое время, когда пріѣхавшій

съ „Мирнаго“ священникъ служилъ молебенъ, произошелъ страшный толчекъ и судно накренило такъ, что оно бортомъ зачерпнуло воды. Оказалось, что шлюпъ наскочилъ на затонувшую льдину и избѣжалъ гибели только потому, что ударъ послѣдовалъ въ то время, когда судно опускалось носомъ внизъ. Случись наоборотъ, ударъ раздробилъ бы подводную часть и судно пошло бы ко дну.

ГЛАВА V.

Открытіе нѣсколькихъ острововъ. Возвращеніе на родину.

Декабря 26-го Беллинсгаузенъ снова взялъ курсъ на югъ, пересѣкъ путь капитана Кука и вступилъ въ такія широты, гдѣ еще никто не бывалъ.

День Новаго Года офицеры съ обоихъ шлюповъ проводили вмѣстѣ. Уже вторично встрѣчали они этотъ день среди льдовъ южнаго полярнаго моря въ кругу тѣсной товарищеской семьи, черпая силу и бодрость въ горячей пріязни другъ къ другу.

Десятое января готовило мореплавателямъ большую радость. Въ 5 часовъ пополудня увидѣли они на горизонтѣ чернѣющееся пятно и по внимательномъ разсмотрѣніи убѣдились, что видятъ берегъ. Нѣкоторые, впрочемъ, оспаривали это мнѣніе, но когда солнечные лучи, выйдя изъ облаковъ, освѣтили спорное мѣсто, всѣ сомнѣнія исчезли. Берегъ обозначался ясно. Береговыя скалы и осыпи рѣзко чернѣли среди снѣжной пелены, покрывающей землю.

Словами невозможно выразить радости, которая озарила всѣ лица. „Берегъ! берегъ!“ переходило изъ устъ въ уста. Послѣ продолжительнаго, однообразнаго плава-

нія, среди безпрестанныхъ опасностей, такой восторгъ былъ понятенъ.

Новооткрытый берегъ подавалъ надежду на дальнѣйшія открытія; трудно было предположить, чтобъ существовалъ всего одинъ только островъ на такомъ обширномъ водномъ пространствѣ.

Вокругъ острова были широкіе, ледяные припаи, что, однакоже, не помѣшало судамъ подойти настолько, чтобъ снять островъ на карту. Особенно удалось это г. Лазареву, благодаря тому, что „Мирный“ находился въ положеніи болѣе выгодномъ въ отношеніи острова. Когда шлюпы сошлись, на нихъ подняли флаги, а люди разбѣжавшіеся по вантамъ, три раза прокричали „ура!“ Лазаревъ поздравилъ начальника съ открытіемъ острова, который былъ названъ высокимъ именемъ Петра I, создателя русскаго флота. Въ этотъ день матросы пировали и пили за здоровье благополучно царствующаго Императора Александра.

Января 17-го снова увидали землю; мысъ, простиравшійся къ сѣверу, оканчивался высокою горою, отдѣленною пологостью отъ другихъ горъ; къ югу берегъ тянулся за предѣлы зрѣнія. Сплошной ледъ не позволялъ обогнуть землю и изслѣдовать ее, а потому Беллинсгаузенъ нанесъ свою находку на карту въ видѣ береговой линіи, назвавъ ее берегомъ Александра I, виновника настоящей экспедиціи.

„Памятники, воздвигнутые руками человѣческими, говоритъ онъ, изгладятся съ лица земли всепожирающимъ временемъ, но островъ Петра I и берегъ Александра I останутся на вѣкъ непоколебимыми и передадутъ славныя имена потомству“.

Убѣдившись въ невозможности обойти берегъ Александра I, Беллинсгаузенъ рѣшилъ идти на Новую Шотландію, объ открытіи которой узналъ въ Сиднеѣ. Ему хотѣлось провѣрить точно ли это материкъ, лежащій у

полюса или только островъ. Замѣчательно, что мореплаватели, втеченіе болѣе 200 лѣтъ обходившіе Огненную Землю, не подозрѣвали, что есть земля еще южнѣе. Въ 1819 году капитанъ англійскаго купеческаго брига, Смитъ, въ борьбѣ съ противными вѣтрами, недопускавшими его до Огненной Земли, случайно набрелъ на Новую Шотландію, но опредѣлить ея положенія не успѣлъ.

Вплоть до 24-го января стояли туманы и суда плыли ощупью, огибая ледяныя поля и лавируя между льдами. Вдругъ сбоку закричали: „Видѣнъ берегъ повыше облаковъ!“. Предполагая, что усмотрѣнная земля есть именно Новая Шотландія, Беллинсгаузенъ взялъ курсъ на с.-в. вдоль берега и скоро убѣдился, что передъ нимъ островъ, а не материкъ. Дальше показался еще островъ и еще. Такимъ образомъ обнаружилось, что Новая Шотландія есть цѣлый архипелагъ. Всѣмъ этимъ островамъ Беллинсгаузенъ далъ имена. Появились на картѣ: Бородино, Малый Ярославецъ, Смоленскъ, Березина, Полоцкъ, Лейпцигъ, Ватерлоо. У Малаго Ярославца въ заливѣ увидали восемь англійскихъ и американскихъ промышленныхъ судовъ. Въ 10 часовъ утра пріѣхалъ на „Востокъ“ американскій капитанъ Палмеръ и объяснилъ, что онъ принимаетъ участіе въ товариществѣ, которое уже втеченіе 4-хъ мѣсяцевъ промышляетъ здѣсь котиковъ. Въ разныхъ мѣстахъ, судовъ товарищества было до 18 и на одномъ находился тотъ самый Смитъ, который открылъ Новую Шотландію. Онъ успѣлъ уже взять со своего открытія обильную дань, ободравъ до 60,000 котиковъ. Благодаря алчности промышленниковъ, можно было ожидать, что котики скоро отсюда совсѣмъ исчезнутъ, какъ исчезли съ острововъ Георгія и Макварія.

Простившись съ американцемъ, моряки пошли далѣе. На слѣдующій день открыли еще пять острововъ: трехъ братьевъ, Рожнова, Мордвинова, Михайлова и Шишкова.

Kill.

Около острова Мордвинова „Востокъ“ едва не наскочилъ на мель. Съ большимъ трудомъ удалось избѣжать бѣды.

30-го января, разразилась сильная буря, едва не уничтожившая паруса. Любопытно было смотрѣть, какъ пингвины, альбатросы и другія птицы укрывались между волнъ. Когда буря утихла, появились стада китовъ. Большая крупная зыбь разбивалась о ихъ спины и производила пѣну, на подобіе буруна; воздухъ былъ наполненъ водяными фонтанами. Такое явленіе видѣли путешественники въ первый разъ; до тѣхъ поръ они встрѣчали китовъ по одиночкѣ и рѣдко двухъ или трехъ вмѣстѣ.

Уже болѣе 14-ти недѣль находился экипажъ въ сыромъ и холодномъ климатѣ южнаго полушарія. „Востокъ“ походилъ на разбитаго инвалида, изнемогающаго отъ ранъ. Время года въ этихъ широтахъ наступало самое бурное. Взвѣсивъ все это, командиръ рѣшился оставить дальнѣйшія изслѣдованія и направить суда въ Ріо-Жанейро, чтобъ оттуда возвратиться въ Россію. Онъ могъ это сдѣлать съ легкимъ сердцемъ, такъ какъ настоящее плаваніе его могло назваться вполнѣ удачнымъ.

Со времени отбытія изъ Ріо-Жайнеро, т. е. съ 23-го ноября 1819 года, шлюпы подавались болѣе къ востоку, отчего полдень ускорялся и когда, обойдя кругомъ свѣта, они снова возвратились въ Ріо, у нихъ оказались лишними цѣлыя сутки. На основаніи этого, командиръ приказалъ считать 3-е февраля два дня кряду, что очень удивило матросовъ; хотя они и прежде о такихъ чудесахъ слыхали, но полагали, что издалека возвращающимся путешественникамъ свойственно разсказывать небылицы, такъ какъ ихъ никто провѣрить не можетъ. При всемъ стараніи офицеровъ растолковать матросамъ причину такого явленія, тѣ только покачивали головами.

По мѣрѣ приближенія къ Бразиліи, температура съ

каждымъ днемъ становилась теплѣе и 11 февраля можно было вынести на воздухъ птицъ, взятыхъ офицерами изъ Портъ-Жаксона. Многія изъ птицъ не выдержали суроваго полярнаго климата и подохли; оставшіяся въ живыхъ видимо повеселѣли, увидавъ небо и солнце. Съ однимъ изъ какаду случилась исторія. Онъ влѣзъ по веревкамъ на снасти и когда его оттуда хотѣли снять, онъ полетѣлъ и упалъ въ воду. Къ счастію, ходъ былъ тихъ, матросы подставили шестъ и какаду, въ испугѣ ухватился за него такъ крѣпко, что его не только свободно подняли изъ воды, но и потомъ онъ не скоро сошелъ съ шеста.

Февраля 27-го, мореплаватели увидали Ріо-Жанейро. По низу неслись облака, но верхи горъ были совершенно чисты. Вѣтеръ дулъ отъ берега и только на слѣдующій день суда могли войти въ гавань.

Сдѣлавъ визиты начальству и распорядившись ремонтомъ шлюповъ, Беллинсгаузенъ, Завадовскій и Лазаревъ поѣхали посмотрѣть стоявшій въ гавани американскій фрегатъ „Конгресъ“. Первый предметъ, который увидали посѣтители, сойдя внизъ, былъ покойникъ въ гробу. Сопровождавшій ихъ лейтенантъ сказалъ, что на пути отъ Кантона до Ріо, экипажъ въ 90 дней опустилъ въ море 70 труповъ и что на палубѣ, въ койкахъ, лежитъ еще 80 человѣкъ больныхъ. Услыхавъ такое извѣстіе, Беллинсгаузенъ поспѣшилъ ретироваться, запретивъ своимъ служащимъ имѣть сообщеніе съ фрегатомъ „Конгресъ“.

Во время пребыванія русскихъ судовъ въ Ріо-Жанейро тамъ случился государственный переворотъ. Португальскій король, Іоаннъ VI, удалившійся въ Бразилію въ 1807 году, долженъ былъ снова вернуться въ Европу, передавъ полномочія сыну своему донъ-Педро, весьма популярному принцу.

Король освоился въ Бразиліи и ему очень не хотѣ-

лось оттуда выѣхать. Онъ много разъ назначалъ день отъѣзда и много разъ откладывалъ его. Наконецъ, вынужденный обстоятельствами, онъ рѣшился уѣхать.

Для короля и его семейства приготовленъ былъ 74-пушечный корабль, названный его именемъ. Этотъ корабль сопровождала цѣлая эскадра въ 11 транспортныхъ судовъ, нагруженныхъ королевскимъ имуществомъ и продовольствіемъ для отъѣзжавшихъ съ королемъ приверженцевъ, въ количествѣ 800 человѣкъ обоего пола. Транспорты были нагружены до-нельзя; одинѣхъ курицъ на проѣздъ закупили до 30,000.

14-го августа эскадра снялась съ якоря, провожаемая салютами съ крѣпости и со всѣхъ стоявшихъ въ гавани судовъ бразильскихъ и иностранныхъ.

Спустя три дня по отъѣздѣ короля, Беллингсгаузенъ, по желанію наслѣдной принцессы, былъ ей представленъ русскимъ посланникомъ въ загородномъ дворцѣ. Принцесса обратила вниманіе на рѣдкости, собранныя командиромъ и онъ принесъ ей въ даръ нѣсколько рѣдкихъ птицъ, а бразильскому музею коллекцію оружія и костюмовъ народовъ Южнаго Океана, получивъ взамѣнъ нѣсколько минераловъ и раковинъ бразильскихъ.

Починка судовъ заняла слишкомъ два мѣсяца и только въ концѣ апрѣля „Востокъ“ и „Мирный“ могли оставить Ріо-Жанейро и отправиться къ европейскимъ берегамъ. 27-го мая шлюпы вступили въ полосу Атлантическаго океана, на 1,000 миль покрытую морскимъ растеніемъ, которое на спутниковъ Колумба, въ 1492 году, навело ужасъ. Растеніе состоитъ изъ большихъ и малыхъ кустовъ безъ малѣйшаго признака корня. Отъ стеблей идутъ вѣтви съ продолговатыми листьями и множествомъ зеленыхъ ягодъ, пустыхъ внутри.

Объ этомъ растеніи путешественники и натуралисты различнаго мнѣнія. Одни думаютъ, что трава всплываетъ на поверхность моря, оторванная рыбами и моллюсками

Видъ Рio - Жанеиро.
(По современному рисунку).

отъ подводныхъ камней и мелей; другіе полагаютъ, что она приносится теченіемъ изъ Мексиканскаго залива; Беллингсгаузенъ убѣжденъ, что ни то, ни другое не вѣрно. По свѣжести кустовъ и по тому огромному пространству, которое занимаетъ трава, онъ думаетъ, что она тутъ же и ростетъ, извлекая изъ морской воды частицы, необходимыя для ея питанія.

Это растеніе, хотя и состоитъ изъ отдѣльныхъ кустовъ, но волненіемъ и теченіями часто сплачивается и образуетъ непрерывную сѣть, въ которой благополучно проживаютъ ракушки и моллюски.

Съ 27-го мая до 5-го іюня шлюпы шли Травянымъ моремъ, названнымъ такъ испанцами и португальцами. Во все это время не могли достать дна на глубинѣ 200—270 саж.

Іюня 18-го шлюпы прибыли въ Лиссабонъ, куда при нихъ пришла королевская эскадра. Морякамъ пришлось снова быть свидѣтелями большихъ народныхъ празднествъ, помѣшавшихъ имъ хорошенько ознакомиться съ городомъ и его окрестностями.

Въ 8 часовъ утра, 28-го іюня, шлюпы снялись съ якоря и пошли въ Россію. Радостно бились сердца мореплавателей при мысли о скоромъ возвращеніи на родину. Вспоминая, съ какимъ пыломъ они стремились въ плаваніе, съ какимъ наслажденіемъ помышляли о посѣщеніи новыхъ интересныхъ мѣстъ, моряки прибавляли: „Да, хорошо въ гостяхъ, а дома еще лучше!“.

Чѣмъ больше приближались къ родинѣ, тѣмъ долѣе тянулось время. Въ Лиссабонѣ говорили: „теперь намъ до дому рукой подать!“ И въ самомъ дѣлѣ, что значилъ мѣсяцъ въ сравненіи съ трехгодичнымъ отсутствіемъ. И между тѣмъ, мѣсяцъ тянулся безконечно, хотя въ плаваніи не было никакихъ задержекъ и все шло своимъ чередомъ.

Наконецъ 20-го іюля шлюпы вступили въ свое родное Балтійское море, а 24-го пришли въ Кронштадтъ.

Все плаваніе продолжалось 751 день, изъ которыхъ якорной стоянки было 224 дня. Находясь подъ парусами втеченіе 527 дней, суда сдѣлали приблизительно 86,475 верстъ, пространство въ $2\frac{1}{2}$ раза превосходящее большіе круги на земномъ шарѣ. Въ продолженіе плаванія открыто 29 острововъ и одна коралловая мель.

Много разъ втеченіе 3-хъ-лѣтней экспедиціи экипажъ Беллинсгаузена находился на волоскѣ отъ смерти. Опасность положенія сознавала вся команда, но воодушевляемая примѣромъ начальника, она не теряла бодрости и мужественно выносила всевозможныя невзгоды и лишенія.

По возвращеніи на родину, Беллинсгаузенъ удостоился большихъ почестей. Императоръ Александръ I, принимая его въ своемъ кабинетѣ, предложилъ ему стулъ и сказалъ.

„Вы вернулись изъ далекаго путешествія и вѣроятно устали; садитесь, капитанъ“.

Не теряя времени, Беллинсгаузенъ занялся обработкою своихъ сочиненій, изданныхъ потомъ на собственныя суммы Государя Императора. Въ 1828 году, уже въ чинѣ контръ-адмирала, Беллинсгаузенъ принималъ участіе въ турецкой кампаніи; затѣмъ командовалъ дивизіей Балтійскаго флота, а въ 1839 году былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Кронштадта и въ этомъ званіи умеръ 13 лѣтъ спустя.

Посреди Екатерининскаго сквера, устроеннаго самимъ Беллинсгаузеномъ воздвигнутъ ему въ 1870 году памятникъ.

4004.